INSPIRIA

Всё хорошо

Мона Авад

INSPIRIA

Все хорошо
Мона Авад

Аннотация
Мона Авад. Всё хорошо
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

Часть вторая
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Часть третья
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Благодарности

Аннотация

«Довольно, Елена, довольно, не плачь. Не то подумают, что ты не столько чувствуешь горе, сколько выказываешь его». – *Уильям Шекспир «Всё хорошо, что хорошо кончается».*

Диапазон аллюзий Моны Авад простирается от шекспировских пьес до «Страха и отвращения в Лас-Вегасе» Хантера Томпсона и «Иствикских ведьм» Джона Апдайка, сочетая в себе остроумную сатиру, иронию, черный юмор и магический реализм.

Миранда – преподаватель в колледже и блестящая актриса в прошлом. Ее карьера была разрушена несчастным случаем – она буквально свалилась со сцены. Теперь у нее болит спина. Спина и ноги. И бедра. На самом деле боль повсюду. Несмотря ни на что, ее цель – поставить со своими студентами самую неоднозначную пьесу Шекспира «Всё хорошо, что хорошо кончается» вместо любимого театрами «Макбета». Так начинается это путешествие по искаженным реальностям Миранды, сюрреалистическое исследование

хронической боли, темы дружбы и силы женского начала.

Мона Авад
Всё хорошо

Mona Awad
ALL'S WELL
Copyright © 2021 by Mona Awad
© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Кену

Часть первая

Глава 1

Я лежу на полу и против воли смотрю, как скверная актриса из рекламы обезболивающего рассказывает о своих фальшивых муках.

«То, что моя боль не видна, — жалобно говорит она в камеру, — не означает, что ее не существует». А потом корчит гримасу, которая, вероятно, должна олицетворять ее незримые страдания. Отчаянно морщится, будто борется с запором или переживает яростный, но мимолетный оргазм. Сжимает губы в тонкую линию. Тусклые глаза ее с укором взирают куда-то вдаль — на бога, наверное. В лице ни кровинки — и вот это выглядит довольно убедительно, хоть я и понимаю, что подобный эффект достигается искусным гримом и правильно выставленным светом. С помощью искусного грима и правильно выставленного света чего угодно можно добиться, мне ли не знать.

Теперь актриса судорожно трет плечо — очевидно, именно там и живет ее невидимая боль. Но по лицу сразу видно, что это ей нисколько не помогает. Разумеется, боль по-прежнему на месте, гнездится глубоко внутри. И нам немедленно демонстрируют это самое «внутри». На

экране появляется прозрачное человеческое тело, центральную нервную систему в котором изображает тревожно-алая паутина. Она мигает, как елочная гирлянда. Видимо, потому что находится сейчас в диком напряжении. Вот отчего эта женщина так страдает. Нам снова показывают ее пепельно-серое лицо. Бедняжка корчится от боли во дворе своего загородного дома. А белокурые детишки виснут на ней, как развеселые дьяволята. Им-то невдомек, какие мучения доставляет матери алеющая у нее внутри паутина. Актриса умоляюще смотрит в камеру — вернее, прямо на меня. Реклама ведь контекстная, мне показывают ее на основании моих поисков запросов, ключевых слов, которые я неделями вбивала в «Гугл» в ту пору, когда еще надеялась поставить себе диагноз. Несчастная измученная женщина глядит на меня в отчаянии. Ей очень нужно от меня кое-что. Очень нужно, чтобы я поверила в то, что ей больно.

Но, разумеется, я не верю.

* * *

Я лежу на покрытом колючим ковролином полу, задрав ноги под прямым углом к телу. Мои икры покоятся на жестком сиденье офисного

кресла, ступни свисают с края. Одна рука на сердце, другая — на животе. В зубах дымится сигарета. В распахнутое окно, закрыть которое мне не по силам, влетают снежинки и опускаются на лицо. Предполагается, что такая поза должна снять нагрузку со спины и позволить мышцам правой ноги расслабиться. Кулак, стискивающий мою лодыжку под коленом, разожмется, и, поднявшись, я смогу распрямить ногу и не ковылять больше, как Ричард Третий. Если верить Марку, стоит мне полежать вот так, дать себе отдых, «взять у жизни тайм-аут», как мне сразу же станет легче. Я думаю о Марке. Марке — короле сухих игл и серебристых медицинских инструментов, Марке, своем в доску парне, чье лицо — воплощенная железобетонная уверенность в собственной правоте, обрамленная модной стрижкой. Марке, который всегда понимающе кивает на все мои жалобы, словно каждая из них — лишь этап великого восхождения, которое мы с ним совершим рука об руку.

Я лежу в предписанной позе, но легче мне не становится. Все левое бедро до самого колена по-прежнему медленно тлеет. Правая нога все такая же окаменелая, а ступню, хоть она и болтается в воздухе, кажется, вот-вот расплющит давящая на

нее тяжесть. Она словно оказалась под ножкой стула, на котором расселся необъятных размеров толстяк. Он настоящий садист. Улыбается мне, и на лице у него написано: «Я никогда отсюда не встану. Навечно застряну в этом якобы колледже, в котором ты якобы преподаешь. На этой твоей кафедре театроведения, занимающей две унылые комнаты в здании факультета английского языка. В этом твоем, как его, «кабинете»? Весьма замызганном, между прочим».

А этажом ниже, в жалком подобии театра, меня ждут студенты.

«Где вообще мисс Фитч?»

«Она вроде уже должна была прийти, разве нет?»

«У нас же репетиция через… Да вот прямо сейчас».

«Может, заболела?»

«Или напилась? Или колес своих наглоталась?»

«Или сошла с ума?»

Так и представляю себе своих студентов. Вот они, сидят на краю сцены, болтая своими длинными стройными ногами. Юные лица их светятся здоровьем, словно они — порождение самого солнца. Они сидят там и ждут, когда я, согнув-

шись в три погибели, проковыляю через двойные двери. Сидят и вполголоса меня проклинают, готовые в любую минуту устроить бунт. Но пока я лежу на полу и смотрю на женщину с лицом «поверьте-я-ужасно-страдаю», этого не случится. Я и сама не раз корчила такую гримасу. Перед мужчинами в белых халатах, за спинами которых маячили толстые медсестры с мертвыми глазами. Перед мужчинами в голубых форменных поло, норовящих показать мне мультфильм про боль, живущую исключительно у нас в голове. Перед мужчинами в синих врачебных одеяниях, делавших мне инъекции в позвоночник и имевших неограниченный доступ к «валиуму». Перед участливыми медбратьями с глазами Бемби, которые поначалу охотно хватали ручки и принимались резво записывать с моих слов историю болезни, но через время роняли их и начинали зевать, заплутавши в темных дебрях моих россказней, которые никак не желали заканчиваться.

«Я совсем потеряла надежду, — говорит женщина из рекламы, — но потом доктор прописал мне «искоренин».

Тут на экране появляется подсвеченная волшебным белым светом таблетка. Одна половинка

— желтая, как логотип популярнейшего американского фастфуда, другая — голубая, как форменное поло реабилитолога. Того, например, который как-то заявил мне про это самое лекарство: «Оно наверняка вам поможет». В углу его кабинета жался интерн/летописец и тщательно фиксировал наш диалог в ноутбуке, время от времени со страхом поглядывая на меня. А я стояла, потому что сидеть в то время физически не могла, возвышалась над ними обоими, как искривленное ветром дерево. Пачка этих таблеток до сих пор валяется где-то в ящике для нижнего белья среди стрингов и кружевных чулок, которые я больше не ношу, потому что внутри у меня все умерло.

Пытаюсь нажать кнопку «плей» в нижнем левом углу экранчика «Ютьюб», чтобы убрать этот жуткий ролик и включить тот, который я изначально собиралась посмотреть. «Все хорошо, что хорошо кончается» — пьеса, которую мы со студентами ставим в этом семестре — акт первый, сцена первая. Судьбоносный монолог Елены.

Ничего. В воздухе по-прежнему крутится желто-голубая таблетка.

«Воспроизведение начнется после рекламы», — обещает мне маленький прямоугольник в

нижнем углу экрана. Выхода нет. Остается только лежать и слушать, как «искоренин» возвращает людям надежду. Кажется, это единственное обезболивающее, которое я не стала пробовать, испугавшись описанных в инструкции побочных эффектов. Куда деваться? Расслабься и смотри, как дрянная актриска идиллически раскатывает на велосипеде вместе с любезным симпатичным мужчиной, своим фальшивым мужем. Явно надежный парень, даже клетки на его рубашке внушают уверенность в завтрашнем дне. Чем-то смахивает на мужика с упаковки бумажных полотенец, которые я покупаю в тщетной надежде расшевелить увядшую похоть. И на моего бывшего мужа Пола. Разница только в том, что этот улыбается своей фальшивой жене. А не качает головой и не говорит: «Не знаю, Миранда, честно сказать, ты ставишь меня в тупик».

Тук-тук. В дверь стучат.

— Миранда?

Я затягиваюсь сигаретой. Теперь нам демонстрируют романтическое свидание. Актриса и ее фальшивый муженек ужинают в ресторане при свечах. Жрут устриц, чтобы отпраздновать ее возвращение из страны мертвых. Хлещут шампанское, поднимая тосты за ее вновь обре-

тенное здоровье, забыв о том, что сочетать этот препарат с алкоголем строжайше запрещено. Он встает из-за стола и протягивает ей руку, приглашая потанцевать. А ее переполняют эмоции. В глазах блестят слезы. И вот эта женщина танцует, отрывается вместе со своим благоверным на дискотеке, существующей только в рекламе обезболивающих. Музыки нам не слышно. Предполагается, что зритель (я) сам вообразит ее себе, пока ласковый, благостный, не обремененный моральными терзаниями голос перечисляет возможные побочные эффекты лекарства, включающие почечную недостаточность и некоторые виды рака крови.

— Миранда, ты здесь? Пора начинать репетицию.

Мне стыдно за эту актрисулю, так неубедительно изображающую отвязное веселье на танцполе. Стыдно, как преподавателю актерского мастерства, как режиссеру. И все же, глядя, как она кружится со своим фальшивым мужем, растянув губы в фальшивой улыбке, радуясь тому, что избавилась от фальшивой боли, я спрашиваю себя: «А сама-то ты когда в последний раз танцевала?»

Тук-тук.

— Миранда, нужно спускаться.

Пауза, раздраженный выдох. И чудо — удаляющиеся прочь шаги.

А в рекламно-таблеточном мире тем временем наступает вечер. Просто вечер, на этот раз — не романтический. Воскресенье, время побыть с семьей. Актрисуля сидит в палатке со своими фальшивыми детьми, которых каким-то волшебным образом смогла выносить в затянутом паутиной чреве. И муженек рядом — с этим своим бумажно-полотенчатым торсом и улыбкой, как с тюбика зубной пасты. Он всегда рядом, заверяет эта улыбка. Он терпеливо ждал, пока жена вернется к нормальной жизни. Пока ее тело станет чуть больше похоже на человеческое. Герой, настоящий герой, убеждает меня реклама. Вокруг скачут их счастливые отпрыски. Потолок палатки увит рождественскими гирляндами, напоминая изображения рая периода раннего Нового времени. Женщина глядит на детей, на мерцающие огоньки и нежно улыбается. Лицо у нее теперь не дряблое и не серое. Кожа посвежела и приобрела почти нормальный оттенок. Лоб разгладился. Она победила запор, она справилась. Больше того, теперь она красит глаза. И мажет губы розовым блеском. А ее нежно-персиковые (румяна?) щеки словно светятся изнутри. Она

даже в моде стала лучше разбираться. Потому что отныне ей не плевать, что на ней надето. Ведь боль больше не мучает ее. Там прямо так и написано большими блестящими белыми буквами: «НЕТ БОЛЬШЕ БОЛИ».

Но я не верю. Все это ложь! «Врете вы!» — говорю я экрану. А потом плачу. Плачу, хотя в посетившее актрисулю счастье поверила не больше, чем в снедавшую ее боль. Дурацкая слезинка выкатывается из глаза, стекает в ухо и плещется там, обжигая кожу. Этой нежно улыбающейся тетке, этой скверной актрисе все-таки удалось меня пронять. Вся левая нижняя часть моего тела медленно тлеет. Поясницу стискивает кулак. Толстый мужик поудобнее усаживается на стоящем на моей ступне стуле, разворачивает газету и читает котировки акций.

Но вот, наконец, начинается мой ролик. Тот самый, которого я ждала. Тот, где Елена произносит свой монолог, говорит — да, во вселенной все предрешено, но я смогу это изменить.

И в ту же секунду экран ноутбука гаснет. На черном фоне появляется и исчезает изображение разряженной батарейки.

Я представляю себе шнур питания, лежащий в черном мешочке на моем письменном сто-

ле, — серый и тусклый, как отстриженный волос ведьмы. Потом перевожу взгляд на розетку, расположенную за столом, — низко-низко, у самого пола. Воображаю, как встаю, вынимаю шнур, наклоняюсь и втыкаю в нее вилку.

А сама все лежу. И смотрю в черный экран, захватанный моими собственными пальцами.

На лицо все так же сыплется снег из распахнутого окна, закрыть которое я не могу, потому что мне больно наклоняться. И пускай сыплет. Я закрываю глаза. И курю. Научилась курить с закрытыми глазами — уже что-то.

Лицо овевает ветер. «Я умираю, — думаю я. — Умираю в тридцать семь лет».

Толстяк, сидящий на установленном на моей ступне стуле, смотрит на меня, приподняв очки. И прихлебывает что-то похожее на шерри. «Твое здоровье», — скалится он. Очень довольный. Потом устраивается поудобнее и снова утыкается в газету.

Я протестующе качаю головой. И шепчу — ему и собственным сомкнутым векам: «Нет! Я хочу вернуть свою жизнь! Хочу вернуть ее!»

— Эй, Миранда, ты тут? Миранда?

Кто-то негромко стучит в полуоткрытую дверь. И снова раздается голос, от которого я невольно

внутренне подбираюсь. Ярче вспыхивает пламя, крепче сжимаются кулаки, толстый мужик поднимает взгляд от газеты. Как звонко звенят в этом голосе нью-эйджевские колокольчики. Сколько в нем притворной заботы, показного утешения и тщательно продуманной стратегии. Этот голос частенько звучит в моих кошмарах. Голос Фов. Самопровозглашенного музыкального руководителя. Моего помощника. И врага.

— Миранда? — окликает этот голос.

Я не отвечаю.

А она, должно быть, обдумывает сложившуюся ситуацию. Может, ей даже видны мои торчащие над столом ступни.

— Миранда, ты там? — снова пытается достучаться до меня она.

Я все так же молчу. Ну да, прячусь. И что?

Наконец, я слышу, что она уходит. Тихие шаги удаляются прочь. Я вздыхаю с облегчением.

Но тут раздается новый голос. Решительный. Резкий. И все же не лишенный любви. Или мне просто хочется так думать.

— Миранда?

— Да?

Грейс. Моя коллега. Моя ассистентка. Моя… в последнее время я не решаюсь сказать «подру-

га». Мы с ней — единственные преподаватели некогда процветавшей, а ныне прозябающей институтской программы театроведения. Те самые сучки с факультета английского языка. Руководство безжалостно порезало нам учебные планы, оставив от них жалкие крохи. И это наша с Грейс общая боль. Разница в том, что у Грейс должность постоянная. А я, вот уже четыре года занимающая в колледже место доцента, нахожусь в куда более шатком положении.

— Где ты? — спрашивает она.

— Тут, — отвечаю я.

Наконец-то заметив меня, она решительно топает к моему столу. На ногах у нее «Тимберлэнды», хотя никаких гор в округе и близко нет. А поверх кофты, разумеется, надет охотничий жилет. Камуфляжный и, скорее всего, непромокаемый. Грейс всегда одета так, будто вот-вот прицелится и со спокойной совестью метко подстрелит добычу. Или же отправится в долгий опасный поход по горам. И каким бы ни был коварным и сложным рельеф, нога ее во время восхождения ни разу не оступится. Она еще и насвистывать станет себе под нос. А своим топотом распугает всех хищников в округе. Однако сейчас он приближается ко мне — этот символ

ее несокрушимого здоровья, от звука которого у меня душа уходит в пятки. Глаз я не открываю. И пытаюсь силой мысли заставить ее уйти. Интересно, получится?

Нет.

Ботинок замирает возле моей головы, почти упираясь носком в висок. Сейчас как поднимет ногу да наступит мне на лицо. Может, где-то в глубине души Грейс этого и хочется. Ведь именно так полагается поступать со слабаками. Она у нас из первопоселенцев, из древнего пуританского рода. Это ее прародительницы сжигали на кострах ведьм. Женщины, не знавшие простуд. Крепкие, несгибаемые, крутобедрые. Не дававшие спуску соплячкам, бездельницам и любительницам жечь шалфей[1]. Я представляю их себе — прапрабабушек Грейс в перешитых под платья мешках из-под картошки, украшенных бледными увядшими цветами. Вот они стоят на Плимутском камне или каком-нибудь другом неприветливом берегу. Может быть, даже с вилами в руках. Темные тусклые волосы их скручены в тугие пучки, а выбившиеся пряди развеваются на ветру, предвещающем конец света, пережить

[1] Notes: 1

Окуривание шалфеем — ритуал, применявшийся в индейских шаманских практиках. (*Здесь и далее прим. пер.*)

который под силу им одним.

Маленькие яркие глазки Грейс скользят по мне, оценивая ситуацию. Взгляд ее я ощущаю на себе так же остро, как и то, что здоровье, которым она пышет, — неподдельное, не является следствием искусно наложенных румян. Грейс не спрашивает, зачем это я с засыпанным снегом лицом лежу перед отрубившимся ноутбуком. Она уже не первый раз застает меня на полу в странной позе. По поводу строжайше запрещенного в здании факультета курения она тоже ничего не говорит.

Просто подходит к окну и берется за створку.

— Или, может, ты хочешь, чтоб я его оставила открытым? — спрашивает она, отлично зная ответ.

— Нет-нет, — отзываюсь я.

Она легко захлопывает окно. А я, лежа на полу и все так же таращась в потолок, ощущаю эту легкость всем телом, и на мгновение меня охватывает ненависть к Грейс. Да, я ненавижу ее. Мне хочется заползти в ее испещренную веснушками кожу, вытеснить из нее саму Грейс и поселиться внутри. Как легка, как счастлива, как безмятежна стала бы тогда моя жизнь.

Грейс вынимает из моих пальцев потухший окурок — с кончика срывается столбик пепла, и

меня словно осыпает волшебной пыльцой — и выбрасывает его в мусорное ведро. Потом плюхается за мой стол, вытаскивает из моей пачки сигарету и закуривает. Это наш с ней секрет, крошечный бунт на двоих — незаконное курение в кабинете и театре. Да и вообще везде, где нам это может сойти с рук. Желтый ботинок раскачивается над моим лицом туда-сюда.

— Слушай, Миранда, они тебя ждут.

— Да-да, — отзываюсь я. — Я просто хотела дать спине отдых перед репетицией. Еще пара минут.

Повисает долгая пауза. Спросит она или не спросит? Решится ли открыть ящик Пандоры?

— С тобой все в порядке?

— Все хорошо, — лгу я. — Ну, знаешь, обычные проблемы.

Я пытаюсь улыбнуться, показать голосом, что закатываю глаза, но ничего не выходит. Из моего рта вырывается какой-то жеманный скулеж. Как же я все это ненавижу. На месте Грейс я бы точно раздавила себе лицо.

— Понятно.

Она отпивает воды из бутылки и разглядывает меня, лежащую на полу. Смотрит на закинутые на сиденье кресла ноги в дырявых колготках и выставленные на обозрение пальцы с нестри-

женными ногтями.

— Что ж, как только будешь готова… — начинает она.

— Я готова, — заверяю я.

И не трогаюсь с места.

— Хорошо. Прекрасно. Тогда не буду мешать.

Она поднимается, чтобы уйти. И меня захлестывает паника.

— Грейс?

— Да?

— Как они сегодня?

— Ты о чем?

— Ну, как… Как у них настроение?

— Как у них настроение? — повторяет она.

— Они… Они не собираются бунтовать?

— Там видно будет, — подумав, отвечает Грейс. — Как бы там ни было, они ждут тебя в зале.

— Миранда, хочешь, сегодня кто-нибудь из нас проведет занятие? Это вполне можно устроить. А ты… передохнешь.

Это предлагает Фов, которая, оказывается, все это время молча стояла в дверях. Я поднимаю глаза на Грейс. «Почему ты не сказала мне, что она там?» Грейс косится на меня. И отчего-то я чувствую себя оленем, которого она только

что подстрелила. А теперь окидывает взглядом, проверяя, убила ли добычу наповал или стоит из милосердия загнать в нее еще одну пулю.

— Бедро? — спрашивает она.

— Да.

— Ой, а я думала, что у тебя спина больная, — встревает Фов.

Мне ее не видно, но я чувствую, как она маячит в дверном проеме со всеми этими своими колокольчиками и перьями. Сжимает в руках серебристо-голубой блокнотик, куда наверняка записывает все мои промашки и прегрешения ручкой, которая вместо кулона болтается на цепочке у нее на шее. Аккуратно выведенные мерцающими чернилами строки притворного участия. Ей не терпится поделиться своим открытием с Грейс.

«Мне она говорила, что у нее спина больная».

«А мне, что бедро».

— Спина тоже, — объясняю я. — То и другое.

Молчание.

— Я сейчас спущусь, хорошо? — говорю я.

— Помочь тебе встать? — спрашивает Грейс.

«А сама-то даже о помощи не просит».

«Да она постоянно просит о помощи».

«Но Миранде ничего не помогает».

— Нет. Но спасибо.

— Что ж. — Грейс бросает окурок в мою чашку. — Пойду-ка я вниз.

Фов видела, что Грейс курила, но и словом об этом не обмолвилась. Застань она с сигаретой меня — что уже не раз случалось, — начала бы демонстративно кашлять. И яростно махать рукой в воздухе, словно разгоняя мошкару. А потом настрочила бы что-то в своем блокнотике. Но Грейс она просто улыбается сквозь облачко дыма.

И говорит:

— Я с тобой. Мне нужно снять копии с кое-каких бумаг.

— Отлично.

«Что это за имя такое — Фов? — как-то спросила я у Грейс, когда мы сидели в баре после репетиции. — Как по мне, похоже на кличку». Та покосилась на мой почти опустевший бокал и промолчала.

Они уходят вместе. Может, даже держась за руки, воображаю я. Хотя праматери Грейс наверняка спалили бы прародительниц Фов на костре. Всех этих отбрасывающих изящные тени бледных женщин с загадочными улыбками и волосами, похожими на птичьи перышки. Женщин, от которых пахло полынью и двуличием.

Как Грейс и Фов умудрились подружиться, для меня загадка. То есть нет, не загадка, я догадываюсь, когда это произошло. Думаю, все случилось после нашей с Грейс размолвки. Даже не сомневаюсь, что Фов тут же предложила себя мне на замену. Как всегда, бесшумно проскользнула на мое место.

Я так рада, что их шаги стихли. Даже пожирающее меня пламя немного унялось. И толстяк исчез — должно быть, отошел налить себе чаю.

Я встаю, и на мгновение меня посещает отчаянная надежда. Но нет. Левая половина тела по-прежнему пылает. А правую прошивают болезненные спазмы. Правая нога как будто сделана из цемента. Кулаков, сжимающих позвоночник, стало больше. А тот, что держал ногу под коленом, стиснулся так крепко, что распрямить ее теперь точно не удастся. Остается только хромать. На ступню по-прежнему давит невидимый вес. Пожалуй, расскажу об этом Марку во время нашей следующей встречи. Но поверит ли он, пробьют ли мои жалобы железобетонную стену его уверенности?

«Наша конечная цель, — скажет Марк во время сеанса, вонзая иглы мне в спину и бедро, — централизация. Нам нужно переместить ощущения

(он имеет в виду боль) из отдаленных областей (это он про ноги) к их источнику (спине)».

«Отдаленные области, — пробормочу я. — Как поэтично».

Слово «поэтично» Марка смутит.

«Полагаю, можно и так это воспринимать». Он пожмет плечами и покосится на меня с подозрением. Как будто все мои проблемы проистекают именно из такого отношения.

Беру пузырек с наклейкой «В случае сильной боли примите одну таблетку» и вытряхиваю из него сразу две капсулы. А потом еще три из пузырька «Принимайте по одной таблетке при мышечных спазмах». Затем заглядываю в припорошенные белым оранжевые недра бутылочек и на мгновение задумываюсь, не проглотить ли все оставшиеся пилюли разом. Снова открыть окно. Упасть на пол. Подставить лицо падающему снегу. Прижать руку к груди и слушать, как стучит, постепенно замедляясь, сердце, пока оно не остановится вовсе. Утром меня, наверное, найдет Джо, уборщик. Я буду лежать тут, вся такая очаровательно посиневшая. И он всплакнет обо мне. Всплакнет ли? Представляю себе, как он всхлипывает, уткнувшись в ручку метлы. Ведь именно так умирают героини сказок?

Достаю перекрученный тюбик геля с какими-то сомнительными горными травами, геля, который, по уверениям мужчин в белых халатах, форменных поло и синих одеяниях, может мне помочь, геля, который совершенно не помогает. «А вы попробуйте», — говорили они, пожимая плечами и улыбаясь, как Чеширские коты. Я втираю его в поясницу и бедро, убеждая себя, что что-то же он сделает. Я ведь уже это чувствую. Чувствую, правда?

Конечно.

Он определенно что-то делает.

Глава 2

Вхожу в театр и вижу, что студенты, как мне и представлялось, сидят на краю сцены и болтают ногами. Лица их сияют, но что творится в головах — не поймешь. Намечается ли бунт? Возможно. Сложно сказать. И все же они пришли. И у каждого в руках экземпляр «Все хорошо» (с моими режиссерскими пометками) — а это уже что-то. По крайней мере, они не сложили из распечаток ритуальный костер. Пока. И на том спасибо. Третья репетиция. Все они уже разбились на группки с учетом социальной иерархии, именно так, отдельными стайками, сейчас и сидят. Не улыбаются. Не хмурятся. Ждут. Смотрят своими юными глазами, уверенные, что и впрямь способны что-то увидеть. В центре, разумеется, Бриана, моя бездушная прима, моя Елена, ничем этой роли не заслужившая. Рядом с ней — Тревор, ее бойфренд, играющий Бертрама. А Элли, конечно, жмется в углу. Элли, серая мышка, моя сероглазая любимица. Гадкий утенок с прекрасной душой. В прошлом году она играла кормилицу в «Ромео и Джульетте». А в этом ей досталась роль недужного Короля, хотя из нее вышла бы прекрасная

Елена. Все остальные студенты для меня просто море, тусклое бесталанное море, и роли им я раздала соответствующие. Они со скучающим видом пялятся на меня, отмечая, какой изможденный у меня вид, и откровенно зевают мне в лицо.

Нога каменеет. Улыбнувшись, я говорю:

— Всем привет.

Студенты здороваются в ответ. Обычно меня хоть немного вдохновляют их ладные фигуры и сияющие юностью лица. Они ведь и в самом деле очаровательны. Но сегодня я чувствую лишь страх.

«Вам когда-нибудь доводилось ставить спектакли?» — спросил меня декан во время собеседования.

«Конечно, — лживо закивала я. — Шекспира. Брехта. Чехова. Беккета, разумеется. На Беккете я просто собаку съела».

Студенты смотрят на меня и, очевидно, ждут, когда я заговорю. Потому что обычно я ведь что-то им говорю, так ведь? Как они реагируют на мои слова? Пробуждают ли они что-то у них в душе? Воодушевляют ли их? Я все забыла. А ведь сегодня слова особенно нужны. Для поднятия боевого духа. Они уже успели несколько раз прочитать пьесу. Пьесу, которую я им навязала, несмотря на

то, что сами они хотели ставить другую. И теперь чувствуют себя обиженными. Сбитыми с толку. «Мисс Фитч, мы не понимаем. Почему? Почему вы заставляете нас играть вот это?»

Вдоль позвоночника струится холодный пот, правую ногу еще сильнее скручивает судорогой. С ужасом осознав, что я сутулюсь и кренюсь набок, я опираюсь о стол. И стараюсь выдавить из себя дружелюбную улыбку. Ведь я их друг, так? Все помнят? Представляю, как они отзываются обо мне: «Мисс Фитч старается изо всех сил, но она очень неорганизованная и во время дискуссий всегда теряет контроль над аудиторией. Будь она хоть чуть-чуть похожа на настоящего режиссера, мы бы куда больше пользы извлекли из этих занятий».

— Как ваши дела? — спрашиваю я.

Стараясь произнести это приветливо и жизнерадостно. Но ничего не выходит. Студенты пялятся на меня пустыми глазами. Тогда я переключаюсь в другой режим. Напускаю на себя таинственность. Врубаю дым-машину воображения, сжимаю губы в тонкую линию. Но в последнее время актриса из меня никудышная. Даже они понимают, насколько я неубедительна.

— Хорошо, — нестройно отзываются некоторые.

А другие молчат. Или хлопают глазами. Но вот Бриана, моя ведущая актриса, и не думает моргать. Наоборот, ее зеленые, как листва, глаза широко открыты. И разглядывают меня с откровенно стервозным выражением. Разумеется, она подмечает, что на прошлой неделе я приходила на занятия и репетиции в том же самом свободного кроя платье, синем с оранжевыми цветами. И растянутая черная кофта, в обвисших карманах которой гремят пузырьки с лекарствами, тоже на мне была.

По глазам видно, что Бриана меня оценивает.

«Не смей меня судить, сучка мелкая!»

— Что, Миранда? — переспрашивает Грейс.

— Что?

— Ты вроде что-то пробормотала.

— Нет-нет, тебе послышалось.

Грейс молчит. Молчат и студенты.

«Мисс Фитч в последнее время не только опаздывает на репетиции, она, кажется, вообще из ума выжила».

«Мисс Фитч разговаривает сама с собой. Ей-богу, я сама слышала».

— Что ж, — начинаю я. И голос у меня такой

трепетный, такой нежный, прямо цветущая в поле ромашка из рекламы обезболивающего. — Давайте сразу перейдем к делу. Акт первый, сцена первая? Монолог Елены?

Никто не трогается с места.

— Ребята, начинаем? Пожалуйста?

Ничего. Я уже готова их умолять. Как же мы дошли до жизни такой? Определенно, режиссер из меня паршивый. А они, без сомнения, по-прежнему ненавидят выбранную мной пьесу. Сидят, уставившись на меня, и распечатки подрагивают в их неплотно сжатых пальцах, готовые в любую минуту шлепнуться на пол.

Вспоминаю, как месяц назад мы устраивали на этом же самом месте читку, и прошла она просто ужасно. Сколько было вопросов… Даже не вопросов, обвинений!

«Все хорошо, что хорошо кончается», мисс Фитч? А это вообще Шекспир написал?»

«Мисс Фитч, а зачем нам именно ее ставить?»

«Вроде на этот год «Шотландская пьеса» была запланирована, разве нет?»

«Мисс Фитч, я тут ничего не понимаю. Почему эта девчонка бегает за парнем, который на нее и смотреть не желает? Фигня какая-то, нет, ну правда».

«Мисс Фитч, а разве мы не «Шотландскую пьесу» в этом сезоне ставим?»

«Мисс Фитч, а я вроде слышал, что у нас «Шотландская пьеса» в этом году».

Дрожащим голосом я пыталась объяснить им свое, припорошенное «валиумом» видение этой пьесы, но мне так и не удалось их переубедить. Они не кивали. Не улыбались. Даже не моргали. Только обменивались презрительными взглядами, не заботясь о том, что я могу их заметить. Если бы я произнесла свою режиссерскую речь хоть немного увереннее, не запиналась так часто, может, они бы сейчас были на моей стороне. Я же слишком надолго замолкала и, не буду скрывать, временами вообще уходила в себя. Так что Грейс то и дело приходилось покашливать и окликать меня: «Миранда? Миранда. Миранда!»

«Что?»

«Ты начала говорить…»

«Ах, да. Я начала говорить… О чем я говорила?» Именно так, им приходилось напоминать мне, о чем шла речь.

И пялились они на меня в тот день так же, как сейчас.

Слушайте, я понимаю, что профессиональным актером никто из этих ребят не станет. В

колледже даже полноценного театрального факультета больше нет, осталась лишь крохотная кафедра театроведения, которая жива исключительно нашими с Грейс стараниями. И ежегодная постановка одной из пьес Шекспира — внеклассное мероприятие. У нас тут всего лишь кружок по интересам. Никаких рычагов давления на студентов у меня нет. Я только прикидываюсь, что могу с ними совладать. «Я прикидываюсь, вы прикидываетесь, а в итоге выходит полная лажа». И все же. И все же посмотрите только, чего нам удалось добиться. Мы дважды принимали участие в региональных шекспировских конкурсах. И дважды занимали девятое место.

Легкое покашливание. Оборачиваюсь и вижу, что у бокового входа стоит высокий мужчина в заляпанных краской джинсах и футболке с Black Sabbath. На лицо ему падают длинные золотистые пряди. Он виновато улыбается. Это Хьюго, мой декоратор и механик сцены. Стоит мне взглянуть на него, как сердце в груди сжимается, а внутри вспыхивает никому не нужный огонь. Господи, что он здесь делает? Нельзя показываться ему на глаза в таком виде. Впрочем, Хьюго не смотрит на меня, он вообще никогда на меня не смотрит. Взгляд его устремлен на сложенные в глубине

сцены доски.

— Простите, что помешал, — обращается он к студентам и кивает на доски. — Я мигом.

— Конечно, — отзываюсь я.

И, как полная дура, зачем-то взбиваю рукой волосы. Но Хьюго уже направляется к сцене. Когда он проходит мимо, меня обдает запахом дерева, и я едва удерживаюсь, чтобы не прикрыть глаза.

— Мы только начали, так ведь? — обращаюсь я к студентам.

Все по-прежнему молча таращатся на меня. Только Бриана теперь усмехается.

— Мисс Фитч? — наконец, начинает Тревор, подняв руку, как на уроке.

Тревор. Обладатель длинных каштановых волос. Жутко высокий. Не всегда способный контролировать свое тело и природное обаяние. Пока он не открывает рта, смотришь на него и думаешь — Байрон. Джордж Эмерсон из «Комнаты с видом». Сейчас вскарабкается на дерево и заведет речь о красоте и истине. Однако Тревор — сущее разочарование. Ромео у него в прошлом году вышел снулый, то и дело теребил свой меч. И все же в нем что-то есть. Вероятнее всего, волосы. У Тревора очень выразительные волосы.

— Да?

— Можно мне спросить кое-что о пьесе?

О боже, нет.

— Да?

— Ну, я тут на днях снова ее перечитал. — Он показательно перебирает пальцем страницы. — И как-то у меня с ней не складывается.

Нет, это не вопрос. Я закрываю глаза. И улыбаюсь в черноту.

— С чем именно?

— Честно? Да со всем!

Алая паутина внутри бешено мерцает. Цементная нога крошится. Я открываю глаза. И смотрю на Тревора, прекрасного, завораживающего в своем идиотизме.

— Можешь поконкретнее?

— Взять хоть завязку, — говорит Тревор. — Сюжет. Персонажей. Не знаю, я ни с кем из них не могу себя ассоциировать.

Я разглядываю его слегка сжатые, обтянутые перчатками без пальцев руки. Поэтичные волосы, которым слишком часто приходится компенсировать недостаток душевной чуткости. Очаровательный, непонятно откуда взявшийся в январе загар. Обнимающие юную шею бусы из раковин каури. С харизмой у Тревора проблемы, но он высокий, и, если решит взбунтоваться,

другие к нему примкнут.

— Поняла. Что ж, Тревор…

— А главная героиня? — продолжает Тревор.

— Елена.

— Ага. Вот ее я вообще не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

Осторожнее, Миранда. Осторожнее.

— Не знаю. — Он пожимает плечами. — Просто мне она кажется не особо привлекательным персонажем. Она какая-то… жалкая.

Теперь он смотрит прямо на меня. А я резко кренюсь влево, потому что моя правая цементная сторона вздумала рассыпаться в пыль. Сидящая возле Тревора Бриана делает вид, что ее этот конфликт совершенно не интересует, что это вовсе не она его спровоцировала. Не она заварила кашу. Нет-нет, она просто мимо проходила.

Я оглядываюсь на Хьюго, который по-прежнему перетаскивает доски. Не оборачивается, не обращает на меня внимания. Впервые я этому радуюсь.

Пытаюсь выдавить из себя улыбку. Не обвинять их, даже глазами. Не орать: «Вы ни хрена не понимаете!» Нет, на лице моем написано: «Я снисходительна к вашей юной искренности, к суровой глупости, которую вы по ошибке при-

нимаете за прелесть». Играю романтическую натуру, волоокую преподавательницу изящных искусств.

— Тревор, ведь она влюблена. Разве не все мы, когда влюблены, выглядим немного жалко? Разве с нами такого никогда не случалось? А с некоторыми, возможно, происходит прямо сейчас.

«С тобой, например. Марионетка Брианы!»

Тревор непонимающе таращится на меня. И снова пожимает плечами.

— Честно? Парня, в которого она влюблена, я тоже не понимаю.

— Но «парень» — это Бертрам. Тот, кого ты играешь.

— Нет, мне ясно, почему она ему не нравится, — продолжает он. — Она ведь убогая. Но ведет он себя, как козел. А в конце внезапно берет и влюбляется в нее. Притом сказано об этом буквально в одной строчке!

Он качает своей царственной головой, явно уверенный, что так не бывает. Но ведь в этой «небывалости» и заключена вся соль этой пьесы. Вся ее магия.

«Дурак», — думаю я.

— Простите?

— Я сказала, что ж, значит, Тревор, эта работа

станет для тебя серьезным вызовом, — лгу я. — Как для актера, я имею в виду.

И произнося это «как для актера», едва не начинаю хохотать. Тревор — актер. От одной мысли хочется забиться в истерике. Но я не подаю вида. Может, сама еще не окончательно утратила актерские навыки.

— И мне кажется, ты к нему готов, — добавляю я.

— Но я по-прежнему ничего не понимаю, — не сдается Тревор.

Бриана уже откровенно сияет. Может, в благодарность за это выступление потом потискается с ним в «Саабе».

— Что ж, на дворе январь. У тебя еще масса времени, чтобы во всем разобраться. Собственно, этим мы и будем заниматься на репетициях. Постигать эту пьесу — все вместе, и я с вами. А теперь…

— Мисс Фитч, вообще-то… — перебивает Тревор.

— Что? — спрашиваю я, по-прежнему улыбаясь.

Или пытаясь улыбаться. Улыбаюсь ли я вообще? Из-за лекарств я почти не чувствую своего лица. Отчаянно цепляюсь руками за спинку стула.

— Ну я просто подумал… — Он косится на Бриану, которая все так же не сводит с меня глаз. И то, как я вцепилась в стул, от нее не укрывается. — То есть мы все подумали, может, еще не поздно взять другую вещь?

Тупица. Строй из себя тупицу.

— Другую?

— Мы же хотели в этом году ставить «Шотландскую пьесу». Вы, наверное, помните?

Хьюго оглядывается. Впервые в жизни смотрит прямо на меня. Смотрит с жалостью! И щеки у меня тут же вспыхивают. Значит, я все же чувствую свое лицо. Окидываю студентов взглядом. Все они смотрят на Тревора, как на бога, даже парни.

Прекрати это. Прекрати!

— Да, помню, была такая мысль, — отвечаю я. — Мы это *обсуждали*. А потом я все хорошенько взвесила и *приняла решение*, — слово «решение» я выделяю голосом, как бы безмолвно добавляя «как режиссер», — что в этом году мы поставим «Все хорошо», вещь не менее прекрасную, но куда более захватывающую.

Оглядываюсь на Грейс в поисках поддержки. Но та смотрит на меня с видом: «Серьезно? «Куда более захватывающую?» Да брось, Миранда!»

— Это проблемная пьеса, — продолжаю я. — Не

трагедия, не комедия, то и другое. Нечто среднее. И намного более интересное.

Я пытаюсь им улыбнуться, но никто, ни Хьюго, ни даже Элли, не смотрит мне в глаза. Снова оборачиваюсь на Грейс. Она сидит в зале, уставившись в экран ноутбука, отбрасывающий легкий отблеск на ее подчеркнуто невозмутимое лицо.

«Ты вроде говорила, они не собираются бунтовать!» — взглядом укоряю ее я.

Но Грейс все так же сосредоточенно смотрит в экран. Делает вид, что изучает расписание, но я-то знаю, на самом деле она скупает туристический скарб. Или ищет аксессуары для террариума своей бородатой ящерицы. У них до смешного близкие отношения. Ящерицу зовут Эрнестом — это из уайльдовской «Как важно быть серьезным». Мне отчего-то всегда было жутко неловко наблюдать, как они с Грейс ласкаются. А меж тем это происходило всякий раз, как я бывала у нее в гостях. Она вынимала Эрнеста из террариума и сажала к себе на плечо. Он лизал ей щеку, а она жмурилась от удовольствия, даже голову запрокидывала. Просто страшно было смотреть…

— Профессор Фитч?

Элли. Как прекрасно ее печальное бледное, как луна, лицо, обрамленное неописуемо темными

— не черными, не каштановыми — волосами. Оно напоминает мне небо Шотландии ноябрьскими вечерами. Когда сквозь тучи пробивается единственный за весь день лучик солнца. И все же для меня Элли — свет.

— Да, Элли? Что я могу для тебя сделать?

Бедняжка Элли, девственница, должно быть. Единственное чадо испарившегося отца и токсичной матери, которую она втайне мечтает убить. Разумеется, влюблена в Тревора. Разумеется, ненавидит себя за это и его ненавидит тоже. Стоит ему заговорить, как на ее серебьких щечках расцветает румянец.

— А мы в этом году участвуем в шекспировском конкурсе?

— Конечно, Элли.

Заранее воображаю, как нам будут аплодировать пришедшие на спектакль подвыпившие богачи. Воображаемый запах ухоженных садов Род-Айленда пьянит и возбуждает. В лицо светит вечернее солнце. Июньское солнце, в лучах которого грациозно движутся все эти юные создания. Заставляя меня мечтать о какой-то иной жизни. Члены жюри сухо улыбаются, наблюдая за бесплодными попытками Брианы отыскать в себе душу. Идеальный лик Тревора искажают ярост-

ные гримасы скверной актерской игры. Элли же лишь изредка удается раскрыться, показать всем свое плавящееся сердце. И на краткий миг у зрителей перехватывает дыхание.

— Мне кажется, это неплохая мысль — представить на конкурс «Все хорошо». Ее уж точно никто, кроме нас, ставить не будет.

Милая моя Элли. Будь у меня дочка, я бы хотела, чтобы она была на нее похожа. Конечно, этот поезд давно ушел — мое тело истерзано и не подлежит исцелению. Элли страстно мечтает о сцене, и я это ее стремление всячески поддерживаю и распаляю. «Настанет день, когда ты распрощаешься с этими плебеями навсегда. О, как это будет чудесно! Забыть о знатоках английского языка и умельцах завязывания социальных связей, не ценящих твое своеобразие и темную грацию».

— Но разве не стоит выбрать для конкурса что-то более солидное? — спрашивает одна из подпевал Брианы, не то Эшли, не то Мишель, какое-то скучное имя, все время забываю. — А «Все хорошо» — пьеса проблемная, ее почти никогда и не ставят, — добавляет она, довольная, что удалось блеснуть почерпнутой из «Википедии» мудростью.

Кстати, Бриана пока так и не произнесла ни

слова.

— Что ж, значит, эта постановка для всех нас станет серьезным вызовом, согласны? — отвечаю я. — Я люблю сложные задачи. И определенно готова за нее взяться. А вы?

Я поскорее вцепляюсь в стул, пока не упала.

К Грейс подсаживается Фов. Сама она по-прежнему смотрит в экран, но Фов не сводит глаз с меня. Так и таращится. Всячески подчеркивая, что она тут ни при чем, она просто сторонний наблюдатель. Лицо у нее непроницаемое, но я всем существом чувствую, как она жаждет моего провала. На коленях ее лежит раскрытый голубой блокнот. В раскрашенных когтях застыла декоративная ручка, уже без колпачка. «21 января, понедельник, 17.55. Возмущенные упрямством режиссера студенты подняли бунт. Налицо явная лекарственная зависимость. Уклончивость. Нежелание слушать».

Замечаю, что Хьюго уже ушел. Даже не попрощался. Впрочем, с чего бы ему со мной прощаться? А все же сердце печально екает.

И вот, наконец, руку поднимает Бриана. Пышноволосая Бриана. Жалкая троечница, считающая, что ей за каждый вздох должны ставить пятерки. Когда читаешь ее сочинения, стано-

вится попросту страшно за будущее Америки. Так и ахнешь невольно: «Что ты несешь?» прямо на весь бар, куда забилась, чтобы нализаться «Пино Гриджио» в надежде, что так тебе проще будет поставить Бриане оценку. Бармен спросит: «Мисс, вы в порядке?» и даже руку участливо на плечо положит. А ты ответишь: «Да-да, простите» и взглянешь ему в глаза, добрые-добрые, синие-синие. И попытаешься вспомнить, когда подобные лица и торсы задевали что-то глубоко у тебя внутри, там, где теперь одиноко шуршат опавшие листья. Потом снова опустишь глаза на сочинение Брианы. Отметишь, что она выбрала шрифт «Гарамон». И соберешься вывести в левом верхнем углу четверку с минусом, хотя написано это в лучшем случае на тройку. Но вдруг задумаешься, и ручка зависнет над страницей. Представишь, как вручишь эту четверку Бриане. Как она переменится в лице, будто ее разом ужалила тысяча ос, — жаль, что, исполняя роль Джульетты, она таких эмоций не демонстрировала. Вспыхнет от стыда, потом от гнева, затем высоко вздернет подбородок. Конечно, она решит, что ты поставила ей четыре с минусом из чистого идиотизма и зависти — зависти к ее юности и красоте. Ты точно не идиотка, но твои

юные годы уже позади, а потому после занятия ты со страхом и даже каким-то подобием чувства вины будешь смотреть, как подготовившаяся к бою Бриана шествует к твоему столу, встряхивая на ходу блестящими волосами. Глаза у нее круглые, мокрые и отчаянные. Внутри диким цветком расцветает возмущение. Ведь в мире Брианы ты — всего лишь винтик в хитром механизме ее грядущего успеха. Вселенная хочет, чтобы Бриана переиграла тебя, чтобы она победила. И, выслушав ее возражения, а также помня о собственных неисчислимых неудачах, ты, в конце концов, уступишь под ее напором. И выведешь пятерку. Потому что слишком устала. Потому что от голоса Брианы у тебя не только позвоночник и бедро начинают ныть, но и вспыхивает алая паутина внутри, все быстрее мерцающая под ее пристальным взглядом. А ведь можно избавить себя от всего этого и сразу поставить ей пятерку. За которую она тебя даже не поблагодарит. Просто взглянет, как на дурацкого паука, который забрался в ее кукольный домик, но, слава богу, одумался и быстренько сдох сам. В конце концов, это ведь ее родители выделяют деньги на загибающуюся программу театроведения. Вот почему Бриана играет Елену, а в прошлом году играла

Джульетту, а еще годом ранее — Розалинду. Вот почему монолог одной из самых сложных и значительных шекспировских героинь умирает в ее бездарной глотке. И все же именно благодаря ей у тебя тут есть хоть какая-то работа, и она прекрасно об этом знает.

Самое невыносимое, что как бы я Бриану ни ненавидела, я все равно хочу ей понравиться. И то, что я ее ненавижу, тоже невыносимо, потому что — ну, серьезно, какое у нее будущее? Потрется пару лет в большом городе, на сцену, конечно, не пробьется, ведь рядом не будет отца и матери, готовых распахнуть перед ней все золотые двери. В конце концов, поймет, что она всего лишь посредственность. Выйдет замуж за биржевого брокера, начнет вести блог «Мамочка-веган». А будущих отпрысков запишет в балетную студию.

Будь взрослее, твержу я себе. Будь мудрее. Ты ведь учитель. Солги этой пышноволосой детке, скажи, что ей и остальным выпал редкий шанс принять участие в постановке пьесы, которая цепляет зрителя не оргиями и кровавой баней. В которой есть волшебство, но олицетворяют его не зловещие ведьмы. Эта пьеса не грустная, не смешная, а веселая и печальная сразу. В ней есть и свет, и тьма. Это проблемная, провокационная,

сложная и загадочная вещь. Горный цветок, выросший в тени монументальной шекспировской славы. До сих пор не затасканный по миллионам дурацких школьных постановок. К тому же она современная. И социально значимая.

— Миранда, — говорит Бриана.

Она всегда называет меня Мирандой, а не мисс Фитч. А слова «профессор» вообще никогда не употребляет. И смотрит на меня, а я съеживаюсь под ее взглядом. Съеживаюсь, можете себе представить? Готовая… К чему?

— Может быть, мы сначала немного разогреемся? — спрашивает она, уже потягиваясь в предвкушении.

Закидывает руки за голову. «Видишь, как мое тело это любит? Видишь, как сильно мне это нужно?»

И мне мерещится, что я ее убиваю. Это уже не впервые.

— Боюсь, у нас не осталось времени, нужно начинать, — возражаю я.

Всегда забываю о разминке. Ничего не могу с собой поделать. Ненавижу разминку. Ненавижу! Мне просто больно на это смотреть. На то, как легко они движутся, разогревая не нуждающиеся в разогреве суставы. Наполняют кислородом

свои и без того полные кислорода мышцы. На то, как розовеют их лица. Наблюдать за этим все равно что подглядывать, как они трахаются. Но мучительнее всего глядеть на Бриану. От вида ее стройной фигурки, грациозно движущейся в свете софитов, у меня щиплет глаза. И слезы наворачиваются. Это все равно что смотреть на солнце. Все равно как желать ослепнуть.

— Миранда, давай я проведу разминку, — тихонько предлагает Грейс.

Развернувшись, я сталкиваюсь с ней лицом к лицу. И говорю:

— Ладно. Ладно.

А сама растворяюсь в темном углу. Смотрю оттуда, как гнутся и раскачиваются их тела. Нашариваю в кармане пузырек и, даже не взглянув на этикетку, вытряхиваю на ладонь таблетку.

Глава 3

Мы с Грейс сидим в «Проныре». Это шотландский паб неподалеку от колледжа. Мы частенько заглядываем сюда после занятий и репетиций, когда нужно обсудить постановку или нет моральных сил идти домой. Грейс с жадностью поглощает бургер с картошкой фри. Так спокойно, будто никакого бунта и не было. Будто сегодня самый обычный вечер и репетиция прошла, как всегда. Будто все хорошо. Я смотрю, как она вливает в себя из кружки густое темное пиво, увенчанное пенной шапкой цвета сливок. Меня бы после такого количества точно вынесли отсюда ногами вперед. Рядом с кружкой стоит почти допитый стакан скотча. Грейс здоровая, как лошадь. Совершенно неубиваемая. Я же чахну над бокалом белого вина с содовой и тарелкой салата. Все тело пульсирует и ноет. Ногу от бедра до колена прошивают спазмы. Позвоночник стискивают кулаки. То тут, то там снова вспыхивает пламя. А унижение и гнев только подкидывают дровишек в этот костер.

— Ты в порядке? — спрашивает Грейс.

В порядке? Она в своем уме? Можно подумать,

ее там не было. Можно подумать, она не видела все собственными глазами. Хочется рявкнуть, сорвать на ней злость. Но отвечаю я:

— Все нормально.

Грейс наблюдает, как я горблюсь над тарелкой.

— Ты даже не притронулась к своему… Что это, кстати?

— Салат.

Грейс морщит нос. И снова набрасывается на свой бургер, в который, похоже, запихнули и сыр, и бекон. И, кажется, даже яичницу. Не понимаю, как это она до сих пор жива. Но нет, эта еда ее не убьет. Где-то через час, сидя в своей гостиной и пялясь в «Нетфликс», она сыто рыгнет. Потом легонько, словно послушную собачку, похлопает свой безотказный живот. А затем отправится в свою на удивление девчачью спальню — каждая поверхность в ней уставлена изящными нарядными шкатулочками, в которые не поместится больше одного кольца, а каждая стена задрапирована бледно-розовым, — рухнет на заваленную подушками кровать и уснет, как ангел. И сердце не будет истошно колотить ей в уши. И картины собственной неминуемой кончины не заставят ее лежать без сна. Она уснет глубоко, а утром, в назначенный час, проснется и выйдет на пробеж-

ку. Отдохнувшая. Готовая жить дальше.

Когда я попросила принести мне салат и шорле, Грейс скривилась, а потом, будто в качестве извинения за мою немощь, заказала себе обильный ужин.

«Просто мне из-за таблеток не стоит много пить», — объяснила я.

«Конечно, понятно», — кивнула Грейс.

Но это правда, мне в самом деле нельзя пить. Эти препараты даже друг с другом сочетать нельзя, не говоря уж о том, чтобы заливать их алкоголем. Мне их назначили два разных врача, у которых, в отличие от реабилитологов в форменных поло, есть право выписывать лекарства. Один из них косился на меня подозрительно, другой же оказался на редкость милосердным и все улыбался, благостно, как хитрый божок, которого мне посчастливилось застать в хорошем настроении. «Что ж, мисс Фитч, почему бы нам с вами не попробовать эти пилюли?»

«Да, — вскричала я. — Да! Давайте попробуем!»

«Только учтите, мисс Фитч, что с другими препаратами их сочетать нельзя».

«Нет-нет, что вы, не буду, — заверила я доброго доктора, отчаянно тряся головой. — Мне бы такое и в голову не пришло». Его белый халат сиял,

словно одеяние самого господа бога. Даже слезы на глаза навернулись.

Я отпиваю из бокала и смотрю на Грейс, которая, довольно потягивая пиво, таращится в экран телевизора над моей головой. Передают хоккейный матч. Грейс смотрит очень увлеченно, она определенно совершенно выбросила из головы разразившуюся сегодня вечером катастрофу. Что ж, она может себе это позволить.

— Как все ужасно сегодня прошло, — наконец выдаю я.

— Что? — невозмутимо переспрашивает Грейс.

— Репетиция…

— Да ладно, — пожимает плечами она. — Не так уж страшно.

— Не так уж страшно? Но как? Ты разве не видела?

— Видела, — отвечает она, не отрываясь от экрана.

— Тогда сама все знаешь. Они меня ненавидят, — шепчу я.

— Миранда, не глупи, — закатывает глаза Грейс.

— Нет, правда. Они ненавидят и меня, и пьесу.

— Боже, Миранда, ну, конечно же, они ненавидят эту пьесу. «Все хорошо, что хорошо кончает-

ся»? Да брось, серьезно?

— Это великая вещь, — бормочу я.

— Насчет величия судить не берусь. Нет, в смысле, она нормальная. Но куда ей тягаться с психами, ведьмами и убийцами?

— Ведьма там есть, — возражаю я.

— И кто же?

— Елена. Она ведь исцелила Короля.

Грейс мотает головой, словно говоря: «Отвяжись ты от меня со своей сраной Еленой». Каждый раз, когда при упоминании Елены, сраной Елены, Грейс принимается качать головой, мне кажется, что это она таким пассивно-агрессивным способом пытается донести свое отношение ко мне. «Елена не желает видеть дальше собственного носа. Елена чокнутая. Елена жутко эгоцентрична, зациклена на своих чувствах. Елена только и делает, что ноет. Во всех своих страданиях Елена виновата сама. Она представления не имеет о том, что такое настоящая боль. Давно могла бы взять себя в руки и покончить с этой навязчивой идеей».

— Она влюблена, — убеждаю я. — Это история любви.

Грейс фыркает и залпом допивает пиво.

— Больной любви.

— А мне ее любовь кажется прекрасной, — бормочу я, уставившись в стол.

— Елена живет самообманом.

— Что ж, — говорю я, — у каждого из нас свое видение этой пьесы.

— Ну да, у меня такое, — заявляет она, глядя мне в глаза.

Я разглядываю свой бокал. Она что же, намекает на те случаи, когда я, задержавшись в театре после окончания репетиции или перебрав тут, в пабе, названивала Полу, своему бывшему мужу, и рыдала в трубку?

«Миранда, у тебя все хорошо?» — участливо кричала она мне через дверь.

«Да, отлично, просто говорю по телефону».

Или, может, она догадалась о моей безответной страсти к Хьюго? Застукала, как я, забывшись, таращилась на вздувавшиеся под его футболкой мышцы спины, когда он разрисовывал деревянный задник, превращая кусок фанеры в изысканный интерьер французского дворца? Нежно, как розу, зажав в белоснежных зубах кисть?

«Грейс, тебе не кажется, что он похож на скандинавского бога? На Тора, например?»

«Нет», — бросила бы Грейс.

А Хьюго, почувствовав, что на него смотрят,

обернулся бы и увидел в темном углу мою скрюченную фигуру. «Привет, Миранда, — дружелюбно поздоровался бы он. — А я тебя и не заметил».

«Конечно, не заметил, — подумала бы я. — Ты и сейчас меня не замечаешь. И никогда не заметишь». А вслух сказала бы как всегда: «Оу!»

Может, он даже спросил бы: «Что я могу для тебя сделать?»

Увидь во мне ту женщину, какой я была когда-то. Ту, с которой ты мог бы лечь в постель. Но нет, моя страсть — хилый, давно увядший цветок. И, по правде говоря, если бы Хьюго в самом деле обернулся ко мне и сказал: «Миранда, я мечтаю оказаться с тобой наедине», я бы в ужасе поковыляла прочь. В моих фантазиях он просто находится где-то рядом, маячит в смутно эротической дымке. Многозначительно улыбается мне — иногда, в свете свечей. Но в жизни Хьюго всегда смотрит мимо меня, на висящие на стене часы. Я отрываю его от работы. Если же он и бросает на меня взгляд, то жалостливый, вот как сегодня.

— Миранда, ты меня слушаешь? — спрашивает Грейс.

— Да.

— Ты же знаешь, мне, в общем, все равно. Я просто люблю ставить спектакли. Ну а студенты

злятся, что ты решила отказаться от «Шотландской пьесы».

Ага, так и вижу, что бы из этого вышло. Бриана в роли Леди Макбет. Вся в бутафорской крови. Дефилирует по сцене, встряхивая своими пышными блестящими волосами. В вырезе белого платья виднеется усыпанная веснушками ложбинка между грудей. Вот она принимается истошно вопить про пятно. Но как ей изобразить муки и страдания, откуда взять подобный опыт? Неоткуда. Вот почему вся ее игра — чистейшая фальшь.

— Слушай, в моей жизни и так достаточно боли, — говорю я Грейс.

— Неужели тебе не хочется посмотреть на Бриану в роли Леди М?

— Не смеши, — фыркаю я.

— Тут ты права, она была бы ужасна. А вот роль Елены ей идеально подходит. Кому же еще играть девчонку, жаждущую, чтобы вселенная по щелчку выполняла все ее желания?

Я закрываю глаза. Так и подмывает сказать Грейс: «Ты ни черта не знаешь про Елену». Чтобы ее понять, нужно иметь тонкую, чуткую душу. Нужно прожить жизнь, полную боли. Нужно пожить в тени других и обрести мудрость. Уж, казалось бы, Грейс, как специалист по Оскару

Уайльду, должна понимать такие вещи!

— С Брианой мое решение никак не связано, — лгу я. — Если честно, я считаю, что и на роль Елены она не слишком подходит.

Грейс молча смотрит на меня.

— Честное слово, мне просто хотелось для разнообразия поставить что-то необычное. И я не понимаю, что здесь плохого.

— Абсолютно ничего.

— Мы сойдем с проторенной дорожки, понимаешь? Разве тебе самой не надоело смотреть, как они уродуют «Гамлета»? Или «Ромео и Джульетту»?

— Миранда, они студенты.

— Вот именно.

— Слушай, ты режиссер. У тебя были свои соображения.

Мои соображения. Знаю, Грейс относится к ним с большим подозрением.

Сколько раз она заставала меня в кабинете лежащей на полу перед ноутбуком и просматривающей на «Ютьюбе» ролик с самой собой в роли Елены? Невероятная постановка. Но запись паршивая. Снимал, должно быть, какой-то забредший на спектакль торчок с трясущимися руками. Но как же я благодарна ему за то, что

он запечатлел мою игру и зрителей, и весь тот вечер. Мне даже кажется, что я могу разглядеть в толпе Пола. Вот вроде бы его плечо, а вот кусочек обращенного к сцене лица.

Грейс не раз видела, как я, со слезами на глазах, как загипнотизированная, любовалась собой, еще не знающей, какое будущее меня ждет, своим лицом, еще не изборожденным скорбными морщинами, своей легкой, совершенно человеческой походкой.

«Миранда, ты что делаешь?» — спрашивала она, стоя в дверях.

«Ничего, — отвечала я. — Так, изучаю кое-что».

— У тебя были свои соображения, — повторяет она. — Так заставь их тебя слушаться.

Я вспоминаю, как все они смотрели на меня мертвыми глазами. Как потрескивал в воздухе этот их безмолвный вызов.

— А если они не захотят?

— Заставь. Ты же режиссер.

— Я же режиссер, — шепчу я.

Ноги под столом омертвели. Когда я, наконец, поднимусь, мне придется дорого заплатить за то, что я так долго сидела. Марк утверждает, что мне нельзя сидеть на стуле дольше двадцати минут подряд. Но другие врачи, разумеется, с ним

не согласны. Джон, например, считал, что и от тридцати минут ничего страшного не случится. Садист Мэтт твердил: «Просто вставайте каждый час, разминайте ноги, и все будет в порядке». Фаталист Люк тянул: «Да какая, собственно, разница?» «Просто прислушивайтесь к себе, пусть боль вас направляет», — слабо улыбаясь и пожимая своими скульптурными плечами, говорил доктор Харпер, хирург, оперировавший мой тазобедренный сустав. К моей операции он отнесся, как к одноразовому сексу, который наутро хочется выбросить из головы. И каждый раз, когда я приходила к нему, жаловалась, что все еще мучаюсь от боли, зачитывала список симптомов из заметок на телефоне, а потом задавала заранее подготовленные вопросы, он, стараясь не смотреть мне в глаза, бормотал что-то про «адвил» и мать-природу. А ведь был еще доктор Ренье, тот вообще считал, что мне ничего не нужно делать. Помню, как серебристым шлемом поблескивали под флуоресцентными лампами его волосы, когда он глядел на меня с этакой непрошибаемой самодовольной уверенностью. О да, он уверен был, что моя боль не имеет никакого отношения к травме бедра, за которой последовала неудачная операция, к тяжелому восстановительному пери-

оду, повлекшему за собой травму позвоночника, в результате которой у меня защемило несколько нервов. Нет-нет. Моя боль — это смерть матери, развод и рухнувшие надежды на театральную карьеру.

«Мисс Фитч, я готов прооперировать любого жителя Новой Англии, но только не вас, — с улыбкой качал головой он. — Вас я резать не стану. С чего бы? — продолжал он, ласково глядя на меня. — У вас нечего вырезать».

И я казалась себе распутницей, что сидит перед ним, бесстыдно раздвинув ноги, а он ласково, но твердо отказывается ее трахать.

«Не стоит настаивать, мисс Фитч, это даже как-то недостойно, неловко для нас обоих».

«Но я не могу ходить, — в отчаянии повторяла я. — И сидеть, и стоять».

«Мисс Фитч, — наклонялся ко мне он. — Если вы не можете ходить, поведайте, как же вы сюда попали?»

«Не знаю».

— Что? — переспрашивает Грейс. — Миранда, ты слышала, что я сказала?

— Ты сказала, что я режиссер, — шепчу я.

— Верно.

— Это не важно. Они не будут играть по пра-

вилам.

Я разглядываю этот факт словно со стороны, как будто издали любуюсь горящим костром.

— Времени еще полно. — Она кивает на метущую за окном метель, а потом подзывает официанта.

— Ты же знаешь, это всегда происходит слишком быстро. Не успеешь оглянуться, а она уже здесь.

— Кто? — спрашивает она, роясь в сумочке.

— Весна.

Меня пробирает дрожь. С тех пор, как меня назначили режиссером, я ненавижу весну. Умираю от ужаса при виде тающего снега. Содрогаюсь, увидев набухшие почки на ветвях. Запах совокупляющихся деревьев, щебет птиц, аромат влажной травы… Бриана, наверное, все это обожает. Ждет с нетерпением. Даже какие-нибудь ритуалы устраивает, чтобы весна поскорее наступила.

Я поднимаю глаза на Грейс. Лицо ее теперь словно подернулось дымкой.

— Миранда, ты уверена, что с тобой все хорошо? Ты какая-то…

— Какая?

— Не знаю. Словно ты не здесь…

— Просто… — я растираю ногу, — просто тяже-

лый период. Как-то все навалилось.

И пытаюсь натянуто улыбнуться, как будто преодолевая что-то. Острую боль, например. Это правда, мне в самом деле очень больно, но гримаса все равно выходит фальшивая. Я откровенно плохо играю. Как дрянная актрисуля из рекламы обезболивающего. Умоляю зрителя мне поверить.

И Грейс это видит. Опускает глаза. И берет из тарелки ломтик картофеля.

— Миранда, слушай, ты всегда можешь попросить о помощи. Ты ведь помнишь об этом, правда? Я же буквально на соседней улице живу. Могу в прачечную для тебя сходить. Продукты принести. Окна позакрывать, если нужно.

«А сама-то даже о помощи не просит».

«Да она постоянно просит о помощи».

— Знаю. Спасибо.

Раньше мы с Грейс тесно общались. Дружили? Пожалуй, да. Еще не так давно я чуть ли не каждый вечер по дороге домой заглядывала к ней выпить. Ложилась на пол в ее гостиной, а она сворачивалась клубочком на цветастом диване и выпускала на себя свою бородатую ящерицу. Мы ругали факультет английского языка. Жаловались друг другу, что наш курс театроведения

висит на волоске. Она просила рассказать о времени, когда я была актрисой. Или я сама заводила об этом разговор. Выпив сильнее обычного, Грейс всегда требовала историй о том лете, когда я работала в Диснейленде Белоснежкой. Почему-то эта моя роль интриговала ее куда больше, чем участие в тех или иных шекспировских постановках. Иногда мы намазывали на лица самодельную маску из розовых лепестков и смотрели один из ее излюбленных детективных сериалов. Она так и писала мне в сообщениях: *«Как сегодня насчет роз и угроз?»* А я всегда присылала в ответ смайлик, несмотря на то, что детективы она смотрела сплошь банальные, а от ее маски у меня начиналась крапивница. Мне просто хотелось побыть с Грейс. У нее в холодильнике всегда была припасена для меня бутылка белого вина. А я регулярно покупала пиво на случай, если она ко мне заглянет. И она мне сочувствовала — пускай и в этой своей жесткой, рассудочной манере.

Говорила, например: «Это тяжело».

А я отвечала: «Да» и всегда добавляла: «Но…», искренне желая закончить предложение чем-то позитивным, чтобы разрядить обстановку. Но в итоге просто замолкала. Грейс тоже ничего не говорила.

А паузу заполняла тем, что подливала мне в бокал еще вина.

Но в прошлом году, как раз накануне премьеры «Ромео и Джульетты», она вдруг заявила, что моя боль живет только у меня в голове. Заявила, не глядя на меня. Вцепившись руками в руль своего внедорожника. Не сводя глаз с исчерченного полосами лобового стекла, за которым серела новоанглийская весна. Я только что перенесла очередной бесполезный курс эпидуральных инъекций стероидов. И она везла меня домой из больницы.

«Давай я тебя заберу», — предложила она.

«Не хочу тебя напрягать», — ответила я. Я всегда так отвечала.

«Ничего страшного», — отмахнулась она. Нам обеим было известно, что больше меня забрать некому. И добавила: «Я с радостью». Но радостной при этом вовсе не выглядела.

«Ну, тебе получше?» — спросила она, когда я, прихрамывая, вышла из отделения амбулаторной хирургии.

«Через пару дней станет ясно», — отозвалась я.

Молчание. Машина тронулась.

«Хотя, скорее всего, уколы не помогут, — добавила я. — Еще ни разу не помогли».

И рассмеялась. По большей части, ради Грейс, но смешок вышел жалобный и неестественный. А потом к глазам подступили слезы. Покатились по щекам, такие горячие и нелепые. И Грейс внезапно свернула на обочину. «Слушай, Миранда, — сказала она, не глядя на меня. — Я ради твоего же блага это говорю. Тебе никогда не приходило в голову, что все это может быть…»

Пока она распиналась, мы обе смотрели вперед, на засыпанную гравием обочину.

Собственно, с того дня. С того дня мы и отдалились. Конечно, мы до сих пор вежливо общаемся, мы же профессионалы. И по привычке заходим вместе выпить после репетиции, но все изменилось. Теперь она смотрит на меня как бы со стороны. А мне хочется сказать ей: «Ты не обязана это делать. Притворяться, будто тебе интересно. Будто тебе не наплевать».

Но говорю я:

— Спасибо, я очень это ценю. И ты права, в итоге все уладится.

— Что уладится?

— Ну, проблемы с постановкой.

— Конечно, уладятся. Миранда, это ведь, в конце концов, всего лишь пьеса.

— Конечно. Ты права. Всего лишь пьеса, — лгу

я.

— Ну ладно, — заключает она, — мне, пожалуй, пора. Ты идешь?

Я воображаю, как ковыляю к своему жалкому подобию машины. К черному «Жуку», который Пол когда-то подарил мне на тридцатилетие. До сих пор помню, как он улыбался мне сквозь лобовое стекло, подгоняя машину к дому. Даже воткнул маленький букетик ромашек в пластиковую вазочку. В те времена я еще могла более или менее грациозно влезть в маленькую низкую машинку. И мысль о том, что после предстоит из нее вылезать, не заставляла меня содрогаться от ужаса. Теперь же я заранее представляю, как мучительно будет забираться в «Жук». Корчиться в машине по дороге к дому. Вылезать из нее. Карабкаться на крыльцо, подволакивая омертвелую ногу. На обледенелых ступенях наверняка уже сидит обдолбанная комендантша нашего дома и прихлебывает текилу прямо из бутылки. И мне придется из последних сил стоять перед ней и слушать ее разглагольствования о погоде. Надо же, сколько снега навалило, она никак такого не ожидала! Стиснув зубы, отвечать ей. Изображать голосом веселье, натягивать на лицо улыбку. О, поверьте, когда-то я была очень хорошей ак-

трисой.

— Нет-нет, ты иди, а я, наверное, еще посижу. Выпью немного. Послушаю волынку.

Грейс смотрит на мой пустой бокал. Потом на меня. Третий стакан? Волынка? Я что, издеваюсь? И где это я услышала волынку?

— Ну, музыку… — не отступаю я.

Но в баре тихо. Слышно только, как гудят у стойки пьяные посетители. Хоккейный матч тоже транслируется без звука.

— Скоро начнется караоке, — заверяю я.

Мне отчего-то не терпится, чтобы она ушла. Мне больно от ее голоса, от ее вида, от вопросов, которые она задает, удивляясь моему необычному поведению. Болит все тело, но больше всего — голова. Я пытаюсь выгнать ее силой мысли. Интересно, получится? Нет, она по-прежнему сидит напротив. И смотрит на меня с тревогой.

— Миранда, с тобой правда все в порядке?

— Все нормально.

Мой голос — это пара рук, выпихивающих ее за дверь.

— Ну ладно. Слушай, может, пересечемся на выходных? Кофе попьем или еще что-нибудь?

— Может быть. Да, конечно. Увидимся. — Я растягиваю губы в улыбке.

* * *

«Я больше никогда не улыбнусь»[2], — поет музыкальный автомат. Как в тему. Взор мой туманится. Хочется спать. Может, все дело в таблетках и алкоголе? Их же нельзя смешивать. А я смешивала. «Поздно, Миранда! Наслаждайся теперь тем, как медленно кружатся темно-красные стены». Я вдруг замечаю, что зал как будто окрасился в красный цвет. Как такое возможно? А со стен на меня таращатся блестящими черными глазами звериные головы. Олени. Черные козы. Как странно, почему я их раньше не замечала?

— Как думаешь, они бутафорские? Или всех этих животных кто-то подстрелил? — спрашиваю я Грейс, а потом вспоминаю, что она ушла.

Я вытолкнула ее руками своего голоса. И осталась одна. За высоким двухместным столом возле барной стойки. Мои руки обнимают пустой бокал, словно прикрывают от ветра готовый вот-вот погаснуть огонек.

Свет в зале постепенно меркнет. Правда же, меркнет? Может, они уже закрываются? Я огля-

---

[2] Notes: 2

I'll Never Smile Again — песня, написанная в 1940 году Рутом Лоу. Исполнялась разными артистами, в том числе Фрэнком Синатрой.

дываюсь по сторонам. До сих пор я и не замечала, какой этот бар огромный. Все тянется и тянется. И, похоже, я здесь совсем одна. Только у барной стойки сидит пара человек. А больше — никого. Как же это случилось? Куда все подевались? Алло? Песня стихает, постепенно сменяясь другой мелодией. Играет скрипка. Я уже слышала эту вещь раньше. Так ведь? Точно. Пол ее мне играл. Не на скрипке, на пианино. Он каждый вечер садился за пианино после работы. И по выходным играл по несколько часов в день. Это был его способ расслабиться, испытать блаженство. «Для меня пианино, как для тебя — театр». Не помню, как называется эта мелодия, но ее я любила больше всего. Она похожа на теплый дождь, на лунный свет, мерцающий на воде. Стоило Полу ее заиграть, как я, где бы ни находилась, сразу застывала и прислушивалась. Бывало, останавливалась в дверях гостиной и смотрела в его склоненную над клавишами спину и золотистый затылок. Можно бы сейчас ему позвонить… Нет, нельзя. Не нужно докучать ему приправленными таблетками и спрыснутыми алкоголем звонками. Не стоит рыдать в потрескивающую тишину в трубке. Шипеть: «Я скучаю по тебе. А ты по мне?» Он, наверное, сейчас ужинает со своей новой

подружкой в нашем старом доме, в доме, из которого я, прихрамывая, бежала прочь, словно он был охвачен пожаром. «Это ведь ты уковыляла прочь, помнишь?»

Так, нужно выпить. Но все официанты куда-то испарились. Как такое возможно? Эй, народ, вы открыты или нет? Алло? Свет еще горит, хотя и тускнеет с каждой минутой. Автомат теперь играет «Звездную пыль»[3]. Чарующий голос Нэта Кинга Коула звучит слишком громко. Может, это какой-то фокус? Почему свет постепенно меркнет? Как так вышло, что в зале стало темно, только бар по-прежнему ярко освещен? За стойкой остался всего один бармен, бледный такой, в пиратской рубашке. Тут, в городе, таких типов полным-полно. Наверняка в свободную минуту гадает туристам на картах Таро. Хотя сразу видно, он не из тех, кто всем подряд предсказывает счастливое будущее. Нет, такие чаще всего предрекают что-нибудь невероятное и жуткое. И вот, что удивительно, чаевых за такие пророчества им дают даже больше, я сама видела.

«Вижу, тебя мучает боль», — с напускным пафосом сообщают такие типы легковерным

[3] Notes: 3

Stardust — джазовая песня, написанная в 1927 году Хоуги Кармайклом. Считается одной из наиболее часто записываемых песен XX столетия.

дурачкам.

А те отчаянно выкрикивают за занавесом: «Верно! Верно!»

Иногда и я оказываюсь на их месте. Сижу за занавесом и позволяю себя одурачить. Шепчу, заливаясь слезами: «Это правда. Все правда. Как вы узнали?»

Бармен протирает бокал, который, несмотря на его усилия, вовсе не становится чище. И я понимаю, что предназначен он для меня.

Встав из-за стола, я хромаю к барной стойке.

Заметив, что я приближаюсь, бармен берет бутылку скотча и льет его в этот самый пятнистый бокал, на краешке которого виднеется след чьей-то губной помады.

Надо бы сказать ему, что стакан грязный, но я просто вытираю помаду большим пальцем.

И делаю большой глоток. Давненько я так не поступала. В последнее время всегда цежу напитки медленно, по капельке. Осторожничаю. Но не сегодня. К чертям осторожность! На хрен опасливые шажки! Не желаю помнить, какие из препаратов нельзя смешивать! Не стану высчитывать, как долго я сижу или стою. Нужно просто выкинуть все это из головы. И отпустить себя. Разве не этому учили меня аудиоуроки

медитации? Одно время я очень усердно по ним занималась. Даже свечку зажигала, представляете? Для атмосферы. Для создания правильного настроя. И солевую лампу включала. Из ближайшего диффузора мне в лицо брызгало лавандовое масло. А я трупом лежала на полу, раскинув руки в стороны. Смешно сейчас вспоминать, как я верила во все эти ритуалы. Как искренне полагала, что однажды они меня исцелят.

Ладно, разрешу себе еще немного пройтись по тропе воспоминаний. Она чем-то напоминает дорожку, которую показывали в рекламе обезболивающего. По обеим сторонам пестреют странные цветы. Справа темнеет покосившийся деревянный забор, а слева колышется на ветерке море травы. Я смотрю вперед, но вижу по-прежнему нечетко, взор туманится, словно я во сне. Ведь были же времена, когда ходить было так легко. Просто ставишь одну ногу перед другой — вот и все. Шаг за шагом — навстречу счастью. В те дни я носила исключительно шикарные французские платья. И легкие кофточки с бантиками вместо пуговиц. Как чертовски хороша я была тогда, вы бы глазам своим не поверили. И, может, даже захотели бы свернуть мне шею. А что, если в этом все дело? Что, если это вы шепотом

прокляли меня, когда я танцующей походкой проходила мимо? А я вас даже не заметила. В голове у меня было благословенно пусто. В своих кожаных туфельках с каблуками в виде сердечек я легко взбиралась на любую вершину. Да, мои сердечки твердо стояли на земле. А бархатная сумочка, набитая косметикой, распечатками пьес и журналами, похлопывала меня по бедру. Могла ведь и синяк оставить. Но мне было все равно. В те времена я была непобедима. Носила шелковые чулки, можете себе представить? Даже когда собиралась карабкаться в горы! И колготки в сеточку, которые в любой момент могли поехать, расползтись до самых щиколоток. Но мне и на это было плевать. Даже когда каблуки утопали в грязи, а кожа с них обдиралась, я не останавливалась. Вот что я сейчас делаю. Иду в своих старых туфельках по дорожке, которая постепенно превращается в горную тропу в окрестностях Эдинбурга, куда я приехала на фестиваль Фриндж, играть Елену. Мне двадцать четыре, и ноги у меня сильные и послушные. Там, наверху, смотровая площадка, с которой можно увидеть весь город. Чувствую спиной взгляд спешащего за мной Пола. На лицо ему падают золотисто-рыжие пряди. Он весь раскраснелся и

тяжело отдувается. Боится от меня отстать. Мы познакомились только две недели назад, когда он увидел меня на сцене. Пол родом из Новой Англии, из Мэна, в Шотландию он приехал, чтобы отправиться в поход по горам, а в Эдинбург заскочил всего на пару дней. Но в горы в итоге так и не попал. Каждый вечер приходил посмотреть на мою Елену, а после караулил меня у театрального крыльца. Звучит немного жутковато, но так оно и было. Наверное, я не приняла его за чокнутого фаната только потому, что он был молод и очень хорош собой. И это его агрессивное внимание, эта настойчивость очень меня заводили. Ночевать я должна была вместе с остальными членами труппы в однокомнатной квартире в Лите, но вместо этого каждую ночь проводила в его номере отеля на Принцесс-стрит. И каждый вечер, выходя из театра в еще не успевшие сгуститься сумерки, я видела его. Рослого, улыбающегося, совершенно мной околдованного. Он готов был последовать за мной куда угодно — хоть на дно самого глубокого ущелья, хоть на заоблачную вершину. А я ходила, как обдолбанная, от внимания этого красавчика, этого незнакомца, который почему-то казался мне до странности знакомым. Его тихий голос, его добрые глаза… В общем, с ним я чувствовала

себя, как дома. Вот сейчас обернусь — и увижу его. Он будет идти за мной след в след и смотреть мне в спину. Ах, как он смотрел на меня! Снизу вверх и с таким странным выражением на лице. Что же это было? Восхищение? Не совсем. Страх? Трепет.

Да, наверное, трепет.

«Тебя невозможно остановить», — говорил он мне, а я в ответ улыбалась.

Но вот я оборачиваюсь — а за спиной никого. Только чернота.

Облака сгущаются, заволакивая образ произносящего эти слова будущего мужа.

Я бреду по тропе воспоминаний одна, в ортопедических ботинках, в растянутой кофте, в карманах которой гремят пузырьки с таблетками. Кругом все темнее. Солнце уже зашло. Исчезли странные яркие цветы. Ничего больше нет. Куда хватает глаз — только тьма и звезды.

— Вы вернулись, — произносит голос.

Мужской голос. Мягкий. Негромкий. Почти шепот.

Я открываю глаза. Их трое. Трое мужчин возле барной стойки. Один сидит справа от меня, а еще двое — слева. Первый — очень высокий, второй — толстый, а третий ничем особенно не выделяется. Все они одеты в темные костюмы. И держат

в руках стаканы с напитками. И как это я раньше их не заметила?

Непримечательный смотрит на меня так, словно я мираж, появления которого он ждал весь вечер. Должно быть, это он ко мне обратился. Серое лицо. Красные глаза завзятого алкоголика. В руке низкий стакан, в котором плещется какая-то золотистая жидкость.

— Простите? — переспрашиваю я.

А он грустно улыбается. Толстяк рядом с ним склонился над стаканом со скотчем и закрыл лицо руками, будто не в силах смотреть на окружающий мир. У него длинные вьющиеся седые — а местами желтоватые — волосы. Лица сквозь короткие пальцы не разобрать, но я замечаю оспины, расширенные сосуды, красные пятна — и все это отчего-то выглядит очень знакомо. Он похож на какого-то политика, которого я видела в новостях. Но нет, не может такого быть. Что бы такому человеку делать в понедельник вечером в захудалом баре?

Справа ерзает третий. Высокий. Стройный. Даже краем глаза я замечаю, какой он красивый. Я не столько вижу его, сколько чувствую рядом его присутствие, и волоски у меня на загривке встают дыбом. Что-то подсказывает, что не стоит

смотреть ему прямо в глаза.

Непримечательный по-прежнему улыбается, словно мы с ним вовсе не угодили в какой-то трагический сон.

— Где вы были? — спрашивает он.

— Где я была? — повторяю я.

Он окидывает меня взглядом. Я сижу, склонившись над стаканом и вцепившись руками в стойку так крепко, словно это перила корабля.

— Мне показалось, вы ушли далеко-далеко. В своих мыслях, конечно.

Я поднимаю на него глаза. «Ни хрена ты не знаешь о моих мыслях!» И все же отчего-то медленно киваю и произношу:

— Да, все верно.

Зачем я ему это говорю? Этот незнакомец с глазами пьянчуги таращится на меня так, словно прямо сквозь кожу видит мою душу.

— Не лучшее вышло путешествие, как я понимаю? — спрашивает он.

А я не знаю, что ответить.

И, не успев ничего придумать, выпаливаю:

— Да.

— Очень жаль. — Он корчит печальную гримасу. Вроде как сочувствует.

«Да кто ты такой, черт тебя возьми?» — так

и подмывает меня спросить. Но вдруг к глазам подступают слезы. Какая глупость. Мой собеседник мгновенно превращается в улыбающееся, облаченное в костюм размытое пятно.

— Позвольте угадаю. Когда-то это у меня неплохо получалось. — Он смотрит на меня, склонив голову набок.

Так и буровит своими слезящимися глазами. Надо бы просто встать и уйти. Сказать этому мужику, чтобы не лез не в свои дела. Но его взгляд как будто пригвоздил меня к месту. Я отпиваю из бокала. А его красные глаза тем временем вонзаются в меня. Впиваются в мое скрюченное тело. Я крепче вцепляюсь в стакан. Лицо пылает, перед глазами все плывет от слез и принятых таблеток.

— L4–L5, — наконец, произносит он. — Это справа. И L2–L3 слева.

Я снова ударяюсь в слезы.

— Преднизолон, — мягко, словно это слово должно меня успокоить, добавляет он. — Потом инъекции стероидов, верно ведь? А врачей-то сколько! Не сосчитаешь… И у каждого свое мнение по поводу вашей МРТ. И каждый качает своей докторской головой и строит из себя бога. Один говорит: «Давайте ее взрежем». Другой:

«Зачем? Ей нечего вырезать». Что дальше? Терапевты со своими пилюлями. Реабилитологи со своими упражнениями. Одни говорят — делайте растяжку. Другие — ни в коем случае, и думать о ней забудьте. Одни твердят — наклоняйтесь вперед. Другие — нет, назад. Одни повторяют — просто побольше отдыхайте, всем нам иногда нужен отдых. А другие — главное двигайтесь, не останавливайтесь, движение — это жизнь. Одни прописывают тепло, другие — холод. Третьи — то и другое. А четвертые — все что угодно, от чего вам становится легче. Но ведь вам ни от чего легче не становится, верно?

Я трясу головой. Ни от чего, абсолютно ни от чего.

— Попадаются и такие, которые советуют позволить боли вас направлять, — улыбается он. — Тот еще наставник, верно ведь?

Я киваю.

— Дальше? Дайте-ка угадаю. Вы испробовали все методы альтернативной медицины. Акупунктура. Биологическая обратная связь. В вашем сердце снова и снова вспыхивала надежда. А помните того японского рефлексотерапевта, который забыл в вас иглу? Вы так и вышли от него с иголкой между глаз и даже не заметили. А мас-

саж? Полагаю, от него вам стало только хуже?

— Он же хотел как лучше, — шепчу я.

— О, они все хотят как лучше, мисс Фитч. И вам нравится, что к ним можно обратиться. Поговорить. Что каждое воскресенье к вам прикасаются чьи-то добрые руки. У вас ведь почти совсем не осталось друзей.

Он что, только что назвал меня мисс Фитч?

— Сэр, мы знакомы?

Он грустно улыбается.

— Вы ужасно подавлены.

— Подавлены, подавлены, — эхом повторяет мужчина, сидящий справа.

А Толстяк подвывает, уткнувшись в ладони.

— Внутри у вас все умерло.

— Умерло, умерло…

— Вы растеряны, вас унесло в бензодиазепиновое море.

— Вы плещетесь в его черных волнах.

— Откуда вы все это знаете? — спрашиваю я. — Вы… У вас тоже проблемы со здоровьем? Мы с вами в одной лодке?

— В одной лодке, — повторяет Толстяк.

А третий мужчина принимается хихикать.

Толстяк уже истерически хохочет, все так же прикрывая лицо руками и мелко трясясь всем

своим необъятным телом.

Но Непримечательный по-прежнему смотрит на меня с убийственной серьезностью.

— Я ваш товарищ по несчастью, мисс Фитч. Я такой же, как вы.

Он достает из внутреннего кармана платок. Темно-красный платок. На вид шелковый. Я думала, матерчатыми платками уже никто не пользуется.

— Возьмите, — говорит он и протягивает его мне.

Я качаю головой, но он не отстает. Все машет алым лоскутом у меня перед носом. «Сдавайся, сдавайся». В конце концов, я все же беру у него платок и аккуратно промакиваю им уголки глаз. Шелк на ощупь холодный и почему-то влажный.

— Спасибо, — говорю я. И смотрю на сидящего рядом Толстяка. Тот уже повалился на барную стойку. Уткнулся своим красным пятнистым лицом в сгиб локтя, но стакан из руки так и не выпустил. — С ним все в порядке?

— С ним? О да, все чудесно. Он в расцвете сил.

Третий мужчина усмехается и небрежно облокачивается спиной о барную стойку. Лица его мне по-прежнему не видно.

Непримечательный салютует мне стаканом.

В нем плещется что-то золотистое. И очень красивое.

— Золотое снадобье, — говорит он.

И бармен наливает мне в стакан такой же золотистый напиток.

Непримечательный смотрит на меня так пристально, что это просто невыносимо. Скользит по моему лицу мрачным взглядом, а сам весело улыбается, будто я — какой-то забавный сон. Потом салютует мне бокалом и бормочет какую-то ерунду. Мне даже кажется, что он произносит слова задом наперед.

Не сводя друг с друга глаз, мы осушаем бокалы. Толстяк все так же лежит на стойке, а высокий, как я подмечаю, покосившись на него, слегка светится.

«До дна, до дна. До последней капли! Нырни в золотой огонь. Утони в пламени. А теперь отправляйся, насвистывая, гулять по золотому пляжу».

— Лучше? — спрашивает Непримечательный.

— Да, — отвечаю я.

И это правда. Музыкальный автомат теперь играет «Голубые небеса»[4]. И мне кажется, что внутри у меня тоже распахнулось голубое небо.

---

[4] Notes: 4

«Blue Skies» — популярная песня, написанная в 1926 году Ирвингом Берлиным.

Незамутненная лазурь. Костей я не чувствую. И кровь моя вдруг стала легка, как воздух. Кажется, я сейчас снова расплачусь, но нет, на моих губах играет улыбка.

— Конечно, это только временное улучшение. Ведь так они всегда говорят, да, мисс Фитч?

«Черт возьми, откуда ты знаешь, как меня зовут?» Мне хочется спросить его об этом, но мои губы, растянутые в широкую улыбку, отказываются шевелиться. Глядя на Непримечательного, я медленно качаю головой. Слезы я вытерла, и все равно его образ расплывается. Кожа вокруг глаз очень холодная. Кажется даже, что на ней выступила роса, и она вся светится.

— Я понятия не имею, как говорят.

Он накрывает мою руку своей.

— «Как часто человек свершает сам, что приписать готов он небесам!»[5]

Акт первый, сцена первая. Двести восемнадцатая и двести девятнадцатая строки из монолога Елены. Строки, в которых она впервые открывает зрителям свою душу. Строки, которые Бриана бормочет себе под нос. Строки, которые я шепчу вместе с ней, сидя в темном углу зрительного за-

---

[5] Notes: 5

У. Шекспир «Все хорошо, что хорошо кончается» (*здесь и далее в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник*).

ла. Глаза мои застят слезы, как и сейчас. Я думаю о своей Елене. Я играла ее такой, какой ее видел автор, девушкой-загадкой. Ох, жаль, что вас там не было! Я говорила негромко, но голос был звучным и глубоким. Меня снедало отчаяние, и в то же время я была решительна и спокойна, как и подобает Елене. И по лицу моему было видно, что я твердо знаю, как мне поступить, как побороть выпавшие на мою долю невзгоды. Знаю, что другого пути нет, нужно взять дело в свои руки. Произнося эти строки, я смотрела зрителям прямо в глаза. Напускала на них колдовские чары, и все они были мной очарованы. Да, я была очаровательна.

Я смотрю на Непримечательного.

Как так вышло, что он помнит наизусть именно эту пьесу? Почему он процитировал мне эти строки? Может, он мне снится? Может, я сейчас лежу в своей постели? И мои веки трепещут в темноте?

Но вместо всего этого я спрашиваю:

— Вы как-то связаны с театром?

И тут Толстяк, который, как мне казалось, давно отрубился, снова начинает хохотать. Молотит кулаком по стойке. Вслед за ним принимается тихо посмеиваться мужчина справа, тот, кого я

не могу рассмотреть. Тот, кого вижу только мысленным взором.

А Непримечательный отзывается:

— Как и все мы, разве нет?

Глава 4

— По-моему, мне стало хуже, — говорю я Марку.

Мы с ним стоим в процедурном кабинете, который представляет собой белую клетушку с массажным столом, парой стульев и плакатом с изображением бескожего человека на стене. Марк смотрит на меня в недоумении. Конечно, он растерян. Лоб его пересекает глубокая морщина. Словно защищаясь от меня, он скрещивает руки на груди и повторяет:

— Хуже?

Я киваю. И вспоминаю краткий миг облегчения, который испытала вчера после того, как выпила в баре напиток. Домой я летела как на крыльях, сразу уснула, а когда проснулась, меня уже снова выкручивала знакомая боль.

— Гораздо хуже.

Я произношу это жалобно. Или вызывающе? А может, то и другое сразу?

Марк аккуратно прикрывает дверь процедурного кабинета. Не хватало еще, чтобы я и других пациентов заразила своим неверием. Своими страхами.

Он опирается на массажный стол, тот самый, на котором мне скоро предстоит лежать ничком, уткнувшись в слишком маленькую для моего лица дырку в виде пончика, от которой у меня до конца дня будут видны на щеках глубокие борозды. Сам он тем временем станет тыкать мне в спину обтянутым хирургической перчаткой пальцем. И грубо царапать кожу холодными инструментами. И стучать в позвонки, словно это двери, за которыми скрывается что-то интересное.

Сейчас же он скрещивает ноги — неторопливо, будто в запасе у нас все время мира, хотя на самом деле прием длится всего тридцать минут. А осталось их и вовсе двадцать три, потому что Марк опять опоздал. В последнее время он постоянно опаздывает.

— Расскажите, — просит он. — Поговорите со мной.

И произносит эти слова так ласково, так дружелюбно, словно в самом деле хочет услышать правду о моем самочувствии. Словно мечтает поговорить со мной по душам.

Марк терпеливо ждет, когда я заговорю, а я рассматриваю его. Крошечную бородку под нижней губой. Недавно обновленную модную стрижку.

Кулон «инь-ян», болтающийся на шнурке у него на шее. Приятное лицо своего в доску парня, на котором застыло выражение «я весь внимание».

Но это ложь. Неужели он в самом деле хочет, чтобы я была с ним откровенна? Нет, конечно, такого нашим отношениям не перенести. Как и ему.

Я открываю рот, чтобы высказать ему все, что тщательно отрепетировала по пути сюда. В машине, обращаясь к заляпанному грязью лобовому стеклу, а на светофорах — к пустому пассажирскому сиденью. В приемной, пока до рези в глазах таращилась на обложки потрепанных спортивных журналов с волнистыми, словно вымокшими, а после высушенными страницами, захватанными пальцами сотен жертв несчастных случаев. Я перечисляла свои симптомы по пальцам. Записывала их в «Заметки» на телефоне, чтобы не забыть. Составила список всех частей моего тела, которым за год нашего сотрудничества вовсе не стало лучше. Всех упражнений, выполнять которые мне так больно, что, по-моему, они только вредят. Я хочу сказать Марку, что, по моим ощущениям, у нас с ним больше нет никакого плана. Мы угодили в какой-то реабилитационный замкнутый круг. Не

осталось ни цели, ни направления движения.

Марка мне около года назад посоветовал доктор Ренье. «К счастью для вас, — сказал он, — тут, в Массачусетсе, есть всемирно известный центр реабилитации после травм позвоночника».

«Правда?» — всхлипнула я.

«О, да, мисс Фитч. Прямо в этом здании. В подвальном этаже, — улыбнулся он. — И я знаю реабилитолога, с которым вы отлично сработаетесь. Это Марк».

Помню, я повторяла это имя, словно мне посулили отпущение грехов. «Марк». Смаковала его на языке, как манну небесную. Жмурилась от счастья. Марк непременно окажется лучше, чем Люк. И Мэтт. И Тодд.

«Он обязательно вам поможет, мисс Фитч».

«Он обязательно мне поможет», — твердила я. И сама в это верила. Когда я впервые спустилась в подвал, в «Спинальное отделение», Марк встретил меня на площадке у лифта. Стоял с планшетом в руках и ждал меня. На шее его поблескивал «инь-ян».

«Вы, должно быть, Миранда», — сказал он мне.

А потом: «Вау! Какая у вас классная футболка! По правде говоря, кои — моя любимая рыбка».

Я смотрела на Марка, как на бога.

«Расскажите мне все, Миранда, — добавил он мягко. — Я хочу услышать все с самого начала».

И я рассказала. Рассказала Марку всю свою историю — про падение со сцены, про боль в левом бедре, про неудачную операцию, про сложный восстановительный период, про то, как внезапно у меня заболела еще и правая нога, про результаты МРТ, о которых у каждого врача находилось свое мнение, про инъекции стероидов в бедро и в позвоночник, про акупунктуру, про биологическую обратную связь, про мужчину в белом халате, который вонзал мне в грудь палец, словно кол в сердце вампира, про специалиста по китайской медицине, который воткнул иголку в мой малоберцовый нерв, а я от неожиданности пнула его ногой в лицо. Марк слушал, кивал, тихонько хмыкал — я принимала эти звуки за выражение участия, складывал вместе ладони, словно молился за меня, прижимал кончики указательных пальцев к губам.

«Рассказывайте дальше», — снова и снова повторял он. Словно никак не мог наслушаться. Честно говоря, с тех пор, как я перестала выходить на сцену, у меня никогда еще не было такой благодарной аудитории.

Сложно было рассказать все по порядку. Факты

и детали постоянно путались в голове, мне не удавалось восстановить последовательность событий. И я все время за это извинялась.

«Не извиняйтесь, — говорил Марк. — Даже не думайте. Вы так хорошо держитесь. Просто молодец».

Как вдумчиво он кивнул, когда я, наконец, закончила. Как бережно провел диагностическое обследование. Просил наклониться вперед. «Осторожно, осторожно». Потом назад. «Не спешите. Что вы сейчас чувствуете?»

И я поверила, что могу сказать Марку правду.

«Мне больно, — выдохнула я. — Ужасно больно».

Думала, он сейчас закатит глаза и покачает головой. Я ведь уже привыкла к жестокости Люка и безразличию Мэтта. Но Марк только кивнул. Конечно. Конечно, вам больно.

«Думаю, я смогу вам помочь», — наконец объявил он.

«Правда?»

Помню, как он взял мои руки в свои. На нем были медицинские перчатки, но я даже сквозь латекс ощутила тепло.

«Я избавлю вас от боли, Миранда», — пообещал Марк. И приложил обтянутую перчаткой руку к

груди, словно признавался в любви.

«Но что, если вы не сможете мне помочь?» — прошептала я.

Марк улыбнулся. «Давайте мы будем решать проблемы по мере их поступления».

Мы. Сердце мое воспарило. Из глаз хлынули слезы, хотя я вовсе не собиралась плакать. Люк, заявлявший, что слезы не по его части, неплохо меня выдрессировал.

«Станете плакать, — грозил он, — я просто встану и выйду из кабинета». Да еще и улыбался при этом.

«Миранда, — ласково сказал мне Марк. — Я хочу вам кое-что показать».

«Что?» — прошептала я.

«Один ролик. Пришлю вам ссылку. Посмотрите, ладно? По-моему, он может стать для нас отличным стартом».

Для нас.

«Конечно, посмотрю, — пообещала я. — С радостью».

И посмотрела. Вечером, ссутулившись над обеденным столом и водрузив ноутбук на стопку учебников по теории драмы. Что же там такое? Новые упражнения? Инновационный метод лечения, которым мы с ним займемся? Открывая

ссылку, я испытывала небывалый душевный подъем. А в ответ получила мультфильм. Мультфильм про гигантский нарисованный мозг с большими немигающими глазами. За которым, словно крысиный хвост, волочился спинной мозг. Тело у мозга было из палочек. Он бродил на своих палочных ножках под грязно-серым небом по небрежно нарисованному миру. И физиономия у него была грустная. А все потому, что он воображал, будто ему больно. Боль, объяснял голос за кадром, живет в мозгу. Помнится, меня охватила ярость. Значит, вот что Марк обо мне подумал? Что я — какой-то мрачный мультяшный мозг, который сам себя не выпускает из серого мира? Я вспомнила, как восторженно он смотрел на меня широко открытыми глазами. Как складывал вместе ладони. Какие теплые были у него руки даже сквозь медицинские перчатки. Нет. Не может быть. Я ошиблась.

С тех пор прошел почти год.

И что же? Все это время мы с Марком встречаемся дважды в неделю. Лучше мне не становится, делается только хуже, и привело это к тому, что наши отношения охладели. Марк больше не встречает меня у лифта. Мне приходится ждать его в приемной, а он частенько опаздывает, за-

держивается с предыдущей пациенткой. И слыша доносящийся из спортзала заливистый женский смех, я понимаю, что пациентка эта еще верит в его целительную силу. Теперь Марк окликает меня с другого конца холла и отводит глаза, чтобы не смотреть, как я поднимаюсь со стула и хромаю к нему, приволакивая омертвелую ногу. Которая не желает лучше разгибаться, сколько бы он ни вгонял в нее иголок, сколько бы ни тянул, норовя выдернуть из сустава, сколько бы ни скреб ее медицинскими железяками, сколько бы ни вдавливал в нее пальцы, оставляя на коже темные синяки.

«Как у нас дела?» — спрашивает он. Но сразу же разворачивается и шествует в процедурный кабинет, зажав под мышкой мою всю больше разбухающую медицинскую карту. Потому что он и так знает, как у меня дела. Мне не лучше, мне никогда не становится лучше. Одна из «тех» пациенток. Мультяшный мозг, желающий жить под собственноручно нарисованным грязным небом. Женщина, которая отказывается верить в маленькие победы. Он честно пытается потушить пожар, а я продолжаю нахально утверждать, что меня пожирает пламя.

«Поговорите со мной, Миранда», — просит

Марк.

А я вспоминаю мультик про страдающий от боли мозг. Про печальный нарисованный мозг, за которым, словно щупальца у медузы, тянутся нервы.

Мне хочется сказать Марку, что я способна выполнять инструкции. Что до него у меня был Люк, а еще раньше — Мэтт. И я следовала всем их предписаниям, несмотря на то что Люк был жестоким, а Мэтт — попросту безмозглым садистом. Что я осилила всю драконовскую программу Люка. Делала все упражнения по набросанным им от руки рисункам, хотя в процессе мои нервы и позвоночник орали благим матом. И Мэтта я слушалась, не обращая внимания на то, что при встрече со мной у него всегда был смущенный и испуганный вид. И на вопросы мои он не мог ответить. Каждый раз говорил: «Хмм, дайте-ка подумаю».

И программу Марка я тоже честно выполняла.

Мне хочется сказать Марку, что я *умею* доверять. Я *хороший* пациент. И я готова довериться профессионалу на разумный период времени — на несколько недель, даже месяцев. Просто опыт у меня был очень печальный, и Марк, к несчастью, не стал исключением. Вот почему я

начала ходить на сторону — к Джону. Хотя и он тоже не сказать чтобы отличный специалист. Понятия не имею, куда меня заведут эти запутанные отношения.

Марк твердит мне: «Исцеление — это долгое путешествие».

А еще: «Боль — это информация».

Что я могу ответить человеку, который во все это верит? Притом верит безоговорочно.

— Миранда, — окликает меня Марк.

— Да?

— Говорите же.

Но все, что я хотела ему поведать — все важное, тщательно сформулированное, аккуратно записанное, — уже улетучилось из головы или рассыпалось в пыль.

— Нога все так же не слушается, — начинаю я.

Марк кивает. «Ну, конечно».

— Я даже согнуть ее не могу.

Марк кивает снова. Не можете, ясное дело.

— И она болит, — наконец, добавляю я. — Сильно болит.

Марк кивает в третий раз. Разумеется, она болит. И это нормально. Абсолютно нормально. Ведь боль — это информация.

Он пощипывает бородку.

— Где именно у вас болит?

— Здесь, здесь и там, — отвечаю я. — И тут тоже. Честно говоря, она вся болит.

И Марк опять кивает. Естественно. Это неотъемлемая часть. Часть путешествия, которое мы с ним совершим в следующие девятнадцать минут рука (в медицинской перчатке) об руку. Марк не устает мне напоминать, что было время, когда он тоже мучился от боли. От боли в пояснице: «Точно как вы, Миранда». Межпозвоночная грыжа, ага. L-4, L-5, хотите верьте, хотите нет. Так что проблема у нас с ним общая. У него даже синдром отвисающей стопы развился. Хотели операцию делать. Серьезно, именно так. Он с тремя хирургами консультировался, к одному даже в Нью-Йорк ездил. И этот, из Нью-Йорка, так ему и сказал: «Повезло вам, что я занятой человек». Потому что, судя по МРТ, его нужно было немедленно везти в операционную. Но хирург был в тот момент очень занят и решил дать Марку шанс излечиться самостоятельно. И Марк излечился, да, с помощью гиперэкстензии. Конечно, на это ушло несколько недель. Но ему же стало лучше. А все почему? Потому что он верил, что ему станет лучше. Маленькие победы. Дух превыше материи. «Наш разум всесилен, Миранда».

— Что именно вы чувствуете? — спрашивает Марк.

И наклоняется ко мне. Такой внимательный, такой искренний, что на мгновение мне даже становится его жаль. Начинает казаться, будто я притворяюсь.

— Можете описать свою боль? — добавляет он.

На меня внезапно наваливается усталость.

— Я не знаю, как ее описать, — наконец, отвечаю я.

И качаю головой. Кажется, я вот-вот расплачусь. Но нет, этого не будет. Я почти никогда не плачу.

Марк снова кивает. Ему ужасно интересно. Столько новой информации.

— Попытайтесь, — говорит он.

— Наверное… с этой стороны у меня как будто бы все горит. А с этой — немеет. А вот здесь и горит, и немеет одновременно. И ощущение, что боль в этой области… не знаю… Она красная, понимаете?

— Красная? — повторяет Марк.

Я киваю. Да. Красная.

— И пульсирующая.

— Пульсирующая, — отзывается Марк. — Любопытно.

— А ступня, — продолжаю я. — На ней как будто

бы стул стоит или еще что-то. Ощущение, что ее вот-вот расплющит.

— Стул.

Да.

— Хмм, — произносит Марк.

Снова скрещивает руки на груди. И смотрит в пространство. Стул. Красный. И пульсирующий. Вот теперь он всерьез задумался. И внутри у меня, несмотря на весь скепсис, взвивается надежда. Может, сегодня Марка посетит новая идея?

— Что ж, — выдает он, наконец, — давайте-ка мы вас обследуем.

— Как? Обследование?

Ноги сводит от ужаса. Нервы уже заранее ноют. Раньше я обожала обследования. «Обследование, да-да, давайте меня обследуем!» Это было в те времена, когда я еще верила, что обследования могут к чему-то привести. К постановке диагноза, например, за которым последует составление плана лечения и исцеление. Но теперь я знаю, что никакого смысла в обследованиях нет. Это темная тропка, которая ни к чему не ведет, только заманивает еще дальше во тьму.

Я смотрю на Марка, очень довольного тем, что он придумал, чем нам сегодня заняться, и говорю себе: «Сваливай отсюда. Беги без оглядки!» Но

потом вспоминаю, что я даже ходить толком не могу. Воображаю, как я буду сердито ковылять прочь. А Марк, наблюдая, как я приволакиваю омертвелую ногу, лишь покачает головой и скажет мне вслед: «Вы все равно вернетесь».

— Ладно, — соглашаюсь я. — Значит, обследование.

Марк велит мне проделать несколько диагностических упражнений, которые я выполняла уже миллион раз. Командует: «Наклонитесь вперед, да, вот так». Потом: «Наклонитесь назад. Хорошо». Просит пройтись на носках, затем на пятках. Сесть на стул, податься вперед и поднять правую ногу. Потом левую. «Протяжка нервов» — вот как он это называет. Я подчиняюсь ему, умирая от ужаса, очень боюсь, что от всего этого мне станет только хуже. Марк же кажется совершенно невозмутимым. У него всегда такое лицо во время работы — наверное, это признак предельной концентрации. Однако сегодня он почему-то ничего не записывает.

— Отлично, а теперь — на стол, — объявляет он, похлопывая по нему ладонью. — Ложитесь на живот, вот так. Лицом в отверстие. Хорошо. А теперь прогнитесь в спине.

«О, нет, только не это», — думаю я. Нам обоим

известно, что после такого мне всегда становится хуже. Мы бог знает сколько раз из-за этого препирались. Меня и Люк заставлял так делать. И Мэтт. А теперь пришел черед Марка. И мне всегда, всегда после этого упражнения делается только больнее.

— Э-э, но мы же с вами уже такое делали и…

— Попробуем еще раз, — перебивает Марк. — Не забывайте, что наша цель — централизация. Мы хотим, чтобы боль ушла из вашей ступни и вернулась к своему источнику — в спину. Верно ведь? Так что просто послушайтесь меня и повторите упражнение десять раз.

Я подчиняюсь. И все происходит так, как я и думала. Правую ногу сводит еще сильнее. Левый бок полыхает огнем.

— Как вы себя чувствуете?

Ужасно. Отвратительно. Именно так, как я ожидала. Именно так, как предсказывала.

— Нога совсем не гнется. И бок болит сильнее.

Я поднимаю глаза на Марка.

Лицо у него совершенно спокойное, если он и злится на меня, со стороны не поймешь. Он кивает. Ну, конечно. Этого он и ожидал. Конечно, я думаю, что мне стало хуже. Потому что я заранее все решила, не так ли? Потому что я твердо

намерена оставаться несчастной. Не хочу, чтобы мне помогали. Не верю в маленькие победы.

— Сделайте еще десять раз, — спокойно произносит Марк.

— Еще десять?

— Просто хочу кое-что увидеть, — отвечает он.

И складывает ладони под подбородком, как будто молится.

Я проделываю упражнение еще десять раз. И с каждым прогибом мне все больнее.

Марк стоит в дверях, сложив руки на груди, и смотрит на меня со скучающим видом. Время от времени он бросает: «Хорошо», а сам рассеянно оглядывается на спортивный зал.

— Ну и как? — спрашивает он, когда я заканчиваю.

— Теперь у меня вся нога болит, — отвечаю я. — До самой ступни.

Той, из которой боль, по вашим словам, должна была уйти.

Поразмыслив, Марк выдает:

— Как по мне, все идет нормально. Вот что, повторите-ка это упражнение еще десять раз.

– *Еще* десять? Вы что…

— Ага. А я пока схожу в туалет.

Марк уходит. Я проделываю упражнение еще

десять раз. Мои ноги орут, как бешеные.

Закончив, я ничком лежу на столе, чувствуя, как мое тело пожирает огонь. А позвоночник сжимают кулаки. Марк куда-то испарился.

— Марк? — жалобно зову я. — Эй, Марк? Вы тут?

— Ага, — отзывается он, появляясь из-за угла. — Вы отлично справились. Как самочувствие?

— Жаль это говорить, но мне очень, очень больно.

Молчание.

— Ну хорошо. Теперь полежите на животе, подышите и мысленно обследуйте свое тело.

— Но у меня нога очень…

— Дышите диафрагмой, — не слушает Марк.

Я чувствую, как он приподнимает на мне футболку. И размазывает по пояснице какой-то холодный гель.

— Вы ведь умеете дышать диафрагмой, правда? Вы же артистка? — вкрадчиво произносит он.

Больше меня сегодня наказывать не будут.

Кожу царапает холодное железо.

— Актриса, — уточняю я. И тут же вспоминаю свою нынешнюю вотчину — мертвые глаза, скучающие лица. «Я теперь не актриса, я — педагог». Но спорить с Марком у меня нет сил, и я просто

киваю. — Верно.

— Как здорово, — отзывается Марк. Он уже не раз это говорил. — Я мог вас видеть в каком-нибудь фильме?

Теперь он хочет со мной поболтать. Потрещать ни о чем. Разрядить обстановку. В то время, как мне не терпится засыпать его новыми вопросами. «Я когда-нибудь поправлюсь? Что со мной не так? Это неврология? Или что-то соматическое? Пожалуйста, ответьте».

— Я театральная актриса, — отвечаю я Марку. — Я же рассказывала вам, что играла в театре.

Да еще сколько раз! Он что, не помнит, что я упала со сцены? Это из-за театра я попала сюда, в этот подвал, в процедурный кабинет, в обтянутые перчатками руки Марка, царапающие мою спину медицинскими инструментами. Это он отобрал у меня жизнь и превратил в ходячего мертвеца, в прислужницу Брианы.

Вакансию преподавателя пять лет назад показал мне Пол. «Доцент кафедры театроведения». В каком-то либеральном творческом колледже, о котором мы оба впервые слышали. Зато находился он неподалеку от нашего тогдашнего дома. «Должностные обязанности: чтение трех курсов лекций в течение каждого семестра, а также под-

готовка студенческого спектакля для ежегодного шекспировского конкурса».

«Но я ведь никогда не преподавала и спектакли не ставила», — возразила я.

«Зато у тебя есть соответствующее образование. К тому же ты актриса. Сколько лет сцене отдала, десять?»

Помнится, меня передернуло из-за того, что он сказал об этом в прошедшем времени.

«Мне просто кажется, что должность преподавателя для тебя неплохой вариант, — продолжил Пол и быстро добавил: — На время, конечно».

«Ну, знаешь, хоть выберешься из дома. Отвлечешься от своих мыслей. По-моему, стоит попытаться, нет?» Вид у него был почти отчаявшийся. К тому времени наша с ним семейная жизнь уже висела на волоске. После несчастного случая я какое-то время пыталась играть домохозяйку. Закупила онлайн весь необходимый реквизит и костюмы. Формочки для маффинов, французскую скалку, обшитый бусинками фартук с надписью «кухонная ведьмочка». Я заказывала книги по садоводству и приготовлению коктейлей, представляла, как стану сама печь хлеб, выращивать тюльпаны и нежнейший салат, смешивать все виды мартини. Буду встречать Пола с работы,

стоя в дверях, хромая, зато с широкой улыбкой на лице, готовая подхватить его под руку и отвести в наш чудный садик. Но я так ничего и не вырастила, не приготовила, не испекла. Земля в саду осталась нетронутой, я просто мрачно смотрела на нее из окна гостиной, лежа на нашем каменном раскладном диване.

В общем, я кое-как смастерила резюме. Попросила парочку знакомых режиссеров замолвить за меня словечко. Все они были в курсе того, что со мной случилось. Все очень мне сочувствовали и охотно лгали.

«Нам вас очень рекомендовали», — одобрительно сказал мне декан на собеседовании.

Серьезно?

— Ах, да, в театре, точно, — говорит Марк. — Знаете, мы с моей невестой на днях ходили на «Призрак оперы». Она обожает мюзиклы.

Кто бы сомневался.

— А вы когда-нибудь играли в мюзиклах?

— Нет. Я ненавижу мюзиклы.

Марк смеется. Невероятное добродушие. Ну конечно, я просто обязана ненавидеть мюзиклы. Ведь они несут радость. А я — воплощенная противоположность радости. Марк царапает мне кожу, а я лежу и предаюсь злобным фантазиям.

О его невесте. О том, как они с Марком вместе смотрят «Призрак оперы». Чувствую на коже его дыхание. Тепло его докторских рук. Только такие в последние годы — с тех пор, как мы с Полом разошлись, — меня и касались. Конечно, под конец Пол тоже не слишком часто меня трогал. Наша интимная жизнь сначала сократилась до редких случаев неловкого секса, потом до нечастых минетов, а под конец боль и таблетки окончательно убили мое желание. Теперь мне хотелось только одного — чтобы меня обняли и наградили целомудренным поцелуем.

«Давай я сделаю что-нибудь для тебя», — всякий раз предлагал Пол. Но из-за постоянного общения с реабилитологами и хирургами собственное тело стало казаться мне чужим, каким-то медицинским объектом, достойным исключительно врачебного внимания.

«Просто обними меня», — просила я. Прекрасно понимая, какой асексуальной ему кажусь. Жалкое подобие того создания, которым была до падения, создания, для которого секс и близость были важны, как воздух. Я даже глаза поднять на Пола не смела. Он вздыхал и распахивал руки мне навстречу. Вяло, но без раздражения. А я висла на нем, как утопающий.

— Маленький укольчик, — говорит Марк.

Я чувствую, как в спину мне вонзается сухая игла, и вскрикиваю.

— Отлично! Хорошая реакция, — продолжает Марк. — Ну замечательно. Теперь немного походите.

Не сводя с меня глаз, он заставляет меня пройти до конца спортивного зала. Из-за всего, что он со мной проделал, спина и ноги пульсируют. Ковыляя, я рассматриваю других пациентов, пинающих и толкающих воздух своими атрофированными конечностями. Женщина с опухшими ногами жмет педали велотренажера. Пожилой мужчина безуспешно пытается устроиться поудобнее в тренажере для жима ногами и тихо вскрикивает каждый раз, когда его негнущиеся жилистые ноги толкают платформу. А его реабилитолог, испуганная молодая девушка с хвостиком на голове, с интересом за ним наблюдает.

— Ну и как мы теперь? — спрашивает Марк.

И смотрит на меня так победно, с такой надеждой, что меня это просто убивает.

«Хуже. Гораздо хуже. Вы калечите меня, понимаете? Вы надо мной измываетесь».

— Мне по-прежнему больно, — извиняющимся

тоном произношу я.

У Марка ошарашенный вид. «Все еще? Не может быть».

— Вся нога болит, до самой ступни?

Я киваю.

— Но немного меньше?

Нет. И близко нет!

— Может, самую малость, — лгу я, ненавидя себя. Ненавидя Марка.

— Вот видите, — заявляет он. — Маленькая победа.

— Но я все еще странно себя чувствую, — тщетно силюсь достучаться до него я.

И Марк заявляет, что я должна делать то же упражнение дома. Каждый час. От десяти до тридцати повторений.

— Каждый час?

Он пожимает плечами.

— Или всякий раз, как поймете, что вам это нужно. — Он смотрит куда-то поверх моего плеча. Уже отстраняется от моих страданий, от моего недуга. Это больше не его проблема. — Всякий раз, как почувствуете себя хуже.

— Но мне уже хуже, — возражаю я. «Из-за вашего упражнения».

Однако Марк смотрит мимо, в сторону прием-

ной, а это значит, что следующий пациент уже прибыл. Обернувшись, я вижу, что ему, улыбаясь, машет женщина в спортивном трико. Должно быть, новенькая. Судя по тому, как сияют ее глаза, по тому, как искренне она верит. Меня захлестывает паника.

— А что насчет тренировок лежа? — спрашиваю я, заслоняя от него приемную своим скрюченным телом.

— Конечно, их тоже можете продолжать.

— А ходить можно? — Этот вопрос я задаю всегда.

— Миранда, просто прислушивайтесь к своему телу. — А Марк всегда так отвечает. — Пусть боль вас направляет. Помните, боль — это информация. Можете попробовать согревающий компресс, если хотите.

— Согревающий? А как часто его делать? И сколько держать? — возбужденно спрашиваю я. Может, вот оно — золотое снадобье?

— Или приложите лед, — бросает Марк. Король противоречий. — Если так вам больше нравится. Или то, или другое.

— Но что лучше? — в отчаянии допытываюсь я.

— То, от чего вам станет легче.

И я вспоминаю троицу, которую вчера видела в баре. Золотой напиток, от которого моя кровь посветлела и запела. Непримечательного мужчину, который с таким сочувствием смотрел на меня красными слезящимися глазами. «Но вам ни от чего легче не становится, верно?»

— Что-что?

— Ничего.

Марк дважды хлопает меня по плечу и говорит:

— Завязывайте хандрить.

И мне невольно видится веревка, завязывающаяся вокруг моей шеи. И собственное мертвое тело, свисающее с крюка в потолке. Марк узнает обо всем, листая новости в телефоне. Печально кивнет. Может, даже спрячет лицо в ладонях. Возможно, этот случай раскроет ему глаза. Заставит понять, что боль — не просто наставник, не только информация, не строгий учитель и не урок, который я должна усвоить. Теперь уже мне представляется Марк, раскачивающийся на вбитом в потолок крюке.

Направляясь к выходу, я прохожу мимо новенькой, старательно разминающейся на мате. Ерзая задом по поролоновому валику, она растягивает мышцы задней поверхности бедра. Марк и меня

этому учил, он всех нас этому учил. Вот он подходит к ней, и они начинают со смехом обсуждать график пробежек. Должно быть, у нее что-то несложное, легко поддающееся лечению, типа подошвенного фасцита. От Марка только и требуется, что помассировать ей ступню и показать несколько упражнений на растяжку. А может, у нее что-то более серьезное, более неуловимое. Может, она из Нервных Женщин. Тех, кого терзают невидимые боли. Тех, у кого внутри мигают алые сети. Паутина, в которой не видать паука.

Глава 5

Долгий выматывающий перерыв между занятиями. В лицо мне бьет белый зимний свет. А в открытый рот снова сыплется снег, потому что кто-то (быть может, Фов) в мое отсутствие открыл окно. Я в кабинете, лежу на полу в привычной позе: лодыжки — на сиденье кресла, ступни свешиваются с краю. Но сегодня она мне совсем не помогает. От нее только хуже. Я разглядываю обратную сторону столешницы — щербатая фанера, в углу затаился паук. В обычное время я бы заорала, увидев его. Но сегодня просто смотрю в то место, где, по моим понятиям, должны располагаться его восемь глаз, и мне кажется, что они взирают на меня с поразительным состраданием.

«Миранда, мне так жаль, что вам тяжко приходится. Миранда, чем я могу вам помочь?»

Занятие по сценарному мастерству я сегодня вела, опираясь о стол. И понятия не имею, о чем говорила все семьдесят пять минут. Кажется, несла что-то о ведьмах. И о шекспировских временах. Может, объясняла студентам, что такое великая цепь бытия? Ну да не важно, в любом

случае, они что-то записывали. По крайней мере, некоторые из них. А остальные просто пялились на меня или переглядывались.

«На чем я остановилась?» — спрашивала я у кружащей в воздухе пыли.

«На чем я остановилась?» — вопрошала я висящие у них над головами часы.

Кажется, в какой-то момент я нарисовала на доске спираль. Она все раскручивалась, раскручивалась и, в конце концов, совсем отбилась от рук. Помогите. «Пример вам в помощь», — сказала я им.

Моя спина и нога все еще вопят от боли после того, что накануне с ними сотворил Марк. Я сразу поняла, что мне стало хуже — еще когда ковыляла прочь от «Спинального отделения» и ехала домой в своей клоунской машине. Это была не та привычная боль, что мучила меня каждый раз, когда я выходила от Марка или любого другого лекаря, твердя себе: «Со временем она утихнет». Просто приложи на ночь лед, проглоти обезболивающее и запей его парой бокалов вина. Нет, это было что-то новое. Что-то реальное. Казалось, вся поясница у меня в крови. Бедренные кости выскочили из суставов. Таз как будто вывернут наизнанку. Спинной мозг давит на кожу спины

и, кажется, вот-вот выскочит наружу. А левый тазобедренный сустав неприлично раздулся под платьем. Всю дорогу до дома я глотала таблетки. А когда вылезла из машины, обе мои ноги взбунтовались и отказались меня нести. Правая при этом совершенно не разгибалась, колено висело почти над землей. Ей-богу, я слышала, как она рычала на меня, будто злая собака.

Комендантша Шейла сидела на ступеньках в накинутой поверх пижамы парке и, покуривая, смотрела, как я хромаю к крыльцу. Она живет в соседней от меня квартире, одна, если не считать кошки-подобрашки. Каждый раз, когда я вижу ее, она либо пьяна, либо под кайфом, впрочем, я и сама-то не лучше. Вот и вчера я по дороге домой проглотила столько колес, что мне мерещилось, будто с неба на нее опускаются искорки света и пляшут вокруг ее головы.

«Миранда, у тебя все нормально?»

«Нет, — хотелось ответить мне. — Мне страшно. Я в панике. Я совершенно разбита. Мне грустно. И чудовищно одиноко. А еще мне нужно в травмпункт. Проводи меня, пожалуйста».

Но вместо этого я сказала: «Да-да, все хорошо. А у тебя?»

«Ты вроде как сильно хромаешь. Точно все в

норме?»

«Да-да, спасибо».

Однако вечером она наверняка слышала через стенку, как я рыдаю у себя в квартире.

«Рыбка моя золотая, я совсем измучилась», — захлебываясь, шептала я Полу в телефонную трубку. Это прозвище я дала ему давным-давно — за золотисто-рыжую шевелюру. Я позвонила ему после того, как осушила второй бокал шардоне. Хотя и клялась себе, что перестану так делать. Пол все равно больше не желает со мной разговаривать. «Миранда, я начал новую жизнь». Сколько раз он мне это говорил? «Миранда, ты сама меня бросила, помнишь? Это ведь ты ушла, а не я». Ненавижу, когда Пол мне об этом напоминает. Может, это и правда, но не вся правда. Играй мы с ним в пьесе, зрители, конечно, считали бы подтекст. И сказали себе: «Он оттолкнул ее своей холодностью. Его измучили ее мучения». А потом зарыдали от жалости ко мне.

«Миранда, — сказал Пол. — Будь добра, говори погромче. Я ничего не понимаю».

«Я говорю, что совсем измучилась. Они меня измучили».

Потом я плакала в потрескивающую в трубке тишину.

«Они — это кто?» — наконец спросил Пол.

«Мои реабилитологи».

«А. Мы опять твое колено обсуждаем?» — раздраженно буркнул он.

И на мгновение мою тоску вытеснила злость. Колено?

«Не колено, Пол. А бедро и спину. Ты что, не помнишь, что мне делали операцию на бедре?»

«Миранда, я…»

«А во время восстановительного периода я повредила спину. И теперь у меня ноги…»

«Слушай, мне просто сложно держать все это в голове», — вздохнул он.

«Понятно, — отозвалась я. — Конечно. Это нелегко».

Молчание.

«Ты там?» — спросила я.

«Да-да, я с тобой».

«Никогда ты по-настоящему не был со мной!» — подумала я. Наверное, это было несправедливо. Пол и в самом деле оставался рядом, старался во всем меня поддерживать, по крайней мере, в первое время. Учил со мной текст в нашей гостиной. Терпеливо сидел на голубом диване и смотрел, как я репетирую. Он даже первым прочитывал критические отзывы на мои спектакли, чтобы я,

в случае чего, не расстроилась. И если постановку в статье ругали, всегда говорил: «Да пошел этот урод на хрен! Ты там всех затмила».

Тем самым он словно воскрешал мою мать. Та всегда твердила мне то же самое спьяну. Впервые я это услышала, когда во втором классе, исполняя роль Папы-медведя в школьной постановке «Златовласки», забыла текст, и все надо мной смеялись. «Пусть эти идиоты катятся на хрен, — с трудом ворочая языком, выговорила она, обнаружив меня рыдающей за кулисами. А потом, обняв меня за трясущиеся плечи и дохнув в лицо шардоне, добавила: — Ты еще всех их затмишь, слышишь?»

Но Пол говорил мне то же самое трезвым, с ясными глазами, в которых плескались тепло и вера в меня. Кажется, в те моменты он нисколько не сомневался, что именно это мне суждено судьбой.

«Ну и повезло тебе, охренеть», — твердили мои коллеги-актеры, заметив, что Пол снова сидит в зрительном зале, снова с цветами в руках и выражением чистейшего восторга на лице. «Ты сегодня всех затмила, Принцесса». Да, тогда он звал меня Принцессой. Может, поддразнивал за то лето, когда я подрабатывала во Флориде Бело-

снежкой. А может, это прозвище родилось, когда мы проводили медовый месяц в горах и я пожаловалась, что матрас у нас в номере слишком жесткий. «Прямо Принцесса на горошине», — насмешливо и в то же время восхищенно протянул он. Какая жестокая ирония, что всего через несколько лет судьба швырнула меня на твердый, как камень, матрас, разложенный на полу в гостиной. И Принцессой Пол меня называть давно перестал.

«Я не должна больше ему звонить, — думала я, сжимая во влажной ладони горячий аппарат. — Это в последний раз, клянусь».

«Слушай, Миранда, я сейчас немного занят. Давай я тебе перезвоню?»

«Нет!» — в отчаянии взмолилась я.

«Созвонимся попозже, хорошо?»

Конечно, он не перезвонил. Наверное, новая девушка позвала его помочь ей с ужином. И после они толкались возле мраморной столешницы в нашей кухне — готовили, резали, помешивали. Спагетти с соусом маринара из помидоров, которые они в прошлом году вместе вырастили в саду. Возились бок о бок на запущенном мной заднем дворе, легко нагибались к внезапно сделавшейся плодородной земле, рыхлили ее и улыбались

друг другу.

«Кто звонил?» — должно быть, спросила она, поудобнее устраиваясь на кухонном стуле и поджимая под себя ногу.

«А, всего лишь Миранда», — ответил он.

«Золотая рыбка, она должна перестать тебе звонить». В моих жутких фантазиях она тоже называет его золотой рыбкой.

«Да, конечно. Но как мне ей об этом сказать? Понимаешь, у нее ведь больше никого нет. Мать умерла, когда она училась в колледже. А отец — еще раньше, когда она была совсем маленькой. В каком-то смысле я был ей и отцом, и братом».

Когда я представляю себе, как Пол это произносит, мне становится немного легче. Насчет того, что он — моя единственная семья, Пол прав, но роль свою в ней определяет неверно. Не был он мне ни отцом, ни братом, он был мне матерью — матерью, которая не страдает алкоголизмом и не стремится жить жизнью своей дочери.

«К тому же, — наверняка напомнил он своей подружке, — она нездорова».

«И сама в этом виновата, — проницательно заметила та. — И потом, это ведь больше не твоя проблема. Она сама тебя бросила, помнишь?»

После они, наверное, занялись сексом, при-

чем она была сверху. Ему, должно быть, очень нравится, что она способна с ним трахаться, не морщась от боли. Не боится защемить какой-нибудь нерв или сустав. О нет, она отзывчива, полна сил и порой не прочь поэкспериментировать. А еще, разумеется, она может зачать ребенка. Плодородна, как вспаханная земля в их пышно цветущем саду. О боже. Ведь они, возможно, уже пытаются…

Остаток вечера я рыдала. Даже и не подумала о том, чтобы выставить оценки за идиотское эссе. Или подготовиться к сегодняшним занятиям. Или доделать план репетиции, представлявший собой чистый лист бумаги с надписанным вверху красной ручкой названием «Все хорошо???». Вместо этого я посмотрела какой-то жуткий фильм по телевизору, под конец которого мне захотелось свести счеты с жизнью. Заказала ужин из греческого ресторана и съела его, стоя на одной ноге. Писала я тоже стоя, потому что боялась, что если сяду, встать уже не смогу. И, словно на красочный мираж, косилась на свой любимый красный диван, сесть на который не решалась уже больше года. И на мобильный, умирая от желания позвонить матери, хотя и знала, что, даже будь она жива, утешить меня она бы вряд

ли смогла. И все же я бы услышала ее голос, голос, по которому жутко скучала. Даже когда он неразборчиво мямлил, даже когда скатывался во тьму, в нем все равно сквозила любовь.

Потом я легла на пол, установив ноутбук над головой при помощи корейского «лежачего столика», который заказала на «Ибэй», и перевела еще немного денег черной козе-инвалидке из Колорадо. Я уже не первый раз это делала. Эта коза родилась с какой-то жуткой болезнью, из-за которой не могла нормально ходить. Ей даже протез козьей ноги сделали. Я снова и снова прокручивала ролик, в котором хозяйка козы, молодая, пышущая здоровьем блондинка, рыдая от любви, тревоги и надежды на то, что парализованной козе, которую ее угораздило спасти, станет лучше, просила помочь ей деньгами.

Потом я смотрела видео, в которых коза стойко переносила все медицинские процедуры и постоянно оказывалась на пороге смерти. И те, где, в недолгие моменты улучшений, она ковыляла на своей искусственной ноге или съезжала со снежной горы на санках. Уши козы хлопали на ветру, и мое сердце рассыпалось на части. Какая же она была счастливая в этих санках. Мне даже показалось, что на морде ее играет легкая

улыбка, и я расплакалась. Такая хрупкая. Такая беспомощная. Несмотря на все свои страдания, умудряется радоваться жизни. Ролик с санками я проигрывала до тех пор, пока не отрубилась на полу.

* * *

Я по-прежнему лежу на полу, но тут в дверь моего кабинета стучат. Потом еще раз. Меня передергивает. Скорее всего, это Фов. Определенно, она. Заглянула проверить, все ли со мной в порядке, — вранье, конечно.

«Как продвигается постановка, Миранда? — спросит она, глядя на меня, распростертую на полу, и скорбно улыбнется. — О, боже, снова страдалицу играешь, да?»

В обычной ситуации я могла бы только посочувствовать человеку, которому выпала должность ассистента. Но Фов, ясное дело, особый случай. Она твердо уверена, что это ей, защитившей диссертацию по «Кошкам» и пару лет подвизавшейся в музыкальном театре, должны были предложить место доцента, ей, а не мне. Что это ей должны были выделить мой кабинет. Что это она должна была урвать мою должность. В конце концов, у нее ведь есть когти. Всегда ярко

накрашенные и блестящие.

К тому же она за версту чует, что я — мошенница.

«Где вы защищали докторскую, Миранда?» — спросила она в нашу первую встречу. Делая вид, будто умирает от любопытства, а вовсе не знает ответ заранее.

«Миранда — актриса», — сообщила ей Грейс, погладив меня по спине. Тогда она еще меня любила. Ей нравилось, что я — творческая натура, а не научный работник. И не расхаживаю с шомполом в заднице, как остальные сотрудники факультета.

«Актриса, — повторила Фов, вытаращив глаза. — Правда? Я могла вас где-то видеть?»

«Я долгое время выступала в Массачусетсе. — Вранье. — И, конечно, принимала участие в шекспировских фестивалях. Во множестве фестивалей, — снова солгала я. — В Эдинбурге, в Айдахо».

«В Айдахо, — охнула Фов. — Вот оно что».

Я стараюсь напомнить себе, что доля ассистента весьма незавидна, что на этой должности легко превратиться в стерву. Ведь, глядя на коллег, ты наверняка постоянно думаешь: «Какого черта это вас, а не меня, взяли в штат?» И, в общем,

не удивительно, что Фов окрысилась на меня. Кривобокую и вечно подтормаживающую из-за лекарств. Теряющую нить разговора на полуслове. С три короба навравшую в резюме. Меня легко подсидеть. Нужно только запастись терпением, тщательно записывать болтающейся на шее ручкой порочащие меня факты и вовремя собрать чемодан, чтобы не пропустить крушение моего поезда. А как только он сойдет с рельс, оказаться тут как тут и собрать обломки.

«Чем я могу тебе помочь? — спросит она. — Вчера мне показалось, что ты просто с ног сбиваешься. И студенты очень расстроены».

Тук-тук — снова стучат в мою дверь.

Нет, это не Фов. Стук деликатный. И почему-то от этого звука мои глаза, устремленные на оборотную сторону столешницы, наполняются слезами. Паук уже куда-то уполз.

— Кто там? — спрашиваю я.

От одной мысли, что это может быть Бриана, меня пробирает дрожь. Впрочем, если это Грейс, тоже не легче. Не хочу сейчас ее видеть. О боже, и, пожалуйста, только не Хьюго. Если это Хьюго, я просто…

— Это Элли, — тихонько произносит голос за дверью.

И в царящей у меня внутри темноте вспыхивает маленький огонек.

— Елена, — шепчу я.

— Что?

— Подожди минутку.

Стараясь не пыхтеть, я поднимаюсь с пола. Ноги подо мной тут же подламываются, и я привычно опираюсь о стол. Но нельзя, чтобы Элли увидела меня такой. Я заставляю себя опуститься на кресло. И тут же вскрикиваю от режущей боли в коленях.

— Профессор, вы в порядке?

— Да-да, заходи, — отзываюсь я.

Элли входит нерешительно, как всегда. Одета она во что-то унылое. Вдоль бескровного лица свисают тусклые волосы. Серые глаза, как обычно, смотрят скорбно. Опущенные руки подрагивают, а пальцы то сжимаются, то разжимаются, выдавая тревогу. Как же я рада ее видеть.

Элли извиняется, что побеспокоила. Но я заверяю, что все в порядке. Конечно же, она меня не побеспокоила. Я всегда ей рада, пусть заходит в любое время. «Садись, моя дорогая».

— Профессор Фитч, вы уверены, что с вами все в порядке?

Как искренне она за меня переживает.

— Все нормально, Элли, — отзываюсь я. — Все хорошо. — И пытаюсь улыбнуться, но выходит неубедительно.

Элли смотрит на меня своими всевидящими печальными глазами.

— А на вид не скажешь, профессор Фитч.

— Что ж, Элли, по правде говоря, я не в лучшей форме.

— Вам больно? — Она задает этот вопрос так осторожно, словно он сам по себе способен ранить.

Мудрая, чуткая Элли.

— Просто старая травма. Еще с тех времен, когда я выступала на сцене, — отвечаю я. — Боюсь, я так от нее и не оправилась.

— О, мне так жаль. — Она определенно не лжет. Опускает голову, и я вижу блеклые светлые корни ее выкрашенных в блеклый темный цвет волос. — Я могу вам чем-то помочь?

Смотрит она на меня точно так, как, по моим представлениям, Елена должна смотреть на Короля Франции, предлагая ему исцелить его с помощью чудодейственной мази своего покойного отца. Или это была не мазь? Снадобье! А может, колдовство? Она искренне хочет помочь, но при этом желает получить взамен кое-что, кое-что

невообразимое.

Мне хочется сказать ей: «Элли, надеюсь, ты понимаешь, что я не даю тебе главные роли по единственной причине — из-за родителей этой сучки Брианы. Как бы мне хотелось, чтобы это ты играла Джульетту в прошлом сезоне. Ты была бы дивно хороша с этим сжигающим тебя печальным огнем и румянцем, всегда вспыхивающим при виде Тревора, нашего Ромео. Целых три месяца ты бы постоянно была с ним рядом. Три вечера в неделю ощущала его дыхание на своем лице. Вдыхала его мальчишеский мускусный запах. Смотрела в его прекрасные пустые глаза. Слушала его глупый звучный голос. Чувствовала, как близко его губы находятся от твоего непроколотого ушка, и все темные волоски на твоем бледном теле вставали бы дыбом. Он бы стискивал твои холодные руки в своих влажных жарких ладонях. А ты бы потом еще несколько месяцев, а то и лет вспоминала эти мгновения, когда мастурбировала. Перебирала бы их в уме, лежа в темноте, измученная уходом за больной злобной матерью, не понимающей, какое ты чудо. Как твой педагог, как — в некотором роде — вторая мать, я была бы счастлива дать тебе этот опыт. А не назначать тебя на роль кормилицы и смотреть, как

ты жмешься на задворках сцены в безвкусной одежде служанки и гриме, благодаря которому кажешься пожилой женщиной. Оттеняешь великолепие Брианы/Джульетты. Глядишь на них с Тревором и задыхаешься от ревности и горя. Однако страдания очищают душу. Заставляют ее изнывать от боли. А боль, Элли, — это великий дар для актера. Тяжкое бремя, но и дар тоже. Она дает внутреннее содержание. Если, конечно, ты способна ее контролировать».

Мне хочется сказать ей: «Ты моя истинная Елена».

Но, конечно, я ничего подобного не произношу. А говорю просто:

— Элли, ты знаешь что такое боль. И, надеюсь, понимаешь, что это дар. Ведь ты же начинающая актриса.

Элли не знает, что сказать. Она явно не в своей тарелке. Сидит, уставившись на свои скучные черные брюки, словно надеется найти ответ где-то между складок ворсистой ткани. На шее ее болтается маленький дешевенький кулон в виде серебристой пентаграммы.

— Спасибо, — шепчет она, уткнувшись взглядом в колени.

«Просто не понимаю, что ты нашла в этой де-

вочке», — часто говорит Грейс.

Я отвечаю: «Все». А если пьяна, сразу начинаю всхлипывать. И Грейс тогда отворачивается.

«По-моему, в ней есть что-то жутковатое», — однажды заметила она.

«Разве не во всех нас в этом возрасте было что-то жутковатое? — возразила я. — Во мне так точно. А в тебе?»

«Нет», — отрезала Грейс.

Я смотрю на Элли. Молчание ее лучше тысячи слов.

— Элли, что я могу для тебя сделать?

— Я хочу вас предупредить, — говорит она, и бледное личико ее принимает очень серьезное выражение.

— Предупредить?

Она кивает. И через плечо оглядывается на коридор. Дверь она оставила приоткрытой. Но закрывать ее уже слишком поздно.

— Студенты выражают… недовольство.

— Недовольство?

— Они кое с чем не согласны.

Острая боль пронзает мое бедро, позвоночник и кости таза.

— Так они недовольны или не согласны, Элли?

Она снова воровато оглядывается, потом пово-

рачивается ко мне и шепчет:

— Мне кажется, они собираются написать жалобу.

Тело горит. Позвоночник ходит ходуном. Бедра вспухли. Ноги требуют немедленно вскочить, хотя стоять у меня получается не лучше, чем сидеть.

— Жалобу?

Она кивает.

— На что же?

Разумеется, я знаю, на что. И отлично понимаю, кто выступил зачинщиком. Могу себе представить, как она подговаривает остальных, в праведном гневе встряхивая пышными блестящими волосами. Эшли/Мишель, надо думать, горячо ее поддерживает. Как и Фов, которая, без сомнения, успела пошептаться с ней после репетиции. «Дорогая моя, просто хочу, чтобы ты знала, что я сразу заметила, какая Миранда упертая. И считаю, что ты абсолютно права. В конце концов, это твой театр. Если потребуется поддержка, просто дай знать». Тревор, ее правая рука, тупо кивает, как Первый убийца в «Макбете». А потом они всей компанией отправляются в кабинет декана.

Или не так.

Может быть, приехав на выходные домой, Бриана нажаловалась на меня своим родителям-толстосумам. Воображаю окутанную золотистым светом столовую. Бриану с сияющими в свете люстры волосами, сидящую на золотом троне с подлокотниками в виде когтистых лап. Лениво ковыряя отварного лосося и тушеную спаржу, лежащие перед ней на тарелочке, она вздыхает: «Миранда заставляет меня играть несчастную бестолковую девственницу!» Родители сочувственно кивают, прихлебывая янтарное вино из хрустальных бокалов. Потом мать, зажав изящную ножку в наманикюренных пальчиках, звонит своему давнему другу — вице-президенту колледжа. И жалуется на безумную преподавательницу, упорно желающую ставить пьесу, о которой они с дочерью даже не слышали. «Все хорошо, что хорошо кончается?» Это вообще Шекспир написал? Неужели ничего нельзя сделать? Конечно же, можно.

— Некоторые студенты, — продолжает Элли, снова быстро оглянувшись через плечо, — очень расстроены тем, что в этом году мы собираемся ставить эту пьесу. И решили на вас пожаловаться. Официально. Я подслушала.

Кровь бросается мне в лицо. Я поднимаю глаза

на Элли.

Теперь она на меня не смотрит. Уткнулась взглядом в свои обтянутые черными брюками полные бедра. Это все потому, что она очень чуткая — дает мне время переварить эту информацию и взять себя в руки. И все же заметно, что она очень злится на них из-за меня.

— Когда ты это услышала?

Голос у меня совершенно спокойный. Чистое любопытство. Никакой паники.

— После репетиции. Когда уходила.

Я не могу плакать на глазах у Элли. Я себе этого не позволю. «Не смей! Не смей!»

— Спасибо, Элли. Спасибо, что дала знать.

Вот теперь голос у меня определенно дрожит. Ей пора идти.

— Профессор Фитч?

— Да, Элли.

— Хочу, чтоб вы знали, что я в этом не участвовала. Я бы никогда…

— Конечно, я понимаю.

— Просто мне показалось, что вы должны быть в курсе.

— Разумеется. Спасибо, что сказала.

— Профессор?

Пытаюсь силой мысли заставить Элли уйти.

Чтобы я могла выплакаться. Упасть под стол. И успеть принять таблетки, пока не началось занятие «Шекспир на сцене».

— Да?

— Не знаю, заинтересует ли вас это, но…

Она откашливается, и мне вдруг кажется, что сейчас она достанет свой блокнот Волшебницы Шалот и начнет зачитывать мне вслух печальные стихи.

Но Элли только очень пристально на меня смотрит.

— Я делаю смеси для ванн, профессор, — говорит она. — И с радостью приготовила бы одну для вас.

— Смеси для ванн?

— Из разных сушеных трав, масел и солей, — быстро объясняет она. — Знаете, они целебные. И расслабляющие. Может быть, они и вам смогут помочь. Они ведь обладают восстанавливающими свойствами.

Она вспыхивает, на бескровной шее посверкивает кулон в виде пентаграммы.

— Я готовлю их для знакомых, — добавляет она. — И иногда для себя.

— Правда?

Представляю, как она, напустив в ванну воды,

лежит в темноте с этим поблескивающим кулоном на шее. Мокрые волосы зачесаны назад, сквозь клубы пара проглядывает освещенное огоньком свечи бледное лицо. А глаза ее сосредоточенно закрыты.

— Вы не против, если я сделаю смесь для вас? — спрашивает Элли.

Я силюсь улыбнуться.

— Элли, уверена, у тебя есть более интересные занятия, чем готовить мне смесь для ванн.

Но она не улыбается в ответ. Просто смотрит с убийственной серьезностью.

— Я с радостью. Мне вовсе не сложно.

— Что ж, боюсь, я не особенно люблю принимать ванну. Но спасибо. Спасибо за заботу!

Телефон на столе начинает звонить. Декан? Вполне возможно. Мы с Элли одновременно оглядываемся на аппарат.

— А я все равно вам ее сделаю, — заявляет она и встает.

Вешает на плечо холщовую сумку. А потом улыбается, и мне кажется, что в глазах ее теплится любовь.

— Увидимся на репетиции, профессор Фитч.

* * *

Класс — черная дыра. «Шекспир на сцене» — что за идиотская шутка! Я окидываю взглядом своих студентов. Обреченных. Будущих безработных. И мне хочется крикнуть им: «Вы обречены!» Но говорю я:

— Добрый день!

И пытаюсь опереться о стол, но из-за того, что я так долго просидела с Элли, даже эта поза стала невыносима. Я невольно постанываю. Мое лицо — я это точно знаю — кажется бледным и измученным. Губы пересыхают, сколько бы я их ни облизывала. Хорошо, что это занятие можно пустить на самотек. Дать им прочесть по ролям какую-нибудь пьесу. В конце концов, пьесы ведь пишутся для того, чтобы их играли. Вот и пускай разыграют сцену. Или даже две, почему бы и нет? Разобьются на группы и обсудят, как это можно было бы поставить на сцене. Притом обсудят *подробно*. Поделятся друг с другом идеями. А ты, стоя у стены и из последних сил стараясь не умереть, будешь делать вид, что все подробно записываешь. А если время все равно останется, включишь им видеоролик. И пускай смотрят — с начала до конца. Любуются на молодых и красивых Патри-

ка Стюарта и Иэна Маккеллена[6]. Наслаждаются современной и абсолютно неубедительной постановкой «Отелло» от «Лайфтайм». Силятся что-то разобрать в дрожащем видео, запечатлевшем «Сон в летнюю ночь», представленный на фестивале в национальном парке Юты. Это все очень полезно и поучительно. Главное — не обращай внимания на вибрирующий в кармане мобильник. Ведь это наверняка декан. Стоит сейчас у окна в своем кабинете, разглядывает зеленый кампус, кукольные домики общежитий, белую церковку и прочие составляющие этого его игрушечного колледжа. Прижимает мобильный к уху и глупо улыбается. Должно быть, и Фов там, радостно предвкушает мое грядущее унижение. Она вообще часто заглядывает к декану — втирается в доверие. Таскает ему кофе, выпечку и новые галстуки со зверушками.

«Как увидела в магазине эту прелесть в маленьких осликах, почему-то сразу подумала о вас».

А он в ответ: «О, Фов, вы такая внимательная».

Конечно, она ему на меня уже жаловалась. Твердила, что мои режиссерские способности и педагогический опыт вызывают у нее большие

---

[6] Notes: 6

Патрик Стюарт и Иэн Маккеллен — британские актеры, прославившиеся ролями в шекспировских постановках.

сомнения. «Она вообще преподавала раньше? Да, я знаю, что она не научный работник, но она ведь и не профессиональная актриса. Где она там играла, в парочке фестивальных постановок?» Декану общаться с Фов очень нравится. Она скрашивает ему послеобеденные часы, которые в противном случае он бы провел, тупо улыбаясь в стену. Но сегодня у него есть еще одно развлечение — пытаться дозвониться до меня.

«Возьми трубку, возьми трубку», — заклинает он. По счастью, не способный управлять мной силой мысли.

«Не возьму, — мысленно отвечаю я ему. — У меня занятие. Вы что, забыли расписание? «Шекспир на сцене», с 2.30 до 3.45, алло? Мои студенты сейчас получают важный жизненный урок».

— Мисс Фитч?

Меня окликает сидящая в дальнем углу Скай. Милая Скай. Вся в черном. Длинные волосы, накрашенные блестящей бирюзовой, как морские волны, помадой губы. Русалочка-металлистка.

— Да, Скай?

— Кендалл, — поправляет девушка. Каштановый боб. Приплюснутая, как у мопса, мордочка. — Кто такая Скай? — растерянно спрашивает она.

— Скай?

Я окидываю класс взглядом, но Скай нигде не видно. Тут только мои привычные студенты, которые пялятся на меня с привычным ужасом.

— Мисс Фитч, вы в порядке?

Я вглядываюсь в их обращенные ко мне лица. Наконец-то никому не скучно.

«Мне кажется, это станет для тебя грандиозным начинанием, Миранда, — сказал Пол, когда я получила эту работу. — Нет, правда». А сам смотрел на меня и сиял. Как будто верил, что, значит, и наша с ним жизнь все же может наладиться. Что эта работа может спасти меня, спасти нас. Помню, как он отвел от моего лица волосы и поцеловал меня так, как не целовал уже очень давно. «Давай сходим куда-нибудь, отпразднуем?»

«Хорошо». Я попыталась улыбнуться, чтобы скрыть от него гнетущие меня мысли. Что я по уши завязла в болоте. И скоро оно окончательно меня поглотит.

«Студенты в тебя просто влюбятся. И работа-то не пыльная. Да ты, не приходя в сознание, могла бы ее выполнять».

— Мисс Фитч? Мисс Фитч, вы…

— Все нормально. Давайте сегодня закончим пораньше. Отдыхайте. Вы так старались…

Чистейшая ложь. Я постоянно им вру. Но это

всегда срабатывает.

— Доброй ночи, — говорю я им, когда они направляются к двери.

— Мисс Фитч, еще ведь даже вечер не наступил.

* * *

Прежде чем потащиться в театр на репетицию, я захожу в туалет и разглядываю себя в зеркале. «Вот тебе и конец пришел», — медленно, спокойно говорю я себе. Это ведь правда. Меня просто проглатывают, как таблетку, которых я сама проглотила сотни. И переваривают. «Ты больше не женщина. Не сексуальный объект». Я внимательно вглядываюсь в эту истину, и слезы не наворачиваются мне на глаза. Собственные обломки меня гипнотизируют. Завораживает лицо, по всей вероятности, мое собственное, исчерченное страдальческими морщинами, которые я не пытаюсь скрыть. Раньше… Ох, раньше я бы пыталась. Красила бы свои бледные потрескавшиеся губы алой помадой. Щипала бы себя за щеки или шлепала по ним щеткой, пока не порозовеют. А седые волоски выдрала бы. Подобно женщине, которая, цепляясь за лопухи и пачкая руки землей, пытается снова вскарабкаться на отвесный

утес, с которого недавно свалилась. Отчаявшееся создание, погрязшее в отрицании очевидного. Моя мать, упокой господи ее душу, одобрила бы такую стратегию. Мне часто вспоминается один эпизод, произошедший незадолго до ее смерти. Как она, пьяная, как всегда в тот период, напевая, поправляла полотенца для лица в гостевой ванной. А с первого этажа, из кухни, уже валил дым. Мать сожгла жир на плите и напрочь о нем забыла. Стояла в ванной, прижавшись лбом к кафелю, разглаживала крошечные бесполезные полотенца и распевала: «Que Sera, Sera»[7].

[7] Notes: 7

Que Sera, Sera («Чему быть, того не миновать») — песня, написанная дуэтом поэтов-песенников Джеем Ливингстоном и Джеем Эвансом, впервые прозвучавшая в фильме Альфреда Хичкока «Человек, который слишком много знал».

Глава 6

Придя на репетицию, я обнаруживаю, что в зале нет никого, кроме сидящей на краю сцены Элли. На плече ее болтается холщовая сумка, прямые темные волосы обрамляют круглое и бледное, как луна, лицо. Сильно подведенные глаза смотрят мимо меня — на замусоренную сцену, на пушистые комки пыли, сереющие в ярком свете софитов. «Мне так жаль, профессор, — как бы безмолвно говорит Элли. — Я ведь вас предупреждала».

Я окидываю взглядом жутковатый пустой театр. Даже Грейс не пришла. Представляю, как торжествует сейчас Бриана. Должно быть, улыбается. Сидит в спальне перед трельяжем и разглядывает себя в зеркале, а мать, стоя позади с бокалом золотистого вина в руке, длинными плавными движениями расчесывает ее сияющие волосы. «Все улажено, милая».

С моих губ невольно срывается низкий жалобный вскрик.

— Мне так жаль, профессор Фитч, — говорит Элли.

— Все нормально, Элли, — улыбаюсь я. — Уве-

рена, ребята с минуты на минуту появятся.

Элли смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Простите, профессор, но, по-моему, сегодня никто не придет.

— Разумеется, они придут, Элли, — возражаю я. Зачем я ее переубеждаю? — У нас же репетиция.

Я приваливаюсь к краю сцены, словно и в самом деле ожидаю, что студенты вот-вот появятся. И под взглядом украдкой косящейся на меня Элли набираю номер Грейс. Нет ответа. Иногда она перед репетицией отправляется позаниматься в институтский тренажерный зал. Устраивает себе, по ее собственному выражению, «силовой день». В театр она наверняка демонстративно явится в спортивном костюме и с бутылью какого-нибудь тонизирующего напитка в руках. А может, успеет переодеться в брюки и жилет и нагрянет сюда с еще влажными после душа волосами, прямотаки излучающая здоровье. Бодрая, собранная, энергичная — смотреть противно. И все же я бы многое отдала, чтобы она сию минуту решительно вошла в зал. Снова набираю ее номер. Потом отправляю сообщение: *«Где ты?»*

А затем, обернувшись к Элли, улыбаюсь так, словно все идет по плану. Словно мое тело не собирается с минуты на минуту мне изменить.

Словно ее образ не двоится у меня в глазах. Словно все хорошо.

— Итак, Элли, — начинаю я, — раз уж мы все равно ждем, пока народ подтянется, давай, что ли, немного разомнемся? Попробуй продекламировать монолог Елены.

Элли в растерянности смотрит на меня.

— Но ведь Елену играет Бриана.

— Что ж, Брианы здесь нет, правда?

— Правда.

— А ты ее дублерша, так?

— Так.

— Вот и давай порепетируем. На всякий случай. Мало ли что может случиться с бедняжкой Брианой. Несчастный случай. Внезапное недомогание. Грипп. Мононуклеоз. Всякое бывает, Елена.

— Елена?

— В смысле, Элли. Давай-ка, Элли, попробуй сыграть Елену.

Элли оглядывается по сторонам.

— Но здесь больше никого нет.

— А тебе никто и не нужен! — резко бросаю я.

И тут же беру себя в руки. Два глубоких вдоха — как учил Марк в те времена, когда у него еще был для меня — для нас! — план, в те времена, когда он еще верил, что меня можно вылечить.

— В этот момент ты на сцене одна, помнишь?

— Да.

— Ну так начинай. А я сейчас вернусь. Остальные наверняка уже на подходе. Загляну в холл, проверю.

Но и в холле тоже так пусто, что жуть берет. Ни Грейс, ни студентов. Только негромко гудят торговые автоматы. Стены здесь увешаны нашими старыми афишами и фотографиями со спектаклей. «Буря». «Как вам это понравится». «Ромео и Джульетта». И с каждого снимка, из самого темного угла, гляжу я — словно сама все это сотворила. Сама выбрала такую жизнь. Только лицо меня выдает, лицо, с каждой новой фотографией принимающее все более страдальческое выражение. И глаза, которые стекленеют все сильнее и западают все глубже. И согбенная фигура, утопающая в тусклом темном платье. А вот Грейс на всех снимках одинаковая. Серьезная молодая женщина в жилете с карманами. И прическа у нее везде одна — рыжевато-каштановые волосы подстрижены под Жанну д'Арк. На губах играет зловещая ухмылка охотника, позирующего рядом с подстреленной добычей. После она разделает тушу — мясо съест, шкуру продубит, а голову приколотит к своей пенно-розовой стене.

Были времена, когда Грейс твердо верила, что я всегда поступаю правильно. Считала меня своеобразным амулетом. «Я однажды видела тебя на сцене в Бостоне, — сказала она мне в день нашего знакомства, в день, когда я впервые оказалась в кампусе. — В «Зимней сказке». Ты играла Пердиту. Мне очень понравилось». И я поняла, что в устах Грейс это была наивысшая похвала. Позже, когда мы вместе ходили пропустить по стаканчику, она как-то призналась, что тоже в свое время подумывала о сцене. И даже играла Леди Брэкнелл, безжалостную мать, в студенческой постановке «Как важно быть серьезным».

«Леди Брэкнелл? — скривилась я. — Да кто там у вас роли распределял?» И сразу вспомнила болтавшийся у нее на кошельке брелок в виде розовой балетной туфельки. Вспомнила, как Грейс, округляя глаза, расспрашивала меня о том лете, когда я играла Белоснежку. «Как по мне, ты прирожденная Сесили», — добавила я. Сесили, розовая роза, символ элегантной женственности. Грейс глянула на меня поверх кружки. Глаза ее сияли.

«Давай ставить спектакль вместе», — предложила она после того, как я отработала в колледже первый семестр.

«Давай», — согласилась я.

Но теперь я определенно пала в ее глазах, теперь нас с Грейс разделяет огромное расстояние. И все же, не могла ведь она меня предать? Я кошусь на экран телефона. По-прежнему ни одного сообщения.

— Что происходит? — спрашиваю я у пустынного холла.

А потом замечаю, что дверь театральной мастерской приоткрыта, и из щели виднеется полоса света. Логово Хьюго. Кажется, там негромко играет музыка, до меня доносится приглушенный гитарный рокот. Сердце в груди колотится, как бешеное. Он там. Все еще работает над постановкой, моей постановкой. Создает для нее осязаемый мир.

Вхожу. В нос мне, кружа голову, ударяет сладкий запах древесины. И от этого почему-то сразу накатывает умиротворение. В высокие окна мастерской светит неяркое вечернее солнце. Тут и там громоздятся прислоненные к стенам незаконченные фрагменты декораций. Одни представляют собой изысканный интерьер французского дворца, другие — пышную природу Италии: голубое небо, зеленую листву и виноградные лозы, освещенные ярким солнцем. Небо,

листву и лозы из «Все хорошо».

Я окидываю мастерскую взглядом, и мое сердце воспаряет. А боль слегка унимается. Больше не кричит криком, только шепчет. Стул с ноги сдвинули. И паутина теперь мерцает едва-едва.

И вдруг я замечаю его. Накрытый куском ткани, он стоит в центре большого деревянного верстака. Макет. Миниатюрные декорации к постановке, мини-портрет вселенной моего спектакля.

В волнении я ковыляю к нему. Честно признаться, я и не думала, что еще способна передвигаться так быстро.

Интересно, какую мою идею он воплощает? Может, это акт первый, сцена первая? Где Елена рассказывает зрителям о своих горестях: она без ума от Бертрама, но ей ни за что его не получить? Или это та сцена, в которой она с помощью колдовских чар исцеляет Короля? Или момент, когда воспрявший духом Король приказывает Бертраму жениться на Елене, а тот не желает брать ее в жены, и все зрители мгновенно проникаются к нему ненавистью? Или тот, где Елена получает от Бертрама ледяное письмо, в котором он объявляет, что уезжает в Италию на войну, потому что лучше умрет, чем станет ей мужем? А может

быть, это финал, в котором Елена, перевернув небо и землю, все же заставляет Бертрама ее полюбить? И тот, наконец, объявляет и ей самой, и всему миру, что видит ее, видит по-настоящему — в той единственной совершенно невероятной строчке.

— Миранда?

И вот он возникает передо мной — в руке зажат молоток, волосы занавешивают глаза. На нем футболка с Led Zeppelin и знакомые заляпанные краской джинсы. И похож он на обдолбанного норвежского бога.

— Хьюго, — шепчу я.

— Миранда, — отзывается он. — А я услышал какой-то шорох и вышел на шум.

Он улыбается, и внутри у меня вспыхивают зловещие искорки.

Что мне рассказать вам о Хьюго, кроме того, что какое-то время мне казалось, будто я его выдумала? Соткала из воздуха и «валиума», чтобы было ради чего ходить на работу, ради чего жить дальше. Но нет, я его не наколдовала. Хьюго — реальный человек. Раньше он работал на заводе, а потом сделался мастером на все руки у нас в колледже. Зимой и весной помимо основных обязанностей он еще мастерит декорации для

институтского театра. Хьюго так хорош собой, что кажется, будто бог прислал его сюда, чтобы сыграть над факультетом английского языка злую шутку, поглумиться над шабашем несчастных издерганных поклонниц Стинга. «Видели, ведьмы старые? — как бы говорит нам он. — Вот она — жизнь. Прямо перед вами. Благоухает вечной юностью. Мастерит из дерева что-то невероятное своими крепкими, перевитыми венами руками. Смотрите на него, вожделейте его! Любуйтесь виноградными лозами татуировки, взбирающейся вверх по его мускулистым предплечьям, намекающей, что его породила сама земля, что он — ее самое лучшее, самое чудесное дерево».

А еще Хьюго сидел в тюрьме. Понятия не имею, за что его туда упекли. Но мы с Грейс любим строить догадки на эту тему. «Покушение на убийство? Угон машины? Нападение с отягчающими? Как думаешь, на кого он мог напасть? Я почему-то не сомневаюсь, что они сами напросились».

«Миранда, какая разница? Самое главное, что он великолепен, как мастер декораций».

«О да, это правда. Он великолепен».

Как-то на вечеринке после спектакля Хьюго рассказал мне, что это в тюрьме он увлекся Шекс-

пиром и научился делать декорации. А до этого ему и на Шекспира, и на театр было насрать — «Простите, Миранда».

«О, что вы, не извиняйтесь, пожалуйста», — отозвалась я. В темном переулке моего сердца шелестели опавшие листья.

Там же, в тюрьме, он научился создавать целый мир, располагая минимумом инструментов и материалов. А потому для институтского театра с его практически отсутствующим бюджетом оказался великолепной находкой. Так я и сказала ему на той вечеринке: «Вы великолепны».

Хьюго растерялся, не зная что ответить.

Тихо пробормотал: «Спасибо», отпил вина из стаканчика и ретировался к компании своих приятелей из техперсонала. Они стали громко обсуждать концерт какой-то хеви-метал группы, на который ходили все вместе. От меня же не укрылось, как увивалась вокруг них Фов, картинно округляя глаза и заливаясь над каждой шуточкой Хьюго. Уж очень старалась показать, что ей интересно, что она вовсе не ханжа с шомполом в заднице и неизменно играющим в машине Сондхаймом[8], а своя в доску отвязная девчонка. Что

[8] Notes: 8

Стивен Джошуа Сондхайм, американский композитор, поэт и драматург, автор многих бродвейских мюзиклов.

вы, она просто обожает хеви-метал! Вот даже и разговор о нем может поддержать — ну, видимо, раз сочла нужным влезать. И вот что странно — Хьюго слушал ее довольно внимательно и даже кивал головой.

Я отправилась разыскивать Грейс и нашла ее в уголке с сигаретой. Наверняка она видела всю эту сцену, но мне сказала лишь: «Зажигалку?»

Я никогда не смогу заставить себя заглянуть Хьюго прямо в его странно поблескивающие глаза. Такие безмятежные, всегда словно слегка затуманенные. Цвет их постоянно меняется — в зависимости от освещения. Я никогда не посмею открыто залюбоваться его волосами цвета спеющей на солнце пшеницы. Никогда не смогу остановить взгляд на его губах, еще более идеальных из-за короткого неровного шрамика в уголке рта, благодаря которому кажется, что Хьюго постоянно усмехается. Может, он в тюрьме его заработал? Что уж говорить о настоящей его улыбке, той, с которой он сейчас смотрит на меня! От нее все мое тело делается светящимся и невесомым.

— А я вас в театре и не заметил, — говорит Хьюго.

«Еще бы, — думаю я. — Как ты мог меня заме-

тить?»

В былые времена я могла заставить таких как Хьюго ползать передо мной на коленях. Мне вспоминается та молодая женщина, которой я была когда-то. Ее яркий портрет из старой театральной программки «Все хорошо». Она до сих пор хранится у меня на самом дне мертвого ящика с нижним бельем, и иногда ночами я достаю ее и мучаю себя. Листаю ветхие блестящие страницы. И вот оно! Мое невозможно лучезарное юное лицо, обрамленное каскадом темных волнистых волос. Невероятная красота! Капля жестокости. И блаженное неведение относительно будущего.

— Простите, что нагрянула без предупреждения, — говорю я. — Просто услышала музыку и…

— Пришли на шабаш[9], значит? — усмехается Хьюго.

А я смотрю на него, надеясь, что сумела изобразить на лице нечто похожее на улыбку.

— Не извиняйтесь, — продолжает он. — Я всегда рад вас видеть.

Да ладно? Серьезно?

— Эй, Миранда, вы в порядке?

«Не смей жаловаться ему на свои боли. Даже

---

[9] Notes: 9

У Хьюго в мастерской играет группа «Black Sabbath», название которой можно перевести как «Черный Шабаш».

не вздумай, карга ты старая. Чшш!» — шипит молодая прекрасная Я. И подносит свой изящный пальчик к ярким, как вишни, губам. Я же сжимаю свои, потрескавшиеся, и киваю:

— Ага, просто репетиция. В смысле, жду, когда она начнется. Почему-то пока еще никто не подошел.

Я опускаю глаза на усыпанный опилками пол. Ни за что не дам себе расплакаться перед Хьюго.

— Оу, — мягко отзывается он. — Мне жаль.

И я вспоминаю, как на прошлой репетиции он глянул на меня с жалостью. Видел, как меня унизили проклятый Тревор и молча ухмыляющаяся Бриана. И теперь под его взглядом щеки мои неудержимо алеют.

— Все нормально. Уверена, они придут с минуты на минуту, — сообщаю я полу.

— Да, конечно, — покладисто соглашается Хьюго. Подняв глаза, я вижу, как он вытаскивает из-за своего идеального уха сигарету. И меня словно волной захлестывает — так и хочется впиться в это ухо зубами. — Как-то рановато для мятежа, так ведь?

— Бунтовать никогда не рано, — шепчу я.

Хьюго смеется. Думает, я шучу.

— Вообще-то, Миранда, я рад, что вы зашли.

О боже, мое имя у Хьюго на устах. Я закрываю глаза.

— Правда?

«Да не в буквальном же смысле, идиотка! Это обычная профессиональная вежливость, алло!»

— Ага, хотел вам показать… впрочем… — смеется он. — Вы, кажется, уже его нашли. Я про макет. — Он кивает на накрытый тканью ящик.

— Да. Правда, я еще его не видела. Но мне не терпится посмотреть.

Юная и прекрасная Я качает головой со страницы театральной программки. Безнадежна. Она безнадежна.

— Это пока так, предварительный набросок. Я только сегодня его сделал. И хотел узнать ваше мнение, прежде чем продолжить над ним работать.

— Вы хотели узнать мое мнение? — Я так тронута, что это просто нелепо.

— Конечно. Я ведь помню, у вас был свой особый взгляд на «Все хорошо».

И я вспоминаю, как прошлым летом мы с Хьюго сидели в закусочной и обсуждали мое видение пьесы и декораций к спектаклю. Признаюсь честно, перед встречей я выпила, несмотря на то, что в тот день проглотила уже уйму таблеток. И

все равно мне даже сидеть было больно. Но я все же села, разумеется, села и взяла в руки чашку с чаем, который не собиралась пить. Села, неспособная переварить тот факт, что напротив меня он, Хьюго. Что мы с ним вместе в закусочной, как будто на свидании. В тот день он надел футболку с Cornered by Zombies. Было два часа дня. За соседним столиком какая-то сумасшедшая в фуражке с козырьком что-то негромко бормотала себе под нос. Я пыталась поддерживать светскую беседу — «Как вы провели лето?» и все такое — но получалось просто ужасно. И все же Хьюго вежливо мне подыгрывал, рассказывал, что делал кресла в адирондакском стиле и ходил на концерты металлистов. И в театр тоже заглядывал, не подумайте, быстро добавил он, словно разговаривал со строгой начальницей. Еще пару раз отправлялся в походы, ну и вообще проводил много времени на свежем воздухе. Это ведь так здорово, побросать вещи в рюкзак и свалить из города. Полазить по горам и все такое, правда?

«Ага», — отозвалась я, словно и в самом деле представляла, каково это. И тут же вообразила, как мы с Хьюго вместе сбегаем в поход по горам. Или сидим у него в саду (у него ведь наверняка есть сад?) на им же самим сколоченных креслах.

Представила, как я стою позади него на хевиметал концерте, и от грохота у меня вибрируют кости. Полный восторг.

«А вы как? — спросил он. — Чем занимались летом?»

Я вспомнила, как лежала на полу в собственной гостиной и подвывала в темноте. Как смотрела по телику реалити-шоу, а в интернете — ролики про козу-инвалидку. И ответила: «Да так, всем понемножку».

Помнится, я не могла заставить себя взглянуть ему в глаза. И говорила в итоге, глядя в стол. Это столу я рассказывала, как представляю себе сценическое пространство спектакля, свет и костюмы. Что вижу Елену женщиной, испытывающей глубокую душевную боль, которую никто во вселенной пьесы не способен понять. Кроме зрителей, конечно. И все это оттого, что Бертрам ее не любит, даже не замечает, потому что он слеп.

«Конечно», — отозвался Хьюго.

Я убеждала его, что эта пьеса — своего рода готическая сказка, в которой Елене предстоит пройти множество испытаний, чтобы исцелить бесчувственную, слепую душу Бертрама, заставить его открыть глаза и наконец-то ее заметить.

А он, увидев ее по-настоящему, разумеется, не может в нее не влюбиться. На этих словах я подняла глаза на Хьюго и обнаружила, что он смотрит куда-то мне за спину. Должно быть, на проходящую мимо официантку. Или стайку девушек. Или на часы на стене. Оборачиваться я не стала. «Звучит здорово, Миранда!»

— Уверена, что бы вы ни придумали, макет получился грандиозный, — говорю я.

— Что ж, давайте проверим, понравится ли вам.

Он сдергивает с макета ткань, а я зажмуриваюсь. Воображаю, что сейчас увижу французский дворец. Увижу собственную душу. Загляну в темное зеркало и заплачу от радости узнавания. Я открываю глаза.

Передо мной крошечный зловещий лес. Черные пластилиновые деревья с голыми ветками. Над ними низко нависла бумажная луна. В углу, в сгустившейся тьме, застыли три маленькие ведьмы. А в центре миниатюрной сцены стоит игрушечный человечек с мечом в руках. На его лице в виде буквы «о» — страдальчески распахнутый рот.

— Это еще что, на хрен, такое? — шепчу я.

— О черт! Вам не понравилось?

Я разглядываю колдуний. И качаю головой.

— Я просто не понимаю. Что это?

«Ты отлично знаешь, что это».

— Оу, ну как же, первый акт… Сцена с ведьмами…

— Во «Все хорошо» нет никаких ведьм.

— Миранда, но ведь это не для «Все хорошо». В смысле, я начал делать макет для того спектакля, но пришлось все выбросить. Ну… Вы же в курсе…

Я разглядываю трех хихикающих старух. Крошечного, закутанного в плащ человечка с мечом. Окружающие их черные деревья. И, наконец, выдыхаю:

— «Макбет».

Хьюго вздрагивает.

— Черт, Миранда, вам разве теперь не нужно трижды обернуться вокруг себя и сплюнуть? Или бросить соль через левое плечо?

— Зачем?

— Ну, чтобы не сглазить?

Это он о проклятии, о том, что в театре нельзя произносить названия «Макбет». Но я в это суеверие давно не верю. Раньше верила, конечно. Никогда не называла «Макбета» «Макбетом» — только «Шотландской пьесой» или «Пьесой Барда». А потом сама, как Леди Макбет, рухнула

с пьедестала — в смысле, со сцены. И поняла, что все эти иносказания и эвфемизмы — полная чушь. Оно все равно тебя слышит.

Притихшее было пламя снова ярко вспыхивает. Я больше не могу стоять, опираясь на правую ногу. Чуть приподняв ее над полом, я оборачиваюсь к Хьюго. Слепому Хьюго. Бесчувственному Хьюго.

— Но почему вы его сделали?

— Миранда, простите, я думал, вы знаете.

— Знаю *что*?

— Ну, о замене.

– *Замене*? Какой замене?

— Утром ко мне зашла Фов и сказала, что у нас в репертуаре замена, что мы будем ставить «Пьесу Барда». Вроде как ей декан объявил.

Представляю себе, как она нашептывает об этом Хьюго, приблизив блестящие губы к его уху и щекоча ему шею своими рыжими волосами. Наслаждается близостью этого пахнущего деревом тела, придвигается еще теснее, жарко дышит ему в лицо, радуясь тому, что меня свергли.

Я снова опускаю глаза на трех ведьм. И замечаю, что одна из них — рыжая. Темные узкие губы ее сложены в кривую ухмылку.

— Простите, Миранда. Я никак не ожидал, что

вы не в курсе, — продолжает Хьюго. — Меня, конечно, никто не спрашивает, но, по-моему, это фигня какая-то. Как по мне, вы первая должны были узнать. В смысле, вы же режиссер, так?

— Я режиссер, — шепчу я.

А потом вспоминаю пустой театр. Сцену, на которой нет никого, кроме Элли. В одиночестве репетирующей роль Елены в свете софитов.

— Мне пора.

— Миранда, подождите, с вами все в порядке?

Я быстро иду прочь, стараясь не хромать, стараясь двигаться грациозно. Но ничего не выходит. Впрочем, Хьюго все равно наверняка на меня не смотрит.

Глава 7

Войдя в кабинет декана, я вижу не одного, а целых трех мужчин. Все они одеты в костюмы одинакового серого оттенка. Все сидят за столом: декан — в центре, а по бокам от него президент и вице-президент колледжа. Макушки их иллюстрируют различные стадии облысения и способы маскировки наметившейся лысины остатками волос. Три пары слезящихся глаз невозмутимо смотрят на меня. Три пары поросших волосками рук сцепляют пальцы. На каждой левой из всех трех пар поблескивает обручальное кольцо.

«Просто дружеская беседа, Миранда».

Но пахнет в кабинете одеколоном. И потом. И охотой на ведьм.

Попрощавшись с Хьюго, я вернулась в театр. Конечно же, он оказался пуст. И тут мой телефон зазвонил. Снова декан.

«Миранда, загляните, пожалуйста, перед уходом в мой кабинет».

— Заходите, заходите, — лучезарно приветствует меня декан.

Президент и вице-президент холодно улыба-

ются. Я про себя называю их Бабочка и Начес. Бабочка, разумеется, любит галстуки-бабочка, сегодня на нем как раз такой, разрисованный крошечными крылатыми свинками. Лысина Начеса блестит в свете ламп. Между ними разместился сияющий декан. Шут гороховый. И вовсе не шекспировский, не мудрец под маской скомороха, а натуральный шут. Мы с Грейс между собой зовем его Мохнатый Сосок — за любовь к тонким водолазкам, не оставляющим простора воображению.

Сейчас Мохнатый Сосок благосклонно мне улыбается. «Миранда, у нас тут не судилище. Мы не собираемся жечь тебя на костре, ничего такого. Просто побеседуем в теплой дружеской обстановке, верно ведь?» Он оглядывается на сверлящих меня глазами соседей.

— Заходите, заходите. Ого! Да вы хромаете. Что случилось? Ногу подвернули?

— Нет, спина болит. Спина и бедро.

— Оу, — улыбается он. — Что ж, садитесь, пожалуйста. Располагайтесь.

Я окидываю взглядом хлипкое пластиковое кресло, на которое он мне указывает. Мог бы с тем же успехом предложить мне забраться в железную деву. Если я сяду на этот дурацкий стул,

мне придется дорого за это заплатить. И встать я, возможно, уже не смогу. Но я представляю, что будет, если я предпочту остаться на ногах. Воображаю, как маячу над столом, отбрасывая на этих троих изломанную тень. А они тем временем разглядывают мою уродливую скрюченную фигуру. Наверняка ведь подумают, что все это — мой хитроумный план. Что преподавательница драматического искусства разыгрывает для них спектакль. Что мне просто необходимо устроить театр везде, где бы я ни появилась.

— Миранда, все в порядке?

Нет. Мое тело — черное небо, усеянное сверкающими звездами боли.

— Да, нормально.

Я сажусь. Нога истошно визжит. Интересно, слышат ли они? Нет, конечно. Иначе не смотрели бы на меня так, будто все хорошо. «Просто беседа, Миранда. Дружеская беседа».

Декан любит напоминать мне, что в свое время тоже играл в любительском театре. Не поверите, мы там даже Шекспира ставили. «Бурю», да-да. Читали такое? Он играл Калибана! До чего же здорово было вживаться в роль чудовища! Лучший период его жизни. А какой ценный опыт! «Иными словами, Миранда, я ваш союзник. Я

здесь, чтобы помочь вам».

Так почему же я не доверяю Мохнатому Соску, этим его мерцающим катарактой голубым глазам, этому кабинету, увешанному фотографиями, демонстрирующими ужасы семейной жизни в Новой Англии? Потому что он всегда мне об этом рассказывает, прежде чем сообщить об очередном урезании театрального бюджета.

— А я все пытался до вас дозвониться. Оказывается, вас не так-то просто поймать.

— Я ведь преподаватель, — напоминаю я. — У меня был урок. Потом проверка тетрадей. Снова урок. А затем репетиция. На которую, к слову, никто не явился.

Молчание. Я сверлю его обвиняющим взглядом.

Вот теперь декану явно не по себе.

— А как прошли занятия? — спрашивает он.

Я рассказываю, он же понятливо качает головой:

— Прекрасно, прекрасно. Шекспир… Бессмертная штука, верно ведь?

— Абсолютно, — без улыбки подтверждает Начес.

— Да уж, сэр, — кивает Бабочка и стучит в столешницу, словно в дверь.

— Заставляет задуматься, верно ведь? — продолжает декан. — Иногда даже как-то чересчур. — И ухмыляется как полный идиот. — Что вовсе даже не плохо! Не поймите неправильно, я считаю, что думать полезно!

— Студентам нравится, — вставляю я. Вроде как защищаюсь. Оправдываюсь, чтобы меня не сочли бесполезной.

— Разумеется, разумеется, — соглашается декан. — Но вы же не станете спорить, что одни его пьесы чуть более увлекательны, чем другие? Верно ведь, Миранда? Одни увлекательнее других? По мнению студентов?

Вот она, ловушка. «Давай же, Миранда, шагни в капкан».

— Я бы сказала, что каждая его пьеса интересна по-своему, — возражаю я.

Декан хмурится. Бабочка и Начес молчат. Потому что разговор нам предстоит не из легких, теперь я ясно это вижу.

— Что ж, именно об этом мы с вами и хотели поговорить, Миранда.

— Так говорите, — широко улыбаюсь я, несмотря на то, что уголок рта у меня дергается. — Я с радостью с вами побеседую. Обсужу, например, почему я обнаружила в театральной мастерской

макет декораций для другой пьесы.

Вот теперь я сама от себя в шоке. Бабочка и Начес переглядываются, потом оборачиваются к декану, своей по-идиотски лыбящейся марионетке. Как он намерен со мной сладить?

— В этом-то все и дело, Миранда, — начинает он. — Все мы знаем вас как преданного своему делу педагога. Нам известно, как вы болеете душой за программу театроведения. Как мечтаете, чтобы она воссияла в своем первозданном величии, верно ведь?

Начес и Бабочка сжимают губы в тонкие линии. Декан же, для контраста, почти неприлично широко улыбается. Я замечаю, что лоб у него вспотел.

— Как и все мы, кстати, мы все об этом мечтаем, — добавляет он. — Но увы… — тут он драматично вздыхает, — чтобы это произошло, Миранда… нам нужна поддержка, верно ведь? Поддержка сообщества, верно ведь?

Он беспомощно оглядывается на безмолвное начальство.

— Крепкий тыл, — наконец выдает Начес.

— Да, именно, крепкий тыл, — лихорадочно кивает декан. — Миранда, вы понимаете, о чем я?

Я разглядываю фотографии в рамках, на ко-

торых декан, его скучная жена и их скучные отпрыски отдыхают на Кейп-Коде. На всех снимках они запечатлены во время рыбалки. Кроме одного, где декан, зажав в руках вилку для лобстера, готовится запустить ее в кишки несчастного вареного ракообразного. И при этом зловеще пялится на бедное существо.

— Понимаю, — отвечаю я. — Вам нужны деньги.

И представляю себе, как декан, Бабочка и Начес дефилируют по темному переулку. В дырявых трикотажных платьях, блондинистых париках и ботфортах на шпильках. Как они останавливают проезжающие мимо машины и колотят им в лобовое стекло своими мясистыми ладонями.

Теперь хмурятся все трое. Как я посмела выразиться так грубо?

— Что нам нужно, мисс Фитч, — нависает над столом Бабочка, — так это состоятельные члены сообщества, как мужчины, так и женщины, готовые поддерживать наши инициативы. И нам — вам! — очень повезло, что такие мужчины и женщины в сообществе уже есть.

Когда он произносит это, глаза его едва не затягиваются блаженной поволокой. «Такие мужчины и женщины». «В сообществе уже есть».

Почему бы просто не озвучить фамилию родителей Брианы? Отчего мы так боимся называть мерзости своими именами? Мне вспоминается аристократка в капри — о да, она всегда носит капри. С волосами, выкрашенными под естественный цвет шевелюры ее дочери. Рядом с ней неулыбчивый мужчина в футболке-поло. С раскрасневшегося от гольфа и хождения на яхте лица глядят зеленые, как листья, глаза его бесталанной дочери. Эта парочка на каждой премьере восседает на специально оставленных для них тронах в первом ряду с таким видом, словно владеет не только театром, но и моей душой в придачу. Что не так уж далеко от истины.

— Очень повезло, — повторяю я. — Безусловно.

— Они так радеют за институтский театр, — продолжает Начес, — что вынуждены были обратиться к нам, так как в последнее время кое-что вызывает у них беспокойство.

Декан кивает. «Беспокойство! Какое верное слово!»

— Правда? — спрашиваю я, якобы очень удивленная.

А на деле — вовсе не удивленная. Вцепившись пальцами в подлокотники, я смотрю этой троице прямо в глаза. «Говорите уже, черт вас возьми!»

Начес и Бабочка оглядываются на декана. «Что ж…»

— Миранда, на вас поступила жалоба, — непринужденно сообщает тот. — Студенты недовольны тем, какую пьесу вы выбрали для постановки в этом сезоне. Похоже, они вовсе не ее хотели ставить, а другую вещь, верно ведь? И ждали этого с нетерпением, так?

Можно подумать, он сам не знает.

— Напомните, пожалуйста, еще раз, что они хотели представлять? — Он неправдоподобно разыгрывает приступ забывчивости. Воображаю, какой из него в свое время получился Калибан. — Какую пьесу?

— «Макбета», — выплевывает Начес.

— Да-да, «Макбета», — подхватывает Бабочка.

— Упс. — Декан подмигивает мне с этакой мерзенькой заговорщической улыбкой. — Кажется, это название нельзя произносить вслух, верно ведь? Не то сработает проклятие? Можно сглазить и все такое?

На мгновение мне мерещится, что из-под бледной маски его лица проступает настоящая кожа — зеленая, как у рептилии. Сколько таблеток я приняла перед приходом сюда?

— Я думал, это только театра касается, — гово-

рит Бабочка. И кисло усмехается.

Декан цокает языком.

— Лучше перебдеть, верно ведь? Мы-то знаем, как суеверны все люди искусства.

— Разумеется, — зубодробительно улыбается мне Начес. — Не будем искушать удачу.

— Именно, — сияет декан. — В общем, нам сообщили, что вы настаиваете, чтобы студенты двинулись в ином направлении.

— На правах режиссера, — вставляю я.

И лица их, еще недавно игриво усмехающиеся, мертвеют.

— Простите?

— Я режиссер. И я веду их в ином направлении. На правах режиссера.

Троица переглядывается. Я пытаюсь отстоять свое мнение. Но, как обычно, получается не очень. Меня легко смести. Где уж мне что-то отстаивать, когда я просто стоять-то не в силах.

— До нас дошло, что несмотря на неоднократно озвученные вам возражения, вы все же настаиваете на постановке другой пьесы. Которая им не по душе. Как там она называется? «Как вам это понравится?»

— Вроде того, — говорит Начес.

— «Все хорошо», — поправляю я.

— Прошу прощения?

— «Все. Хорошо. Что. Хорошо. Кончается». Вот как она называется.

— Никогда не слышал, — заявляет Бабочка. Как будто это все решает.

— Вы вообще уверены, что это пьеса? — подхватывает Начес.

— Пьеса Шекспира? — уточняет декан.

— Может, это одна из тех, которые написал кто-то другой? — предполагает Бабочка. — За него же вроде нередко писали другие?

— Бэкон вроде бы, — встревает Начес.

— Конечно, Френсис Бэкон, — кивает декан.

— И Марло тоже, нет? — продолжает Бабочка.

— О да, Кристофер Марло. — Теперь декан радостно кивает ему.

— Нет, это Шекспир, — возражаю я тихо, хотя мне хочется кричать. — Одна из его проблемных пьес.

— Мы нисколько не сомневаемся, что она прекрасна, — распинается декан. — Но вот в чем дело, Миранда: студенты с этим не согласны. И наши спонсоры разделяют их мнение. Конечно, не нам, Миранда, учить вас делать свою работу, верно ведь?

— Разумеется, — подхватывает Бабочка.

— Вне всяких сомнений, — соглашается Начес.

— В смысле, мы ведь ни разу не театралы, верно?

— Определенно, нет.

— А вы, в конце концов, режиссер, правда же?

— Правда? — спрашиваю я. Да, меня всерьез интересует этот вопрос.

Но они не обращают внимания.

— Но еще мы знаем, что вы больше всех нас хотите, чтобы наша программа театроведения снова расцвела, верно ведь? Разве вам не хочется получить новую сцену? Ту платформу, о которой вы мне говорили? Помните, которая уходит концом в зрительный зал? Как там она называется?

— Подиум, — шепчу я, разглядывая его стол.

— Точно, подиум.

— Нам также известно, что вы первая будете недовольны, если программу придется еще сильнее сократить, — говорит Бабочка.

— Урезать, — вставляет Начес.

— Свернуть, — заканчивает Бабочка.

Все трое многозначительно на меня смотрят.

— Верно ведь? — мягко спрашивает Мохнатый Сосок.

В свое время на собеседовании мне легко удалось его соблазнить. Не физически, психоло-

гически. Даже не представляете, насколько это оказалось просто. Я так давно не выступала перед зрителями, что просто впитывала его внимание. Блистала местечковым гламуром. Излучала безобидную просвещенность. Помогло и то, что я заступала на место профессора Дункан, пожилой специалистки по творчеству Шелли, которой еще десять лет назад стоило уйти на пенсию и которая с театром была связана только косвенно. По контрасту я, тщательно накрашенная и загодя закинувшаяся таблетками, должно быть, казалась новенькой сверкающей монеткой, буквально вчера сошедшей со сцены. Я строила декану глазки в тусклом свете освещавшей его кабинет лампы и травила одну театральную байку за другой. «Тут, в Массачусетсе, такой великолепный театр, вы согласны?»

«О, разумеется, мисс Фитч».

И да, он клюнул. Должно быть, мое присутствие в колледже показалось ему достаточно соблазнительным и многообещающим. Всего-то и пришлось подпустить в голос кротости — этому фокусу я научилась, когда играла Елену (или Белоснежку?). И представить себя чуть более глупенькой, беспомощной и сговорчивой, чем на самом деле.

«Но почему такая женщина, как вы, хочет преподавать в нашем колледже?» — спросил он меня под конец. И в тот момент я впервые за все время смешалась. Улыбка сползла с моего лица. На лбу выступил пот. Мне хотелось ответить: «Потому что мои мечты погибли. Потому что для меня это начало конца».

Но я взяла себя в руки и изобразила задумчивость. Уставилась на декана, таращившегося на меня в ожидании. С уродливой бетонной стены за его спиной на меня мрачно глядел циферблат часов.

«Театр столько дал мне, — наконец, выговорила я с улыбкой, — что я просто обязана отплатить ему, чем могу».

И вот тут он улыбнулся. И купился. Я и сама купилась. Купилась на свою собственную ложь, несмотря на то, что правда так и зудела внутри. Любой поверил бы, что я отчаянно жажду получить эту работу.

На том собеседовании я сыграла свою лучшую роль за последние годы.

Но теперь, конечно, все изменилось. Теперь декан видит, насколько я на самом деле беспомощна. Видит, что внутри у меня все умерло, а мое почти отказавшее тело вихляется в бесфор-

менном мешковатом платье. Видит седые волосы, которые я не пытаюсь закрасить. Видит яркую помаду, так нелепо смотрящуюся на измученном лице. И новые, порожденные безысходностью морщины, и бледное отчаявшееся лицо, и лоб, вечно нахмуренный от необходимости объясняться с врачами, от попыток выдрать у них — Марка, Люка, Тодда и Джона — хоть какой-то прямой ответ. «Скажите хоть что-нибудь, черт вас возьми! Это соматика? Или какое-то механическое повреждение? Или неврология?»

«Возможно, то и другое», — всегда тянет Марк, загородившись от меня сцепленными руками.

— Миранда, мы не диктуем вам, как себя вести, — снова заверяет декан.

— Мы просто просим вас подумать, — добавляет Начес.

– *Серьезно* подумать, — вставляет Бабочка.

— И переключиться на другую пьесу.

— На «Макбета».

Тут декан снова игриво мне подмигивает. Упс!

— В общем, поразмыслите обо всем хорошенько, идет, Миранда? Удачи!

— В театре «Удачи!» не говорят, — замечает Бабочка, бросая в рот мятную конфетку.

— Правда? — изумляется декан, любознательно

тараща глаза.

«Глядите, глядите, я всегда открыт новым знаниям!»

— Никогда, — подтверждает Бабочка, между зубами его поблескивают бело-зеленые обломки леденца. — Там говорят: «Желаю сломать ногу!»

— Ах, да, точно-точно. Что ж, желаю вам сломать ногу, Миранда. Хотя погодите-ка, может, вам уже не актуально? Ха-ха-ха-ха-ха-ха. Оу.

Глава 8

— Спасибо, что согласились принять меня без предварительной договоренности, — шепчу я в темноте Джону.

Джону — воплощению милосердия. Джону — мастеру волшебных прикосновений. Моей последней надежде, моему тайному доктору. Доктору без лицензии. Принимающему пациентов подпольно. Я стою перед ним в его пыльном полутемном гараже, низко склонив голову и сжимая в кулаке снятые в банкомате наличные. Возвращение блудного сына.

Я приехала сюда прямо со встречи с деканом. Позвонила Джону с дороги и заявила: «Я еду к вам! Надеюсь, вы не против».

К счастью, Джон никогда не против.

— Не волнуйтесь, Миранда, — говорит он. — Правда, по телику шел матч, но ничего, я поставил его на запись. Так что не волнуйтесь.

Я киваю испещренному трещинами полу и снежно-белым кроссовкам, носки которых терпеливо смотрят на меня. И шепчу:

— Спасибо. Огромное спасибо.

А потом приваливаюсь к колченогому мас-

сажному столу, не в силах ни стоять, ни сидеть, ни смотреть Джону в глаза. Он, должно быть, в растерянности. Что ж, это понятно. Я давненько к нему не заглядывала. На небольшом столе между нами стоит гигантская бутыль лосьона, который — если все пойдет хорошо — Джон вскоре плеснет на свои крупные, поросшие волосками руки и примется ласкать ими мое скрюченное тело. Я же, уткнувшись лицом в пончикообразную дыру, буду тихонечко подвывать. Но произойдет это не сразу. Сначала я должна объясниться. Почему я так давно не показывалась на глаза? Отчего исчезла так внезапно? Он ничего не понимает, ведь дела у нас пошли на лад. «Миранда, мы ведь с вами неплохо продвинулись, правда?»

— Правда, — шепчу я. — Так все и было.

И сильнее наваливаюсь на массажный стол. Но просто взять и лечь на него у меня не хватает смелости. Джон должен дать мне разрешение. Но он этого не сделает. Сначала он проведет осмотр. Это самая болезненная часть приема. Но мне придется ее выдержать. Джон задумчиво морщит лоб.

Разглядывая меня, он принимает позу тренера — ноги расставляет пошире, а руки скрещивает на груди. И все хмурится, хмурится. Джон всегда хмурится, когда он со мной. Лицензии реабили-

толога у него нет. И лицензии тренера, скорее всего, тоже. Наверное, помогать людям — его хобби. Мне его рекомендовала одна преподавательница с исторического факультета. Женщина, которая, сколько я ее знаю, носит на шее бандаж. Но спрашивать, что с ней случилось, мне как-то неловко.

«Джон — лучше всех, — поведала она мне. — Он свое дело знает. Вот увидите, он вас вытащит».

«Вытащит?»

Она энергично закивала — ну, насколько это было возможно в шейном бандаже.

«Разумеется, принимает он подпольно. И в официальную медицину не верит. Она его самого практически уничтожила. Собственно, как и всех нас. Так что Джон — настоящий бунтарь. Борец с системой».

«Серьезно?» Вот оно. В моем сердце снова взвилась жуткая надежда.

«Вот увидите», — шепнула она и сунула мне в руку бумажку с номером телефона.

И я увидела. Вошла в полутемный, пустой, если не считать дешевенького массажного стола, гараж, глянула на выходящего из тьмы Джона в спортивных шортах с планшетом и бутылью лосьона в руках и сразу увидела.

И все равно я прихожу в гараж к Джону за утешением. Прихожу потому, что иногда его рукам удается ненадолго сотворить чудо. А еще потому, что Джон — добрый. Добрее Марка. И уж точно добрее садиста Люка.

Слышу, как наверху, в кухне, жена Джона сердито хлопает дверцами шкафчиков. Она недовольна, что я нагрянула вот так внезапно. Что я вернулась. Что не исчезла навсегда.

— Миранда, должен сказать, выглядите вы неважно, — наконец произносит Джон.

— Правда? — Просто поразительно, сколько в моем голосе надежды.

— С вами явно что-то неладно, — качает головой Джон.

— Серьезно?

Джон кивает:

— О да, совершенно серьезно. Вау. Вы в зеркало смотрели?

— Нет.

— Вы же как будто… — Он изображает руками башню, заваливающуюся на левый бок.

— Не может быть!

— Очень скверно, — продолжает Джон. — И странно. В последний раз, когда вы у меня были, никакого перекоса таза я у вас не заметил. —

Джон к таким вещам относится очень трепетно.

И это хорошо, твержу я себе. Это означает, что он разбирается в вопросе. Не обязательно же учиться в медицинском, чтобы стать хорошим специалистом, правда?

Джон, нахмурившись, разглядывает мой вывернутый наизнанку таз, торчащую вперед правую тазовую кость. Нога подо мной подламывается и корчится, будто вот-вот испустит дух. В итоге я все сильнее заваливаюсь влево, как будто правой половины своего тела смертельно боюсь. Джон поднимает голову, но я стараюсь не встречаться с ним взглядом. В его ясных, как у олененка, глазах читается один-единственный простой вопрос.

— Что с вами стряслось с нашей последней встречи? Не понимаю, — говорит он.

Показалось или в его голосе прозвучали подозрительные нотки? Нет, не может такого быть. Это же Джон! Ему просто любопытно. Такой загадочный случай. Я и сама стараюсь принять загадочный вид. И лгу:

— Сама не знаю. Понятия не имею.

— Когда вы были у меня в последний раз?

Я таращу глаза на бутыль с лосьоном, делая вид, что считаю про себя.

— Точно не помню.

— Кажется, не меньше месяца назад? — уточняет он.

Ну да, за этот месяц я успела попытать счастья с Тоддом. Несколько раз сходить на абсолютно бесполезные приемы к Марку. А еще была у одного дядьки в пенсне, который тыкал в мою левую грудь длинной иглой, уверяя, что пытается нащупать мою энергию ци, а потом на целых двадцать минут бросил меня трупом валяться на своем массажном столе.

— Неужели так давно? — охаю я.

И пытаюсь состроить выражение лица, означающее — как летит время.

Не могу же я признаться, что позволила другому терапевту пристегнуть меня к столу ремнями и дергать за ногу, пока та не выскочит из сустава. Приходится прикидываться, что я и сама в полной растерянности. Совершенно не понимаю, что происходит. Вот такое загадочное у меня тело.

— Я правда в замешательстве. — Я качаю головой и еще сильнее наваливаюсь на стол.

Почти сажусь. Еще немного — и я у цели. Но Джон лишь снова скрещивает руки. И еще сильнее хмурится. Как и положено диагносту.

— Может, дело в quadratus lumborum? — наконец высказывает предположение он.

В другое время я бы порадовалась, что Джон знает латинские названия мышц. Меня бы это успокоило. Упрочило мою веру в его диагностические способности.

— Может быть, — бормочу я, глядя, как он помечает что-то на планшете.

— Давайте-ка проведем кое-какие замеры, — предлагает он.

Джон обожает сантиметр. Ведь, в отличие от Марка, никакими хитроумными приспособлениями он не располагает. У него нет ни аппарата УЗИ, ни миостимулятора, ни сухих игл. Зато у Джона есть похожие на присоски осьминога массажные банки, от которых по всему телу остаются красные следы. Однажды он поднялся в дом и вынес мне оттуда коробку с ними, как миску с печеньем — «Не желаете ли попробовать?»

Я разглядываю Джона — совсем растерялся, но явно хочет как лучше. На поясе, как кобура пистолета, болтается чехол с сантиметром. Он искренне хочет помочь, собрать этот пазл, хотя, врать не стану, Миранда, в нем сам черт ногу сломит. И общей картины не видно, и с отдельными ее кусочками никак не совладать. Их тут миллионы, к тому же они постоянно меняют форму, рисунок и не желают состыковываться друг с

другом. Но он постарается докопаться до сути.

«Я сочувствую вам, Миранда. Честно», — однажды сказал он мне.

И я расплакалась. Джон вытащил из коробки, разрисованной улыбающимися пушистыми мячиками, бумажную салфетку и протянул ее мне. А потом деликатно отвернулся, пока я сморкалась.

Но сегодня мне от него нужно только одно — пускай прикоснется ко мне своими волшебными руками и хоть на краткий миг подарит облегчение. Хочу, чтобы он велел мне лечь и аккуратно надавливал на спину, бедра и тазовые кости, пока жена не позовет его домой.

«Джон?»

«Да?»

В гараже она никогда не показывается, но однажды я видела ее зловещую черную тень на стене.

— Может, лучше сразу приступим к делу? — наконец, спрашиваю я. — Начнем, а там видно будет?

И всем весом наваливаюсь на стол. Охая от боли, переворачиваюсь на живот, подтягиваю налившиеся свинцом ноги. Сую лицо в пончикообразную дырку. А потом просто лежу и жду. Джон растерянно топчется возле стола. Раньше я никогда не вела себя так бесцеремонно. Попы-

тайся я вот так покомандовать у Марка, он бы немедленно велел мне встать. А Люк бы просто вышел за дверь. Уткнувшись лицом в дыру, я разглядываю пол и кроссовки Джона, носки которых все еще терпеливо глядят на меня. Из глаза выкатывается слезинка и падает на пол — ровно между ними. Я задерживаю дыхание.

— Ладно, Миранда, — говорит Джон, и мне слышно, как он наконец-то откладывает планшет. — Как скажете.

— Спасибо, — шепчу я.

Закрываю глаза. И чувствую, как он осторожно, очень осторожно приподнимает подол моего платья. Будто я и вправду человек. «Джон обращается со мной, как с человеком», — мысленно говорю я другим врачам.

Марк с безразличным видом пожимает плечами. На лице его написано: «Все равно вы ко мне вернетесь». До чего же он уверен в себе, в своей компетенции, в своем опыте, в своих аппаратах. «Хотите, чтоб с вами обращались, как с человеком, на здоровье!» Он не станет возражать против моих тайных встреч с Джоном, он легко меня отпустит.

Я жду, что Джон прикоснется ко мне. Знаю, это прикосновение меня не спасет, не вылечит, но от

него мне хоть ненадолго станет легче.

— Чувствуете? — спрашивает Джон, надавливая мне на спину кончиками пальцев.

Но сегодня я ничего не ощущаю. Совсем ничего? Не может быть. Хоть что-то я должна чувствовать!

— Ээ… Кажется, да, — лгу я. — Может, попробуем немного сильнее?

— А так? — спрашивает Джон, усиливая нажим. — Чувствуете?

Ничего. Абсолютно ничего.

— Определенно, да, — вру я.

И твержу себе, что и в самом деле чувствую. Я должна, должна почувствовать. И почувствую. Обязательно почувствую. С минуты на минуту.

Глава 9

Мне хуже. Гораздо, гораздо хуже. Скрутило еще сильнее, чем раньше, хотя, казалось, сильнее уже невозможно. И все же это так. Мне конец. На этот раз совершенно точно. Я поняла это, еще когда Джон махал мне из окна, пока его жена не опустила жалюзи. Когда хромала к машине, припаркованной позади Джонова внедорожника. Когда мои ноги подкосились, пока я безуспешно пыталась отковырять лед с лобового стекла. Когда, умирая от боли, ехала домой сквозь тьму и холод. Мне сообщили об этом мои кости. Джон, Джон, Джон, что ты со мной сделал? Нет, Джон не виноват. Это все я. Мое изломанное, не желающее выздоравливать, не желающее исправляться тело. Дорога домой — настоящая пытка. Никогда еще Новая Англия не казалась мне такой темной, такой неприветливой. Вдоль скользкого шоссе сверкают тонкие обледенелые деревья. Все вокруг черное и застывшее. Я думаю о разговоре с деканом. О Бриане, которая наверняка сейчас празднует победу. О трех пластмассовых ведьмах, которые, хохоча, кружат вокруг игрушечного дымящегося котла. Домой… Зачем мне возвра-

щаться в эту темную квартиру? Чтобы лежать на жестком полу гостиной, закинув ноги на стул, и слушать, как за стенкой трахаются соседи? Они почти каждую ночь этим занимаются, до самого рассвета. И не только трахаются, в перерывах они разговаривают. И смеются! Это ужасно, просто ужасно. Слов мне не разобрать, но этот проклятый смех я слышу очень отчетливо. И через стенку шиплю им: «Я ненавижу вас. Заткнитесь на хрен!» А потом начинаю причитать: «Когда же вы оба сдохнете, а? Пожалуйста, пожалуйста, сдохните поскорее!» Но они, конечно, не слышат. Смеются, трахаются, болтают, снова смеются. А еще она кончает, снова и снова. А я чувствую себя скалой, о которую бьются океанские волны. Бьются, не утихая, не обращая внимания на ее вопли, потому что они — природа, беспечная живая сила. Мне все время мерещится, что я вот-вот умру от звуков, вырывающихся у нее из глотки. А может, я прямо сейчас умираю? Сидя в машине и вцепившись в холодный руль? Может, и так. Что ж, наконец-то! Время пришло. С меня хватит. Вот и бог мне на это намекает. На черном небе не видно ни одной звезды. Не могу я вернуться к себе в квартиру! Не могу лежать там и воображать свое будущее. Какое оно? Одинокое.

Холодное. Черное. Три игрушечные ведьмы. Бумажная луна. Голая темная сцена. Единственный белый луч. Тревор бормочет что-то, сжимая в руке пластиковый меч. Рядом Бриана в белом платье с выпачканными бутафорской кровью руками. О нет, не бутафорской. Это моя кровь. Моя кровь у нее на руках. И она счастлива. Она в восторге. Хоть никто, кроме меня, и не разглядит победной улыбки у нее на лице. А режиссером будет Грейс. Нет, Фов. Так и вижу ее в лобовом стекле. Вот она стоит за кулисами в мелодично позвякивающих серьгах, очень довольная. Сложив руки у губ, смотрит на сцену так, словно там дает представление сам господь бог. И звонко аплодирует — самой себе, своему терпению. А меня, если я до тех пор не умру, тоже заставят на это смотреть. Да, мне придется продолжить преподавать, чтобы не потерять медицинскую страховку. И в зал меня ввезут в инвалидном кресле, как недужного Короля. А тело мое будет пылать, как звезда, как планета Меркурий. Съезжай с дороги. Давай же, съезжай на обочину, в холод и тьму, сминая колесами тонкий ледок. Достань гремящие в карманах пузырьки. И глотай таблетки. Не важно какие. Можно даже все сразу, почему бы и нет? И все будет кончено. Я закрою

глаза. Загляну в разлившуюся под веками тьму — такую же беззвездную, как эта ночь. Дыхание мое замедлится. И все вокруг замедлится тоже. А тишина зазвучит, как музыка. Я навсегда забуду о своем изломанном теле. Мне никогда больше не будет холодно. Я никогда ничего не почувствую. Тьма станет Тьмой. И я ступлю в настоящую Ночь. Но только не здесь. Не на этой промерзшей Новоанглийской дороге. На лобовом стекле по-прежнему блестит ледяная корка. Мимо с ревом, словно глумливо хохочущие демоны, проносятся грузовики. И мне вдруг вспоминается золотистый напиток. Как там они его называли? Золотое снадобье! Стоило мне его хлебнуть, как внутри у меня распахнулось голубое небо и затеплился свет. Троица из бара. Непримечательный знал, как я страдаю, он все про меня знал. Пожалуй, заеду пропустить стаканчик. Один стаканчик на дорожку, почему бы и нет?

* * *

— Мисс Фитч, мисс Фитч, вы вернулись!

— Вернулась.

Он радостно хлопает в ладоши, аплодирует мне. Они все аплодируют. Все трое. Как будто знают, что я приковыляла сюда из самой бездны.

— Спасибо, — шепчу я.

Когда я вошла в паб, Эл Боули из музыкального автомата громко пел «Закрой глаза»[10]. Народу почти не было. Не считая этой троицы.

Расположились они примерно так же, как и в прошлый раз, сидят у стойки, задумчиво склонившись над стаканами. На всех троих костюмы цвета беззвездной ночи. Непримечательный смотрит на меня, как на сон, как на пазл, который однажды он все же соберет. Терпеливо, фрагмент за фрагментом. Ведь они уже начали складываться в общую картину. Он внимательно вглядывается в нее. И проступающий образ ему явно по душе. Лицо его — лицо продавца-прощелыги — сегодня сияет, а налитые кровью глаза светятся улыбкой. До чего же ему нравится мое представление! Толстяк вновь напился до бесчувствия. Лежит головой на стойке, а седые с желтизной горгоньи вихры занавешивают ему лицо. Третий — высокий, ладный и красивый, как в сказке, — в чем я нисколько не сомневаюсь, хотя и видела лишь его луноликий профиль, да и то краем глаза — сегодня развернулся ко мне обтянутой пиджаком спиной. Но он с нами, он меня

---

[10] Notes: 10

Close your eyes — известная американская джазовая композиция.

внимательно слушает, я это точно знаю. Вижу по форме его головы, по затылку и бледному кусочку шеи над воротником рубашки. Он поднимает в мою честь бокал с золотистым напитком.

— Налейте и ей, — приказывает Непримечательный бармену. — Нам всем не помешает выпить, верно ведь?

«Верно ведь?»

Мне вдруг вспоминается декан. Его по-идиотски сияющие голубые глаза. «Верно ведь? Верно ведь?» Они что, знают его? Откуда им знать Мохнатого Соска?

— Знаем, знаем, — шепчет Толстяк. — Верно ведь?

И все они хихикают.

И вот передо мной появляется низкий стакан. Я рассматриваю золотисто-зеленый напиток. Зеленый, как глаза Брианы. Золотой, как волосы Хьюго. Кажется, он светится изнутри, словно какой-то искусно сделанный элемент театрального реквизита.

— Что ж, мисс Фитч. Чего мы ждем?

«Да откуда вы знаете, как меня зовут?»

— Тик-так, мисс Фитч, тик-так.

— Время пришло, — шепчет Толстяк.

Я отпиваю из стакана. И все они снова принима-

ются аплодировать. Толстяк колотит ладонью по барной стойке. А Красавчик, хоть и стоит ко мне спиной, тоже явно хлопает в ладоши. И от этих звуков у меня на глазах выступают слезы. Вот она, музыка, от которой внутри у меня проясняется, а кровь начинает светиться. Кулак, стискивавший мое тело, раскрывается, разжимает пальцы. И нервы облегченно вздыхают. В сердце снова теплится свечка, и пламя разгорается все сильнее.

Как же радостно они мне аплодируют!

— Спасибо, — говорю я. — Спасибо вам всем.

Раскланиваюсь. И вдруг понимаю, что мне больше не больно дышать. И сидеть тоже. Внутри у меня золотится жаркое лето. Я улыбаюсь. Улыбаюсь же? Да! От уха до уха.

— Ну вот, — говорит Непримечательный. — Вот оно. Так-то лучше. Как по-вашему, мисс Фитч, получше нам теперь?

И я киваю. О, да. Нам лучше. Гораздо лучше.

— Все хорошо, что хорошо кончается.

— Я как раз ставлю эту пьесу, — сообщаю я.

— Правда? — без тени удивления спрашивает он.

А я тут же вспоминаю, что ничего уже не ставлю. Больше нет.

— Проблемы, — вздыхает Непримечатель-

ный. — В театре проблемы. Со спиной проблемы, — качает головой он. — Вы просто варитесь в неприятностях.

— «Взвейся ввысь, язык огня! Закипай, варись, стряпня![11]» — смеется Толстяк и тут же заходится кашлем.

А Красавчик цокает языком.

— Точно, я в них по уши, — киваю я. — Варюсь в неприятностях.

— Так расскажите нам о своих проблемах, — предлагает Непримечательный. — А мы послушаем. Я умею слушать, мисс Фитч. К тому же мы обожаем театр.

Тело мое струится, как золотистый мед. Я улыбаюсь Непримечательному. Показалось или он как-то вытянулся? Стал выше и мощнее? Да и остальные как будто тоже.

Мне хочется сказать: «Я сегодня собиралась покончить с собой. И не сделала этого только потому, что показалось неправильным сводить счеты с жизнью на шоссе. Неверный поворот сюжета. И я решила сначала заглянуть сюда. Выпить чудесного золотистого напитка. И попрощаться с вами. Хотя вообще-то мы с вами,

---

[11] Notes: 11

У. Шекспир, «Макбет» (*здесь и далее в переводе Б. Пастернака, если не указано иное*).

сэр, едва знакомы. Я даже имени вашего не знаю. Кстати, как вас зовут?»

Непримечательный сочувственно улыбается. Его налитые кровью глаза сияют. Мне не нужно ничего рассказывать. Он и так все знает. Обо всех моих печалях. Обо всех унижениях. Видит цемент, в который превратилась моя плоть. И алую паутину у меня внутри. Ему знаком ее замысловатый узор. И неуловимого паука, который ее сплел, он тоже знает. Торчащий из его кармана красный носовой платок пламенеет в свете ламп. Мне не нужно ничего ему объяснять, он и так в курсе.

— Эти реабилитологи вас убьют, мисс Фитч, — говорит он так ласково, словно гладит меня по голове словами. — Они уничтожают все, к чему прикасаются. Ваш банковский счет, ваши кости, вашу душу.

— Счет, кости, душу, — вторит ему Толстяк.

— Все, к чему прикасаются. А что до вашей истории с «Макбетом»… — Он качает головой. — Ловко они все обстряпали.

— «Закипай, варись, стряпня»! — бормочет Толстяк.

— Это черная пьеса, мисс Фитч.

Меня так и тянет спросить: «Откуда вы знаете о «Макбете»? Но золотистый напиток превратил

мой язык в мед.

— Они заставляют меня ее ставить, — жалуюсь я. — Вместо «Все хорошо». Твердят, что у меня нет выбора.

И мне вдруг кажется, что жалуюсь я, сидя перед трельяжем. И из каждого зеркала мне кивает мужчина в черном костюме. «Говорите же, говорите».

Непримечательный по-прежнему улыбается, рассматривая сплетенную пауком сеть.

— Нет, вы только представьте! Игрушечный меч. Бутафорская кровь. *Ведьмы*.

Толстяк глухо посмеивается.

— Давненько я уже страшной ведьмы не встречал. Такой, чтоб взаправду испугаться. А вы, мисс Фитч?

Я окидываю всех троих взглядом. Они ждут моего ответа, и тени их постепенно удлиняются. В кармане Непримечательного алым цветком горит носовой платок. Толстяк смотрит на меня своими желтыми глазами сквозь свесившиеся на лицо желтые вихры. Даже Красавчик теперь развернулся ко мне своим четким профилем. «Тик-так. Тик-так».

— Нет, — отвечаю я.

А они смеются.

— А драматизм, мисс Фитч? Они ведь все погубят! Да и Бриана на роль Леди М не годится, верно?

— Никак не годится, — соглашаюсь я.

— Из нее и Елена-то не очень.

— Но откуда?..

— Что ж тут удивительного, мисс Фитч, — кажется, он сейчас расплачется, — что у вас разболелась спина? Что ж тут удивительного, что с вами явно *что-то неладно*?

— Все уничтожено, все, — причитает Толстяк, прикрыв глаза. — Счет, кости, душа.

— Счет, кости, душа, — к собственному удивлению, повторяю я. — Все уничтожено, все.

Голос мой срывается. И зеркало разбивается вдребезги.

— Просто чудо, что вас все это окончательно не сломило.

— Чудо, — шепчу я, разглядывая осколки. — Чудо.

— Но дело в том, мисс Фитч, что боль не обязательно должна оставаться на одном месте. Она может переключаться. Легко! Вы даже не представляете, насколько легко. Она способна переселяться из дома в дом, из тела в тело. Вы можете избавиться от своей боли, мисс Фитч,

передать ее дальше. По частям.

— Передать? — повторяю я.

— Тем, кому она, возможно, необходима, — поясняет Непримечательный.

— Тем, кто ее жаждет. Тем, кто, может, в итоге вам даже спасибо скажет, — вторит Толстяк. Теперь он смотрит на меня в упор.

— Именно. Как это делается в театре. В конце концов, весь мир театр, верно ведь?

— Вот оно, вот оно.

Непримечательный оборачивается ко мне.

— Знаете, чего бы мне хотелось? Показать вам фокус. Любите фокусы, мисс Фитч?

Нет-нет, соглашаться никак нельзя. Эти трое явно что-то замышляют. Нужно уходить. Сейчас же. Беги отсюда и никогда не возвращайся!

— Люблю, — шепчу я.

— Думаю, вам очень понравится мой фокус. Ведь вы служите театру. А мой фокус — он как раз такой, театральный.

Толстяк хохочет и снова заходится кашлем. Лицо его краснеет, на щеках вздуваются жилы.

«Он же сейчас умрет», — думаю я. Его с минуты на минуту кондратий хватит.

— Хотите, покажу?

«Беги, — твержу я себе. — Забудь, что пьяна,

садись в машину. И умри в одиночестве в своей темной комнате».

— Покажите.

Внезапно толстяк хватает меня за запястье. И в то же мгновение голубое небо у меня внутри меркнет. На грудь наваливается невероятная тяжесть. Спинной мозг вспыхивает огнем. Я не могу дышать. Не могу произнести ни слова. Щека моя прижата к холодным половицам. А рядом притоптывают три пары начищенных черных ботинок, острые носки которых смотрят прямо на меня. Выстукивают они что-то знакомое. Это мелодия. Да, теперь я ее слышу. Мелодия из старого фильма. Пол подо мной дрожит. Что происходит? Что все это значит? Я хочу встать, но тело меня не слушается.

Боль испепеляет меня, не дает шевельнуться, она — железная дева, колья, пригвоздившие меня к полу. Словно в тумане, я вижу ярко освещенную сцену. И микрофон, увитый искусственными розами и гирляндами. К нему не спеша движутся ноги в брюках и остроносых черных ботинках. А из динамиков раздается голос:

— Итак, наш первый номер! Странная Братия!

Хочется спросить: «Кто это?» Но от одной мысли о том, чтобы открыть рот, мне становится больно,

как никогда раньше. «А ты думала, будто знаешь, что такое боль? — произносит голосок у меня внутри. — Кричала: «Волк! Волк!» Ну так вот он, волк!» И в горло мне вонзаются острые клыки, тело рвут когти.

Музыка играет все громче, окутывает меня со всех сторон.

Скрипки.

Рожки.

И барабаны, барабаны.

Я точно знаю эту песню. Я уже ее где-то слышала. Но где?

Толстяк теперь стоит на сцене, у микрофона. Дыхание у меня сбивается, и от этого по телу пробегает новая волна пламени. С его лица исчезли оспины и набухшие сосуды. Желтые глаза побелели и сверкают синими радужками. Седые с желтизной вихры превратились в золотую львиную гриву. Он весь сияет — кожа, глаза, зубы. И улыбается. Улыбается мне, неподвижно застывшей на полу. И внезапно я понимаю. Это его слезы стоят теперь в моих глазах. Это его черная густая кровь струится по моим венам. Его налитые свинцом легкие раздуваются у меня в груди, вызывая невыносимую боль. А сам он тем временем открывает рот и начинает петь. Песню

из фильма, которую очень любила моя мать. Джуди Гарленд. «Раздобудь себе счастье»[12]. Голос у него звучный, чистый и глубокий. И текст он знает назубок. Надо же, оказывается, он великолепный артист. Так легко скользит по сцене, словно кто-то отполировал подошвы его ботинок. Непримечательный и Красавчик аплодируют. И подпевают. Я их не вижу, но слышу и по звукам понимаю, что они сейчас где-то у меня за спиной. И тоже отлично знают эту песню. Вскидывают вверх стаканы с золотистым напитком и притоптывают ногами.

Голос толстяка взлетает ввысь. И кружит, кружит надо мной, раскинув черные крылья. Любуется тем, как я проживаю его страдания. Поет:

Эй, раздобудь поскорее счастье,
Пускай исчезнет ночи тень.
Пой «аллилуйя», забудь печали,
Не за горами судный день.

И вот софиты гаснут. Остается лишь один луч, высвечивающий из темноты начищенные бо-

[12] Notes: 12
Get Happy — песня композитора Гарольда Арлена и поэта-песенника Теда Колера. Впервые прозвучала в бродвейском мюзикле в 1930 году. Позже была использована в фильме «Летние гастроли» с Джуди Гарленд.

тинки Толстяка. Они спускаются со сцены. И неспешно направляются ко мне. Блестящая черная кожа, толстые отполированные подошвы. Поскрипывая на ходу, они подходят все ближе, ближе. И с каждым их шагом меня выкручивает новый спазм. Из глаз катятся слезы. А сердце Толстяка поджимает хвост в моей груди. Он садится на корточки, и мы с ним оказываемся лицом к лицу. Глаза у него такие яркие: белки белее белого, радужки пронзительно синие, от желтизны и красноты и следа не осталось. Толстяк склоняет свою золотую голову к плечу и с любопытством разглядывает меня — женщину, изнывающую от его невыносимых страданий. Потом растягивается рядом и прижимается к холодному полу розовой щекой и виском. А сам смотрит на меня глазами такими сонными, словно лежит не на твердом полу в баре, а в мягкой постели.

Это смерть, думаю я. Наконец-то! Он убил меня, убил, взяв за запястье. Когда он снова протягивает ко мне руку, я вздрагиваю, но он лишь гладит меня по щеке. Нежно. Так нежно…

Вот оно. Вот оно, мисс Фитч. Вот оно. Вот оно. Раздобудьте себе счастье, мисс Фитч. Все хорошо.

Глава 10

За окном ясное голубое небо. За моим окном. Судя по свету, уже перевалило за полдень. Может, я умерла? Мимо с карканьем пролетает ворона. Садится на заснеженное дерево, встряхивает перышками, и с ветки сыплются снежинки. Я смотрю на проплывающие в вышине облака и вдыхаю соленый запах близкого моря. Слышу, как по улице проносятся машины. Значит, я не умерла. Я все еще жива. Душа еще теплится в теле, моем теле. Оно вернулось ко мне. Я дышу своими легкими. А не теми, чужими, в которых гнездилась какая-то темная тяжесть. И мучает меня лишь привычная боль. Знакомая ломота в окаменелых ногах. Знакомые кулаки, уже сжимающие позвоночник. В общем-то, все это терпимо. По крайней мере, это мои страдания, а не чужие.

«Мне бы хотелось показать вам фокус. Любите фокусы, мисс Фитч?»

Как я вчера вернулась домой? Помню лишь, что лежала на полу, а Толстяк гладил меня по щеке. А дальше — ничего. Чернота. Но сейчас я лежу в постели, накрытая одеялом до самых подмышек. И не во вчерашнем платье, а в старой ночной

сорочке из темно-синего шелка. А ведь я никогда не сплю в кровати. И не надеваю на ночь сорочку. Обычно я ложусь на пол. Прямо в платье и кофте, слишком уставшая, чтобы переодеваться. Может, это Толстяк меня сюда принес? Да нет, конечно. Видимо, я сама каким-то образом нашла дорогу к дому, к кровати, к этой сорочке. Но мне отчего-то представляется, как они все втроем укладывают меня спать. Толстяк опускает меня на кровать. Непримечательный накрывает одеялом до подбородка. А Красавчик выключает свет. «Шшшшш».

Меня пробирает дрожь.

Нужно было бы спросить Толстяка: «Кто ты, черт возьми, такой? Что ты со мной сотворил прошлой ночью? Как так вышло, что я рухнула на пол, сраженная твоей болью?»

Я встаю. И нервы в ногах тут же принимаются зудеть и стонать. Вспоминаю, как Джон, милейший добряк Джон, глядя на меня, задумчиво чесал в затылке. И пальцем выстукивал на моей спине «Ночи в белом атласе»[13]. «Чувствуете?»

«Они уничтожают все, к чему прикасаются, мисс Фитч. Ваш банковский счет, ваши кости,

---

[13] Notes: 13

Nights in White Satin — знаменитая песня, написанная в 1967 году вокалистом и гитаристом Джастином Хэйвордом британской рок-группы The Moody Blues.

вашу душу».

На тумбочке жужжит мобильник. Это Грейс пишет мне с репетиции. Черт! Пока мы болтали, я опоздала на репетицию.

«Провожу разминку. Ты где?»

«И кстати, ты это одобрила???»

Следом Грейс высылает фото. На нем — ее собственная рука, сжимающая распечатанный текст пьесы. Я смотрю на снимок и мгновенно вспыхиваю. Вверху листка отчетливо видно название. Заглавные буквы. Шрифт «Гарамон». Разумеется, это не настоящее название, а то, которым пользуются из суеверия, чтобы не навлечь на театр беду. «Чтобы не сглазить», — как выразился декан. «Шотландская пьеса». От этих слов сжиравший меня огонь разгорается ярче, а все мышцы в теле напрягаются еще сильнее.

Я вспоминаю, как Непримечательный смотрел на меня своими налитыми кровью глазами и улыбался, разглядывая сплетенный пауком узор. «А что до вашей истории с «Макбетом»…

* * *

Еду к кампусу, по дороге проклиная январь, время суток, каждый горящий красным светофор и, конечно, Бриану. Ее блестящие волосы, ее

победную усмешку. Ее напористость, которую я не дам ей вложить в образ Леди М. Ни за что! Не бывать этому, пока я имею хоть какое-то отношение к студенческому театру. Я покрепче вцепляюсь в холодный руль. И внезапно, подобно Елене, преисполняюсь решимости. «Как часто человек свершает сам, что приписать готов он небесам!»[14] Помни об этом, помни!

Припарковаться в кампусе негде. Я тщетно кружу по парковке, выкрикивая в ветровое стекло непристойные ругательства. А потом сдаюсь и бросаю машину прямо перед зданием факультета. Да пошло оно все! Ковыляю вверх по обледенелой лестнице. Раз сто едва не оступаюсь. Но помочь мне некому, никто меня не замечает. Все курящие у входа студенты уткнулись в свои телефоны и с улыбкой наслаждаются разыгрывающимися на крошечных экранах своими личными театральными представлениями.

Бегу через холл. Вообще-то я никогда не бегаю, я на это просто не способна, но сегодня мне это каким-то волшебным образом удается. Так и вижу, как на меня, ухмыляясь, смотрит доктор Ренье: «Мисс Фитч, если вы не можете ходить, по-

---

[14] Notes: 14

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

ведайте, как вы сюда попали?» Влетаю в двойные двери театра. И вот она, развязка. Никто даже не оборачивается. Понятно, я опоздала. Бриана уже стоит на сцене. Сеет хаос. Нацепила сегодня одну из своих любимых кофточек с расклешенными рукавами. Думает, в ней она больше похожа на девушку елизаветинской эпохи. На груди ее сверкает золотой крестик. Пышные волосы сияют в свете софитов. Возглавляя толпу сгрудившихся вокруг нее предателей, она что-то негромко вещает, прижимая к груди распечатку самовольно назначенной к постановке пьесы. Должно быть, с улыбкой на устах рассказывает остальным, что у нас произошли большие перемены. Знаю, она прямо кайф ловит от всей этой ситуации. От того, что взяла все в свои руки. Настояла на своем. Волосы ее блестят. Кожа светится. В определенном смысле Грейс права, она — идеальная Елена.

Сама Грейс сидит в первом ряду зрительного зала. Вид у нее слегка растерянный, даже беспомощный, но вмешиваться она определенно не станет. И на меня оглядывается с выражением: «Ой, да пускай делают что хотят. Почему бы и нет?»

— Нет! — выкрикиваю я.

Вот теперь все оборачиваются. А я стою перед

ними, скособочившись, и отдуваюсь после пробежки. Мое тело превратилось в крошечный стиснутый кулачок. Когда я в последний раз кричала так громко, так отчаянно? Да вроде совсем недавно. Вопила, словно раненый зверь, который вот-вот издохнет.

Вид у моих студентов становится испуганный. И очень юный. Они переглядываются, на отвратительно, издевательски свежих лицах застыли выражения: «О-о!» и «Какого хрена?».

Но у Брианы, наблюдающей, как я ковыляю к сцене, по-прежнему не сходит с губ улыбка. Больная тетка. Старая карга. Злобная ведьма. Ни очарования, ни чувства стиля. Уж как-нибудь она справится с ней. Справится со мной. Настрой ее понятен уже по тому, как она стоит — словно застыв в балетном па. По тому, как вызывающе вздернут ее маленький острый подбородок. Все уже решено, принято, кончено. Мне ведь объявили, как обстоят дела, разве нет? Меня поставили на место. Начальство устроило мне выволочку. И напомнило, какую низкую ступень я занимаю в храме вселенной, в модели мироустройства, в великой цепи бытия. «А вы чего ждали, Миранда?» — говорят мне ее вздернутый подбородок и скрещенные на груди руки. Я сама напросилась,

разве не так? Демонстративно не обращала внимания на их неоднократные просьбы. А эти мои реплики невпопад, странные замечания из зрительного зала, гремящие в карманах таблетки… Да как я посмела заставлять их, заставлять *ее*, ставить пьесу, до которой никому, кроме меня, нет дела? Которую все они считают дурацкой, неубедительной, проблемной? Всучила ей роль «несчастной бестолковой девственницы», коварной сироты, любящей презирающего ее парня, как единственную звезду на своем печальном небосклоне. В то время, как она хотела быть Леди М, сексуальной безумицей в белом окровавленном платье, которое так удачно оттенит ее зеленые глаза. Я нарочно пыталась испортить ей всю ее студенческую жизнь. И будущее резюме.

«Так-то, Миранда. Назад дороги нет. Слишком поздно». Сама виновата, взглядом говорит она мне, пока я поднимаюсь на сцену.

Остановившись в футе от нее, замершей в окружении своей маленькой армии, я меряю ее взглядом.

И улыбаюсь им всем. По крайней мере, пытаюсь. Прикинусь тупицей. Это единственный выход.

— Что здесь происходит? — спрашиваю я.

Оглядываюсь на Элли, стоящую в сторонке, подальше от кружка Брианы. Та встречается со мной взглядом и тут же опускает глаза, кажется, мечтая провалиться сквозь землю. Тревору тоже стыдно. Он вообще не решается посмотреть мне в глаза. Просто топчется рядом с Брианой, засунув руки в карманы и высоко вздернув плечи. Может, жениться он и не особо хотел, но его уже приволокли к алтарю, а значит, в нужное время он произнесет положенные слова.

«Простите, Миранда, но нам всем показалось…»

Никто из них на меня не смотрит. Эшли/Мишели уставились в свои телефоны. А с ними — и все остальные мои дети, сливающиеся для меня в одно большое бесталанное пятно. Только Бриана не отводит взгляда. Глядит мне прямо в глаза. И, надо отдать ей должное, не перестает улыбаться. Маленький подбородок ее по-прежнему вздернут вверх. И смотрит она, не мигая. Ее бесстрашие просто завораживает. Настолько, что на меня саму внезапно накатывают страх и дурнота. Разумеется, она тебя не боится. Да ты только взгляни на себя! Стоишь тут, вся высохшая, в своем бесформенном мешке от Энн Тейлор, еле на ногах держишься. Воняешь каким-то дьявольским

перегаром. Смотришь на нее затуманенным таблетками взором. И даже сказать ничего толком не можешь. Постоянно сбиваешься, замолкаешь чуть ли не на минуту и тупо таращишься на кружащую в воздухе пыль, пока все они деликатно покашливают. Кого ты можешь вдохновить? Для кого стать авторитетом? Забудь об этом. У тебя нет здесь никакой власти. Ты проиграла.

Но я не желаю проигрывать.

Да, мы с ней столкнулись лбами. Случалось ли со мной такое раньше? О да, еще как.

— Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит? — спрашиваю я безмятежно.

Так просто интересуюсь. Из чистого любопытства.

«Вы знаете, что происходит, Миранда. Разве не видите, что за текст у меня в руках? Это не ваша пьеса, вот же, я специально так ее держу, чтобы вам видно было название». Однако мое поведение и Бриану застало врасплох. Я не устраиваю сцен. Наоборот, прикидываюсь, будто ничего не понимаю, будто я в полной растерянности. Такого она не ожидала. А получается у меня отлично. Она совсем забыла, что я когда-то была актрисой. Играла на куда более серьезных сценах. Выступала на фестивалях. И критики в своих рецензиях

пели мне дифирамбы. «Сияющий свет». «Невероятная игра». «Точное попадание в образ».

Вот теперь улыбка с лица Брианы сползает. Белая шея ее краснеет, усыпанная веснушками грудь начинает бурно вздыматься. И это восхитительное зрелище придает мне смелости. Несмотря на то что в глубине души мне немного совестно. Она же всего лишь ребенок, так ведь? Блеск для губ, дурацкая заколка-бабочка, нелепый вызов в зеленых глазах. «Она всего лишь ребенок, Миранда, не забывай».

Но вдруг откуда-то сбоку раздается тонкий перезвон колокольчиков. Фов. Вышла из темного угла и неслышными шагами подбирается к нам. По-матерински кладет на плечо Брианы кипенно-белую руку. Сейчас она все уладит.

— Все в порядке? Мне показалось, кто-то кричал…

Фов оборачивается ко мне. Такая озабоченная, такая встревоженная — и все это чистейшая фальшь. Играет она отвратительно. Где там она выступала, в любительском театре?

Я смотрю на Бриану, которая теперь отводит глаза. И все равно улыбается. Улыбается, прикусив свою густо вымазанную блеском нижнюю губу.

— Все нормально, — говорю я и добавляю с нажимом: — Все хорошо.

Фов сочувственно улыбается.

— Миранда. — Она скорбно замолкает, как будто мое имя — какая-то печальная новость, которую она вынуждена озвучить. — Ты говорила с деканом?

Можно подумать, она не знает. Сама ведь и заварила эту кашу. Подзуживала Бриану. Может, даже и к декану ее сводила. «Пойдем скорее, дорогая! Ты правильно поступаешь. Ты такая храбрая». А возможно, и подкрепила ее россказни обо мне доказательствами. Когтем подчеркнула в своем голубом блокнотике соответствующие записи.

— Говорила, — отвечаю я.

— Прекрасно.

Я вижу, как ее пальцы легонько скользят по шее Брианы. И вспоминаю, как Толстяк гладил меня по щеке. Фов хлопает Бриану по плечу, как бы давая понять, что все улажено. Конец неразберихе. У нас есть победитель, есть и проигравший. «Вот оно, вот оно». Не подумайте, что она обожает Бриану, вовсе нет. Она просто всей душой ненавидит меня. Не верит в мой недуг. Считает симулянткой. «Так вы актриса, Миранда?» Ах, если бы только

ей позволили развернуться, мы бы тут вообще не Шекспира ставили. А, например, «Пока, пташка!» Или «Встретимся в Сент-Луисе»[15]. Вот что такое настоящий театр. Но раз уж от Шекспира деваться некуда, давайте хотя бы выберем что-нибудь грандиозное. Про ведьм, например.

— Как твое бедро, Миранда? Или у тебя спина больная? Все время забываю, — говорит Фов.

— И то, и другое.

«И ты прекрасно об этом знаешь!» Я смотрю на Бриану. Лицо ее, обласканное сдавленными кольцами пальцами Фов, теперь сияет. И на меня вдруг наваливается страшная усталость. Пронизывает до костей, до самой последней клеточки. Даже просто стоять на моих цементных ногах так тяжело, что я уже вся в поту. И вот-вот потеряю самообладание.

— Ты и правда держишься как-то странно, Миранда. Может, тебе лучше присесть? Побереги себя.

Они обе мне улыбаются. Ведь они победили. Фов с наслаждением смотрит, как бьется в агонии моя должность режиссера. И ухмыляется, точно как ухмылялся Толстяк, когда захапал мое ясное

---

[15] Notes: 15

«Пока, пташка!», «Встретимся в Сент-Луисе» — известные американские мюзиклы.

небо, а меня приклеил к полу черной смолой своей болезни.

— Я в порядке, — лгу я.

— Что ж, если тебе понадобится помощь, ты ведь помнишь, что мой кабинет — ровно напротив твоего?

«Я слежу за тобой. Я жду, когда ты оступишься». Фов гладит Бриану по спине и, позвякивая, уходит прочь.

Я вновь оборачиваюсь к Бриане. Ободренная, счастливая, та вздыхает с облегчением. Может, она все же слегка меня побаивается. Распечатку текста она обеими руками прижала к своему молодому, легкому и гибкому телу. Грудная клетка вздымается и опадает, вторя ударам гордого юного сердца.

— Хотелось бы взглянуть на текст, — говорю я. — Дай-ка мне распечатку, если не возражаешь.

Бриана, не сводя с меня глаз, теснее прижимает листки к груди.

Я просто аккуратно возьму у нее пьесу, только и всего. Тянусь за распечаткой, но Бриана еще ревностнее прижимает ее к себе. Сцена получается нелепая и, сказать по правде, довольно унизительная. Я снова протягиваю руку, Бриана уворачивается, и тогда я хватаю ее за запястье.

Это ведь, в самом деле, просто смешно! Вы только поглядите, как яростно оберегает она от меня свои бумажки! И смотрит так, будто перед ней чудовище какое. Пытается выдернуть руку, будто я делаю ей больно. Но это же абсурд, я просто пыталась осторожно, очень осторожно взять у нее стопку листков. Я легонько сжимаю Бриане запястье и пристально смотрю ей в глаза — зеленые, как листва, с крошечными коричневыми крапинками. И вдруг они расширяются. Девушка бледнеет. Дыхание ее сбивается. Листки выпадают из рук и, негромко шелестя, разлетаются по всей сцене. Бриана смотрит на меня, и с губ ее срывается какой-то сдавленный всхлип.

Я опускаю глаза на свою руку, все еще удерживающую ее запястье.

И разжимаю пальцы. Или она сама резко высвобождается. Позже мне никак не удавалось вспомнить, как в точности все произошло: сама ли я ее отпустила или она вырвалась.

Все стоят молча. Вокруг белеют разлетевшиеся по всей сцене страницы «Макбета».

Бриана часто дышит, грудная клетка ее вздымается и опадает все быстрее.

— Тревор, будь добр, собери, пожалуйста, — прошу я, не отводя глаз от бледного, искаженного

ужасом лица Брианы.

И тот тут же бросается подбирать листки. Должно быть, услышал что-то новое в моем голосе. Который внезапно сделался не так уж тонок.

Бриана таращится на меня, все так же стискивая свое запястье. Можно подумать, я обожгла ее своим прикосновением! Руки у нее дрожат. И мне вдруг чудится, что она стала ниже ростом. Как-то сжалась.

— Я просто хотела взглянуть на пьесу, — мягко говорю я.

И это правда. Я действительно хотела только этого.

Бриана не сводит с меня глаз. И сгрудившиеся за ее спиной студенты тоже пялятся на меня. Ко мне теперь обращено целое море лиц. Сомкнутых губ. Распахнутых глаз.

А за спиной вдруг кто-то откашливается. Грейс. Я и забыла, что она здесь. Оборачиваюсь, готовясь увидеть на ее лице осуждение. Или, может, сочувствие? Но она вообще не смотрит на сцену. Глаза ее обращены к дверям. И я оборачиваюсь в ту же сторону.

Мохнатый Сосок. Стоит на пороге зала. Одну руку сунув в карман брюк, а другой расправляя галстук. И на мгновение я прихожу в ужас. Давно

он там? Что именно он успел увидеть? Ладно, скажу: «Я просто хотела взглянуть на пьесу. Вот и все. А она увернулась, так что еще мне оставалось делать?»

Но декан улыбается. И шутливо стучит в дверной косяк. Тук-тук-тук.

— Профессор Фитч? — гаркает он.

Профессор Фитч? И давно это я стала для него профессор Фитч? Всегда была просто Мирандой. Но я выпрямляюсь. И широко улыбаюсь ему в ответ, хотя меня всю трясет.

— Извините, что прерываю репетицию. Надеюсь, вы не против, что я вот так врываюсь?

— Нет, конечно. Вовсе нет. Проходите, пожалуйста. Мы тут как раз репетируем, правда? Улаживаем кое-какие разногласия. — Я не свожу глаз с декана.

— Прекрасно, прекрасно.

А у него для нас чудесные новости. И ему немедленно нужно ими поделиться со всеми нами, особенно с вами, профессор Фитч.

Чудесные новости? Серьезно? Я усиленно изображаю удивление. Поднимаю брови, выдавливаю из себя улыбку. И говорю:

— Ну раз чудесные… Мы любим чудесные новости, правда, ребята?

Студенты, все это время стоявшие без движения и глазеющие на меня в легком ужасе, медленно кивают. Пара человек решаются подойти к Бриане. Эшли/Мишель гладит ее расклешенный рукав. И одними губами произносит: «Ты в порядке?» Но Бриана не отвечает, только смотрит на меня все так же напряженно и тяжело дышит.

Сердце колотится у меня в груди.

Декан откашливается и гладит свой галстук, как любимую собачку.

— С превеликим удовольствием сообщаю вам, что для нашей театральной студии только что было сделано очень солидное пожертвование.

— Что? — ахает Грейс.

— Да-да. Весьма щедрое. Очень-очень щедрое. — Декан разражается похожим на заливистый лай хохотом. Затем снова откашливается, пытаясь взять себя в руки. — Самое щедрое из всех, что мы когда-либо получали. На сегодняшний день.

Сообщая все это, декан таращится на меня так, словно я — любовь всей его жизни. И ждет от меня ответа, но мой язык примерз к нёбу.

— Правда? — удается все же пискнуть мне.

И я тут же чувствую, как стоящая рядом со мной Бриана ощетинивается, а дыхание ее учащается.

— На сегодняшний день — да. Поразитель-

но. Верно ведь? — Он снова хохочет, не в силах сдержаться. И приглаживает несуществующие волосы, словно они по-прежнему густо покрывают его голову. — Чудесно, просто чудесно.

И я вдруг тоже начинаю смеяться. Просто удержаться не могу.

— Чудесно!

Так мы с деканом и хохочем на два голоса.

— Что? А что за пожертвование? И от кого? — спрашивает Грейс.

Я чувствую, что она смотрит на меня. Но сама не отвожу глаз от декана, который все так же хихикает, игриво мне подмигивая. Да еще и на каблуках покачивается, как будто в зале не стоит напряженная тишина, а играет музыка.

— Оно анонимное, — объясняет он. — От каких-то местных бизнесменов. Они сказали, что обожают наш студенческий театр.

«Мы обожаем театр, мисс Фитч».

— А мы, разумеется, пришли в восторг от их щедрости.

— Разумеется.

— Вау, просто невероятно, — откликается Грейс. — Правда, Миранда?

— Да, невероятно, — шепчу я.

И вижу костюмы цвета ночи. Притоптывающие

кожаные ботинки. Микрофон, увитый розами и гирляндами. В животе у меня что-то ворочается, но я не вздрагиваю, не трясусь, меня даже в пот не бросает. Я абсолютно спокойна. Стою прямо. Улыбаюсь. И киваю. Местные бизнесмены. Меценаты. Понятно.

— Бизнесмены? А что у них за бизнес? — спрашивает кто-то.

Я оборачиваюсь. В глубине сцены, посреди моря рассыпанной бумаги, стоит Фов. Тревор бросил собирать листки и следом за Эшли/Мишель кинулся к Бриане. Теперь он кладет руку на ее трясущееся — что-то слишком уж сильно трясущееся — плечо. И шепчет:

— Ты в порядке?

Но она не отвечает.

Мне хочется крикнуть: «Да все с ней нормально!» Но я лишь улыбаюсь декану, который, кажется, ничего не замечает. Все так же, посмеиваясь, покачивается на каблуках. Да кому там важно, чем занимаются эти бизнесмены!

— Они предпочитают оставаться в тени. Ну, сами понимаете, верно ведь?

Я горячо киваю. Понимаю, понимаю.

— А еще похоже, что они очень хорошо знают Миранду, в смысле, профессора Фитч. Они весьма

лестно отзывались о нашем режиссере.

Он снова мне улыбается, а у меня душа уходит в пятки.

— Правда? — переспрашивает Фов.

Потом спускается в зал и становится рядом с Грейс. Скрестив руки на груди.

— О да. Они сказали, что не раз видели ее на сцене. Очень восхищались ее мастерством. Твердили, что они ее большие поклонники. — Декан оборачивается к студентам: — Ребята, ваш режиссер — знаменитость. Повезло вам, верно ведь?

Студенты по-прежнему пялятся на меня круглыми глазами. И не шевелятся, словно я велела им изобразить живую картину. Только Бриана дрожит всем телом, вцепившись в собственное запястье. Я чувствую, как ее глаза сверлят мою щеку.

— Что ж, — хлопает в ладоши декан, — не буду вам больше мешать. Просто хотел поделиться невероятными новостями. А, и забыл добавить. — Тут он снова мне подмигивает. Конечно же, ничего он не забыл, просто приберегал самое главное напоследок. Ради меня. — Меценаты попросили, чтобы мы в этом сезоне поставили определенную пьесу… «Все хорошо, что хорошо кончается». Которой, как я понимаю, вы и так

планировали заняться, верно ведь, профессор Фитч?

Сведенные спазмом мышцы моих бедер вдруг расслабляются. Бриана бледнеет, с губ ее срываются нечленораздельные звуки.

— Да.

— Вот и чудесно. Уверен, спектакль получится великолепный. На этот раз можете ни в чем себе не отказывать. Костюмы, декорации, спецэффекты — все, что пожелаете. И подиум, тот самый, о котором вы так давно мечтали. — Он опять мне подмигивает. — Заказывайте все, что вам заблагорассудится.

Я вижу лазурное небо, сиявшее надо мной в тот давний день, когда я выступала на фестивале в Эдинбурге. Звездный космос за спиной и нарисованные прямо на сцене распахнутые глаза. Свою Елену — в алом платье, в вихре пузырьков света. Солнце в вышине над скалистыми горами. И чарующий запах диких цветов.

— Чудесно. Правда, ребята?

Я окидываю их взглядом. Так и стоят, застывшие от ужаса. Или от восхищения?

— Все хорошо, что хорошо кончается, — повторяет декан, в который раз мне подмигивая. — Вот и славно. Кстати, это комедия или трагедия, про-

фессор Фитч?

— И то, и другое, — отвечаю я, удивляясь тому, каким звучным и глубоким вдруг стал мой голос. — То и другое.

Глава 11

— Вау, Миранда, поздравляю! — говорит мне Хьюго на следующий день.

— Спасибо.

— Должно быть, вы вне себя от счастья.

— Да, конечно.

На дворе пятница, скоро должна начаться репетиция. Я смотрю на Хьюго, а он стоит и улыбается мне, освещенный льющимся в окно солнечным светом. Наверняка все это сон. Мы в его мастерской. Он сам позвал меня сюда. Правда, сам.

Выглянул в холл и окликнул: «Миранда!» А я поначалу подумала, что обращается он к кому-то другому, кого-то другого зовет. Другую Миранду. Например, студентку, с которой трахается. Но нет, он смотрел на меня. Оказалось, он только что узнал о новостях, которые принес вчера декан. О пожертвовании. О том, что мы снова ставим «Все хорошо». И что у нас снова будет настоящая программа по театроведению. Может быть, для декоратора даже выделят полную ставку. Это же офигенно! За это нужно выпить. Со мной? «С вами, Миранда!»

И вот теперь я смотрю, как он разливает виски.

И салютует мне пластиковым стаканчиком.

— За вас, Миранда!

— За вас! — отзываюсь я.

Мы пьем. И мне снова кажется, что я сплю. Но нет, это не сон. Слишком сильно пахнет деревом. И в окно, освещая невероятно высокого Хьюго, льется слишком уж насыщенно персиковый свет. А Хьюго тем временем произносит:

— Я так за вас рад, Миранда!

Вся мастерская заставлена незаконченными декорациями к «Все хорошо», на которых лежат рыжие отсветы заходящего солнца. Зато макет с тремя пластмассовыми ведьмами бесследно исчез.

— И как удивительно вовремя появились вдруг эти меценаты, — продолжает он. — Прямо судьба.

— Судьба, — киваю я. — Точно.

— И в то же время все это как-то странно, нет?

— Странно? Почему странно?

Хьюго мнется и косится на меня виновато.

— Ну все-таки выкидывать столько денег на студенческий театр… Вам не кажется, что это как-то чудно? Я думал, людям и до профессиональных театров давно дела нет.

«Мы обожаем театр, мисс Фитч».

— Верно, — отзываюсь я.

— Я не к тому, что вы этого не заслужили, — быстро добавляет Хьюго. — И, конечно, мы уж найдем этим деньгам применение. Дают — бери, бьют — беги, так ведь?

— Наверное, остались еще люди, для которых театр не утратил свое очарование, — замечаю я.

Я что, флиртую? Похоже на то. Но ведь такого не может быть. Я давно разучилась…

— О, Миранда, меня вам убеждать не нужно. Вы же знаете, что я неофит. И потому просто брежу театром.

Он ухмыляется. Хьюго ухмыляется. Ухмыляется мне. Господи!

— Должен признаться, Миранда, я все это время болел за вас.

— Правда?

— Конечно, Миранда, — смеется он.

Он постоянно повторяет мое имя. И звучит оно в его устах, как музыка. Лучше, чем песни Эдит Пиаф, которые я слушала по дороге в колледж. Обычно я в машине магнитолу не включаю. Просто смотрю в лобовое стекло. И представляю свое черное будущее. Но сегодня утром мне вдруг пришло на ум: «А что, если в дороге послушать музыку? Позволить себе чуть больше жизни?»

Эдит пела, а я думала: «Как это прекрасно!» Я и забыла, как приятно ехать под музыку. Как гармонично она всегда подстраивается под небо, под проносящийся за окнами ландшафт. Я даже подпевать начала. А когда я в последний раз кому-то подпевала?

— Вы не боитесь рискнуть, — продолжает Хьюго. — И меня это восхищает. К тому же я уже участвовал в постановке «Макбета». Даже несколько раз. В тюрьме эта пьеса всегда идет на ура. И «Все хорошо» станет для меня новой ступенью. Признаюсь, я впервые прочел эту вещь только в этом году. Недавно перечитал, и… вы были правы. Елена очаровательна.

— Правда? — Перестань постоянно переспрашивать! — О, да, она очаровательна.

— И все же я так и не понял, почему она любит Бертрама. Он ведь такой козел.

— Он просто ее не замечает, — возражаю я. — Долгое время был слеп. К тому же находился под дьявольским влиянием.

Произношу я все это очень быстро. И горячо. В моем голосе звучит настоящая страсть. Когда в последний раз я говорила так пылко?

Хьюго пожимает плечами. Прислоняется к деревянным рейкам. Достает из-за уха косяк. И

закуривает. Из одной этой сцены вышел бы невероятный спектакль.

— И все равно, — не отступает он, — по-моему, она заслуживает большего.

— Ей ведь удалось его изменить. В самом конце, — возражаю я.

— Да, но стоила ли игра свеч? Не знаю…

— Мне кажется, стоила… — тихо говорю я. — Всегда так казалось.

Вот теперь я точно флиртую.

Хьюго внимательно смотрит на меня.

— Вы как-то изменились, Миранда.

— Правда? — вспыхиваю я.

Сбитая с толку, растерянная. Прикидываюсь, будто не представляю, о чем речь.

А на самом деле, конечно, отлично все понимаю.

Да, кое-что во мне изменилось. Я это чувствую. Но что? Впервые я ощутила это вчера, после того как, выслушав объявление декана, распустила студентов по домам. Бриана уже куда-то исчезла. А я и не заметила, как она ушла. Просто обнаружила вдруг, что сумка ее и пальто лежат в зрительном зале, а самой ее нет. Эшли/Мишель и Тревор испарились вместе с ней. Я окинула взглядом оставшихся. И улыбнулась им, как будто все

хорошо. «Давайте-ка на сегодня закончим. Вы так славно потрудились, — без зазрения совести солгала я. — Продолжим завтра, договорились? На свежую голову». И вот я осталась одна посреди моря рассыпанных листков. Наклонилась и стала их собирать. И только когда подняла все до единой страницы, остановилась посреди сцены, очищенной от дурацких посягательств Брианы, уставилась на напечатанное шрифтом «Гарамон» название пьесы, вдруг поняла. Чтобы собрать их, мне пришлось нагнуться, сложиться почти вдвое. И я это сделала, я все подняла. При этом ноги у меня не подкосились. Спину не свело спазмом. Паутина внутри не начала тревожно мерцать. И толстяк не взгромоздил свой стул ножкой мне на ногу. Ничего. Я просто стояла посреди сцены со стопкой листков в руках. Тогда я посмотрела на Брианин экземпляр пьесы.

И разразилась похожим на лай смехом.

Это просто счастливая случайность. Ну да, конечно. Иначе и быть не может. Я не отдавала себе отчет в том, что подбираю листки, поэтому-то у меня все и получилось. А на самом деле я просто все еще в шоке от того, что произошло. От Брианы. От новостей. Наше тело в шоковом состоянии способно на многое, так ведь? Люди машины

поднимают. С медведями дерутся. И все от шока. Так бывает.

Позже мне еще придется за это заплатить. Скорее всего, по дороге домой. Или когда я вылезу из машины. А может, уже в квартире. Но платить точно придется. За то, что бегом бежала в театр. За то, что выдержала схватку с Брианой. За то, что собрала рассыпанный текст пьесы до последней страницы.

Машину я вела, низко пригнувшись, будто ждала, что мстительный бог в любую минуту поразит меня с небес. Ждала, что разверзнется бездна. Ноги подкосятся. Спину скрутит судорогой. Бедро распухнет. Вот сейчас, сейчас…

Вылезая из машины, я думала — вот теперь нога точно откажется разгибаться, так всегда бывает после того, как я долго сижу. Вечно она потешается над моими попытками встать.

Марк говорит, это называется «спастичность». Результат гиперчувствительности. Моя симпатическая нервная система работает чересчур активно. «Как и ваше воображение». Нет, этого он не добавляет, но его молчание очень прозрачно на это намекает. Однако, когда я стала вылезать из автомобиля, моя нога совершенно спокойно распрямилась. Я охнула, вдруг осознав, что стою

на обледенелом тротуаре, стою на прямых ногах. Струйка пара, вырвавшись у меня изо рта, затанцевала в воздухе. В последний раз мне удавалось разогнуть ногу в тот день, когда мне впервые сделали укол лечебной блокады нерва. Помню, как меня, напичканную наркотой, вывезли из операционной, и я полезла обниматься к реабилитологу, чувствуя, как его до скрипа вымытое тело напрягается в моих руках. В тот раз облегчение длилось больше часа. И вот это произошло снова. Фокус. Определенно, какой-то фокус.

«Любите фокусы, мисс Фитч?»

До входной двери мне удалось дойти, не прихрамывая и не подволакивая омертвелую ногу. Правда, ужинала, писала и выпивала свою привычную цистерну вина я все равно стоя — из страха. А вдруг все это просто удачное совпадение? Ведь наверняка они уже на подходе — гневная месть моего тела, мерцающая паутина и толстяк со своим стулом. И все же я не легла на пол, как прикидывающаяся дохлой собака, и не стала смотреть жуткие телевизионные передачи. Нет, я стояла под низким потолком своей гостиной и читала вслух «Все хорошо», делая в тексте новые пометки. Ноги и руки у меня гудели, сердце колотилось в груди, а на губах играла

странная улыбка. Временами я с вожделением поглядывала на свой красный диван. Давно уже меня так не тянуло присесть на него. Давно так не манили подушки, алые, как вишни, как помада, которой я раньше пользовалась. Пока и она не пала в битве с моим недугом.

«Давай же, Миранда. Сядь на меня».

«Но что, если после я не смогу встать? — шептала я дивану. — У меня ведь нет мужа, не забыл? И комендантшу звать нельзя. Я просто не вынесу, если она снова явится сюда, совершенно окосевшая, потому что весь день курила траву и хлестала вино из картонных пакетов. И начнет жаловаться мне, беспомощно распростертой на полу, на свою несчастную жизнь. Она даже не вспомнит, что вообще-то пришла мне помочь, так и будет вливать в меня свои печали, как эмоциональный гель от засоров».

«А ты попробуй».

И вот я подошла к дивану.

Набралась храбрости и села.

Ничего.

Правая нога не заорала от боли. И невидимый нож не вонзился в колено.

Я задержала дыхание. Снова встала и…

Ничего. Ни подкосившихся ног. Ни пережатых

мышц. Ни отвислой стопы. Ни крошки цемента. Правда, спина все равно немного ныла. И бедро тоже. Но с ногой все было… в порядке. Она гнулась. И распрямлялась. Сгибалась и разгибалась.

Я засмеялась. Снова плюхнулась на диван — ничего. Опять вскочила — ничего. Села, встала, села, встала, села, встала — и ничего, ничего, ничего. О господи, теперь я просто хохотала. С хохотом садилась, с хохотом вставала, садилась и вставала, прыгала с диванных подушек, как с трамплина. Казалось, я вернулась в детство, и где-то там стоит моя довольная мама, смотрит на меня и аплодирует. Я ведь уже тогда обожала быть в центре внимания. Хохотала я до тех пор, пока из глаз не хлынули слезы.

А потом вдруг увидела одинокого мужчину в окне напротив. Застыв над цветочными горшками с лейкой в руке, он смотрел на меня. Должно быть, увидел мое шоу, пока поливал свои бросающие вызов природе и фотосинтезу растения, способные цвести в темноте.

Улыбнувшись мне, он продолжил поливать блестящие зеленые листья. Я села. Вскочила. Опять села. Взяла распечатку «Все хорошо». И стала снова и снова перечитывать сцену, в которой появляется чудом выздоровевший Король.

А вельможи твердят, что спасло его волшебство. Можно сделать так, чтобы исцеление происходило прямо на сцене. Или оставить этот момент «за кадром». Все зависит от постановки.

— Вы определенно изменились, — говорит Хьюго. — Правда, толком не могу понять, как именно, Миранда.

О, как он произносит мое имя, как смотрит на меня! Мое тело расцветает под его взглядом. Сердце воспаряет. Темные переулки освещаются, а опавшие листья взвиваются в воздух и заходятся в дикой пляске.

— Нам с вами нужно как-нибудь встретиться, — продолжает Хьюго. Как раз это самое он всегда говорил в моих мечтах, на эти слова я пускала слюни, лежа на полу в своем кабинете. — Обсудить постановку. Вы ведь эту пьесу знаете куда лучше, чем я. Я бы с радостью послушал вашу точку зрения, Миранда.

— Мою точку зрения, — повторяю я. — Да-да.

На лазурном небе вспыхивает радуга. Мы с Хьюго стоим на сцене, взявшись за руки. Я воскресла из мертвых. А он смотрит на меня, словно я для него — целый мир.

— Может, однажды сходим куда-нибудь после репетиции? — предлагает он. — Пропустим по

стаканчику.

— По стаканчику?

Пропустить по стаканчику с Хьюго. И вечером! Не просто так средь бела заскочить выпить жидкого чаю. Ежеминутно подмечая, как его взгляд цепляется за каждый попадающий в поле зрения объект. Представляю себе, как мы с Хьюго сидим в баре. На столике между нами стоит свеча. В руке у него бокал вина. Нет, Хьюго, наверное, вино не пьет. Ладно, пусть будет лагер. А смотрит он только на меня, видит только меня.

— Почему бы и нет? — продолжает Хьюго. — Тут поблизости есть «Проныра». Ирландский паб. Или шотландский.

Лазурное небо меркнет, сгущается кромешная тьма. Я вижу алые стены бара. Золотистый напиток, зловеще поблескивающий в стакане. И трех мужчин, которые пялятся на меня, притоптывая черными кожаными ботинками. «Вот оно, мисс Фитч, вот оно. Раздобудьте себе счастье».

— Нет, — выпаливаю я. — Нет-нет, только не туда.

— Ладно, тогда вы выбирайте место. Я на все согласен. Полностью в вашем распоряжении.

Невозможно поверить, что Хьюго говорит мне такое. Но так оно и есть. Ему прямо не терпится.

Не терпится встретиться со мной наедине.

* * *

Я иду через холл и прислушиваюсь к звуку своих шагов. Как звонко стучат по полу мои подметки, куда звонче, чем обычно! Омертвелая нога сегодня как-то ожила, стала не такая тяжелая. Конечно, бедро по-прежнему болит. И спина тоже. Но нога! Я ее не подволакиваю. Она сама шагает вперед. И поспевает за второй ногой. А значит, походка моя стала ровнее. Я даже немного вверх вытянулась. Больше не заваливаюсь на один бок.

«Миранда, вы как-то изменились», — сказал Хьюго.

А я ответила: «Правда?» Я иду и напеваю себе под нос. Тихо-тихо. Эту мелодию я где-то слышала, а где — никак не могу вспомнить. Но она мне очень нравится. Пою я редко, но эта песня прямо рвется с губ. Обычно плотно сжатых от натуги, пока я пытаюсь удержать вес собственного тела.

Вдруг я замечаю в конце холла студента. Стоит, привалившись к бетонной стене, и смотрит в телефон. Я его знаю, это один из моих учеников. Джейкоб Фокс. Во «Все хорошо» он играет Пароля, злодея, порочного вельможу, под чье дурное

влияние угодил Бертрам. Ставь мы «Макбета», я бы, наверное, дала ему роль короля Дункана. Но «Макбета» мы не ставим.

Обычно, заметив в холле студента, я сразу же поворачиваю назад, делая вид, будто что-то забыла в кабинете. Целое представление разыгрываю. Натягиваю на лицо выражение «Ах, как неудачно», качаю головой, словно ругая себя за скверную память. А иногда продолжаю идти вперед, но взор мой при этом устремлен вдаль, словно я не вижу ничего, кроме маячащей где-то впереди сцены и Шекспира. Но сегодня я смотрю прямо на Джейкоба Фокса. Улыбаюсь ему и говорю:

— Привет, Джейкоб!

А потом машу рукой. Джейкоб вздрагивает. И ничего не отвечает. Наверное, остолбенел от изумления. До сегодняшнего дня я никогда не могла вспомнить его имени.

— Как поживаешь?

Джейкоб все так же пялится на меня. Знаю, бывают студенты, которые стесняются разговаривать с профессорами. Но раньше Джейкоб никогда меня не боялся. Вечно зевал на репетициях. Разевал свой проклятый рот прямо у меня перед носом. Что ж, сегодня спать ему явно не хочется. Он смотрит на меня так, как все они

смотрели вчера, когда я выхватила у Брианы текст пьесы. Но о вчерашнем дне вспоминать неохота. Лучше я буду вести себя так, словно все хорошо. Это ведь правда, все хорошо. Конечно, начало у нас вышло неважное, Бриана пыталась меня свергнуть, я беспомощно хваталась рукой за воздух и, наконец, вцепилась в ее запястье. Но закончили-то мы на высокой ноте, разве нет?

— Джейкоб, ты что, язык проглотил? — спрашиваю я.

Пытаюсь шутить. Чтобы он расслабился и перестал так на меня глазеть. «Джейкоб, я не кусаюсь. Обещаю».

— Нет, профессор, — трясет головой Джейкоб.

— О, прекрасно. Ждешь не дождешься сегодняшней репетиции?

— Да.

«Плохой ты актер, Джейкоб. Придется нам с тобой как следует поработать».

— Я так рада. Вчера мы получили чудесные новости. — Улыбайся. Дай ему понять, что все прекрасно. — И я счастлива за нас. Особенно за тебя, Джейкоб, — лгу я.

Джейкоб хлопает глазами. Я счастлива за него? Серьезно?

— Абсолютно. Пароль — это замечательная

роль. Гораздо лучше, чем Дункан, который быстро умирает.

Я растягиваю губы в широкой улыбке.

Джейкоб молча таращится на меня.

— Да и вообще играть злодеев всегда интереснее, — с бешеной скоростью тараторю я. — Согласен, Джейкоб?

Я смотрю на него с таким видом, будто меня очень волнует его мнение.

Но он молчит. И все так же хлопает глазами. Может, я застала его врасплох? Вообще-то раньше я разговаривала со студентами только во время занятий и репетиций. Не считая Элли, конечно, да и то она всегда первая начинала разговор. Заглядывала ко мне в кабинет в рабочие часы. Дрожащей рукой стучала в дверь — тук-тук. «Профессор Фитч? Надеюсь, я вам не помешала?» Голос ее бальзамом проливался на мои искалеченные нервы. А иногда она просто останавливалась в дверях кабинета и ждала, пока я ее замечу. И я замечала. Вскрикивала. А у нее сразу становился виноватый вид. Потом я улыбалась. «О, Элли. Это ты. Заходи скорее».

Наверное, Джейкоба сбил с толку мой внезапный интерес. То, что я вдруг попросила его поделиться своими мыслями, которых у него

наверняка нет.

— Пароль — настоящий архетипический злодей. Подлец, который «переподлил самую подлость»[16], — с улыбкой говорю я. Да, цитирую пьесу. Приглашаю его к дискуссии. — Хорошая строчка в твоем будущем резюме, верно ведь?

Джейкоб же смотрит на меня так, словно я — набирающий силу черный смерч. Который движется прямо на него.

— Да, профессор.

— Что ж, увидимся на репетиции, Джейкоб. Не терпится посмотреть, как ты сыграешь своего персонажа.

Я всего лишь хотела его подбодрить, но он отчего-то ободренным не выглядит. «Ладно. Будь по-твоему, Джейкоб».

Я направляюсь к выходу, напевая себе под нос все ту же мелодию. Джейкоб смотрит мне вслед и облегченно вздыхает у меня за спиной. Странно. Неужели он все-таки меня боится? Да быть не может! Меня никто не боится. Я уже и не помню, когда меня в последний раз кто-то боялся.

---

[16] Notes: 16

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

Глава 12

Входя в зал, где должна состояться репетиция, я понятия не имею, что меня ждет. Что, если они по-прежнему будут артачиться? Стоять на своем? Что, если я увижу прибитый к сцене котел? И собравшихся вокруг него Эшли/Мишель в черных лохмотьях и ведьминских шляпах, колдующих над бумажным пламенем? И Тревора, готового в знак протеста занести надо мной меч из фольги? И Бриану в топе с расклешенными рукавами и задранным вверх подбородком, уже натянувшую решимость на колки[17]?

Но нет. Студенты молча сидят кружком на сцене. Я иду к ним, а они следят за мной глазами. Да так завороженно, как будто это я разыгрываю для них спектакль. А они боятся отвлечься и что-нибудь упустить. Они глаз с меня не сводят — не смотрят ни в телефоны, ни в пол, ни друг на друга. Рты у всех закрыты. Никто не жует, не прихлебывает газировку. В зале тишина — ни болтовни, ни шепотков, ни смешков. Все застыли и не шевелятся. Я даже их дыхания не слышу.

---

[17] Notes: 17
Отсылка к: *У. Шекспир*. «Макбет» (*пер. М. Лозинского*).

Они вообще дышат? Зато ботинки мои в царящей в театре тишине стучат очень звонко. Улыбаясь, я подхожу к сцене и объявляю:

— Всем привет!

— Здравствуйте, профессор Фитч, — нестройным хором отвечают студенты.

Мое имя эхом разносится в воздухе. И меня пробирает дрожь.

Замечаю, что у всех ребят в руках распечатанный текст пьесы. Старой пьесы. «Все хорошо» с моими режиссерскими пометками. Каждый крепко прижимает пачку листков к груди. Я выдыхаю. А могла бы рассмеяться. Или заплакать. Элли, раскрасневшаяся, возбужденная, глядит на меня с улыбкой. А Джейкоб таращится так же, как в холле. Кажется, даже Тревора проняло — вон как он распахнул свои голубые глаза. И вдруг я замечаю рядом с ним пустое место. Здесь должна бы сидеть Бриана — в своей кофточке с расклешенными рукавами, с золотым крестиком на шее и копной блестящих пышных волос, перекинутых на одно плечо. Я растерянно разглядываю эту зияющую пустоту. Бриана никогда не пропускала репетиции. Даже если я назначала их чуть ли не каждый день. Даже если погода на улице стояла отвратительная. Она никогда не опаздывала,

всегда приходила вовремя, неизменно бодрая и готовая к работе, как все посредственности. То, что сегодня она не явилась, может означать только одно — она не желает подчиниться. Это безмолвный протест. Так вот как она решила со мной побороться. Вот какой удар нанести.

На мгновение меня охватывает паника. Внутри начинает ворочаться страх.

Хочется спросить: «А где мой враг? Отвечайте! Говорите же!»

Но вместо этого я предлагаю:

— Может, разомнемся?

— Миранда, они уже размялись.

Это Грейс. Она тоже не сводит с меня глаз, словно смотрит захватывающее представление. И про телефон забыла, и про ноутбук. Даже никакую поделку из дерева не вырезает. Я окидываю взглядом своих детей. Они по-прежнему не шевелятся. Кажется, даже не дышат. Можно подумать, они сидят тут еще со вчерашнего дня. Как застыли на прошлой репетиции, так из театра и не выходили, терпеливо ждали меня.

Тогда я подсаживаюсь к ним — невероятно, но мне в самом деле удается — с трудом, но удается! — опуститься на пол. Устраиваюсь между Элли и Джейкобом, который отодвигается, усту-

пая мне место. А потом радостно всем улыбаюсь.

— Прекрасно. Что ж, давайте пробежимся по тексту пьесы. Освежим ее в памяти. Заново настроимся, согласны?

И они тут же утыкаются в свои листки. Эшли/Мишель начинает читать за Графиню: «Отдавая моего сына, я хороню второго супруга».

И что же? С этого момента все идет как по маслу. Никаких давешних споров. Никаких сомнений. Никаких жалоб. Никто не поднимает руку. Никто не задает глупых вопросов.

Когда мы доходим до слов Елены, все замолкают. И кажется, что воздух в том месте, где должна бы сидеть Бриана, начинает слегка потрескивать. А тишина звенит все громче. Она — словно знак вопроса. Кто-то откашливается. Вот он, момент, когда я должна спросить: «А где же та, которая никогда не пропускает репетиции? Где наша до отвращения обязательная Бриана?»

Я открываю рот. Вдыхаю поглубже. И оборачиваюсь к Элли, которая сидит рядом со мной, как всегда, облаченная в какое-то мрачное черное одеяние. Только на этот раз на плечи она набросила тускло поблескивающую шаль.

— Элли, — прошу я, — почитаешь за Елену?

На мгновение — на одно лишь мгновение — в

зале повисает пауза, и тут же Элли переводит дыхание и начинает.

— «Я выказываю горе, это правда, но у меня и есть горе», — декламирует она, не заглядывая в текст.

Ей и не нужно. Она уже репетировала эту роль. Может быть, как раз ради такого случая.

«Я выказываю горе, это правда, но у меня и есть горе». Как мне объяснить, до чего верно звучат в ее устах эти слова? Голос ее слегка дрожит, но в то же время в нем чувствуется скрытая сила и убежденность. Да, она осознает свое положение. Да, в душе ее живут боль и страстное желание. И любовь, невозможная, как далекая звезда. И все это мы понимаем только благодаря ее голосу — звучному, пылкому, нежному. Она как будто бы воспевает звезды со дна сточной канавы. И пока она говорит, я вдруг вижу мысленным взором весь наш будущий спектакль. Теперь я знаю, каким он будет. Словно по волшебству, он явился мне весь целиком. Во всей своей темной легкости, во всем странноватом сказочном великолепии, нашептанный голосом Элли.

Когда студенты кончают читать, я начинаю громко хлопать. Кричу: «Браво!» и «Отличная работа!» Жарко им аплодирую. Какие молодцы!

Потом объявляю, что в следующий раз мы займемся первым актом. Разберем его как следует. И что мне прямо не терпится поскорее приступить. А им? Но никто мне не отвечает. Студенты по-прежнему не шевелятся, будто примерзли к полу. Тогда я объявляю, что на сегодня все свободны. Они собирают вещи и бесшумно выходят из зала, бормоча на ходу: «До свидания, профессор».

* * *

— Что ж, по-моему, все прошло хорошо, как считаешь, Грейс? — спрашиваю я, когда из зала выходит последний студент.

Мы с ней остались в театре вдвоем. Мой голос, сильный, уверенный, эхом отразившись от стен, возвращается обратно ко мне. Я и забыла, какая тут хорошая акустика.

— Ну да. Вроде да, — пожимает плечами Грейс.

— Как по мне, получилось отлично.

Я оглядываюсь на опустевшую, но все еще ярко освещенную сцену. Грейс хотела выключить софиты, но я сказала: «Не надо пока. Пожалуйста». Потому что никак не могу отвести от нее взгляд. Все еще вижу в своем воображении будущий спектакль. Яркие краски. Черное небо. Ясные звезды. Играет сюита Дебюсси «Лунный свет».

— Просто отлично.

«Отлично?» — недоверчиво смотрит на меня Грейс.

— Спорить не буду, вели они себя хорошо. Никогда еще не видела, чтобы они так беспрекословно слушались. Но, по-моему, выглядело все это немного странно.

— А мне так не показалось. Я считаю, они просто, наконец, прочувствовали «Все хорошо».

— Ну, может быть.

— Разве не великолепная Елена получилась у Элли?

— Угу, нормальная, — отвечает Грейс, уткнувшись в телефон.

— По-моему, она была неподражаема. Просто…

— Как жаль, что в пьесе она играет Короля, — вставляет Грейс.

— Да. Очень жаль.

Она оборачивается ко мне, и я тут же отвожу глаза.

— Интересно, что случилось с Брианой? — спрашивает она.

И я вспоминаю, как сжимала ее запястье. А она смотрела на меня расширенными от ужаса глазами.

— В каком смысле, «что случилось»?

— Как это «в каком это смысле»? — изумляется Грейс. — В том смысле, что ее сегодня не было, Миранда. А она никогда не пропускает репетиции.

Не поднимая глаз, пожимаю плечами. Зачем это у нас на полу лежит этот адский ковер из семидесятых? К тому же совсем вытертый? Нужно его выбросить. И постелить здесь что-нибудь красное. Ярко-алое. Цвета крови.

— Вчера, когда она уходила, мне показалось, что она немного бледна. Ты не заметила? — продолжает Грейс.

Я вспоминаю, как она стояла передо мной. Какое бескровное у нее вдруг стало лицо. И волосы разом потускнели.

— Нет. По-моему, она была такая же, как всегда, — резко мотаю головой я.

Снова пожимаю плечами и поднимаю глаза на Грейс, которая пристально, без улыбки, смотрит на меня.

— А мне подумалось, что она нездорова, — говорит она.

— Что ж, сейчас самое гриппозное время, — протяжно произношу я. Напеваю, что ли? Да, почти напеваю. — Мало ли что можно подцепить. Лучше поберечься, так ведь, Грейс?

Но Грейс качает головой.

— И все же это странно. Она ведь никогда не болеет.

— Ну, однажды это должно было случиться, — фыркаю я. Голос теперь звучит пронзительно. — Или ты думала, что она неуязвима?

С этим доводом Грейс не может не согласиться. В конце концов, она ведь разумный человек.

— Нет, конечно.

— В любом случае, мне понравилось, как читала Елена — в смысле, Элли. Интересно было увидеть роль под другим углом. Посмотреть свежим взглядом. В каком-то смысле она заново открыла мне Елену. И ребятам, думаю, тоже. И представляешь, Грейс, я сегодня поняла, как будет выглядеть наш спектакль, весь целиком.

Я вдруг осознаю, что выпаливаю все это очень быстро, а ведь я никогда не тараторю. Раньше после репетиций Грейс частенько приходилось тормошить меня, наглотавшуюся таблеток и пускающую слюни на полу. «Миранда, просыпайся! Миранда, пора идти в паб. Давай, девочка, вставай!»

Я жду, что Грейс наконец-то улыбнется, порадуется вместе со мной, но она только хмурится.

— Миранда, что это такое вчера было? Декан вдруг ворвался, откуда-то взялись эти меценаты…

Как-то странно все это, тебе не кажется?

Еще как!

— Нет. — Я и обдумать ничего не успеваю, как с моих губ уже срывается ложь. — Вовсе нет. Не вижу ничего странного.

Смотрю я при этом не на Грейс, а на пустую сцену. Но все равно чувствую, как ее взгляд прожигает мне висок.

— А мне вот показалось, что это очень странно.

— Не понимаю, зачем ты постоянно повторяешь «странно»? С чего это к тебе прилипло это слово?

— Да потому что это и правда было очень странно, Миранда. Чертовски странно.

— Ну, может, немного. Но, как по мне, все очень удачно сложилось. Прямо судьба, — повторяю я слова Хьюго.

— Судьба?

— Ага, именно. Как будто вселенная дала нам… знак.

— Какой еще знак?

— Не знаю. Может, она, вселенная, хочет, чтобы мы поставили «Все хорошо»?

Грейс закуривает. Прямо под висящей над ее головой табличкой «Не курить». Ей плевать. Она

не верит в знаки вселенной. Для нее беспокойная земля просто вращается в холодном черном космосе среди погасших солнц. И ни бога, ни фейской пыльцы, ни судьбы, ни высшего замысла не существует. Грейс верит только в то, что видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Но вчерашний случай на обычное совпадение как-то не похож. Тут слишком уж попахивает человеческим вмешательством.

— Ты как-то изменилась, Миранда, — замечает Грейс.

Но произносит это вовсе не так, как Хьюго. В ее словах нет ни радости, ни любопытства. Хмурый взгляд булавкой впивается мне в кожу.

— Правда?

Мне отчего-то становится страшно. Но отчего?

— Ты какая-то… Даже не знаю… Более живая. Бодрая.

Показалось или она произнесла это обвиняющим тоном? Я вспоминаю, как мы с Грейс познакомились — в тот день, когда я приходила в колледж на собеседование. В тот бесконечный день, когда я была всего лишь жалкой соискательницей должности, нервно улыбавшейся ей с противоположного конца стола в тосканском ресторане, где мы ужинали. Как я обливалась

потом в своей дешевой блузке из универмага. Как безуспешно пыталась очаровать угрюмо пялившихся на меня злобных ведьм с факультета английского языка, которых мы с Грейс позже прозвали сестрами Гримм. Грейс была единственной присутствовавшей на ужине сотрудницей кафедры театроведения. И молча наблюдала, как я, тщетно силясь удержать на губах улыбку, пыталась поддакивать ведьмам. Весь день мне каким-то чудесным образом удавалось изображать перед ней, деканом и отделом кадров богатырское здоровье. Но теперь я таяла на глазах.

«Миранда, я прочла, что вы работали принцессой в «Диснейленде»? — прокаркала одна из ведьм. — Это правда?»

«Только одно лето», — ответила я. И рассмеялась, словно речь шла о каком-то ироничном постфеминистском упражнении, а не о деле, в которое я вложила душу.

«Уверена, это была не простая роль». Они едко улыбнулись, макая кусочки хлеба в блюдце с острым маслом. Мне же отчаянно захотелось их придушить — «Да пошли вы! К черту все это!» — и поковылять к дверям.

Но, к собственному удивлению, я отозвалась: «Очень непростая. Честно говоря, парик Бело-

снежки многому меня научил».

Все они, включая Грейс, на губах которой теперь играла странная улыбка, уставились на меня. «Например?»

«Например, вежливо отвечать хамкам».

Карги заткнулись. А Грейс разразилась рычащим хохотом. Даже зааплодировала. После, подвозя меня до гостиницы, она предложила мне сигарету, первую из всех, которые мы выкурили вместе за минувшие с того вечера годы. За пять лет. А кажется, что было это так давно. «Давным-давно, в далеком-далеком королевстве», — как сказала бы Белоснежка. Теперь Грейс смотрит на меня примерно так же, как смотрели в тот вечер сестры Гримм.

— Я много кофе сегодня выпила, — отвечаю я.

И вдруг понимаю, что забыла принять перед репетицией свою обычную горсть таблеток. Вернее, выпила только одну, а не три. Кажется, я и накануне вечером приняла всего одну. Грейс окидывает меня пристальным взглядом. Я стою ровно. Не горблюсь. Не заваливаюсь на левый бок. И, кажется, больше не испытываю ужас перед правой половиной своего тела.

— Как твои боли?

— Даже не знаю, — пожимаю плечами я. —

Трудно объяснить. У меня сразу столько всего болит.

Грейс, не произнося ни слова, выпускает струйку дыма в потолок.

— Кумулятивный эффект, — продолжаю я, повторяя излюбленные словечки Марка. — Компенсаторные паттерны. Сложно вычленить что-то одно.

Не сводя с меня глаз, Грейс замечает:

— На вид тебе получше.

— Но на самом деле нет. Я все еще очень страдаю.

Стараюсь произнести эти слова негромко, вложив в голос все еще мучающую меня боль. Я ведь не лгу, я в самом деле страдаю.

— Вот сейчас, например, у меня спина болит. — Я демонстративно хватаюсь за поясницу. — И бедро. И ребра.

Я наклоняюсь вперед. «Я выказываю горе, это правда, но у меня и есть горе». Пусть не сомневается, что мне все еще…

— На вид тебе получше, — повторяет Грейс.

— Но на самом деле нет, — сердито отзываюсь я.

Почему я сержусь?

— И все же я рада, — продолжает она.

И грустно улыбается. А потом опускает руку мне на плечо. И меня захлестывают эмоции. Я вспоминаю былые дни нашей дружбы. Поначалу я скрывала от Грейс, как ограничены мои физические возможности. И увиливала всякий раз, как она предлагала заняться чем-то более активным, чем совместный поход в бар. «Давай завтра отправимся в горы? Может, сходим поплавать? Не хочешь прокатиться на автобусе в Нью-Йорк, балет посмотреть?»

Я всегда отвечала, что занята.

«Чем именно?» — интересовалась Грейс.

Развожусь. Иду на прием к очередному хирургу, очередному шарлатану. Размышляю о тщете своей жизни. «Да так, занимаюсь еще одной постановкой», — отвечала я.

«Ооо, что за постановка?»

«Одна экспериментальная вещица», — лгала я.

«Звучит интригующе!»

Так продолжалось около года, но настал момент, когда я уже не могла больше скрывать от Грейс свой недуг. Как-то вечером, после выматывающей репетиции «Как вам это понравится», она нашла меня в театре в слезах. Один из студентов — по совместительству менеджер по реквизиту — сбежал, забыв прибрать сцену. И я рыдала, бес-

помощно разглядывая громоздившийся передо мной бутафорский лес — пластиковые деревья, плюшевых овечек.

«Миранда, что стряслось?»

Когда я во всем ей призналась, она, разумеется, всей душой мне посочувствовала. «Какого дьявола ты от меня скрывала?»

В тот вечер она молча собрала реквизит, а после так же молча взвалила на себя все обязанности, требовавшие физической силы и выносливости. Стала возить меня на приемы к хирургу и на уколы стероидов. И больше не звала кататься на лодке или лазать по горам. Не спрашивала, какой постановкой я занята в свободное время. Знала, что никакой.

— Может, сходим выпить? — спрашивает она. — До смерти хочется пропустить стаканчик.

Я удивленно смотрю на нее. Неужели ей правда все еще хочется со мной пообщаться?

— Уверена, тебе не терпится поделиться со мной своим *видением* будущего спектакля, — добавляет она.

Вот теперь я тоже улыбаюсь.

— Так что, в паб? — спрашивает она.

— В паб?

— Ну, в «Проныру»? В наше обычное место?

И я вспоминаю, как белели желтые глаза Толстяка. «Раздобудьте себе счастье, мисс Фитч».

— Ой, нет. Нет-нет. Я сегодня как-то не в настроении.

Грейс вскидывает брови. Не в настроении? Я? Королева самолечения? Когда это я отказывалась от выпивки?

— Да, я лучше еще немного побуду здесь, — продолжаю я. — Набросаю кое-что. Ну, понимаешь, пока спектакль еще стоит у меня перед глазами. Пока я его вижу и слышу.

Я тычу пальцем себе в глаз, дергаю себя за ухо. И пытаюсь изобразить затуманенный вдохновением взор. Я ведь режиссер, не забыла? Меня захватило. Унесло. Давненько уже меня не уносило.

Грейс опускает брови и закатывает глаза. А потом снова гладит меня по плечу.

— Ладно. Ни в чем себе не отказывай.

И вот я сижу одна посреди зрительного зала, перед пустой сценой. Ноги гудят, в бедре пульсирует боль. Спина ноет. И ребра тоже. Но все хорошо. Потому что на сцене брезжит будущий спектакль. Мерцает, постепенно уплотняясь и обретая форму. Я слышу краски. Я вижу музыку. Вижу Елену. Несчастную бестолковую девственницу.

Коварную чертовку. Простую девушку. И смотрит она на меня моими собственными глазами. Яркими, пылкими, исполненными решимости. Напускает на меня свои чары. И поглядите-ка — я очарована.

* * *

Выбираюсь из театра я только в полночь. Как ни странно, я все еще могу ходить, моя нога по-прежнему разгибается. Ковыляя к двери, я вдруг прыскаю, не сдержавшись. Да, я по-прежнему прихрамываю. «Видишь, Грейс? Убедилась?» Но Грейс давно ушла. Наверное, уже дремлет под «Нетфликс», намазав на лицо маску из лепестков роз. А на экране тем временем разыгрывается какая-нибудь драма в зале суда или один из ее любимых жутких детективов о серийных убийцах. Чем больше крови, сцен в морге и зловещих улик, тем больше они Грейс нравятся. Я начинаю напевать. Подхватываю мелодию на той же ноте, на которой бросила ее несколько часов назад. И, выйдя из зала, вдруг замечаю в фойе темный силуэт, освещенный алой надписью «Выход». Там, во тьме, кто-то сидит. Я вскрикиваю.

— Профессор Фитч.

Шарю по стене в поисках выключателя. Элли.

Устроилась на полу в своем черном одеянии. Спиной привалилась к кирпичной стене, колени обхватила руками. И смотрит на меня так убийственно напряженно, что мне приходится напомнить себе, кто передо мной.

— Элли! Господи Иисусе, как ты меня напугала.

— Простите, профессор!

Она тут, на полу, прямо лагерь разбила. Расстелила свою блестящую шаль. Поставила у ног стаканчик с чаем из библиотечного буфета. Рядом с ним — горстка кожурок, должно быть, содранных с жалкого мандарина. А подле бедра лежит текст «Все хорошо», весь испещренный разноцветными пометками.

— Давно ты тут сидишь? — спрашиваю я.

— С конца репетиции.

— С конца репетиции? Элли, уже ведь несколько часов прошло.

Ее бледное личико вспыхивает.

— Ничего страшного. Я делала домашнее задание. Иногда я прихожу сюда поработать. Я ведь в общежитии живу, совсем рядом.

Она кивает на темное окно, на царящую за ним ночь, на черную пустоту.

— Оу, — отзываюсь я.

— Так что я просто учила текст.

Мне представляется, как Элли сидит тут в темноте, чистит мандарин и зубрит свои реплики. Как трогательно. Жутковато, конечно, но трогательно. Взгляд у Элли такой, словно она хочет мне что-то сказать. Но она никогда не говорит прямо. Даже придя ко мне в кабинет, всегда просто стоит в дверях, опустив по швам дрожащие руки. И ждет, пока я из нее все не вытащу.

— Ты сегодня великолепно играла, — говорю я.

— Правда?

— Да! Просто превосходно! Ты меня вдохновила. Можно сказать, заново открыла для меня эту пьесу.

— Спасибо. — Они низко склоняет голову. Не отваживается показать мне, как она счастлива, что я ее похвалила. Это было бы слишком откровенно. — Что ж, — сообщает она полу, — не сомневаюсь, Бриана тоже отлично сыграет эту роль.

Я смотрю на ее тусклые, темные по всей длине и светлые у корней волосы. Похоже, Элли пыталась выкрасить пару прядей в фиолетовый. Но получилось слишком бледно.

— Конечно, — киваю я. — Она тоже хорошо сыграет.

— Слышала, она сегодня приболела, — шепчет Элли.

И поднимает на меня широко открытые серые глаза.

— Приболела?

Внутри взвивается паника. Паника? Да нет, почему же? Скорее злость. Я должна злиться. Она ведь наверняка притворяется. Выжимает из ситуации максимум, как она это умеет.

— Мне Тревор сказал после репетиции. Говорит, она весь день провела в постели. Просто встать не смогла. Прислала ему сообщение, что ей больно двигаться. Даже текст набирать больно.

Я не отвечаю. Пришел мой через опускать голову. А мои губы тем временем растягиваются в усмешку. Дьявольскую усмешку.

— Может, грипп? — предполагает Элли, милосердно заполняя тишину.

— Может быть, — отзываюсь я.

— Я как-то болела гриппом. И мне тоже было больно двигаться. И сообщения писать. И даже дышать.

Киваю, глядя в пол. Он такой твердый. Как ей удалось просидеть на нем столько времени?

— Что ж, Элли, сейчас как раз гриппозный сезон. Нужно одеваться потеплее. А то мало ли что

подхватишь.

— Хорошо, я буду.

— Вот и прекрасно.

— Профессор Фитч?

— Миранда, Элли. Я ведь уже просила тебя называть меня Миранда.

— Миранда. Я просто хотела спросить вас кое о чем. Я бы и раньше спросила, но не решилась вас беспокоить. Заглянула в зал, а вы там сидели такая… отрешенная.

«И ты решила прождать меня здесь четыре часа? В темноте, наедине со своим мандарином?»

— Что такое?

— Мне просто было любопытно, попробовали ли вы мою смесь для ванны?

— Смесь для ванны? Какую смесь?

— Которую я для вас приготовила, помните?

И тут я вспоминаю. Вспоминаю маленький пакетик с сухими травами, маслом и солями, который вчера, уходя из театра, нашла лежащим поверх своей сумочки. Среди травинок тут и там пестрели какие-то цветочные лепестки, а к самому пакетику был прилеплен сиреневый стикер с надписью: «От Элли». Сейчас он лежит у меня в бардачке, и в машине из-за этого пахнет какой-то помесью тайги и шалфейного поля.

— Ах, смесь для ванны. Ну конечно! — лгу я. — Она чудесна. Именно ее-то мне и не хватало.

Подняв глаза на Элли, я улыбаюсь. Интересно, поверит ли она мне? О да, она поверила. Прямо просияла.

— Правда? Значит, сработало?

— Сработало?

— Ну, видите ли… Я прочитала над ней коротенькое заклинание. Чтобы вы поскорее поправились. Смесь ведь обладает целебными свойствами, я вам говорила.

Элли отводит глаза. Должно быть, стыдится своего увлечения мистикой.

— Серьезно?

Она важно кивает:

— Да. И, по-моему, оно сработало. Вы сегодня выглядите гораздо лучше, Миранда.

— Да? О, да! А я-то все гадала, с чего бы это? Но теперь ты, Элли, все прояснила. Спасибо большое, — серьезно, без тени усмешки, произношу я.

Элли снова расцветает. И выглядит это как-то жутковато. Не могу отрицать, в ее настойчивости и страстности есть что-то тошнотворное. Со стороны и не подумаешь, какие глубокие и сильные чувства таятся под этим непритязательным

обликом. На мгновение Элли предстает передо мной такой, какой ее видит Грейс. Угрюмой невзрачной девушкой, одержимой единственным горячим желанием. Но ведь именно поэтому из нее и получилась бы идеальная Елена.

— Спокойной ночи, Элли, — говорю я. — Не забывай одеваться потеплее.

Иду через холл и чувствую, что она смотрит мне вслед. А потом кричит в спину:

— Хотите, я сделаю для вас еще одну?

— Еще одну? — переспрашиваю я, обернувшись.

— Еще одну смесь для ванны.

В позе ее столько надежды. Столько в веры в собственные чудодейственные способности. А мне совсем не хочется разрушать ее фантазии.

— Да, конечно. Почему бы и нет?

Глава 13

— Лучше? — повторяет Марк.

Свой в доску парень явно в шоке. Я что, действительно произнесла здесь, в подвальном спортзале «Спинального отделения», слово «лучше»?

Я сижу на одном из стоящих рядком массажных столов и смотрю на Марка. А тот в свою очередь смотрит на мою правую ногу, которой я быстро-быстро покачиваю в воздухе. *Лучше?* Мне? Разве это не запретное слово, едва заслышав которое, я тут же принималась яростно мотать головой? Нет-нет. Мне не лучше. Точно не лучше. Мне ведь никогда не становится лучше. Только хуже и хуже. Во веки веков.

— Мне так кажется, — шепчу я. И добавляю неуверенно: — По-моему, мне стало лучше. Конечно, это продолжается всего пару дней… — Дней, в которые я ни разу не открывала гремящие в карманах пузырьки с таблетками. Хотя и держала их под рукой, на всякий случай. — Не знаю точно…

Все это я говорю, опустив голову и разглядывая ковер. Очень похожий на тот, что лежит на полу у нас в театре.

— Понятно, — отзывается Марк.

Подняв глаза, я обнаруживаю, что он все так же разглядывает мою болтающуюся туда-сюда ногу.

— И, конечно, меня до сих пор мучают боли, — быстро добавляю я. — В спине. В бедре. В ребрах.

Марк кивает на мою ногу. Ну вот, наконец-то мы ступили на более знакомую ему территорию. Кажется, впервые за все время нашего разговора он выдыхает. Конечно, меня по-прежнему мучают боли.

— Но они какие-то… Даже не знаю… Более терпимые?

У меня вырывается нервный смешок. Я вдруг понимаю, что вся трясусь, трясусь от страха. Ведь я так долго не решалась произнести слово «лучше». Нет, было время, когда я беспечно бросалась им в разговорах с врачами, надеясь, как собачка, заслужить печенье в награду. Но стоило мне его произнести, как меня моментально скручивало еще сильнее. Казалось, сам бог потешается надо мной и моими надеждами. «Лучше? Ты в самом деле решила, что пошла на поправку? Ха-ха, обхохочешься. Ну а теперь тебе как? Все еще лучше?»

Марк сует руки в карманы и улыбается.

— Вау, Миранда. Кто бы мог подумать.

— А нога! Вы только поглядите на мою ногу! — Я демонстративно распрямляю ее, потом снова

сгибаю. — Видите, теперь я спокойно могу сесть и встать.

Я вскакиваю. И сажусь обратно на стол. Снова вскакиваю. И сажусь. Вскакиваю. Сажусь. Вскакиваю…

— Ладно-ладно, хватит, — говорит Марк. — Я понял. Уловил *суть*.

Лежащая на соседнем столе пожилая женщина с коленями, обмотанными латексной лентой, смотрит на меня со страхом. Она как раз выполняет упражнение «мостик». И колени ее ходят ходуном. Я вдруг понимаю, что все собравшиеся в зале пациенты теперь смотрят на меня. Забросили свои приставные шаги, «мостики» и вымученные наклоны. Перестали корячиться на велотренажерах. Реабилитологи тоже обернулись. Все голубые форменные поло с логотипом «Спинальное отделение» глядят на меня и на Марка.

И мне вдруг приходит дурацкая фантазия, что они сейчас разразятся аплодисментами. По крайней мере, Марк.

Но нет, он все так же стоит, сунув руки в карманы. И смотрит на меня.

— Давайте-ка пройдем в процедурную. В зале сегодня как-то многолюдно, верно ведь? По-мое-

му, один из кабинетов только что освободился.

В процедурную? Но зачем? Я-то думала, Марк захочет, чтобы я сегодня позанималась физкультурой.

— Ээ… Ладно.

— Вон тот, в самом конце зала. Идите, Миранда, я догоню. Буду через минуту.

С этими словами Марк вручает мне голубой медицинский халат, чтобы я могла переодеться.

* * *

Я облачаюсь в него в процедурной. Бедро и спина, конечно, отзываются болью, но не так сильно, как раньше. Не забыть сказать Марку, что переодеваться мне тоже стало легче. Нет, конечно, это до сих пор болезненно, но уже меньше. «Легче», «меньше», «лучше» — вот какие слова сегодня срываются с моих уже не настолько пересохших губ, а Марк смотрит на меня так, будто я несу какую-то околесицу. Сажусь на массажный стол. И снова встаю — просто чтобы удостовериться. Нога разгибается, и я вздыхаю с облегчением — могу, по-прежнему могу. Я улыбаюсь. Мне все еще кажется, что это чудо какое-то, случайность, фокус. Из глаз брызжут слезы. Я сажусь. Снова встаю. И смеюсь от того, с какой легкостью все

это проделываю.

Лучше… Что, если мне в самом деле лучше? Конечно, я не выздоровела. И близко нет. Но кто знает? Может, через несколько месяцев мне уже не придется сюда приходить? Может, я смогу сказать Марку — и Джону, — что все кончено? Брошу таблетки. И ненавистную работу. Вернусь на сцену… Нет, для этого я, наверное, уже слишком стара. Но, может, хоть в любительский театр. Мне бы так хотелось вернуться на сцену, какую угодно. Я бы даже согласилась выступать бесплатно. При мысли об этом я начинаю плакать. Представляю себе ветхую, продуваемую всеми ветрами церквушку и Грейс, в одиночестве сидящую на скамье. «Спасибо, — сказала бы я. — Огромное спасибо». Кто знает, вдруг вскоре я уже смогу дойти пешком до моего бывшего дома? Выберу какой-нибудь солнечный весенний денек, когда Пола можно будет застать в саду за работой. Он увидит меня издалека, увидит, как я приближаюсь к нему, улыбаясь окружающему миру — траве, небу, улице, домам. Не плачу, не напрягаюсь, как будто мне даже прикосновение воздуха с трудом удается вытерпеть, не несу внутри смерть. Он увидит меня и ахнет: «Принцесса, ты ли это?»

Я сижу на столе, и моя нога бешено вихляется в воздухе. Никак не желает успокаиваться. Время идет. Я даже как будто слышу тиканье часов, хотя в кабинете их нет. Куда же запропастился Марк? Он ведь сказал, что будет через минуту, разве нет? Окон в подвальном этаже нет, но я прямо чувствую, как сгущаются на улице сумерки. Разглядываю журналы трехгодичной давности, которые давно уже изучила от корки до корки. Не могу я больше читать о противовоспалительных свойствах кофе и пользе ягод годжи. И о «шести упражнениях для пресса, которые можно выполнять дома». Мне-то они точно не по силам.

Мелодия, которую я недавно напевала, больше не липнет к губам. Гудит тишина. Слышу, как поскрипывают тренажеры. Как люди за дверью охают от боли. И встревоженными голосами перечисляют свои жалобы:

— Каждый раз, когда я сажусь…

— А когда встаю, еще хуже…

— Вот здесь…

— И тут…

— Может, мне лед приложить или согревающий компресс?

— Так тепло или холод?

Кости начинают ныть. Я встаю — просто что-

бы проверить, как обстоят дела. Снова сажусь. Нога по-прежнему раскачивается, но уже не так сильно. Подхожу к двери. Выглядываю в зал. Марка нигде не видно. Только какой-то пожилой мужчина с обернутыми латексной лентой лодыжками преодолевает полосу препятствий — приставным шагом обходит расставленные по полу оранжевые конусы. А из другого конца зала, скрестив руки на груди, за ним наблюдает докторша с прической, как у музыкантов из клипов «Heart». Это она понаставила на его пути оранжевые конусы. И разложила на полу веревочную лестницу. Чтобы он, огибая конусы, одновременно перешагивал через веревочные ступени. Старик весь трясется. Едва не падает. Передвигается крошечными шажочками. Марк как-то раз тоже заставил меня делать это упражнение.

Старик вдруг оборачивается ко мне. И в глазах его читается: «Похоже, мы с вами застряли тут навечно».

Я прикрываю дверь. Оглядываю неуютный кабинет. Раньше Марк никогда так не опаздывал. Это доктора Ренье мне вечно приходилось ждать часами. И когда он, наконец, появлялся, я воспринимала это как чудо. Словно мне явился сам Бог. С сияющими седыми волосами. Улыбкой на

лице. И зажатой под мышкой медицинской картой — «разведена, отец и мать умерли». Которую считал ключиком, позволяющим проникнуть мне в душу.

«Ваша боль — это ваши утраты, мисс Фитч, — внушал он мне. — Вы потеряли мужа, потеряли мать. Вот откуда у нее ноги растут, как вы не понимаете?» Он даже на мою МРТ взглянуть не хотел. Только прожигал взглядом мое скрюченное тело, словно оно являлось неоспоримым доказательством его правоты. Доказательством того, что я все еще оплакиваю свои утраты и не желаю их отпустить. И да, я пыталась напомнить доктору Ренье, что моя мать умерла много лет назад, задолго до произошедшего со мной несчастного случая. И хоть я и оплакивала ее — а как было не оплакивать, если в ее лице я потеряла самую пылкую поклонницу моего таланта, всегда бешено аплодирующую мне из дальнего угла зрительного зала? — в каком-то смысле ее смерть меня освободила. Вскоре после нее я уехала в Эдинбург. Нашла утешение в своем ремесле, исполнила роль Елены на другой сцене — за океаном. До того времени я не ощущала никакой внутренней связи с «Все хорошо», но именно тогда образ Елены, несчастной сироты, занимаю-

щей в мире самое непрочное место, истерзанной болью и жаждущей любви, глубоко тронул меня. Горе не сломило меня, наоборот, стало величайшим даром судьбы. Ведь именно оно дало мне Елену. А Елена — Пола. А Пол — новую семью взамен утраченной. «Ты всех их затмила», — сказал он мне в тот первый вечер. И мне вдруг показалось, что меня, семилетнюю, снова обнимают мамины руки. Мы с ним были так счастливы. Недолго, правда. Театр свел нас вместе — меня, актрису, и его, моего бессменного зрителя, театр нас повенчал. И рухнуло все только после того, как я получила травму. Я пыталась напомнить доктору Ренье, что это мой недуг стал причиной потери мужа и карьеры, а не наоборот.

«Но я упала со сцены, — силилась объяснить я. — Вот с чего все началось. Я упала, получила травму…»

«Все мы падаем, мисс Фитч. Падаем и снова поднимаемся. Кости срастаются, ткани заживают. Но некоторые люди не хотят отпускать свою боль. Цепляются за нее по каким-то внутренним причинам».

Я смотрела на его толстые черные брови. На короткий ежик серебристых волос — бог знает, почему все хирурги и ортопеды носят именно

такую стрижку. Стрижку серийного убийцы. В его темных инопланетных глазах брезжило некое подобие человеческого участия.

«Вы потеряли мать, потеряли мужа. Должно быть, все это разбило вам сердце».

Что я могла на это ответить? Только: «Да». Я кивнула. Все верно. Мое сердце разбито. Разбито на куски. Кажется, я даже руку к груди прижала, как полная идиотка.

Дверь, наконец, открывается. Марк. Ну вот, сейчас он разразится аплодисментами. Просто ахнет, увидев, насколько лучше мне стало. Но Марк смотрит на меня сухо. Руки по-прежнему в карманах. Лицо невозмутимое.

— Ну и представление вы устроили, Миранда, — бросает он.

И мне вдруг становится неловко. За то, как радостно я скакала на глазах у всех.

— Простите, — бормочу я.

Марк направляется к раковине и моет руки.

— Не извиняйтесь. Мне приятно было это видеть. Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки.

— Вот и мне так кажется, — тихо признаюсь я. — Не знаю точно, что со мной происходит, но что-то сдвинулось.

— Верно.

— В смысле, мне ведь может снова стать хуже, да?

— Может, — кивает Марк. — И, скорее всего, станет. И все же давайте рассматривать это как маленькую победу.

Я поднимаю глаза на Марка, который как раз вытирает руки.

— В каком смысле?

— Это шаг. Который означает, что то, чем мы с вами тут занимаемся, работает.

— То, чем мы занимаемся?

И тут я вспоминаю, что Марк назначил мне дурацкие упражнения. Те, которые я должна была делать дома. Те, о которых забыла сразу же, как вышла из «Спинального отделения». Те, которые прямо сейчас проделывают несчастные пациенты в зале с ремонтом под восьмидесятые под неусыпным присмотром реабилитологов с прическами из восьмидесятых. «Давайте-ка поднажмем! Еще десять раз». Пациенты сбиваются. Боятся, что сделают себе только хуже. И голоса их звучат жалобно и тревожно: «А это нормально, что у меня такие ощущения? А это нормально, что мне стало еще больнее?»

— Конечно, — отвечает Марк, натягивая ла-

тексные перчатки.

«Перчатки? Но зачем?» — думаю я. Для чего они ему сегодня? Разве он не хочет сначала посмотреть, на что я теперь способна? Заставить меня проделать несколько упражнений?

— Боль — это информация. И все эти улучшения кое о чем нам сообщают. Они означают, что мы выбрали правильный путь. И нам нужно его придерживаться. Не отклоняться от курса, понимаете? Так что давайте-ка уложим вас на стол и…

— Но я не делала упражнения, — выпаливаю я. — И, по-моему, именно это мне и помогло. Если честно, когда я в прошлый раз от вас уходила, мне было намного больнее. Намного!

На Марка я не смотрю. Не могу взглянуть ему в глаза. Вместо этого пялюсь на собственную ногу, которая теперь раскачивается совсем слабо.

— Насколько? — абсолютно невозмутимо вопрошает познавший дзен Марк. — По шкале от одного до десяти?

— Не знаю, — пожимаю плечами я. — Восемь. Или девять. Или десять. Настолько, что мне хотелось свести счеты с жизнью. Какой это, по-вашему, уровень? Именно так я себя чувствовала, когда уходила отсюда.

Вот теперь я поднимаю глаза на Марка. Его лицо не выражает никаких эмоций. Может, именно поэтому я и продержалась с ним так долго. Благодаря этой невозмутимой физиономии любителя йоги и своего в доску парня. В одну из наших первых встреч я даже послала Грейс фотку его профиля.

«Новый реабилитолог? Ничего так!» — ответила она. А я, в своем таблеточном угаре, даже на некоторое время вообразила себе, что мы с Марком встречаемся. Что он — мой новый парень. Стала причесываться перед приемами. Мазать губы помадой. Обливаться духами. Надевать чистые треники и самые лучшие безразмерные футболки. И Марк всегда обращал на них внимание.

«А что это у вас нарисовано, сова?»

«О, класс, я тоже обожаю «Doors». Какие у вас клевые футболки, Миранда».

«Спасибо».

И посмотрите на нас — на меня! — теперь. Я бросаю ему вызов. А он это понимает. И смотрит на меня так, как не смотрел никогда прежде. Лицо его словно высечено из камня.

— Но после вам стало лучше, верно, Миранда?

— Да, но упражнений я не делала.

— Но здесь-то делали, так? Тридцать повторений, если я правильно помню.

— Да, но…

— Сорок восемь часов. Обычно эффект наступает через сорок восемь часов после нагрузки. Нужно, чтобы мышцы успокоились, чтобы тело восстановилось, понимаете? Теперь представьте себе, что бы произошло, если бы вы повторяли упражнения дома. Возможно, у вас бы не только нога прошла, но и все остальное.

Марк опускает глаза на мою ногу, которая больше не желает раскачиваться туда-сюда. Почти застыла. И улыбается.

— Давайте-ка вас осмотрим, договорились? Ложитесь!

Это даже не вопрос, это приказ.

Под коленом алой искрой вспыхивает боль. «Нет, — шипит моя нога, — нет-нет-нет!»

Но я все же ложусь.

— На живот, пожалуйста. Перевернитесь. Вы же помните, как это делается? Так-так, осторожнее.

И вот я лежу, уткнувшись лицом в пончикообразную дыру. Смотрю на резиновое покрытие на полу. На ботинки Марка. Блестящие. Остроносые. Притоптывающие. Марк тычет мне в спину обтянутым перчаткой пальцем. И я чувствую, как

по ноге проносятся огненные вспышки. В ступне начинает покалывать.

— Смотрели вчера матч? — спрашивает Марк.

— Нет. — «Вы же знаете, я не смотрю футбол». — Кстати, мне больно. Нога гудит.

— «Патриоты» выиграли. Болеете за «Патриотов», Миранда? Или я вас уже спрашивал? Что-то не припомню.

— Спрашивали. Марк, вы слышали? Мне больно!

Но Марк не обращает внимания.

— Перевернитесь, пожалуйста.

— Зачем?

Молчание. Раньше я его об этом не спрашивала, ни разу.

— Попробуем сегодня растяжку.

«Нет, — думаю я. — Только не растяжка. Иначе моей ноге конец. Я точно это знаю. Чувствую».

— А мне не станет хуже? — оборачиваюсь я к Марку.

Он улыбается. И от его улыбки у меня мороз по коже.

— Не должно.

Я переворачиваюсь. Марк пристегивает меня к столу ремнем. Второй оборачивает вокруг верхней части моего бедра и защелкивает у себя на

пояснице. А затем, встав между моих разведенных бедер, закидывает обернутую ремнем ногу себе на плечо, а вторую крепко прижимает рукой к столу. Я смотрю на Марка, готовящегося изо всех сил дернуть меня за ногу, и чувствую, как внутри начинает мерцать алая паутина. Мне страшно, очень страшно.

«Постойте, может, не надо?» — хочу спросить я. Но отчего-то молчу.

— Миранда, вы очень напряжены. Расслабьтесь, пожалуйста.

— Ладно.

Он обхватывает лежащую у него на плече ногу обеими руками. Больно вцепляется пальцами в мою плоть. И дергает, дергает изо всех сил. А я охаю. Охаю от боли.

— Что вы делаете?

Марк смотрит на меня без всякого выражения. «Что я делаю? А вы как думаете, Миранда?»

— Разрабатываю ваше бедро. Помогаю ему расслабиться. Теперь, когда спину у вас отпустило, мы можем действовать жестче.

С этими словами он снова сильно дергает меня за ногу. Потом еще раз.

— Мне очень больно, — вздрагивая, кричу я.

— Миранда, вам больно только потому, что

вы очень напряжены. Расслабьте ногу, я же вам говорил. Расслабьте ее.

— Я пытаюсь.

— Нет, не пытаетесь, — возражает он.

И снова тянет, на этот раз сильнее. А я опять вскрикиваю. Он же награждает меня ледяным взглядом. Никакого сочувствия, никакой жалости, только раздражение, а теперь еще и злость. Конечно, мне будет больно, если я не перестану напрягаться. Марк опять дергает меня за ногу, да так, словно пытается вырвать ее из сустава. Я ору. Он же качает головой. Просто нелепо. Пациентка упорно не желает расслабляться. Нарочно себе вредит. Ах, да, она же актриса, он все время забывает, что я играла в театре. Актриса. Глупый мультяшный мозг.

— Миранда, я очень рад, что вам стало лучше. Но вы должны мне довериться. И не забывать делать упражнения. Сачковать нельзя. Если бы вы придерживались программы, кто знает, к чему бы вы к этому моменту пришли?

Он улыбается, разглядывая мое пристегнутое ремнями тело. И внезапно я понимаю. Понимаю, к чему бы я пришла. Превратилась бы в старуху, послушно огибающую оранжевые конусы в подвальном спортивном зале. Размахивающую

руками и перешагивающую через веревочные ступени. Горбящуюся на массажном столе и старающуюся не орать, когда Марк втыкает в нее иголки. Я бы оказалась навечно пристегнутой к этому столу. К Марку, который продолжил бы хватать, тянуть и дергать меня, пока я не усвою урок, пока не научусь расслабляться.

Я закрываю глаза и закусываю губу, чтобы не кричать.

Наконец, Марк освобождает меня. Снимает перчатки. И бросает их в мусорную корзину.

— Как себя чувствуете?

Я пытаюсь встать. Но правая нога больше не разгибается. И я снова всем весом наваливаюсь на ступню. Расплющиваю ее с удвоенной силой. Чувствую, как плоть каменеет, превращаясь в цемент. И со слезами на глазах плюхаюсь обратно на стол.

— Ужасно. Моя ступня, она…

— Можете сегодня приложить лед.

— Лед? Но вы же говорили…

— Сорок восемь часов, не забыли? Дайте мышцам восстановиться, Миранда. А потом мы увидимся снова. И постараемся придерживаться выбранной стратегии, идет, Миранда? У нас прогресс. Маленькая победа.

— Но я снова не могу стоять. Не могу выпрямить ногу.

До чего же бесит собственный голос. Подвываю, как собака, которой дали пинка.

— А вы попытайтесь.

Как же я его ненавижу!

Я снова встаю и тут же заваливаюсь на правый бок. Нога каменеет и подламывается. Я едва не падаю.

— Упс. — Марк протягивает мне свою вялую руку, и мне ничего не остается, кроме как опереться на нее. — Ну вот, восстановили равновесие.

Но опора из его руки паршивая. Меня все равно шатает из стороны в сторону.

Цепляясь за руку Марка, я делаю шаг вперед. Опять теряю равновесие и на этот раз все же падаю. Лечу прямо на покрытый резиной пол.

— Миранда, вы в порядке?

Ему совершенно не важно, что я отвечу. Что бы я ни сказала, все равно это будет сплошное притворство. И почему только я все время мешаю ему меня вылечить? Разглядываю его ботинки. Черные, кожаные. Остроносые. Притоптывающие.

«Любите фокусы, мисс Фитч?»

— Миранда.

Мне мерещится поющий на сцене Толстяк.

Который с улыбкой наблюдает, как я лежу на вибрирующем полу, раздавленная его болью. Запястье, за которое он меня схватил, все еще пульсирует.

— Миранда!

Снова вижу Марка. Он с улыбкой склоняется надо мной, распростертой на полу, и протягивает мне руку. Наверное, хочет помочь встать. Я вспоминаю, что вот так же протягивал мне руку Толстяк, а Непримечательный говорил с усмешкой: «Я бы хотел показать вам фокус, Миранда».

И тогда я вцепляюсь Марку в запястье. Заглядываю ему в глаза и, крепче стискивая пальцы, начинаю медленно подниматься с пола.

Глава 14

Я сижу в машине с включенным двигателем и сквозь обледеневшее ветровое стекло смотрю на темную парковку «Спинального отделения». Сердце бешено колотится в груди. Из здания я выскочила в медицинском халате и чужой ветровке, которую схватила с вешалки на бегу. Гонятся ли за мной? Нет. Парковка пуста. Не видно ни души. Я опускаю взгляд на свои сжимающие руль руки. Они дрожат. Меня всю трясет. Изо рта облачками пара вырывается прерывистое дыхание. Нога зависла над педалью газа. Нужно бежать. Сваливать отсюда, но я просто смотрю сквозь ветровое стекло и ухмыляюсь в темноту. А еще напеваю себе под нос. Почему я напеваю? Я ведь не счастлива. Нет, совсем нет. Я в ужасе, правда же? Волнуюсь за Марка, бледного, скрюченного Марка, оставшегося на стуле в процедурной. Вспоминаю, какое стало у него лицо, когда я схватила его за руку, чтобы подняться с пола. Все краски с него слетели. Рот широко раскрылся. Он попытался было вырваться, потерял равновесие, попятился. И со всей силы ударился затылком о стену. А потом рухнул на стул, куда я раньше

сложила свои вещи. Да, опустился на стул. Резко наклонился вперед. И свесил голову.

«Марк?»

Никакого ответа. Я заметила, как быстро, прерывисто он дышит.

И внутри, как черная пташка, захлопала крыльями паника. Я стояла перед ним на прямых ногах. Мне больше не было больно. Цемент осыпался. Ступня стала легкой, как перышко. А Марк все сидел на стуле, на котором так часто сидела я, жалобно описывая пыльному полу свои симптомы.

«Марк, — снова окликнула я. — Вы в порядке?»

Ничего.

«Марк?» — пропела я, потому что в голове у меня вдруг зазвучала музыка. Его спина, обтянутая форменной футболкой, вздымалась и опадала. Прямо как грудь Брианы. Быстро, неровно. А еще он хватался рукой за запястье в том месте, где я к нему прикоснулась.

И тогда меня затопило страхом. Светлым страхом. Золотым, как золотое снадобье. «Что я натворила что я натворила что натворила?» И все же я смотрела на Марка с улыбкой. С улыбкой? О, да. С улыбкой от уха до уха. Ничего не могла с собой поделать. В крови у меня разгоралось

лазурное небо. Ноги больше не вопили от боли, стали вдруг легкими, как сам воздух. Марк сидел на моем пальто, унылом платье и колготках, и я поняла, что уходить придется в чем есть.

«Марк?» — снова пропела я.

А он слабо отмахнулся. Молча. Не глядя на меня.

Тогда я сунула ноги в ботинки. Пообещала вернуться сюда через сорок восемь часов. Сказала, что согласна и дальше придерживаться выбранной стратегии. Тихонько прикрыла за собой дверь.

А потом побежала.

Перепрыгнула через полосу препятствий из оранжевых конусов, перемахнула через веревочную лестницу, расстеленную на полу для старика, который уже куда-то испарился. Как же это оказалось легко. Я бы тысячу раз могла это повторить, если бы так не спешила унести оттуда ноги. Пациентов в зале больше не было, осталась только лохматая докторша, склонившаяся над монитором компьютера. И пританцовывавшая в такт звучавшей по радио песне Aerosmith.

— Записать вас на следующий прием? — спросила она, даже не заметив, что я все еще в медицинском халате. Даже не взглянув на меня.

— Я позвоню, — пообещала я и на бегу схватила с вешалки ветровку.

И вот я здесь, в машине, на заледенелой парковке, таращусь в черноту, сжимая руль трясущимися руками. Я дрожу, все еще дрожу, хотя мои губы уже начинают растягиваться в улыбку, а голова кивает в такт играющей из магнитолы мелодии. Боже, что я делаю? Нужно выпить, вот что. И поговорить с кем-нибудь. Но с кем?

И тут меня осеняет. Ну, конечно! Черные кожаные ботинки. Костюмы цвета беззвездной ночи. Руки, сжимающие стаканы с напитком, золотящимся в алом свете ламп. Троица. Наверняка они сейчас в «Проныре», хлещут свой золотистый напиток.

Я спрошу у них: «Что я натворила?» Что сделала с Марком? И с Брианой? Почему мои руки гудят? А губы постоянно напевают? Почему я улыбаюсь? Откуда взялась эта легкость?

* * *

Но в «Проныре» нет знакомой троицы. Я оглядываю полупустой бар. Они словно растворились в затхлом воздухе. В зале почти никого, только за высокими, подпирающими красные стены столами сидит несколько одиноких посетителей.

Все они низко свесили головы, прямо как Марк в процедурной. Интересно, он все еще там? Не думай об этом. Закажи себе выпить. Я иду к барной стойке — шагаю так легко, так быстро, даже не верится. Пару раз обхожу весь зал кругом, просто чтобы убедиться, что троицы и правда тут нет, что я не пропустила их, что они не притаились в каком-нибудь темном углу. Как легко у меня это выходит. Нога не немеет, бедро не болит, спину не защемляет. Я не горблюсь, не хромаю, не подволакиваю ногу. На всякий случай обхожу бар еще раз. И еще. Так, стоп, я что, перемещаюсь вприпрыжку? О, да. Ничего не могу с собой поделать. Скачу, скачу и…

— Все в порядке, девчурка? — спрашивает глубокий мужской голос.

Я застываю.

Из-за стойки за мной наблюдает бармен. Какой-то незнакомый бармен. Высокий. С зачесанными назад черными волосами. Кажется, шотландец. Невольно отмечаю, как он хорош собой. Смотрит на меня и ухмыляется. Когда это на меня в последний раз обращал внимание бармен? Обычно мне самой приходилось отчаянно махать рукой: «Эй, сэр, сэр? Вы меня видите?» Но этот красавчик-шотландец смотрит своими светлыми глазами

прямо на меня. Девчурка — это я!

Я вдруг вспоминаю, что на мне до сих пор медицинский халат и краденая ветровка. И поплотнее закутываюсь в нее.

— Да, спасибо, все хорошо. Я просто кое-кого ищу.

Думаю, что надо бы улыбнуться, чтобы выглядеть поубедительней, но вдруг понимаю, что уже улыбаюсь.

— Вы случайно не видели здесь сегодня троих мужчин?

Бармен медленно качает головой. На нем черная пиратская рубашка с закатанными рукавами и черный килт. И похож он в этом одеянии на работника с ярмарки Ренессанса. Типа, который жарит на вертеле свиную тушу.

— Троих мужчин? Тут сегодня много мужчин перебывало. Всех сортов и профессий. Но чтоб трое пришли вместе? Что-то не припоминаю, девчурка. Сегодня тут такой компании точно не было. А как они выглядели?

Я вдруг понимаю, что не смогу ему их описать.

— Один толстый и краснолицый, — наконец, выдаю я. — Второй — ничем не примечательный, только глаза, как у алкоголика. Еще у него был красный носовой платок. А, и одет он был в ко-

стюм цвета ночи.

— Цвета ночи?

— Да, а третий — высокий и ладный. И он никогда не смотрит собеседнику в глаза. Всегда сидит в сторонке. И видно вам только его силуэт.

— Силуэт?

— Именно.

— Не самые яркие приметы, девчурка, — поднимает бровь бармен.

Мои щеки вспыхивают.

— Они всегда сидят вот здесь, — киваю я на пустые стулья. — У барной стойки. И пьют золотое снадобье.

— Серьезно?

— Да, а еще они поют. На сцене. По крайней мере, Толстяк точно поет.

Я вдруг понимаю, как безумно все это звучит. Бармен медленно качает головой, но при этом весело улыбается. Должно быть, считает меня крайне забавной.

— Боюсь, я в вечера караоке обычно не работаю. Хм, золотое снадобье… Это что, напиток?

Почему у меня такое чувство, что ему это прекрасно известно? И что с теми тремя он знаком? И вообще все знает? При этом смотрит он на меня так, что внутри все вибрирует.

— Да, такой золотистый. И светится.

Зачем я ему все это рассказываю?

— Серьезно? — Заинтригованный, он подается ко мне поближе.

И чем это я так его зацепила? Почему он ведет себя, как восторженный зритель, подскакивающий на краешке кресла?

— Да, — отвечаю я. — Честно говоря, если он есть, я с удовольствием выпила бы стаканчик.

Вся левая рука его покрыта татуировкой. Цветочный узор, среди которого извилистой тропкой вьется черная надпись. «Что там за слова?» Я наклоняюсь ближе, но бармен успевает отпрянуть.

— Может, присядете пока? А я схожу узнаю.

Плеснув мне в стакан воды, он исчезает. А я, запахнув ветровку, усаживаюсь на барный стул. Как будто тут мне самое место. Я не сделала ничего плохого, абсолютно ничего. Просто зашла выпить после долгого дня. Долгого, очень долгого. Опустив глаза, замечаю, что мои ноги болтаются в воздухе взад-вперед. Да так лихо, словно я — ребенок, раскачивающийся на качелях. Отпиваю глоток ледяной воды. Надо же, какая сладкая, как будто колодезная. Гудящими руками сжимаю стакан. И кошусь на три пустых стула, где должны бы сидеть мои знакомые. Я так надеялась, что

они мне все объяснят. Например, расскажут, что я натворила. И что мне делать дальше. Вспоминаю, как бледный скрюченный Марк сидел на моих вещах и часто дышал себе в колени. «Любите фокусы, мисс Фитч?»

Он ведь точно дышал, когда я уходила? Конечно, я помню, как вздымалась и опадала его грудная клетка. Значит, он определенно был жив. Я его не убила, ничего подобного. Да и разве можно убить человека, схватив его за руку? Чушь какая-то. Просто смешно. Вот я и смеюсь. Заливистый смех так и льется с моих губ. Как бы мне хотелось, чтобы и троица посмеялась вместе со мной. Чтобы мы с ними, звонко хохоча, чокались бокалами с золотистым напитком. И не расходились до самого утра. Это ведь в самом деле смешно — предположить, будто я могла кому-то навредить. В конце концов, это Марк причинял мне боль, разве нет? Он меня просто калечил, все это видели. И троица непременно бы со мной согласилась. «Реабилитологи уничтожают все, к чему прикасаются, мисс Фитч. Ваш счет, ваши кости, вашу душу».

— Вы бы меня поняли, — говорю я затхлому воздуху. Пыли и дыму, единственным моим зрителям.

И вдруг, подняв голову, замечаю, что под потолком в веревочной паутине висит безголовая статуя женщины. Интересно, давно она там? Что-то я раньше ее не видела.

Перевожу взгляд на барную стойку и вижу позади нее, в зеркале за бутылками, свое отражение. Обычно я не часто заглядываю в зеркала. Потому что вижу в них смерть. Но сейчас от увиденного у меня перехватывает дыхание. Мои волосы блестят. Глаза сияют. Сияют, как звезды. Голубой халат и сиреневая ветровка красиво оттеняют кожу. И на щеках моих цветут розы. А ведь я думала, что они увяли навсегда. И от меня осталась лишь жалкая шелуха. Но сегодня я просто сияю. Свечусь изнутри. Я — та молодая женщина с глянцевой театральной программки, которую уже и не чаяла увидеть. Но вот она — прямо передо мной. Дышит со мной в такт и стакан держит в той же руке.

— Прости, девчурка, — говорит вернувшийся бармен. — Боюсь, золотого снадобья сегодня нет. Все закончилось.

— Оу.

Он улыбается. И внезапно до меня доходит, почему он так на меня смотрит. Чего ради наваливается на барную стойку. Да ведь ему хочется

оказаться ко мне поближе! Я вдыхаю запах кожи, табака и виски. И снова цепляюсь взглядом за вытатуированную у него на руке надпись. Теперь прочесть ее легко. «Цветочная тропа к неугасимому костру»[18], вот что там написано. Поблескивая черными буквами, строка, словно змея, вьется по предплечью. А по обеим сторонам ее цветут золотые цветы. Бармен улыбается мне и с искренним сочувствием в голосе произносит:

— Да, снадобья нет. И троицы тоже. Но, надеюсь, вы из-за этого не сбежите, Миранда?

Миранда? Он что, только что назвал меня по имени? Светлые глаза жгут огнем, и я вдруг чувствую себя очень живой, словно шагнула из черно-белого мира прямиком в буйство красок. Теперь у меня не только руки гудят, но и вся кожа. А в животе искрится электричество.

— Нет, — качаю я головой.

И вдруг замечаю ожерелье у него на шее. Три серебряных черепа на черном кожаном шнурке. Когда он наклоняется ко мне ближе и заглядывает в глаза, на них мерцают светлые блики.

— Тогда что вам налить? — спрашивает он. — Заказывайте все что угодно. Я угощаю.

---

[18] Notes: 18

У. Шекспир. «Макбет» (*пер. М. Лозинского*).

* * *

Просыпаюсь я от запаха дыма и моря. И по привычке жду, что сейчас меня скрутит болью. Но ничего не происходит.

Ничего?

Ничего.

Я лежу на кровати, обнаженная, и внутри у меня все вибрирует. А еще я улыбаюсь, искренне улыбаюсь бьющим в окно солнечным лучам. И оплывшим свечам, и смятой постели, и стоящей на полу бутылке из-под скотча. И ожерелью, что валяется рядом с ней, — трем серебряным черепам на кожаном шнурке. Все мое тело, кровать и пол усыпаны какими-то бледно-голубыми крошками, похожими на конфетти. Внезапно меня осеняет: да ведь это все, что осталось от медицинского халата! Его разорвали на мелкие клочки, разорвали руками и зубами. Кто это сделал, я сама или шотландец? Уже не узнаешь. Он ушел еще до рассвета.

Гляжу в потолок, мысленно перебирая обрывочные воспоминания о минувшей ночи. Как я вела шотландца через холл. Тянула за ожерелье, как за поводок. А он, хоть и был куда выше и мощнее, послушно шел за мной по длинному

мрачному коридору к моей квартире.

«Ты уверена, что у тебя все в порядке, девчурка?» — снова и снова допытывался он.

А я щебетала:

— У меня все прекрасно, просто прекрасно.

Потом он нашел у меня пластинку, о существовании которой я и не подозревала, поставил ее на проигрыватель, и мы стали танцевать в гостиной. Гремели барабаны, ревели струны. В стену колотили соседи, а шотландец все кружил меня в танце. А еще мы жгли бенгальские огни, прямо в комнате. Хохотали и скакали в дыму.

С улыбкой вспоминаю, как толкнула его на диван цвета моих губ из прошлого. И оседлала. Как только мне это удалось? Потом наклонилась и, извиваясь, как змея, впилась зубами в его проколотое ухо, затем в плечо. Он приподнял меня и опрокинул на диван. Я крепко обхватила ногами его поясницу, закинула лодыжки ему на плечи — и все это далось мне невероятно легко. Его благоухающие виски губы скользнули по моей шее, по уху. А я, дрожа всем телом, вцепилась в его длинные темные волосы. А как он двумя пальцами выуживал кубики льда из стакана с виски? И совал их себе и мне в рот? А потом водил холодным бархатистым языком по моему бедру,

прямо по оставшемуся после операции шраму? Трем бледным бугоркам, похожим на след от проткнувших кожу вил? Шотландец жадно вылизывал их, а я, выгнув спину и запрокинув голову, стонала в потолок.

«Но это невозможно», — думаю я. Мое тело, все еще легкое, как воздух, как ветерок, который сейчас поигрывает моими волосами, обмотано простыней. Окно открыто, но мне не холодно. Я смотрю в лазурное небо. «Весна на носу, Миранда». Она уже у порога. И впервые от этой мысли на меня не накатывает страх. И боль. Я ничего не чувствую. Ничего? О нет, не ничего. Я просто ощущаю кое-что иное. Совершенно иное. Вот оно. Где-то там, глубоко внутри. Что же это такое? Что гудит в моем теле? Зудит в ногах и руках? Переполняет сердце? Сияет в глазах? Делает легкими кости? Поет в крови? Улыбкой слетает с губ? На ветку дерева за окном садятся три черные вороны.

— Доброе утро, — с улыбкой говорю им я.

А они улетают.

Часть вторая

Глава 15

— Какой сегодня прекрасный день, правда, ребята? — спрашиваю я, и мой голос эхом разносится по театру.

У нас репетиция. Студенты, как обычно, кружком сидят на сцене в ожидании моих указаний. Никаких перешептываний. Никаких телефонов и зевающих ртов. Все смотрят на меня, я же стою перед ними совершенно прямо и улыбаюсь.

— Прекрасный день, — повторяю я.

Так оно и есть. Там, снаружи, набухают на мокрых черных ветвях почки. Нежные, светло-зеленые. Небо понемногу выздоравливает, и солнце уже не такое хилое, как зимой. Смертельная бледность позабыта. Не видать больше слабо брезжащего сквозь серый туман тусклого шара. Нет, теперь солнце сияет в полную силу, яркое, золотое.

— Просто чудесно. И ведь мы это заслужили, так? Конечно же, заслужили — после такой-то жуткой зимы.

Я поворачиваюсь к студентам. Они кивают. С недавних пор они кивают на все, что я говорю.

— Да, профессор Фитч, — отзываются они. —

Заслужили, заслужили.

Мы уже целый месяц репетируем, и пролетел он совершенно незаметно.

— Как время-то бежит, а, ребята?

— Да, профессор.

— Я говорю, время-то как летит, не находишь, Грейс?

— Точно, — хмуро отзывается Грейс.

В последние дни она постоянно хмурится. Вот ведь зануда!

— И что мы с вами видим? На дворе весна! Знаете что, сидеть тут нет никакого смысла, — выпеваю я, кивая на облупившиеся стены нашего ветхого зала. — Давайте-ка для разнообразия проведем репетицию на свежем воздухе. Подышим как следует, верно ведь? Погреемся на солнышке. Подвигаемся, чтобы кровь в жилах закипела. Дадим нашим легким поработать, мм, звучит?

— Миранда, на дворе март, — возражает Грейс. — Еще очень холодно.

Я оборачиваюсь. Она сидит на краю сцены, скрестив руки на груди, и настороженно смотрит на меня. Меж тонких бровей виднеется морщинка. Она появилась там еще месяц назад. С тех пор, как Бриана ушла с репетиции и больше не вернулась. Говорят, она все еще болеет. Какая жалость!

Мы все очень, очень расстроены, честное слово.

— Да, Грейс, но сегодня в воздухе веет весной. Я, пока сюда ехала, очень остро это почувствовала. Разве вам не хочется тоже это ощутить?

— Даже не знаю, стоит ли…

Но я уже выскакиваю за дверь и веду студентов за собой через холл. Сбегаю по лестнице, стуча острыми каблучками, вылетаю из здания — а они тянутся следом. Трусят за моей спиной, отдуваясь и стараясь не отставать. Ух ты, неужели я иду так быстро? Это, наверное, все от воодушевления. Но почему же они его не чувствуют? Так не пойдет!

— Скорее, скорее, ребята, — командую я, увлекая их к зеленой лужайке.

Мы несемся мимо белых викторианских зданий, в которых сейчас расположены классы и общежития. Мимо игрушечной библиотеки и стеклянной столовой, где жуют свою унылую жвачку дети.

— Боже, Миранда, что за пожар? — задыхаясь, хрипит спешащая за мной Грейс.

— Да ведь пора начинать, Грейс. Тик-так, тик-так.

Навстречу нам попадается Фов, и я улыбаюсь ей на бегу. Она в своем зимнем пальто сердито топает к нашему корпусу, таща в обеих руках

набитые учебными пособиями сумки. Что там она в этом семестре преподает? Ах, да. Музыку для идиотов.

— Привет, Фов, — пою я.

Но та не отвечает и лишь окидывает подозрительным взглядом нашу шумную актерскую братию, избравшую себе подмостками весь мир. Да и пускай, у меня от ее диккенсовских интриг иммунитет. Радостно махнув Фов рукой, я кричу студентам:

— Догоняйте, догоняйте! Скорее за мной! Через лужайку и вон на ту извилистую тропинку. Только осторожно, там скользко! Мы же не хотим, чтобы кто-то пострадал. Упал и сломал себе что-нибудь. Больше никаких несчастных случаев, никаких травм. У нас спектакль на носу, верно ведь? Времени осталось совсем мало. Тик-так, тик-так.

Наконец, мы оказываемся в розовом саду, и я останавливаюсь возле огромной черной статуи козы. Бывало, в свои менее вдохновенные дни я, прихрамывая, ковыляла сюда в попытке найти хоть какую-то усладу для глаз. «Почаще любуйтесь прекрасными картинами природы», — внушал мне Марк. Но на самом деле красота меня вовсе не успокаивала. Наоборот,

при виде нее у меня, как от горя, подкашивались ноги. В розовом саду частенько занимались йогой студенты — юные, прекрасные, гибкие, беззаботно улыбающиеся, способные принимать самые замысловатые позы. От этого зрелища алая паутина у меня внутри начинала бешено мигать, и мне приходилось поскорее уносить ноги. Но сегодня все иначе.

— Ну, что я говорила? Ведь правда же на улице совсем весна? — пою я, и изо рта у меня вырывается облачко пара.

Окидываю взглядом своих стоящих кружком детей. Все они зябко ежатся. И слегка дрожат. Пожалуй, даже не слегка. Лица у всех порозовели. Распечаток в руках нет, потому что я их запретила. И знаете, к чему это привело? Они наконец-то выучили текст. Выучили наизусть. Студенты смотрят на меня — а я стою перед ними, высокая, как никогда, в сапогах на тонких каблуках и черном пальто, полы которого развеваются у меня за спиной, и отбрасываю на них свою тень. Интересно, это они уменьшились или я за последний месяц подросла?

«Да, профессор Фитч, — кивают они. — Все, как вы и говорили. Совсем весна».

Прекрасно.

— Что ж, — заключаю я. — Давайте разогреемся?

Грейс смотрит на меня в панике. О, нет. Только не еще одна из моих «разминок». Она считает, что я с ними слегка…

— Прекрасно, — хлопаю я в ладоши. — Обожаю разминку! Она помогает разогнать кровь. Наполнить легкие воздухом. Стряхнуть паутину. Вставайте-ка в круг, вот так. Ближе, ближе, не бойтесь. Я ведь не кусаюсь, — смеюсь я. В последнее время я постоянно смеюсь.

— Отлично. Давайте все наклонимся и достанем пальцами до носков ботинок. Очень хорошо. И ты тоже, Грейс!

Но Грейс просто стоит рядом и наблюдает. Наблюдает, как я нагибаюсь до самой земли и со стоном наслаждения касаюсь пальцами сапог.

— Давайте-давайте, все нагибаемся и касаемся пальцами носков. Вау! Волшебное чувство, верно ведь? Тянемся, тянемся. Вау-вау-вау, как приятно. А теперь потянемся вверх. Выше, выше, достанем до самого неба. Прямо до солнца! Ну-ка, кто сможет дотянуться до солнца? Ох, мать твою, какой кайф! Охренеть как приятно, верно ведь?

— Миранда, — шепотом одергивает меня Грейс.

— Ваши руки обожают это упражнение. Им самим хочется тянуться вверх, самим хочется достать до солнца. А оно, кстати, уже вовсе не слабенькое, заметили? Вовсе не то бледное пятно, что тускло мерцало за облаками. Нет, теперь оно яркое, смелое, яростное, так, ребята? Такое яркое, что глаза жжет, верно ведь, Грейс?

Грейс молча смотрит на меня. Все так же скрестив руки на груди.

— Ладно, теперь опустите руки, давайте-давайте, руки вниз, — командую я. — Сейчас мы с вами встряхнемся. Все тело встряхнем, так-то. Руки, ноги, голову, бедра. Давайте-ка, смелее, встряхнитесь как следует.

И мы трясемся. Трясемся, трясемся, трясемся. И студенты, и я вместе с ними. В последнее время я все делаю вместе с ними. Все мое тело трясется — руки, ноги, голова. Я прямо-таки вошла в раж. Подпрыгиваю все выше, чтобы подать им пример. Скачу на одной ноге, а второй трясу в воздухе. И хохочу, хохочу без остановки — ну правда, это ведь так весело.

— Весело, правда? — спрашиваю я их, продолжая трястись всем телом.

— Да, профессор, — выдыхают они.

Тогда я спрашиваю, неужели это все, на что

они способны? Серьезно? Не верю! И велю им трястись сильнее, активнее. Забудьте обо всем! Отдайтесь движению! Скачите так, будто пытаетесь стряхнуть плоть с костей. С рук, ног, головы, бедер! Вот так, вот так. Как одержимые! Как будто вас терзают бесы! А вы пытаетесь выгнать их из своего тела. Гоните их прочь, ну же, ну же! О, просто волшебно, правда? Какое же великолепное ощущение! Кровь кипит. Легкие наполняет воздух. Паутина рвется. Кровь воздух паутина кровь воздух паутина кровь воздух паутина. Прочь, паутина! прочь прочь прочь

кашляют.

— Чудесно, — шепчу я. — Что ж, а теперь почему бы нам с вами не сыграть в игру?

— В *игру*? — переспрашивает Грейс.

— Просто чтобы размяться. Сразимся в «Зип! Зап! Зуп!», идет?

Грейс качает головой.

— Это великолепная игра! Ее смысл заключается в обмене энергией. А разве не для этого и существует театр? Для обмена энергией, верно ведь? Что ж, начнем. Эй, чего такие кислые? Давайте-давайте, вы знаете правила. Становитесь в круг, вот так, вот так, хорошо. Теперь посмотрите на кого-нибудь — на кого угодно, все равно. Протяните к нему руку, взгляните прямо в глаза и скажите: «Зип!» Или «Зап!» Или «Зуп!» Таким образом вы бросите в него своей энергией. А он ее поймает. Все понятно? Затем наступит его очередь делиться энергией. Зипнуть, запнуть или зупнуть кого-то другого, кого он сам выберет. Весело, правда? Еще как! Ну что ж, я начну?

Я оглядываю толпу студентов. Все они смотрят на меня, вытаращив глаза. В конце концов, мой взгляд останавливается на Треворе. Тот стоит, скрестив руки на груди, весь какой-то холодный и угрюмый. Он — единственный, кто за послед-

ний месяц осмеливался подвергать сомнению мой авторитет. Вслух он вопросов не задавал, но в глазах его они читались постоянно. А еще он не спешил выполнять мои указания. И странно на меня посматривал. На днях, например, я велела ему поцеловать Элли. Элли, которая теперь играет у нас Елену. Временно, конечно, только пока Бриана больна. Только до тех пор, пока она не выздоровеет.

«Но в пьесе такого нет», — заартачился Тревор.

«Тревор, — возразила я, — разве пробелы в пьесе не даны как раз для того, чтобы мы заполняли их на свое усмотрение? Читали о том, что происходит с героями, между строк?»

И вот я указываю пальцем на Тревора, и он вздрагивает.

— Зип! — говорю я.

А Тревор вдруг пригибается. Будто пытается увернуться от летящего в него камня. А затем, попятившись, падает в грязь. Я смотрю на него, растянувшегося на мокром затоптанном снегу, и смеюсь. Даже в ладоши хлопаю.

— Тревор, зачем же ты уворачиваешься? От энергии нельзя уворачиваться, ее надо ловить. Ты разве никогда раньше в такую игру не играл? Может, нам…

— Миранда. — Грейс, опустив руку мне на плечо, возвращает меня с небес на землю. — Тебе не кажется, что пора начинать репетицию? Пока не стемнело.

Пока не стемнело? Оглядевшись по сторонам, я понимаю, что солнце уже и правда клонится к закату. Нависло над горизонтом алым огненным мячиком. Небо налилось темно-синим, вокруг застыли голые черные деревья. А студенты уже трясутся от холода.

— Да-да, верно. Конечно, давно пора. Ох уж эта Грейс, не даст чересчур увлечься. Всегда напомнит о времени: тик-так, тик-так. Верно ведь? Что ж, пойдемте внутрь и займемся делом? Раз уж от солнышка больше никакой пользы, мм?

* * *

На репетиции я снова и снова заставляю Элли и Тревора играть финальную сцену. «Давайте-ка повторим еще раз». Акт пятый, сцена третья. Елена воскресает из мертвых. И всех, кто думал, что ее уже нет на свете, что рок, горести и унижения, которые ей пришлось вытерпеть от Бертрама, сломили ее, ждет чертовски приятный сюрприз. Она не умерла, ничего подобного, так-то.

— Верно ведь, Елена? — мягко спрашиваю я,

обернувшись к Элли.

— Да, профессор, — кивает та.

— Они заблуждались. Все, включая тупицу Бертрама. — Я указываю на Тревора.

Брюки у него еще мокрые после падения в грязь. До меня доносится его почти не слышный вздох.

— А все потому, что они дураки. Ведь ты, Елена, — я кладу руку Элли на плечо, — слишком стойкая, чтобы умереть. Правда?

— Да, профессор Фитч, — неуверенно улыбается Элли.

— Стойкая? — хмыкает Грейс из зрительного зала. — Скажи лучше, коварная.

Но я не обращаю внимания. И, не снимая руки с плеча Элли, продолжаю:

— Елена рассказывает французским вельможам обо всем, что ей довелось вынести, обо всех пережитых унижениях.

— Обо всех своих интригах и фокусах, — громко встревает Грейс.

— Обо всех невзгодах, — поправляю я, — которые она преодолела, чтобы выжить. Выжить в жестоком мире, куда ее забросила бессердечная судьба. Ей пришлось бороться за то, что должно было достаться ей по праву. За мужа. За дом. За жизнь! И вот Бертрам, наконец, понимает, какие

страдания она перенесла. — Я многозначительно смотрю на Тревора. — Он ошеломлен. Ну-ка, Тревор, сделай ошеломленное лицо! Он очарован. Он побежден. Он соглашается преданно любить Елену до конца своих дней. И целует ее. Целуй, Тревор!

— Целовать? — переспрашивает Тревор.

И продолжает все так же стоять столбом в паре футов от Элли. Совершенно сбитый с толку. Смотришь на него — и гнев внутри так и закипает. Он даже не представляет, какой идеальный из него получился Бертрам.

— Да, поцелуй ее, будь добр.

Помявшись немного, он подается вперед и трогательно чмокает Элли в щеку. А та вся вспыхивает.

— Тревор, не чмокни, а *поцелуй*! В губы. Это же твоя воскресшая из мертвых жена. У нее на пальце *твое* кольцо. Она носит под сердцем *твоего* ребенка.

Я нажимаю ладонью Элли на спину, заставляя ее склониться к Тревору. Надо же, она вся прямо трепещет от близости этого идиота. Стоит рядом с ним и сверлит глазами пол.

— Меньшее, что ты можешь сделать, это поцеловать ее в губы, верно ведь? Еще раз, пожалуйста.

Я велю им поцеловаться снова, а сама смотрю на происходящее на сцене из центра партера. Потом с галерки. Потом с самого левого и самого правого краев зрительного зала. Хочу увидеть этот момент с разных точек. Рассмотреть его издали и вблизи. Наконец, я снова вспрыгиваю на сцену, где Тревор и Элли, повинуясь моим указаниям, стоят на коленях и тянутся друг к другу. Он сжимает ее руки в своих, на ее безымянном пальце сверкает его кольцо (то есть мое, старое, которое я захватила из дома для этой сцены). Я и сама опускаюсь на пол, чтобы лучше видеть их лица в тот самый поворотный момент, когда все становится хорошо. «Осознав это, вы опускаетесь на колени, вот так, прекрасно». Я тоже встаю на колени. В знак уважения ко всему, что эта женщина испытала. К ее боли. К огню и воде, которые ей пришлось пройти.

— Как можешь ты не поддаться ее чарам? Как можешь не признать поражения? Это просто немыслимо.

Я опускаю руку Тревору на плечо, и он вздрагивает. Ох, да его всего трясет. Несомненно, от желания.

— Ведь ты с самого начала желал ее, — объясняю я. — Но до этого мгновения был слепым. О да,

ты был дураком, незрелым говнюком…

— Профессор, — одергивает меня Грейс.

— Но вот теперь ты смотришь на нее, — продолжаю я, указывая на Элли, и снова опускаю руку ему на плечо, которое больше не дрожит. — Смотришь на эту стойкую молодую женщину, которая любила тебя всю жизнь. На женщину, которой пришлось отойти в тень, жить в изгнании. Ты смотришь на нее и, наконец, видишь ее по-настоящему. Видишь, как сияет ее внутренний свет. И не можешь не изумиться. Ты совершенно ею околдован.

Я склоняюсь к ним почти вплотную. Все так же стоя на коленях, которые играючи выдерживают вес моего легкого, как перышко, тела. Своими сияющими, как звезды в ночном небе, глазами вглядываюсь в тускло-голубые глаза Тревора. Он хоть понимает, что значит слово «околдован»?

Тревор кивает. О, да. Он понимает.

Он поворачивается к Элли. Нежно берет в ладони ее изумленное лицо. Склоняет набок свою гордую молодую голову, подается вперед. И целует ее. Целует глубоко. Нежно. Страстно.

Элли вздрагивает, охает и оседает на пол.

— Лучше, — говорю я. — Гораздо лучше.

И в этот момент резко скрипит дверь. Я подни-

маю глаза.

У бокового входа стоит Хьюго. И улыбается мне. Почему Тревор не может улыбнуться Элли вот так? Хьюго неслышно хлопает в ладоши. И одними губами произносит:

— Браво!

Глава 16

— Вау, Миранда! Замечательная репетиция, — говорит Хьюго после того, как я распускаю всех по домам.

Кстати, я заметила, что Тревор и Элли ушли вместе. За руки они, конечно, не держались, но разговаривали очень увлеченно. Можно даже сказать, шептались. «Наслаждайся, Элли», — думаю я. Наслаждайся так же, как я наслаждаюсь тем, что Хьюго стоит передо мной и улыбается, показывая мелкие белые зубы. Тем, что его пшеничные волосы в свете ламп кажутся рыжее, чем обычно. Тем, что он говорит мне, какая я удивительная.

— Удивительная, — повторяю я. — Ну, я бы не сказала…

— Нет, правда, — не соглашается Хьюго и подходит ближе. Еще ближе, вы подумайте! — Это было очень вдохновляюще. На меня от одного вашего вида вдохновение накатило, Миранда. — И вот его губы снова произносят мое имя. Мое имя на устах Хьюго! — А поцелуй-то, поцелуй!

И, глядя на него, я вдруг понимаю, что мы с ним тоже поцелуемся. И очень скоро! Да не только

поцелуемся, мы трахнемся. Он прямо сейчас об этом думает.

Я улыбаюсь Хьюго. Сердце наполнилось светом. Никаких больше темных переулков, усыпанных опавшей листвой. Теперь в моем сердце тянутся головками к солнцу распустившиеся цветы.

— Правда?

Слышу, как Грейс, торопливо собирающая пожитки у меня за спиной, качает головой. «Господи Иисусе».

— Как же вам удалось так их растормошить? В чем ваш секрет? — не унимается Хьюго.

— Режиссер свои секреты не раскрывает.

Прямо чувствую, как Грейс мысленно охает: «Бога ради!»

— Да ладно, мы никому не скажем.

Он косится на Грейс, пытаясь втянуть ее в разговор. Но та ничего не желает замечать. Упорно разглядывает свое пальто и сумку.

— Что ж, если хотите знать, я их заколдовала, — отвечаю я.

Хьюго смеется. Ах, какая я забавная! С недавних пор изрекаю сплошь мудрые мысли и уморительные шутки. Только и остается, что качать головой и смотреть на меня сияющими глазами. Восхищаясь самим фактом моего существования.

— Ах, заколдовали? Теперь понятно.

Вдруг неподалеку от нас кто-то кашляет. Обернувшись к сцене, я замечаю, что две Эшли/Мишель одеваются как-то слишком уж неторопливо. И при этом так увлеченно пялятся в телефоны, как будто всем своим видом желают показать, что вовсе и не думают подслушивать.

— На самом деле, — погромче, чтобы им было слышно, добавляю я, — это пьеса их околдовала, а вовсе не я.

— Ясное дело! Что ж, должен признаться, она и меня зацепила, — объявляет Хьюго, не сводя с меня глаз. — Еще как зацепила.

Последние слова он произносит мягко. Так мягко, что мне даже на мгновение становится его жаль. Я жалею Хьюго? Быть такого не может!

Грейс фыркает. И окидывает Хьюго, мужчину, к которому до сих пор испытывала некое подобие уважения, язвительным взглядом. «Да вы что тут все, издеваетесь, что ли?»

Но Хьюго, словно по волшебству, ничего не замечает.

— Кстати, — начинает он, приблизившись ко мне почти вплотную и понизив голос. Он даже руку мне на плечо пытается опустить, спохватывается лишь в последний момент. — В четверг

вечером все в силе?

Вечер четверга. Наше первое свидание. Хьюго уже несколько недель предлагает сходить с ним куда-нибудь. А я его динамлю. Я динамлю Хьюго, можете себе такое представить? Просто меня так захватила постановка. И эта весна… Безумие какое-то, верно ведь?

— Да, конечно, — заверяю я. — Мы же договорились, в четверг встретимся и обсудим будущий спектакль. — Произнося это, я указываю ему глазами на Грейс. Надеюсь, он поймет намек.

— Да-да, верно. Спектакль. Мне не терпится узнать ваше видение, Миранда.

Так и чувствую, как Грейс ощетинивается. Она уже сунула под мышку свой баул, но уходить не спешит. Явно хочет со мной поговорить. «И, пожалуйста, наедине, Миранда».

Но Хьюго по-прежнему топчется передо мной, как зачарованный.

— Тогда увидимся, — даю я ему возможность распрощаться и уйти.

Но Хьюго наклоняется ко мне, явно собираясь меня поцеловать. Неужели он меня поцелует? Покосившись в сторону сцены, замечаю, что Эшли/Мишели все еще здесь, пялятся на нас, оторвавшись от телефонов. И Грейс тоже смотрит,

все сильнее хмурясь.

— Увидимся, — повторяет Хьюго, отпрянув.

И начинает отступать спиной вперед. Честное слово, он пятится к выходу, чтобы не отводить от меня глаз. Пятится, пока с размаху не врезается спиной в двойные двери театра. После чего мы оба разражаемся хохотом. Неловко вышло и в то же время так…

— Нелепо, — бурчит себе под нос Грейс, когда Хьюго выходит.

Но я решаю пропустить это мимо ушей. Оборачиваюсь к ней. Разглядываю ее каменное лицо, в котором сегодня читается столько вопросов и обвинений. И широко улыбаюсь:

— Еще одна прекрасная репетиция, не так ли?

— Она немного затянулась, — отзывается Грейс, пристально глядя на меня. — И холод стоял собачий. Я совершенно без сил.

— Без сил? Это ты-то, Грейс? — смеюсь я.

— Я серьезно, Миранда, — не уступает она. — Эти чертовы репетиции меня убивают.

— Ой, да брось, Грейс. Тебя ничем не убьешь, верно ведь? Ты у нас потомок первопоселенцев-пуритан. Плимутский камень. Сама Новая Англия!

— Не знаю, Новая я Англия или нет, но мне в

последнее время за тобой не угнаться.

— Ха-ха, обхохочешься. Шутница ты, Грейс, — отзываюсь я.

Но сама не смеюсь. И Грейс тоже не смеется.

Я вдруг замечаю, какое поношенное у нее пальто. И как кренится ее левое плечо под весом баула, набитого затрепанными репродукциями застывших в прыжке балерин Дега. В каштановых, остриженных под «пажа» волосах невесть откуда появилась седина. Надо же, а ведь Грейс и правда побледнела. И под глазами у нее залегли темно-фиолетовые круги. Похоже, давненько она не накладывала на лицо маску из розовых лепестков. Я вдруг вспоминаю те давние вечера в ее гостиной: на лице Грейс засыхает и расходится трещинами розовая масса, глаза ее устремлены в экран телевизора, руки подливают мне вина. «Не вставай, не вставай. Я сама принесу».

— Ладно, — говорю я. — Выкладывай.

Но Грейс просто смотрит на меня. И тут меня осеняет, я понимаю, что она хочет мне сказать. Что она искренне обрадовалась, когда мне стало легче. Нет, правда! Ведь это избавило ее — и всех нас! — от лишних хлопот. Она даже какое-то время подумывала, не задружиться ли нам снова. Но теперь, глядя на меня, сияющую, скачущую

на высоченных каблуках, она просто теряется. Ведь я больше не хрупкая Белоснежка, которой так нравилось лежать на полу в ее гостиной, жаловаться на сотрудников факультета английского языка и в пьяном угаре вспоминать давно миновавшие солнечные дни.

«Кто ты такая? — написано у нее на лице. — И что сделала с моей несчастной подругой?»

— Не понимаю, зачем ты снова и снова заставляла их целоваться? — выпаливает она.

И сердито смотрит на меня. В последнее время она постоянно на меня сердится. Забавно, что на слове «целоваться» голос ей изменяет. Ей неловко об этом говорить. Интересно, когда Грейс в последний раз целовалась с кем-нибудь, кроме своей ящерицы?

– *Зачем*? — переспрашиваю я. — Потому что они должны сделать все правильно. Это ведь одна из самых важных сцен в пьесе. Ключевой момент.

– *Ключевой*? — качает головой Грейс. — Миранда, да ведь его даже в тексте нет.

Я грустно улыбаюсь. Ясное дело, она ненавидит поцелуи. Одна мысль о том, что после всех испытаний Елене может достаться немного счастья — и языка! — кажется ей отвратительной. Дай ей

волю, и Елена осталась бы ни с чем. Да что там, она бы и из мертвых не восстала. Погибла бы в одиночестве. Стушевалась и канула во тьму.

— То есть, по-твоему, после всего, что Елене довелось перенести, она не заслужила один поцелуй? Ты не хочешь, чтобы ей досталось одно-единственное счастливое мгновение?

Грейс разглядывает цветочный узор на моем шелковом платье. С таким видом, будто с него глядят вовсе не цветы, а торчащие во все стороны раздвоенные язычки.

«Новое платье?» — спросила она сегодня, когда я пришла в театр.

«Старое, — отозвалась я. — И очень любимое. Разве я раньше его не носила?»

«Никогда, — отрезала она. — Немного тонковато для такой погоды, нет?»

Я же в ответ лишь улыбнулась. «Я в последнее время как-то не чувствую холода».

В дни нашей дружбы я иногда наблюдала за тем, как Грейс свайпит мужчин в «Тиндере». И морщится при этом, будто только что хлебнула дрянного пива. «Тебе офигенно повезло, что тебя там нет», — говаривала она. Понятное дело, что мне было ловить в «Тиндере», когда я и передвигалась-то с трудом? И да, я смеялась в ответ,

словно мне и в самом деле повезло. Но, разумеется, весело мне вовсе не было.

— Понимаешь, этот поцелуй нужен не только Елене, — говорю я, отводя глаза.

— Да? — сверля меня взглядом, спрашивает она.

— Конечно. Он нужен зрителям. — Я киваю на ряды пустых кресел.

– *Зрителям*, — повторяет Грейс. — Серьезно?

— Абсолютно. Этот поцелуй вовлекает их в мир пьесы. Позволяет тоже почувствовать.

— Что именно почувствовать, Миранда?

— Радость Елены.

Грейс невесело смеется.

— О, это мы чувствуем, можешь не сомневаться, — бросает она. — Я даже и до сих пор, честно говоря.

Я смотрю на ее сведенные на переносице брови и внезапно понимаю: а ведь ей очень нравилось, что я обречена на одиночество. Нравилось, что ее подружка — точно такая же старая дева, как и она сама. Даже хуже, у меня ведь и домашнего животного не было. Только какая-то зелень в горшке, которую Грейс мне подарила («чтобы немного тебя взбодрить!») и которую я вечно забывала поливать. «Ему вода нужна! — вскрикивала она

каждый раз, входя в мой кабинет, и бросалась к горшку так, словно цветок сжигало пламя. — И на солнце его ставить нельзя, это капризное растение». Я лежала на полу и смотрела, как она поливает цветок, что-то ласково ему нашептывая. Смотрела и злилась, ведь мне от нее никогда не доставалось столько заботы и нежности.

— Значит, ты хочешь лишить и Елену, и зрителя, — я снова киваю на пустые кресла, — развязки, счастливого финала? Я верно поняла тебя, Грейс? Ты считаешь, она не заслужила хорошего конца?

— Я такого не говорила, — справедливо замечает Грейс. — Я просто сказала, что в тексте поцелуя нет.

Мне хочется крикнуть ей: «Видишь ли, не всем для полного счастья хватает приятелей из секции бега и домашней рептилии. Кое-кому недостаточно юркого язычка ящерицы, дорожки стадиона и загадочных убийств на Шетландских островах. Представь себе, Грейс, некоторые из нас — теплокровные создания. И им нужно нечто большее».

Но такого я ей сказать не смогу. Никогда.

— Слушай, — пытаюсь я воззвать к ее собственному прагматизму, — ты сама говорила, что «Все хорошо» трудно тягаться с другими пьесами, потому что в ней нет ни безумцев, ни убийств,

ни ведьм. Вот я и стараюсь придать постановке перчинку.

— Ты с Брианой не разговаривала?

— Нет. — В моем голосе сквозит страх. — А ты?

— Нет. Но Фов говорила, она все еще очень больна.

— Правда? Какая жалость. — Я смотрю Грейс прямо в глаза, не мигая. И скорбно сжимаю губы. Вот как глубоко я переживаю эту трагедию. Которая так нежданно-негаданно на нас обрушилась. — Что ж, выбора у нас нет, будем держаться до последнего. Что, собственно, я и пытаюсь делать.

— Да уж, я вижу.

— Это еще что значит?

— Ничего. Просто в последнее время энергия из тебя так и брызжет. Тебе явно стало намного лучше.

— Лучше? Ой, даже не знаю. — Я хватаюсь за поясницу. — Спина все еще очень…

Грейс смотрит на меня, выжидательно вскинув брови.

— Ну, меня все еще мучают спазмы, и все такое… И бедро… — Я печально пожимаю плечами. — Бедро так и не…

— А с виду не скажешь, — не сводит с меня

глаз Грейс.

— Ну я просто пытаюсь не дать болезни взять надо мной верх, как было раньше, понимаешь? Вот в чем секрет. Ты мне сама постоянно об этом твердила. Что все дело в психосоматике. Дух превыше материи, и все такое. Вот я и взяла на вооружение твою философию.

— Неужели я так говорила? — спрашивает она.

Но я-то знаю, что она прекрасно помнит наш разговор в машине после очередного курса уколов. Тот день, когда она съехала на обочину и спросила, не кажется ли мне, что вся эта болезнь у меня в голове? Иначе чем объяснить, что мне ничего не помогает? И анализы ничего не показывают? Может, это просто психосоматика? Стресс? Тревожное расстройство? Ведь от них миллионы людей страдают. Так почему бы мне не оказаться одной из них? Она, конечно, утверждать не берется, но не стоит ли мне рассмотреть такой вариант? На меня же от ее слов накатил удушливый страх. Вокруг сгустилась чернота. «Миранда? — окликнула Грейс. — Ты меня слышишь?» А я просто сидела и смотрела на дорогу, чувствуя, как немеют ноги и пылает огнем позвоночник.

— Да-да, именно так ты и говорила, — отве-

чаю я.

И поднимаю глаза на Грейс. Она же отводит взгляд. И поправляет ремешок висящей на плече сумки.

— Ладно, как бы там ни было, мне чертовски нужно выпить. Может, сходим, пропустим по стаканчику вместе? — смягчившись, предлагает она. — Обсудим финальную сцену. И решим, что нам делать с распределением ролей.

— В смысле — с распределением ролей?

— Миранда, да ведь у нас исполнительница главной роли исчезла.

— Вовсе она не исчезла, Грейс, не сгущай краски. Ей просто нездоровится. И, в любом случае, у нее есть дублерша.

— То есть теперь главную роль исполняет Элли?

— Временно, да. А почему бы и нет?

Грейс окидывает меня взглядом. Почему бы и нет? Я что, с ума сошла? Я же прекрасно знаю, почему нет. Свергнуть с трона королеву Бриану? Узурпировать место негласного лидера нашей труппы и властителя наших душ? Разве я не понимаю, что, по сути, это карьерное самоубийство?

— А как же Бриана?

— Так ведь она больна, бедняжка.

— Но что, если она вернется?

— Она не вернется, — чересчур поспешно выпаливаю я. И поскорее добавляю: — Судя по всему, ей совсем скверно. Очень-очень жаль.

— Миранда, я правда считаю, что нам нужно серьезно все обсудить. Мне кажется, ты не учитываешь…

— Просто предоставь все мне, Грейс. А сама отдохни. Восстанови силы. Сама ведь говорила, что вконец измоталась. И вид у тебя усталый. Ступай-ка лучше домой, а? Сделай маску для лица. С Эрнестом поиграй, посмотри свой любимый детектив по «Нетфликсу». Они куда интереснее, чем «Все хорошо», верно ведь?

Глава 17

На следующий день в дверях моего кабинета возникает бледная и напуганная Элли.

— Вы хотели меня видеть, профессор Фитч? — спрашивает она, разглядывая меня, сидящую на письменном столе нога на ногу, болтающую в воздухе сапожком и приветливо ей улыбающуюся.

— Элли, — выпеваю я. В последнее время я постоянно пою. — Вот и ты. Заходи, заходи. Будь так добра, прикрой за собой дверь. Отлично. Садись. — Я указываю на стул острым носком своего сапожка.

Она послушно садится. Я окидываю ее взглядом — руки комкают холщовую сумку, волосы, которые мне ужасно хочется подобрать, занавешивают лицо. И вдруг замечаю, что пальцы у нее дрожат. Неужели за все эти недели, когда ей каждый день приходилось играть Елену, она не стала увереннее в себе?

— Как тебе наши последние репетиции? — мягко спрашиваю я.

А Элли, уткнувшись взглядом в мои обутые в сапожки на шпильках скрещенные ноги, отвечает:

— Нравятся, профессор.

— Миранда, Элли. Пожалуйста, зови меня Миранда.

— Миранда.

— Ты, конечно, догадываешься, зачем я тебя позвала?

Она качает головой:

— Нет, проф… Миранда.

— Нет? — «В самом деле, Элли?» — Что ж, сама видишь, что на дворе.

Я с улыбкой киваю на окно. Набухшие почки. Светло-зеленая листва. Весна. Весна пришла, она хоть понимает? Время, когда все в природе расцветает. Совокупляется. Становится влажным, пахучим и соблазнительным. А это значит, что день премьеры все ближе.

Элли нервно кивает. Да-да, она заметила.

— Учитывая, что премьера не за горами, а исполнительница главной роли все еще… — тут я чувствую, как мои губы невольно растягиваются в злорадную ухмылку, и поскорее прикусываю их, изображая скорбь, — отсутствует…

Элли печально кивает. Да, все так.

— Мне пришлось принять непростое решение.

Я спрыгиваю со стола и начинаю прохаживаться по кабинету, чтобы подчеркнуть, как трудно оно мне далось. Каблучки новых сапог звонко

стучат по полу. Я практически не снимаю их с самого момента покупки. С того вечера, когда влетела в магазинчик в торговом центре и заявила продавцу: «Мне нужны кожаные сапоги. На каблуках. На высоких каблуках. На шпильках!»

Элли встревоженно смотрит на меня и переспрашивает:

— Решение? Какое решение?

Я с наслаждением разворачиваюсь и вспрыгиваю обратно на стол. Как же легко мне теперь даются подобные маневры! Снова скрещиваю ноги — не цементные, из плоти и крови. Поднимаю глаза на свою Елену и улыбаюсь.

— Относительно распределения ролей, Элли.

Та задерживает дыхание. Она уже догадалась. Только и ждет, когда я это озвучу.

— Элли, мне бы хотелось, чтобы Елену в нашей постановке сыграла ты.

Она закрывает глаза, опускает голову и шепчет:

— Я?

— Ты идеально подходишь на эту роль, Элли. Пропускаешь боль Елены, ее любовь, ее потери, ее несгибаемую решимость через себя.

Элли молчит. И все так же смотрит в пол. А руки у нее по-прежнему дрожат.

— Ну же, Элли, неужели ты не догадывалась, к чему все идет? Сказать по правде, это твоя вина.

Побелев от страха, она вскидывает голову:

– *Моя*?

— Конечно, всему виной то, что ты слишком талантливо играла эту роль. Прямо светилась на сцене. Честно говоря, мне еще ни разу не доводилось видеть такого блестящего исполнения роли Елены. Ты каждый день всех нас завораживаешь. Меня так точно.

Элли снова устремляет взгляд в пол. Я замечаю, что теперь она дрожит всем телом, кладу руку на ее трясущееся плечо, потом приподнимаю лицо за подбородок, ожидая увидеть в глазах слезы. И да, они действительно есть. Но на губах Элли при этом играет ухмылка. Злорадная ухмылка. Которую она всеми силами пытается спрятать. Прикусывает губу. И снова опускает голову.

— А как же Бриана?

О, Элли. До последнего старается проявлять благородство. Несмотря на то что только и грезит об этой роли. Пожалуй, подыграю ей.

— А что Бриана?

— Это ведь ее роль, — тихо бормочет Элли. — Мне не хочется ее отбирать.

А сама уже замерла на краю пропасти собствен-

ной всепоглощающей страсти. Качает головой, завороженно глядя в бездну.

— Конечно же, тебе не хочется, — «покупаюсь» я на ее ложь. — Но ведь Брианы по-прежнему не видать? — Отклонившись назад, я делаю вид, что заглядываю под стол. Потом «проверяю» под своим настольным календарем. Надо же, нигде ее нет! Испарилась Бриана.

Элли испуганно оглядывается, но, разумеется, и у нее за спиной Бриана тоже не стоит.

— Но что, если она вернется? — спрашивает она.

— Не вернется! — Вот и опять я выпаливаю это слишком поспешно. — Как тебе известно, она все еще… *неважно* себя чувствует.

— Как грустно, — кивает Элли.

На лице ее теперь проступает искреннее беспокойство. Злорадства и след простыл. Поэтому я тоже напускаю на себя скорбный вид. Ах, я так озабочена. Так обескуражена этим неожиданным поворотом событий. Разумеется, я вовсе от него не в восторге. Не пускаюсь внутренне в пляс.

— Да-да, очень грустно. Мы все расстроены. Но нужно держаться до последнего. Как говорится, шоу должно продолжаться. — Я выдавливаю из себя печальную улыбку.

— А кто же сыграет Короля?

— Забудь о Короле, — отрезаю я. — Неужели тебе хочется ковылять по сцене, изображая недужного старика, страдающего свищами? Скажу откровенно, Элли, я никогда не видела тебя в этой роли. Никогда.

Когда это я успела превратиться в собственную мать, караулящую меня за кулисами? Как сердилась она каждый раз, когда я, маленькая, боялась выйти на сцену, какой вымученной становилась ее улыбка. Да что со мной такое, почему я не могу просто выбежать из-за занавеса и воссиять, как мы и договаривались? Ведь я столько раз проделывала это во время репетиций в нашей гостиной. Натягивала костюм Дороти Гейл, обувала красные атласные башмачки, а мать, сидя на диване в своем кимоно с сигаретой в одной руке и бокалом вина в другой, вместе со мной проговаривала текст роли. «В гостях хорошо, а дома лучше. В гостях хорошо, а дома лучше».

На солнце за окном набегает облачко. И его тень ложится на все еще озабоченное лицо Элли.

— Просто предоставь все мне, ладно? — ласково убеждаю я. — Для тебя сейчас самое важное — это Елена. Я, честное слово, ума не приложу, кто бы смог сыграть ее лучше тебя. Справишься, Элли?

И она снова улыбается. Все та же ухмылка против ее собственной воли кривит ей губы. А мне вдруг вспоминается, как я впервые попробовала свиную грудинку. Поджаристая корочка хрустнула на зубах, и уголки моих губ вот так же невольно поползли вверх.

— Да, — отвечает Элли. — Справлюсь. Спасибо. Огромное вам спасибо, Миранда.

— Благодари себя, Элли. Серьезно. Ты эту роль заслужила.

— Я имею в виду, спасибо, что разглядели что-то во мне. Большинство людей…

— Большинство людей идиоты.

Она благодарно мне улыбается.

Я спрыгиваю со стола, давая понять, что встреча окончена. Элли понятливо поднимается со стула.

— Ой, я ведь вам кое-что принесла.

Пошарив в сумке, она вручает мне полиэтиленовый пакетик.

Какая-то соль вперемешку с розовыми и фиолетовыми сухими лепестками. Крошечные зеленые иголки. Обломки веточек. В нос бьет такой резкий запах, словно меня хлестнули по лицу цветочным букетом.

— Что это?

— Еще одна смесь для ванны. Вам ведь преды-

дущие так хорошо помогли. Просто чудо сотворили.

А я про них и забыла. Одни валяются дома, где-то в ящике. Другие — в бардачке, перемешались там с самой первой смесью, и в машине из-за этого пахнет лесной чащей.

— Они и правда творят чудеса, Элли. Ты настоящая волшебница. Взяла и исцелила меня.

* * *

Вечером я, пританцовывая на ходу, качу тележку между стеллажей супермаркета. Приподнимаюсь на носки. Притоптываю каблучками. А иногда вспрыгиваю на нижнюю перекладину и качусь на тележке вперед, болтая в воздухе одной ногой. Как весело! На ходу я приветливо здороваюсь с продавцами:

— Привет-привет! Как жизнь?.. Ой, простите, ха-ха-ха. Извините, пожалуйста. Пардон-пардон.

Какое же здесь все красивое! Алая малина. Синяя, как океанские глубины, голубика. Пестрые яблочки. Я не спешу, просто брожу по магазину, раздумывая, чего бы мне купить, чем порадовать себя этим вечером. Ведь я опять буду готовить. Что-нибудь очень-очень вкусное и сложное, что-нибудь такое, что нужно долго и терпеливо

помешивать. Чего бы мне хотелось? Вчера, например, я делала ризотто. С грибами. Стояла у разделочного столика на больше не подкашивающихся ногах и резала сельдерей, лук и морковку. Усердно рубила овощи на крошечные кубики. Нож совсем затупился, слишком долго без дела валялся в ящике, и поэтому я хорошенько его наточила. Еще налила себе бокал вина и в процессе неспешно его прихлебывала. А остатки лекарств — обезболивающих, бензодиазепинов — смыла в раковину. Я уже очень давно их не принимала, но все равно на всякий случай держала под рукой — сначала в карманах, потом в бардачке, потом в шкафчике в ванной. Пока, наконец, не поверила в свое выздоровление настолько, что решилась их выбросить. Не поняла, что мне больше не нужно ничего притуплять, ни от чего избавляться. Теперь я могу с наслаждением выпить бокал вина. Никуда не спешить, смаковать вкус. Любоваться тем, как оно отливает янтарем в льющемся из окна свете. Сушеные грибы я замочила в горячей воде и потом целых десять минут завороженно наблюдала за свершающимся чудом. За тем, как сморщенные сухие корочки набухали и обретали свою былую форму. Потом я двадцать пять минут кряду стояла у плиты, помешивая ризотто и по

одному вливая в него половники бульона. Тот вскипал и начинал испаряться. А жемчужинки ризинок, пропитываясь им, красиво округлялись. Все менялось у меня на глазах, вновь обретало свое истинное лицо. Как же это было прекрасно! Когда ризотто было готово, я накрыла на стол. И то подсаживалась к нему, то вскакивала, то снова садилась. Еще я зажгла черную свечу. И отсалютовала бокалом мужчине в доме напротив, который в тот момент тоже ужинал у окна. Он сначала помялся, но потом тоже улыбнулся и поднял бокал.

Пожалуй, приготовлю сегодня пасту «Примавера». По-итальянски это означает «весна». Я представляю себе, как стою у раковины и мою горошек и спаржу. Как, напевая себе под нос, ломаю пальцами ее стебли. Недавно я узнала, что спаржу обязательно нужно ломать руками, только тогда все получается правильно. Пожалуй, я и макароны сама сделаю. Будет здорово! Я иду вдоль стеллажей, складывая в тележку необходимые продукты — яйца, муку, соль… Где же соль? А, вот она. По-прежнему в отделе выпечки, на самой нижней полке. Помнится, раньше я подолгу топталась возле этого стеллажа, разглядывая упаковки внизу. Недосягаемые, как звезды. И на

глаза наворачивались слезы.

«Мэм, у вас все в порядке?» — как-то раз спросил меня работник торгового зала.

И это «мэм» обожгло меня, как пощечина.

«Простите, не могли бы вы подать мне вон ту упаковку поваренной соли с нижней полки? — попросила я. И добавила: — Я не могу наклоняться. Извините».

«Конечно, мэм», — отозвался он. А потом играючи нагнулся, взял совсем другую пачку — «Кельтскую морскую соль» — и вручил ее мне, очень довольный, что совершил доброе дело.

«Держите, мэм».

Я не решилась сказать ему, что он ошибся. Не смогла попросить: «Наклонитесь, пожалуйста, снова и достаньте мне поваренную соль». И просто оплатила на кассе не нужный мне товар.

Целых два месяца после я, проклиная его и себя, сыпала в еду огромные серые кристаллы. И каждое блюдо отдавало дымом, морем и какими-то колдовскими пряностями.

Что же теперь? Теперь я легко опускаюсь перед нижней полкой на корточки. Ощущаю, как приятно растягиваются мышцы ног. И, слегка покачиваясь на каблуках, начинаю разглядывать выставленные передо мной на разграбление

упаковки соли. В последний раз, когда мне удавалось вот так присесть, такого разнообразия тут не было.

Разобравшись с солью, я отправляюсь в мясной отдел.

— Что вам предложить, мисс? — спрашивает мясник.

Мисс! Теперь я всегда мисс.

— Гуанчиале, пожалуйста, — прошу я.

Свиные щечки. После разговора с Элли, напомнившего мне о поджаристой корочке на грудинке, мне до смерти хочется свинины.

— Гуанчиале? Прекрасно! Что собираетесь готовить?

В последнее время всем ужасно интересно, что я собираюсь готовить. В последнее время всем вообще все обо мне интересно.

— Пасту «Примавера».

— Паста «Примавера» со свиными щечками? — усмехается мясник. — Никогда такого рецепта не встречал.

— Я экспериментирую, — объясняю я.

И ему это очень нравится — и я сама, и мой нетрадиционный подход.

— Звучит чудесно, — кивает он. — Такая весна по мне.

Я становлюсь в очередь к кассе, любуясь свертком со свиными щечками, на котором мясник записал свой номер телефона и нарисовал смайлик. Еще у меня в тележке лежит пачка соли, молодая зелень, розмарин и шалфей. Шалфей я порву руками. А с розмарина ощиплю иголочки. Я крепко стою на ногах, не заваливаюсь на бок, ни на что не опираюсь, не умираю тысячью смертей. Не проклинаю очередь, кассира и свое тело. Наоборот, с удовольствием разглядываю выставленные у кассы товары. Таблетки эхинацеи, шоколадные трюфели. Даже бросаю кое-что в тележку. Потом принимаюсь лениво листать кулинарный журнал. Читаю об ужинах на двоих и божественных десертах. Шоколадный кекс с начинкой из соленой карамели? Мм, на вкус, должно быть, потрясающе. Может, как-нибудь приготовлю его нам с Хьюго, если все пойдет хорошо. Потом я беру бутылку красного вина из высящейся возле кассы пирамиды. А почему бы и нет?

И вдруг слышу, как кто-то многозначительно откашливается у меня за спиной. Это покупатель, стоящий в очереди к кассе за мной. Прямо чувствую, как он тикает, словно бомба с часовым механизмом. Нетерпеливо дышит мне в затылок.

Переминается с ноги на ногу. Перекладывает корзинку из одной руки в другую. «Нельзя ли побыстрее?» Должно быть, он старый или больной. Сейчас с улыбкой обернусь к нему и скажу: «Давайте я вас пропущу, проходите вперед, пожалуйста. Нет-нет, мне не сложно. Я сегодня никуда не спешу».

Оборачиваюсь, и улыбка сползает с моего лица. Фов. Стоит позади меня в поношенном черном пальто, покрытом кошачьей шерстью. В руке у нее корзинка, доверху наполненная консервными банками и замороженными обедами. Сухожилия на запястье натянулись от натуги. Вид поникший и несчастный, но увидев меня, она натягивает на лицо самую ядовитую усмешку.

— О, Миранда, вижу, решила пройтись по магазинам?

Словно я преступление какое-то совершила. Но у меня от ее яда иммунитет.

— Да так, прикупила кое-чего к ужину, — выпеваю я.

Она косится на мою тележку и фыркает:

— Свиные щечки? Мне такое не по карману.

Постоянно тычет всех носом в то, как мало ей платят. Это и правда печально. Я ей искренне сочувствую. С сожалением разглядываю все эти

консервные банки.

— А ты, я смотрю, славно поохотилась? Здорово всегда иметь под рукой какой-нибудь полуфабрикат, который можно быстро разогреть.

Фов улыбается, но улыбка ее жалит очень больно. И, всячески стараясь подчеркнуть, какая она чуткая натура, произносит:

— О, это не для меня. Это для бедняжки Брианы. Решила по дороге домой завезти ей немного супа.

От этого имени меня невольно передергивает. Интересно, заметила ли Фов? Если и да, виду она не подает.

— А, так это для Брианы? — невозмутимо переспрашиваю я. — Вот оно что!

— Хотя, конечно, мне это совсем не по пути, — добавляет Фов.

— О да, совсем не по пути, — вторю я.

— Но, понимаешь, ее родители так ценят подобные жесты, так искренне им радуются. Очень милые люди. И так щедры к университету!

— Какая ты заботливая, — улыбаюсь я. — И бескорыстная!

Судя по взгляду Фов, ей отчаянно хочется меня убить. Спорить готова, она частенько лежит ночами без сна и перебирает в голове различные

способы моего уничтожения.

— Что ж, все мы помогаем, как можем, не так ли? Хотя я и не уверена, будет ли от этого толк. Уж очень у нее, бедненькой, странная болезнь.

Фов смотрит на меня обвиняюще. Но, разумеется, это чистый блеф. Ей ничего не известно. Собственно, там и знать-то нечего, верно ведь? Я окидываю Фов взглядом. Вот ведь, как пялится. Что она пытается разглядеть в моих глазах? Стыд? Чувство вины? Ничего подобного там нет. Один только хохочущий танцующий свет.

— Погода такая, — драматично вздыхаю я. — Вирусы так и кишат.

— Но ведь Бриана всегда была такая крепкая, ничто ее не брало, — не унимается Фов.

— Ага, как сорняк, — киваю я.

— А теперь говорит, у нее все тело болит. Какая-то зловещая история.

Еще одна жалкая попытка меня задеть. Просто смешно.

— А у нее брали анализ на болезнь Лайма? — с неподдельным интересом спрашиваю я. — Может, ее клещ укусил? — Воплощенная забота.

— Врачи утверждают, что она абсолютно здорова. Но что там они понимают, верно? Я ей посоветовала обратиться к *моему* доктору. Он

практикует всесторонний подход. Оценивает картину в целом, энергетику. И по болезненным ощущениям настоящий профи. Я бы и *тебе* его рекомендовала, Миранда, но, похоже, тебе помощь больше не требуется, — ухмыляется она. — В последнее время вид у тебя прямо цветущий.

— Правда? — улыбаюсь я ей в ответ.

И пожимаю ничуть не дрожащими плечами. Что ж, жизнь — штука такая. Загадочная. Порой мы падаем, а порой поднимаемся, так ведь? Колесо фортуны постоянно крутится.

— Конечно, кое-какие проблемы еще остались, — говорю я. — Со спиной. И бедро… В общем, с бедром.

— Ее родители, понятное дело, просто с ума сходят. Говорят, Бриана что-то бормочет во сне.

— Во сне? — Сердце в груди начинает колотиться, как бешеное. Но я сохраняю невозмутимый вид. — Правда?

Фов кивает.

— Вроде бы повторяет твое имя.

– *Мое* имя? — Поясницу прошивает болью. Я едва не роняю бутылку с вином, но в последний момент ловко перехватываю ее другой рукой. И возвращаю себе хладнокровие. — Что ж, оно и понятно. В конце концов, я ведь ее режиссер.

Отвернувшись, я улыбаюсь ползущей конвейерной ленте. На которой все еще громоздятся чужие покупки. Мысленно приказываю ей ускориться. А Фов пристально за мной наблюдает.

— Я тоже не удивилась, — отзывается она. — Ведь у вас с ней произошел конфликт. Как раз в тот день, когда она заболела. Кстати, не напомнишь, в чем там было дело?

Я все же роняю бутылку. Она разбивается вдребезги, и у наших ног растекается красная лужа.

Поднимаю глаза на Фов. Вот он, ее триумф! Пускай она стоит посреди осколков и красное вино заливает ее испещренные соляными разводами ботинки, все равно Фов празднует победу. Я оборачиваюсь к кассирше, которая смотрит на меня с ненавистью, и говорю:

— Извините, пожалуйста.

Вместо ответа та поднимает трубку рабочего телефона. На руке ее виднеется леопардовой расцветки лечебная повязка от тендинита.

— Пришлите уборщика к двенадцатой кассе, — с несчастным видом произносит она в трубку.

— Ой, гляди-ка, — говорит Фов, — еще одна касса открылась. Побегу-ка я туда. Хочу успеть к Бриане, пока она не уснула.

Осколки бутылки хрустят у нее под ногами.

— Передать ей что-нибудь? — спрашивает она, обернувшись через плечо.

И мне представляется искаженное ненавистью лицо, обрамленное блестящими пышными волосами. Закрытые глаза, трепещущие веки. И потрескавшиеся бескровные губы, повторяющие мое имя.

— Просто скажи, пусть не спешит, отлежится, сколько будет нужно. Здоровье — это главное, уж кому это и понимать, как не мне.

Глава 18

Сегодня у меня свидание с Хьюго. Я сижу перед трельяжем и расчесываю свои длинные пышные волосы. Как же невероятно они блестят! А волны-то! Прямо как у голливудской старлетки! Из трельяжа на меня смотрят три женщины. Три Миранды. И каждую из них я с трудом узнаю. Это Миранды из давнего прошлого. Из того времени, когда их еще не состарило горе. Лбы не избороздили морщины. А щеки не покрыла мертвенная бледность. Я разглядываю их лица, лица моих старых друзей. Они улыбаются мне — и друг другу. Мы никак не можем поверить, что выглядим именно так. Неужели мы теперь — вот такие?

На мне новое платье. Белое в алых маках. И внезапно воскресший со дна ящика комплект кружевного нижнего белья. Весь прошедший день я только и делала, что выщипывала, соскребала и намазывала. Сбрила с ног колючие темные волоски. На которые давно уже махнула рукой. У меня не было выбора. Я просто физически не могла нагнуться, чтобы провести бритвой по коже. Марк, помнится, убеждал меня не стесняться их.

«Миранда, это ведь всего лишь часть вашего те-

ла», — деликатно замечал он, закатывая штанину моих спортивных штанов. И проводя пальцами по шрамам на моем бедре. Трем шрамам. Трем белым выступам, похожим на зубья вил.

Интересно, как там у Марка дела? На днях мне звонили из «Спинального отделения», предупредили, что, к сожалению, в ближайшее время Марка не будет. Он в отпуске, вот как они это объяснили. Но другой терапевт, Брэд, рад будет мной заняться.

«Все нормально, — отозвалась я. — Откровенно говоря, я к вам пока и не собиралась. Мне стало намного лучше. А Марку, пожалуйста, передайте, что я желаю ему всего доброго».

Теперь из трельяжа на меня смотрят три Марка. Лица у них бледны. С губ срывается частое прерывистое дыхание. Они стискивают руки и таращатся на меня расширенными от ужаса глазами. Я отпиваю глоток шампанского из бокала. И снова вижу перед собой трех Миранд. Каждая из них как будто светится изнутри. Словно кто-то включил протянутую у них под кожей гирлянду из лампочек. Глаза их сияют. Свежие, как вишни, губы алеют, сами собой складываясь в улыбки. Я вздыхаю с облегчением. Все хорошо, просто я слегка на взводе. Нервничаю, наверно. Ведь

сегодня у меня важное свидание. А я не ходила на свидания уже очень, очень давно.

Когда же это случалось со мной в последний раз?

Я вспоминаю, как благоухающие виски губы шотландца прижимались к моему бедру. Это ведь не считается, верно? Тот случай свиданием не был. А следом мне сразу же вспоминается Пол. И наши с ним головокружительные свидания в Эдинбурге после спектаклей. Как я сидела напротив него в пабах, на колючей траве Трона Артура[19], посреди пологих зеленых лугов, и чувствовала себя такой живой, кипящей энергией, искрящейся электричеством. А после, по возвращении в Новую Англию, он всегда приезжал из Портленда туда, где я в тот момент выступала — осенью в Бостон, летом на Кейп-Код и в Беркшир, где проходили фестивали. А я думала только об одном — как бы мне улизнуть с ним на вечер, на ночь, на весь день.

Годы спустя наши с Полом свидания очень изменились. Я о том периоде, когда мы с ним тщетно пытались воскресить былую близость после моего падения. Кажется, совсем недавно мы

---

[19] Notes: 19

Трон Артура — холм, расположенный в Эдинбурге в Королевском парке Холируд.

с ним сидели в суши-баре в Марблхеде. В том самом, где раньше любили ужинать, отмечая конец театрального сезона. Пол каждый раз говорил: «Наконец-то ты хоть ненадолго ко мне вернешься», давая понять, как сильно по мне стосковался. А меня захлестывало волной счастья — до чего же приятно было снова оказаться дома, принадлежать только ему. Но в последний раз, когда мы там ужинали, все было иначе. Очередная неудачная попытка вернуть в нашу жизнь романтику. «Давай на этой неделе ты выберешь заведение, а на следующей — я. Будет весело! Нужно ведь попытаться что-то сделать. Я готов пробовать, а ты? Да-да. Конечно». Мы сидели напротив друг друга за крошечным черным столиком. Посетители справа и слева от нас оживленно разговаривали, наклонялись друг к другу, держались за руки, как будто специально, чтобы подчеркнуть, как мы с Полом отдалились. Он торопливо хлебал холодное сакэ. И смотрел на меня мрачно, так, словно остатки его жизни догорали в огне. И огнем этим была я. Со своим бескровным лицом, вечно напряженным в ожидании очередного болезненного спазма. Со своими омертвелыми ногами и сгорбленной спиной. Со своими затуманенными обезболивающими глазами, в которых постоянно

стояли слезы, неспособные пролиться из-за того, что под веществами я даже плакать не могла. Да, я сидела напротив него и делала вид, будто слушаю его рассказы о работе, хотя на самом деле просто блуждала в сумрачных закоулках своего собственного несчастья, своего собственного страха. Сидела, уставившись на орхидею в узкой вазе. Такую непримиримо розовую. Похожий на вагину цветок с таким откровенным чувственным наслаждением поджимал лепестки, что я, помнится, позавидовала его жизни. Пол печально жевал суши. Благоухающий одеколоном, надевший мою любимую рубашку, тщательно отгладивший брюки — и это при том, что он точно знал: секса после свидания ему не видать. Дома я шагну к разложенному — всегда теперь разложенному — дивану. А он в одиночестве направится в спальню. Обернувшись через плечо, спросит: «Точно не хочешь лечь в постель?» Заранее зная, что я отвечу «нет».

«Точно, Золотая рыбка, точно. Мне тут лучше спится». Разумеется, это была неправда.

Я закрываю глаза. Не думай сейчас об этом. Не вороши эту дрянь. Думай о Хьюго. Хьюго ведь не Пол, правда? И ты уже не ты. Просто взгляни в зеркало и убедись. Подумай о грядущем вечере. О

том, как светится твоя кровь. Включи музыку, вот, так-то лучше. И вообще, где шампанское? Как, бокал уже опустел? Ну так плесни себе еще! Кто тебя осудит? Конечно, ты нервничаешь — и в хорошем смысле. Наконец-то в хорошем смысле! У меня сегодня праздник. Своего рода воскрешение. Как же долго я этого ждала! Лежала в постели, слушая, как за одной стеной рыдает комендантша, а за другой трахаются соседи. Воображала, как мы с Хьюго сидим за столиком напротив друг друга. Его лицо в мерцающем свете свечи. Его взгляд, впервые в жизни направленный на меня, а не куда-то в сторону. Наконец-то я воочию увижу его облик, давно уже начертанный «на восприимчивых таблицах сердца»[20], как говорила Елена о Бертраме. Услышу, как его губы, благодаря шраму как будто все время усмехающиеся, произносят мое имя: «Миранда». А потом… А что потом?

Понятия не имею. Никогда не могла себе представить, что будет потом.

Отчего-то дальше мне виделись только звезды.

Я снова провожу щеткой по волосам, хотя на самом деле расчесывать их вовсе не нужно. Сегодня я впервые за много лет сходила в салон. Мне

---

[20] Notes: 20

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

закрасили седину, сделали стрижку и укладку.

«Что вам предложить?» — спросила меня мастер.

А я ответила: «Все!»

А после, в кресле, все дивилась тому, что так долго сижу, а мне совершенно не больно. И хохотала, хохотала.

«Кто-то сегодня очень счастлив», — заметила мастер.

«Вы про меня? Ой, нет, я просто вспомнила одну шутку».

«Люблю шутки», — отозвалась мастер и приготовилась выслушать от меня забавный анекдот.

«Ой, это одна из тех шуток, которые в пересказе не очень», — отмахнулась я.

Пищит мобильник. Сообщение от Хьюго.

«В театре в 9».

В театре? Сердце тут же сникает. То есть это встреча по работе? Ну, конечно, это встреча по работе. Не собирался он идти со мной на свидание, и как только такая глупость мне в голову взбрела? «Миранда, как вы могли такое подумать?»

Пытаюсь восстановить в памяти, как он смотрел на меня во вторник после репетиции. Как пятился к дверям, чтобы не отводить от меня глаз, продолжать улыбаться мне той улыбкой, от

которой по моему позвоночнику бежали электрические разряды. Даже Грейс заметила! Сказала, что он ведет себя нелепо, ведь так все было? Еще и глаза закатывала из-за того, что он никак не мог со мной распрощаться.

«Может, в винном баре?» — отвечаю я. Прибавив к тексту эмодзи в виде звезд и двух бокалов шампанского. И тут же чувствую себя идиоткой. Затаив дыхание, смотрю на мигающее слово «печатает».

«Нет, в театре. У меня для вас сюрприз ☒»

* * *

Вхожу в здание факультета и сразу вижу, что двойные двери театра распахнуты настежь. На мне платье в алых маках. Кончики уложенных мягкими волнами волос щекочут плечи. Старые туфельки с каблучками в форме сердечек негромко стучат по деревянному полу. Да, я по-прежнему одета, как на свидание. Он ведь сказал, что у него для меня сюрприз. И еще смайлик прислал. А смайлики — это флирт, так?

Но в театре пусто. Сцена темна, красный занавес опущен. Сердце в груди трепещет.

— Хьюго?

Нет ответа. Я прохожу через зрительный зал.

С легкостью вспрыгиваю на сцену. И это меня успокаивает. Развернувшись, окидываю взглядом море пустых кресел, светящуюся надпись «Выход».

— Хьюго, вы здесь?

Мой голос разносится по залу. Звучный, глубокий, но в нем слышатся нотки паники. Это что, розыгрыш? Или, может, он снова передумал насчет места встречи?

Я вдруг кажусь себе нелепой. Стою тут, на пустой сцене, благоухая духами. В этом своем цветастом платье. С дурацкой укладкой, с алой помадой. С сумочкой в виде улыбающихся губ. Купила ее, когда как-то раз в приподнятом настроении забежала в один из тех магазинов, которые раньше ненавидела, и поняла, что просто обязана что-то здесь приобрести.

«Какая прелесть!» — сказала я продавщице, когда она выложила эту сумку на стеклянный прилавок.

«Забавная, правда?» — улыбнулась та.

«О, да. Очень забавная!»

Теперь же мне кажется, что этот алый рот надо мной насмехается. Я вдруг вспоминаю, как прошлым летом в закусочной Хьюго смотрел сквозь меня. По позвоночнику пробегает электрический

разряд и молнией бьет в ногу. Бедро прошивает боль. Плечи ссутуливаются.

Боже, какая я идиотка. «Идиотка! Идиотка!»

Я как раз собираюсь уйти, когда под потолком вдруг вспыхивают софиты. Красный занавес за моей спиной поднимается, открывая сцену. Начинает играть музыка. И я вижу! Я стою в зале французского дворца. Кругом колонны и ширмы с изображениями изящных черных деревьев, виноградных лоз и цветов. Потолок исчез, вместо него над головой раскинулось голубое небо в белых перьевых облаках. Боже мой, это словно сон! Сон Елены.

На глаза наворачиваются слезы.

Декорации к «Все хорошо». К первому акту пьесы. Абсолютно законченные. Идеальные. Именно такие, как я мечтала. В точности повторяющие те, что стояли на сцене тем давним летом в Эдинбурге. Кажется, будто ожили фотографии из старой программки. Мне все-все здесь знакомо, вплоть до колонн и голубого неба над головой. Опустив глаза, вижу на полу узор в виде объемной темной спирали, похожей на зрачок. Глаз Елены, глядящий в застывшее небо. А я, я снова стала Еленой. Стою на сцене одна, и рядом нет никого, кроме зрителей. Зрителей, которых не видно в

темноте.

— Сюрприз, — произносит кто-то.

Оборачиваюсь к залу. Вон он, стоит в проходе. Из-за бьющего в глаза света я не могу разглядеть его лица. Какой знакомый силуэт! Высокий широкоплечий мужчина со слегка вьющимися длинными волосами. У меня перехватывает дыхание. Пол? «Пол, что ты здесь делаешь?» Нет, это не Пол. Это Хьюго. Конечно, это Хьюго.

— Ну, Миранда, что скажете? — спрашивает он.

Я окидываю взглядом декорации, невероятные совершенные декорации, которые перенесли меня в прошлое. Боже, да, я снова оказалась в том мгновении, когда была Еленой, глядящей на свет и не видящей ничего, кроме наблюдающей за ней тьмы. Смотрю на Хьюго. Тот сияет, очень довольный выражением моего лица, выступившими на глазах слезами. Почему он вдруг стал так похож на Пола? Фокус какой-то, игра света. И тени. Иначе и быть не может.

— Узнаете?

— Поверить не могу!

— Конечно, я немного поспешил, — продолжает он. — Могу внести любые изменения по вашему желанию. Мне просто хотелось сделать

вам сюрприз. Подготовить все, чтобы вы могли порепетировать перед неделей прогонов.

— Откуда вы узнали? Как вы это сотворили?

Меня трясет. Вся дрожа, я смотрю, как Хьюго вспрыгивает на сцену. И идет ко мне. Он все ближе, ближе, вот до меня уже доносится исходящий от него запах древесины.

— Что я могу сказать, Миранда? Вы меня вдохновили, — улыбается он. — А еще я видел тот ролик.

Мои лицо и грудь вспыхивают огнем.

— Ролик?

— Видеозапись спектакля в Эдинбурге. На «Ютьюбе». Мне показалось, вы как раз примерно такое и описывали. Декорации там были такие потрясающие, что я решил попробовать их повторить. Надеюсь, не напортачил.

Я смотрю на Хьюго, за спиной которого простирается зала французского дворца, а над головой раскинулось нарисованное голубое небо.

— Они идеальны. Даже передать не могу, как идеальны.

Он расплывается в улыбке. Так искренне рад, что я рада.

— Наверное, все же слегка грубоваты. Ну, по сравнению с теми, в которых вы выступали

раньше.

Я качаю головой:

— Нет, они лучше. Намного лучше!

Он смеется. Шагает ближе. И опускает руки на мои трясущиеся плечи. Я, наверное, сплю. Определенно, сплю.

— Кстати, вы были просто невероятной Еленой. Бертрам чертов идиот!

Голос у него нежный, как рука, гладящая меня по волосам. Он отдается у меня в затылке, в груди, в спине, между ног. И все тело от него начинает вибрировать. Глаза цвета моря смотрят прямо на меня — ни влево, ни вправо. Хочу показать вам что-то еще, говорят они. Можно?

— Это не все?

— Просто ждите здесь, хорошо?

Хьюго спрыгивает со сцены и бежит к светорегуляторной будке. Потом выглядывает из окошечка и улыбается.

— Закройте глаза, — произносит он в микрофон.

И я слушаюсь. Стою с закрытыми глазами. На губах улыбка. Сердце забывает биться.

— А теперь откройте, Миранда.

Свет на сцене померк. Небо над головой почернело и мерцает теперь россыпью звезд. Музыка

звучит все громче. Это Дебюсси, сюита «Лунный свет». Пузырьки света взвиваются вихрем и окутывают меня, как падающие звезды. Дешевый эффект, но я его обожаю. И вот я снова Елена. Елена в алом платье. Вдыхая напоенный ароматом горных цветов летний воздух, я стою под всесильным небом, и оно дарует мне свободу действий. А там, за ослепительными огнями, виднеется море зрителей, в восхищении затаивших дыхание.

Хьюго выбегает из будки и снова вспрыгивает на сцену. Отдуваясь, останавливается рядом со мной.

— Как вам? Для первого монолога Елены?

Я смотрю на него, освещенного мерцанием звезд. Пол. Как же он похож на Пола! Тру глаза, потому что это всего лишь обман зрения, иначе и быть не может. Фокусы света и тени. Но нет, он все еще вылитый Пол. До того, как тот меня возненавидел. До того, как его стало убивать мое присутствие рядом. Он и смотрит на меня, как Пол смотрел в Эдинбургском театре, когда мы впервые встретились. После он признался, что влюбился в меня в тот вечер. Во время того первого монолога, когда я так безнадежно пыталась дотянуться до Бертрама. «Чья власть к звездам любовь мою манит? Взор видит то, чем никогда

не сыт»[21]. Мне тогда показалось, я услышала, как в зрительном зале кто-то ахнул. Да что там, весь театр это слышал. И остаток монолога я произносила, обращаясь к тому месту, откуда раздался вздох. Во время антракта Пол прислал мне в гримерку записку: «Бертрам непроходимый тупица». Ниже он приписал название своего отеля и номер телефона. И все равно после спектакля он дождался меня у служебного входа и, стоило мне выйти из театра, сразу устремился мне навстречу. А теперь он, Пол, идет ко мне. Его золотые волосы сияют. Улыбающиеся губы вдруг озабоченно поджимаются.

— Миранда, с вами все в порядке?

— Да, — шепчу я.

— Знаю, я немного перестарался, так что если вам не понравилось, просто…

— Мне ужасно понравилось!

Он улыбается. И смотрит на меня с любовью. Значит, он все еще меня любит! В его зеленых глазах нет пока нетерпения, злости и холода. Одно восхищение. Да, глаза у Хьюго чуть светлее, чем у Пола. И волосы тоже. Как долго я мечтала, чтобы он посмотрел на меня вот так!

---

[21] Notes: 21

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

— Миранда, я так рад. Я…

Я целую его. И мои губы, встречаясь с его губами, посылают в его тело электрический разряд. Хьюго негромко стонет. Теперь уже меня бьет током, отчего моя плоть будто бы наполняется светом. Каждая клеточка искрит и подрагивает. Хьюго берет в ладони мое лицо, гладит шею. Откуда он знает, как нужно меня ласкать? Его пальцы касаются кожи, и меня бросает в дрожь. Я облизываю его ухо, тяну за мочку зубами. Запускаю пальцы в его золотые волосы. «О, моя Золотая рыбка!»

— Золотая рыбка?

Хьюго. Я хотела сказать, Хьюго. Я ведь целуюсь с Хьюго. Это он стонет, когда я впиваюсь в его губы, он страстно меня желает. Я это не вообразила, мне не приснилось, нет же? Губы Хьюго на моих губах. Руки гладят мое лицо, шею, плечи, спину. Он хочет меня трахнуть. У него стоит. Он осторожно расстегивает мое платье, стряхивает с меня маки. А я освобождаю его от рубашки. Но не осторожно, о, нет! С силой дергаю полы в стороны и слышу, как разлетаются пуговицы. А потом тяну Хьюго вниз, заставляя опуститься на пол.

— Здесь? На сцене? — шепчет он.

«Да, — произносит кто-то. — Да-да! На сцене!»

Да ведь это мой голос! Губы касаются впадинки уха Хьюго, его пробирает дрожь. Я бесстрашно сажусь на него верхом. Сжимаю бедрами его ребра. Выгибаюсь, чтобы наши лица, губы, дыхание могли встретиться. Встретиться под осыпающимися с неба звездами.

Глава 19

В окна театра во всем своем великолепии рвется солнце. Нахальное. Золотое. Сегодня пятница, у нас репетиция. Все собрались на сцене, расселись вокруг спиралевидного узора — зрачка Елены. Над нашими головами нарисованное голубое небо, под которым мы с Хьюго всего несколько часов назад трахались. Занимались любовью? О, нет, определенно трахались. Как я орала! Хьюго сказал, что я издавала нечеловеческие звуки. «Но меня это заводило, — добавил он. — Невероятно заводило, Миранда! От одного воспоминания снова встает». Боже, губы Хьюго произносят слово «встает». Говоря о члене! О члене, который вставал. На меня! Он сам так сказал: «На тебя, Миранда».

Вспомнив об этом, я вздрагиваю всем телом.

— Замерзла, Миранда? — спрашивает Грейс.

— Нет-нет. Все прекрасно, спасибо.

Я улыбаюсь своим собравшимся на сцене послушникам. И чувствую какую-то странную вибрацию, которая всех нас объединяет. Какую-то незримую связь. Словно все мы — части одного тела. И трахались под осыпающимися звездами

тоже сразу все. В каждой нашей клеточке вспыхивали миллионы мерцающих огоньков. Студенты сидят кружком, все еще отдуваясь после бодрящей (по общему мнению) разминки, которую я заставила их проделать. И, как всегда в последние дни, смотрят на меня распахнутыми глазами. Сосредоточенные, ловящие каждое мое слово. На мне по-прежнему вчерашнее платье в маках. Но не потому, что я, как в былые дни, слишком устала и раскисла, чтобы переодеваться. Нет, я надела его, потому что хотела, чтобы от меня пахло сексом. Чтобы на моей коже весь день ощущался древесный запах Хьюго. Хотела постоянно находить среди маков его золотистые волоски и смотреть, как они вспыхивают огнем на свету. Хотела, чтобы юбка, которую он на мне задрал, когда трахал во второй — или в четвертый? — раз, касалась моих ног, когда я буду спешить по коридору, сидеть за столом, набрасывая план репетиции, или расхаживать по театру.

— Миранда? — окликает меня Элли. — Посмотрите, что я нашла на сцене!

Она протягивает руку. С ладони ее мне игриво подмигивают три пуговицы. Переливчато-синие. Явно некогда принадлежавшие бледно-голубой мужской рубашке.

Я рассматриваю их, а Грейс тем временем следит за мной, как коршун. Она все подмечает. Уверена, она видит, как мои руки рвут в стороны полы рубашки. А пуговицы рассыпаются по сцене.

«Осторожнее», — сказал Хьюго. Но это только подстегнуло меня действовать еще решительнее. Я забираю у Элли пуговицы.

— О, спасибо, Элли, молодец, что нашла. Дам знать в костюмерную. Похоже, чей-то наряд придется подлатать. — Я грустно улыбаюсь. Театральные будни, ничего не поделаешь.

— Что-то я ни на одном из наших костюмов таких пуговиц не видела, — произносит Грейс у меня за спиной.

— Ну, может, в костюмерной решили проявить фантазию, — оборачиваюсь к ней я. — И готовят что-то такое, о чем мы не в курсе.

Грейс сверлит меня взглядом. Мрачным, очень мрачным. И я вдруг вспоминаю, что вчера вечером так и не смогла отыскать свое белье. Без сомнения, оно валяется где-то здесь, в театре. Остается только молиться, чтобы Грейс или студенты не нашли его первыми. Мы с Хьюго повсюду его искали, честно. В сундуке с реквизитом, за кулисами. Ползали по полу на коленях и за-

глядывали во все углы. Периодически прерывая поиски, чтобы еще раз перепихнуться.

— Давайте не будем тратить время на костюмы, ведь нам еще столько всего нужно обсудить, — улыбаюсь я. — Новые декорации, например.

Я обвожу рукой нарисованное небо, колонны и дворцовые стены. Приглашаю всех оценить работу Хьюго. Мне правда интересно услышать их мнение. У нас тут, в конце концов, не фашистский режим, а сообщество.

— Ну как вам?

Студенты кивают все разом, будто и в самом деле превратились в единое многоголовое тело. Они явно под впечатлением. Вытаращив глаза и разинув рты, выворачивают шеи, чтобы получше рассмотреть детали созданного Хьюго мира.

— Невероятно, правда? Грейс, покажи им звездное небо!

Скрестив руки на груди, Грейс награждает меня долгим взглядом. «Что?» — одними губами спрашиваю я. Тогда она разворачивается и идет к светорегуляторной будке. Сердито щелкает выключателем, и вот вокруг нас уже кружат звезды, под которыми я совсем недавно стонала.

— Разве это не прекрасно? — спрашиваю я.

— Да, профессор, — хором отзываются студен-

ты. — Прекрасно!

— Разве не прекрасно? — оборачиваюсь я к Элли.

Она сегодня приоделась — на кофте виднеется даже какое-то подобие декольте. И губы накрасила, выбрав помаду темного винного оттенка.

— Да, профессор, — отвечает она. — Я так люблю созвездия.

И робко улыбается. Сегодня она словно светится изнутри. Я замечаю, что Тревор сел рядом с ней. Глядите-ка, он даже руку ей на плечо кладет. Они что, теперь встречаются? Должно быть, так. По крайней мере, улыбается он ей со значением. Такие улыбки свидетельствуют о близости. Точно так же и Хьюго мне улыбнулся, когда мы сегодня столкнулись с ним в холле, и внутри у меня мгновенно вспыхнул пожар. Я наблюдаю за Тревором, за тем, как он улыбается Элли и трогает ее за плечо. Я бы даже сказала, гладит. Может, они тоже вчера трахнулись? Интересно, у Элли это был первый раз? Что, если она трахалась с Тревором в то же самое время, когда я трахалась с Хьюго? Вот чудеса-то! Наши с ней перевернувшиеся с ног на голову вселенные бешено вращались, а мы с улыбкой на устах вспыхивали и сгорали дотла. Выгибали спины и запрокидывали головы,

посылая в звездное небо нечеловеческие звуки. Кто знает, вдруг мы обе вчера возвращались домой без нижнего белья? Напевая себе под нос мелодию, которую тут же подхватывал сладкий темный весенний воздух? Весь город слышал, как нам хорошо. Мы не ступали по влажной и зеленой от молодых побегов пружинящей под подошвами земле, мы парили над ней. Как же мы были счастливы! Рухнули в свои постели и долго лежали без сна, довольно улыбаясь. У нас даже щеки заболели, но впервые за долгое время мы встретили боль с радостью.

— Не рановато ли для декораций? — замечает Грейс.

— В каком смысле «рановато»?

— Прогоны начнутся только через неделю.

Прогоны. Их всегда назначают на последнюю неделю перед премьерой. И время это совершенно безумное. Раньше в эти дни я всегда капитулировала перед Брианой. Сдавалась на милость тьме, твердому полу своего кабинета и мыслям о смерти. А спектакль отдавала на откуп Грейс. Но в этот раз все будет иначе!

— Так ведь до этого уже рукой подать, Грейс! К тому же так у нас будет преимущество. Получить декорации так рано — это настоящий подарок.

Нужно поблагодарить техперсонал за усердие, верно, ребята?

Грейс многозначительно откашливается. «Или тебя, за то, что вовремя трахнулась с Хьюго».

— Свет и звук тоже скоро отладят, — вдохновенно лгу я. — Похоже, в этот раз нам во всем сопутствует удача. Мы опережаем график. И текст уже все помнят наизусть. Замечательно! Я бы сказала, мы в отличной форме. В лучшей, чем когда-либо, правда, Грейс?

Я оборачиваюсь к Грейс, которая в своем охотничьем жилете сидит в зрительном зале. И смотрит на меня с каким-то непонятным выражением на лице.

— Да, — наконец, медленно выговаривает она. — Да, правда.

— Ну так давайте же поздравим себя с этим, идет? — предлагаю я. — В первую очередь я хочу поздравить Элли. — Я снова оборачиваюсь к девушке. Та, как я и ожидала, тут же заливается краской. «Больше уверенности, Элли. Больше уверенности». — Ей совершенно неожиданно пришлось играть главную роль, и она прекрасно с этим справилась, согласны, ребята?

Все студенты поднимают на меня глаза. И медленно кивают. Элли же, потупившись, смотрит в

пол. Я обнимаю ее за плечи.

— Она не просто назубок вызубрила текст, нет, здесь, на сцене, она каждый день проживает перед нами каждую строчку своей роли. Элли, для меня наслаждением было наблюдать, как ты раскрываешься. Именно поэтому я хочу сделать объявление. С этого дня главную роль в нашей постановке официально получает Элли.

– *Что*? — охает Грейс.

— Давайте все ее с этим поздравим.

Я начинаю аплодировать первой. За мной — Тревор. И вот уже все хлопают в ладоши. Даже Грейс присоединяется, однако хлопает неохотно, медленно, нарочито. «Стоило для начала обсудить это со мной, Миранда». Но я просто безмятежно ей улыбаюсь. И продолжаю аплодировать. Потому что это радостное событие и в самом деле заслуживает оваций. Элли несмело поднимает глаза. И окидывает взглядом чествующую ее толпу. Наконец-то ее оценили по достоинству. Она ошеломлена. И в то же время сияет. О, да, она определенно светится! Как и я. Неужели позволила себе хоть на краткий миг стать счастливой? А ведь она заслужила счастье как никто!

Мы все хлопаем и хлопаем, не останавливаясь.

Элли кивает — спасибо, спасибо вам, спасибо. Но вдруг улыбка сползает с ее лица. Она бледнеет.

— Элли, в чем дело? Ты в порядке?

Она не отвечает. И смотрит на что-то у меня за спиной. Нет, не на что-то. На кого-то!

Я сразу понимаю, кто там. А потому оборачиваюсь с заранее заготовленной улыбкой. Нет, мое сердце вовсе не уходит в пятки. Наоборот, я сияю. От счастья. Я безумно рада ее видеть! Вон она, похожая на ожившего мертвеца, стоит, привалившись к дверному косяку. Прерывисто дышит. Трясет некогда пышными и блестящими, а теперь тусклыми, как пыль, волосами. И пронзает меня глазами цвета пожухших листьев.

— Бриана, — вежливо приветствую ее я. Изменяет ли мне голос? О нет! — Как давно мы тебя не видели. Добро пожаловать!

Она не отвечает. Все так же стоит, тяжело привалившись к косяку, и смотрит черными дырами, в которые превратились ее некогда сияющие глаза. За последние недели она как-то съежилась, побледнела. На пугающе бескровной шее поблескивает золотой крестик. Топ с расклешенными рукавами остался дома. Сегодня на ней бесформенная толстовка. Тонкие ручки тонут в огромных рукавах, но я вижу, что ладони ее

сжаты в маленькие белые кулачки.

— Мы по тебе скучали, — продолжаю я.

И снова нет ответа. Только взгляд. Пристальный, немигающий.

— Правда, ребята? — оборачиваюсь я к своим актерам.

Элли явно в ужасе. Тревор прячет глаза. Должно быть, его гложет чувство вины. Остальные в шоке таращатся на Бриану. Я же снова оборачиваюсь к ней, широко улыбаясь. И спрашиваю совершенно безмятежно:

— Пришла нас навестить?

Изображай невозмутимость. Ты ничуть не удивлена. И не напугана тем, как она на тебя таращится.

— Мы всегда тебе рады, — продолжаю я. — Наши двери открыты. Мы как раз собирались начать репетировать, так что…

Тут она, наконец, делает шаг вперед. И ноги ее мгновенно подкашиваются. Тревор и Элли бросаются к ней, подхватывают, и она виснет у них на руках.

И вот они ведут ее, прихрамывающую, к сцене. Да, она хромает, точно так же, как недавно хромала я. Подволакивает правую ногу, которая, очевидно, совсем онемела и не гнется в колене.

Мое охваченное ужасом сердце бьется в том же ритме, в каком притоптывал черный остроносый ботинок. Но я по-прежнему улыбаюсь, я спокойна, бесстрастно наблюдаю, как она ковыляет через зал. И вспоминаю о Марке, о том, как он смотрел на меня, когда я упала. И не думал звать на помощь. Только глаза закатывал и вздыхал: «Миранда, хватит уже, а?»

Все расступаются, а Бриана, по-прежнему не сводя с меня глаз, сгорбившись, пристраивается на краю сцены. Только Тревор и Элли садятся по обеим сторонам от нее и гладят ее хрупкие плечи. Спрашивают, могут ли они чем-нибудь ей помочь, хоть что-нибудь для нее сделать?

— Воды, — шепчет она, все так же пожирая меня глазами.

Элли бросается в зрительный зал, берет с одного из кресел свою личную бутылку и чуть ли не с поклоном вручает ее Бриане. Та, не поблагодарив, хватает ее. Подносит к бескровным губам. И наконец-то мрачно мне улыбается.

— Бриана, — говорю я, — мы все очень рады, что ты снова на ногах, правда, ребята?

Никто не произносит ни слова. Грейс за моей спиной застыла в шоке. А остальные просто стоят, уронив челюсти, как идиоты, и пялятся на

скрючившуюся на краю сцены Бриану. Которая так тяжело дышит, словно только что пробежала марафон.

— Очень-очень рады, — щебечу я. — Но нам пора репетировать. Тебе, наверное, не удобно будет сидеть спиной к сцене, ты же ничего не увидишь. Садись лучше в зале, возле Грейс, хорошо?

Я указываю на прижимающую ко рту руку Грейс. Но Бриана не двигается. Только таращится на меня своими черными провалами.

«Кровь твоя застыла, без мозга кости и, как у слепых, твои глаза»[22].

— Мне кажется, в зале тебе будет гораздо удобнее, — мягко добавляю я.

— Я пришла не смотреть, Миранда, — наконец, выговаривает она хрипло. — Я пришла играть.

Голос срывается. Дыхание со свистом вырывается изо рта.

В ногу мне ударяет электрический разряд. Короткая вспышка — и все проходит.

— Играть?

— В пьесе, — поясняет она. — В конце концов, у меня ведь главная роль.

Это не вопрос, это утверждение.

---

[22] Notes: 22
У. Шекспир. «Макбет».

Поясницу прошивает болью. Две огненные вспышки. Молюсь, чтобы лицо меня не предало. «Просто улыбайся, и все получится».

— Видишь ли, нам пришлось внести кое-какие изменения.

— Я играю главную роль!

— Бриана, ты правда считаешь, что это хорошая идея, учитывая… — Я осекаюсь.

— Учитывая *что*?

Она смотрит на меня. И ждет ответа.

— Учитывая, как долго тебя не было, — улыбаюсь я.

Тут она окидывает меня этим своим пристальным взглядом. Подмечает и новое платье в маках. И уложенные волнами волосы. И сапоги на шпильках на в кои-то веки не подкашивающихся ногах. Возможно, до нее даже доносится запах секса, запах моей новой жизни. И да, ей больно все это видеть. Невыносимо смотреть на меня, у нее глаза щиплет. Кажется, она даже морщится.

— Ну я же вернулась, — возражает она. — И хочу играть в пьесе. Хочу и буду!

Пальцы ее отчаянно цепляются за край сцены. В голосе слышатся истерические нотки. Он болезненно дрожит. И срывается. Все это так хорошо мне знакомо, что я, внезапно набравшись смело-

сти, произношу с сочувствием:

— Бриана, на следующей неделе начинаются генеральные репетиции. Мы не можем отдать тебе роль Елены. Боюсь, мы уже все подготовили для другой актрисы.

«Не показывай страха, не показывай страха! С чего бы тебе бояться этой девчонки с мертвыми глазами, глядящей на тебя так, словно она видит твою душу, словно знает, что ты виновата». Неужели она будет настаивать? Да нет, конечно, вы только взгляните на нее! Она же и сидеть-то толком не может. Так цепляется за край сцены, чтобы не свалиться, что костяшки пальцев побелели. И клонится влево, будто боится правой стороны своего тела. О боже…

— Значит, я буду Королем, — заявляет Бриана. — Слышала, эта роль как раз освободилась.

Сидящая рядом с ней Элли снова утыкается взглядом в пол.

— Вы только взгляните на меня, Миранда. Я ведь теперь идеально для нее подойду, так?

Это не вопрос. Это обвинение. Неприкрытое обвинение. Но в чем мне признаваться? Не в чем. Абсолютно не в чем. «Меня не можешь в смерти ты винить. Зачем киваешь головой кро-

вавой?»[23]

— Бриана, ты уверена, что это хорошая идея? — вступает Грейс из зрительного зала. — Ты в самом деле неважно выглядишь.

— Неважно выгляжу, Грейс?

Она смотрит на меня и улыбается, но улыбка выходит странная, словно она превозмогает что-то. И я точно знаю что. Губы ее начинают дрожать. Она вот-вот расплачется, сдерживается из последних сил.

— Врачи сказали, что мне будет на пользу выйти в люди. К тому же кто знает?

Бриана оборачивается к Элли, которая, вся дрожа, смотрит на нее остекленевшими глазами. Как будто не знает, что лучше сделать, обнять ее или убежать прочь. Бриана же невесело ей улыбается.

— Кто знает, вдруг Елене удастся меня вылечить? Театр — волшебное место. Верно ведь, Миранда?

— У Короля много текста, — не унимается Грейс.

— Точно, — подхватываю я. — Совершенно верно, Грейс. Очень много текста. Целая речь. О

---

[23] Notes: 23
У. Шекспир. «Макбет».

воинском мужестве, так ведь?

— Я уже все выучила, — заверяет Бриана. — Мне в последние недели как-то больше и нечем было заняться. — Взгляд ее разит, как меч. И направлен он точно на меня. — Я много времени провела с Королем, очень много. И увидела этого персонажа другими глазами. Могу показать вам.

— Не думаю, что это хорошая идея, Бриана, — возражает Грейс. — Миранда?

Я смотрю на ссутулившееся на краю сцены несчастное существо. Иссохшее. Бледное. Скособоченное. Некогда роскошные блестящие каштановые волосы тусклыми сальными прядями свесились на изможденное лицо. Утратившее всю свою гибкость и ладность тело утонуло в сером флисовом мешке. От звучного голоса осталось лишь дрожащее визгливое подобие. Она тщетно пытается натянуть на лицо то выражение, от которого раньше я немедленно съеживалась. Но ни угрозы, ни вызова ей вложить в свой взгляд не удается, он затуманен болью.

— Миранда? — снова обращается ко мней Грейс.

А я вдруг слышу свой голос:

— Хорошо. Покажи нам.

Не сводя глаз с Брианы, я объявляю:

— Ребята, внимание! Акт второй, сцена первая. Елена и Король.

И студенты застывают, как будто мы играем в «живые картины».

Элли смотрит на меня в ужасе. «Миранда, прошу вас, не заставляйте меня этого делать».

Но тем больше у меня причин сохранять спокойствие. Тем больше причин вести себя, как будто все хорошо. Ха!

— Акт второй, сцена первая, — повторяю я. — Елена и Король.

Глава 20

Акт второй, сцена первая. Елена приезжает к Королю в Париж и клянется, что сможет вылечить его недуг. А Король отказывается от ее помощи. Да кто она такая? Как отважилась явиться к его двору? Как смеет утверждать, что способна его исцелить, когда у других ничего не вышло? «Когда врачи ученейшие нас покинули»[24], — вот как он говорит. Мы сдались. Потеряли надежду. Так не пробуждай же ее снова, ты, распутница! Однако Елена стоит на своем. Твердит Королю: доверьтесь мне, позвольте попробовать. И тогда Король отвечает: ну хорошо, но тебе придется рискнуть жизнью. Я поверю тебе, но, если ничего не получится, ты погибнешь. Ладно, соглашается Елена, если я потерплю неудачу, значит, умру на дыбе. Это будет только справедливо. Но если справлюсь, я попрошу у вас награду: право самой выбрать себе мужа среди ваших вассалов (Бертрама, конечно). Король согласен. Он отдает свою судьбу в руки этой женщине. Доверяется простолюдинке. И в этот миг мы, зрители, осо-

---

[24] Notes: 24

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

знаем, как он подавлен, как тяжко болен, как напуган, как уязвим. А еще понимаем, насколько уверена в своих силах Елена, раз она не боится поставить на карту свою жизнь. И как страстно она желает заполучить Бертрама. В этой сцене нам четко показывают, что движет каждым из персонажей, а расстановка сил между Королем и его подданными — как знатными, так и простолюдинами — внезапно переворачивается с ног на голову. Если Елене не удастся исцелить Короля, она погибнет от его руки. Но в таком случае и Король вскоре тоже умрет. Болезнь вложила его жизнь в руки Елены. Эта сцена всякий раз напоминает мне о диалогах, которые я вела с Марком, Джоном, Люком, со своим хирургом. Обо всех тех случаях, когда они убеждали меня довериться им, надеяться на лучшее. Обо всех тех случаях, когда я полагалась на них. А им не удавалось мне помочь. Но никого из них за это не казнили. Напротив, они продолжали брать с меня деньги за свои услуги. Как жаль, что я не король.

Сидя в дальнем уголке зрительного зала, нарочно забравшись подальше от Грейс и остальных, я наблюдаю за играющими эту сцену девушками. Бриана — Король, Элли — Елена. Я нарочно попросила приглушить свет, чтобы Грейс и сту-

денты не увидели, какое у меня станет лицо, когда Бриана начнет изображать меня. На первых читках пьесы, когда она еще была Еленой, мне всякий раз казалось, что у нас ничего не выйдет. Я ночами не спала, воображая, как ее бездушие и скверная игра загубят всю постановку. Кто поверит, что эта девушка способна кого-то исцелить? Что ей в руки можно вложить свою судьбу? Да и ее страсть к Бертраму тоже выглядела неубедительной. Но сегодня, когда она, едва держась на ногах, смертельно бледная, исполняет роль Короля, я понимаю, что она невероятна. Держится так естественно! Играет такие тонкие оттенки эмоций, на которые раньше совершенно точно не была способна. Король в ее исполнении получается уязвимым, растерянным, от него так и веет неотвратимо приближающейся смертью. Ничего удивительного, что он не верит Елене. Ведь он потерял надежду и не желает ее воскрешать. И все же она еще теплится где-то глубоко у него внутри. Еще не поздно позволить этому пугающему цветку снова распуститься в душе. И мы, зрители, невольно соглашаемся, что если Елена не справится и заплатит за неудачу жизнью, это будет справедливо. Потому что она разбередила надежды Короля. И он за ее ошибку тоже запла-

тит жизнью. Мы чувствуем, как отчаянно он хочет выздороветь. Видим, как он вручает Елене свою судьбу. «Сдержи обет — и я сумею дать тебе ответ»[25]. Элли берет Бриану за запястье, и та вздрагивает. А потом оборачивается в зал и смотрит на меня, точно на меня, хоть я и спряталась в темном углу. Да нет, она не может меня видеть! И все же волоски у меня на затылке встают дыбом.

«Я знаю, знаю, что ты со мной сделала, сука!»

— Вау, — шепчет мне в спину Грейс. — У нас получилось!

О, да. У нас получилось!

* * *

— Ну что? — спрашивает Бриана, доиграв сцену до конца. — Получила я роль или нет?

Теперь она сидит на троне в одиночестве. Элли убежала со сцены за кулисы, к другим студентам. И все они смотрят оттуда на Бриану, которая сделалась еще бледнее. Еще чаще дышит приоткрытым ртом. А потом переводят взгляд на меня. И ждут. Уступлю ли я. Сдамся ли этому несчастному созданию.

— Ребята, — с улыбкой объявляю я, — на сегодня

---

[25] Notes: 25

У. Шекспир. «Все хорошо, что хорошо кончается».

хватит. Увидимся в понедельник. Всем спасибо.

Студенты разбегаются, на ходу бросая Бриане: «Пока» и «Здорово, что ты вернулась». А она, все так же не сводя с меня болезненного взгляда, коротко отвечает всем спасибо. Элли робко шепчет — поправляйся, надеюсь, тебе скоро станет лучше. Но Бриана не обращает на нее внимания, несмотря на то, что по-прежнему сжимает в руках ее бутылку с водой. Тревор торопливо прощается с ней, и я даже со своего места чувствую, насколько демонстративно она молчит в ответ. Как ни странно, и Тревор это ощущает.

— Хочешь, чтоб я остался? — шепотом спрашивает он.

А она, не сводя с меня глаз, внезапно хватает его за руку.

— Подожди меня за дверью. Подбросишь домой.

— Ты разве не сама сюда приехала? — отваживается спросить он.

Она ошеломленно смотрит на него. Да как он посмел задавать вопросы? Неужели послушный болванчик в ее отсутствие отрастил собственное мнение? Быть не может! И все же… Лучше не натягивать поводок слишком сильно. Пускай думает, что волен сам решать.

Прикрыв глаза, она морщится, словно превозмогая боль. И, качая головой, шепчет:

— По-моему, я не смогу сама вести машину.

Делает вид, что боится за себя. Ну и спектакль! А, впрочем, спектакль ли это? Я не знаю. И Тревор тоже.

Он смотрит вслед Элли, которая, низко опустив голову, спешит к выходу. Даже пальто свое забыла забрать. И, наконец, шепотом отвечает Бриане:

— Ладно, подожду тебя в холле.

А я мысленно припечатываю: «Подкаблучник!»

Разумеется, Бриана его не благодарит. Он испаряется, а она так и остается сидеть на троне. Сгорбленная. Недвижимая. Не сводящая с меня глаз. В которых трепещут боль и ненависть. А еще — страстное желание, на какое раньше она казалась мне не способной. Она не знает, позволят ли ей играть Короля. И не уйдет отсюда, пока я не дам ей ответ. Хотя, казалось бы, всем и так ясно, что это ее роль. Она только что превосходно это доказала.

— Что ж… — начинаю я снова.

— Это было очень впечатляюще, правда, Миранда? — встревает Грейс.

Отчего вдруг заныла нога? И тело стало неповоротливым, налилось тяжестью?

— Миранда?

— О, да. Да, очень впечатляюще. Мне даже показалось, что твоя… — Не произноси слова «болезнь»! Твое состояние? Нет… — Твое отсутствие открыло в тебе новые грани. Как в актрисе.

— Значит, я буду его играть. Я — Король.

Какая-то нездоровая радость разливается по ее нездоровому лицу. Ужас. Почему меня охватывает ужас? Чем это она так довольна? Тем, что ей дали роль, на которую месяц назад она бы и не взглянула? Роль больного старика с опухолью в прямой кишке? И это Бриане? Бриане, которая и от роли Елены нос воротила? Которой годились только Джульетта и Леди М? А теперь, поглядите-ка, аж затрепыхалась от возможности сыграть жалкого инвалида. Все ясно, она хочет сорвать спектакль!

Вот-вот, уже готовится встать с трона и похромать к двойным дверям с торжествующим видом, слишком уж торжествующим, учитывая, какую малость ей удалось выбить. А там, в холле, ее будет ждать Тревор. И по дороге домой она расскажет ему новости. Он притворится, что очень рад, но сердце у него защемит. А после, уложив Бриа-

ну в постель, он позвонит Элли, и та, разумеется, проявит понимание, хотя и будет совершенно раздавлена. Согласится, что ей стоит держаться от них двоих подальше в это сложное время. А потом, наверное, постарается как-то утешиться. Примет укрепляющую ванну. Прочтет грустное заклинание. И все равно останется совершенно несчастна. Благодаря чему, разумеется, станет играть Елену еще лучше, ведь любовь из нее все равно не вытравить.

Но как же ее сердце? Сердце Елены?

А Бриана выиграет. И не только Тревора — я прекрасно знаю, что ради этого жалкого приза она бы и пальцем о палец не ударила. Нет, она выиграет нечто большее, нечто неописуемое. Вот почему она сейчас так несоразмерно ситуации счастлива. А у меня вдруг отяжелели ноги, и поясницу снова прошивают короткие вспышки боли. Именно об этом она сейчас думает, скрючившись на троне.

— Миранда? — окликает меня Грейс.

— Единственное, что меня по-настоящему беспокоит, это как ты будешь играть, когда…

— Когда *что*? — побледнев, спрашивает Бриана.

— Когда на самом деле тебе нужно быть до-

ма, — улыбаюсь я. — И отдыхать.

– *Отдыхать*? — выплевывает она.

— Вот и меня это тревожит, — подхватывает Грейс.

— Правда? — оборачиваюсь к ней я.

— Конечно. Сцена выматывает. А ты, Бриана, надо сказать, и в самом деле неважно выглядишь.

Неважно выглядит? Ты вообще ее видела? Она едва на ногах стоит. Просто смерть ходячая.

— Грейс права. В театре что угодно может случиться. Мы же не хотим, чтобы тебе стало хуже.

Ее посиневшие губы дрожат. Лицо становится еще бледнее, хотя, казалось бы, это уже невозможно, и у меня кровь стынет в жилах. «Стало хуже? — говорят ее глаза. — Мы ведь все знаем, от чего мне стало хуже, так, Миранда?» Но полно, действительно ли она знает? Откуда ей это знать? Яростно вцепившись в подлокотники трона, Бриана выпаливает:

— Я буду играть Короля!

И переводит взгляд с меня на Грейс. По-прежнему пытается угрожать, несмотря на то, что с каждой минутой горбится все сильнее. Ей уже и сидеть трудно.

— Миранда, да пусть играет, — шипит Грейс

мне на ухо.

— Что? Да как ее на сцену выпускать, когда… Ты только посмотри на нее!

— Ну она хотя бы *хочет* играть. А про Денниса и того не скажешь.

— Про Денниса?

— Денниса, Первого вельможу. Который теперь у нас за Короля. Ты вчера чуть не час на него орала.

И я вспоминаю мальчишку с грушевидной фигурой, который, весь красный и потный, в ужасе смотрел на меня с пластикового стула/трона.

— Ах, Деннис! Ну, конечно. Что ж, Деннис хороший мальчик. И он сильно продвинулся. Мы же не хотим обидеть нашего бедного дорогого Денниса?

«Бедного дорогого Денниса?» — Грейс смотрит на меня, вытаращив глаза. Я что, издеваюсь?

— Миранда, Деннис ужасен! Поэтому ты и назначила его на роль Первого вельможи. А еще он не хочет играть Короля. Он сам мне это сказал, когда ты вылетела с последней репетиции. Говорит, ему по ночам кошмары снятся — что он, по его собственному выражению, «все просрал», а ты орешь на него и грозишь никогда больше не дать ему роли.

Грейс радостно улыбается. Разумеется, ведь все улажено. И чего я артачусь, когда вот оно — простое решение, сидит перед нами в образе бледной, как полотно, девушки, которая примет эту жалкую роль как дар божий. Словно — хотите верьте, хотите нет — именно о ней она всегда и мечтала.

Я перевожу взгляд на Бриану, которая наблюдает за нами с трона, прихлебывая воду из бутылки Элли. Вид у нее хоть и больной, но очень самодовольный. Ей не терпится услышать, что она победила.

— Что ж, Бриана, дала ты нам пищу для размышлений. Мы все это как следует обдумаем, так ведь, Грейс? И скоро дадим тебе ответ. В любом случае, мы очень рады, что ты решила к нам заглянуть.

Бриана меняется в лице. Губы дрожат. Она так явно обескуражена моим ответом, что даже не в силах этого скрыть. Но она молчит. И лишь сверлит меня уничтожающим взглядом. Затем неуклюже поднимается с трона и ковыляет к дверям. А мы смотрим ей вслед. Она хромает. Хромает точно так же, как недавно хромала я. Но ведь это невозможно! Она просто притворяется. Это пародия на меня, прежнюю меня. Иначе и быть

не может. «Браво, Бриана! Отлично получается».

Вот только…

Вот только до сих пор ей еще ни разу не удавалось так талантливо кого-то изобразить. С каким трудом она подволакивает правую ногу. Словно та вся окаменела. А ведь я помню это ощущение — ощущение тяжести, которую не удается стряхнуть. Помню, как я лежала ночами без сна и мечтала о легкой походке. С переполненным ужасом сердцем я смотрю вслед Бриане. Лицо ее морщится от натуги, под изнеможением проглядывает страх. И вдруг жалость прорывает во мне какую-то плотину. Я бросаюсь к ней и протягиваю руку.

— Погоди, — мягко говорю я. — Мы дадим тебе…

— Если ты, дрянь, еще раз тронешь меня, я заору, — шипит она. — Заору так, что вся школа меня услышит.

Я отшатываюсь, как от пощечины.

— Бриана, в чем дело? — спрашивает Грейс.

Но та испепеляет меня взглядом. Лицо ее исказилось, в глазах кипит темная ярость. От спокойствия и самообладания не осталось и следа.

— Ты что-то сделала со мной, — заявляет она.

— Что? — спрашиваю я. И у меня вырывается

странный смешок. Странный, резкий смешок.

Но Бриана по-прежнему пронзает меня обвиняющим взглядом. И тихо продолжает:

— В тот день. Здесь в театре. Я это почувствовала.

В ногу бьет молния. Это блеф. Конечно, она блефует.

— О чем речь? — спрашивает Грейс. — Миранда, что она такое говорит?

— Я *почувствовала*! — истерически выкрикивает Бриана.

— Бриана, — начинаю я, призвав на помощь всю свою выдержку. — Боюсь, ты что-то напутала. Тебе в тот день было нехорошо. От боли такое бывает, мне ли не знать.

— Ничего я не напутала, Миранда. Я ясно помню.

На подгибающихся ногах она подается вперед, склоняется ко мне. На мгновение я пугаюсь, что она сейчас рухнет на пол, но она успевает опереться о край сцены. Смотрит на меня дикими глазами, а сама все кренится влево, словно деревцо под порывом ветра. Дышит еще чаще, еще тяжелее. Кажется, я даже вижу, как бешено колотится у нее под ребрами сердце. И вдруг губы ее растягиваются в улыбке.

— И я всем об этом расскажу. Декану. Вице-президенту. Всем! Вас уволят! Засудят! Может, даже бросят в тюрьму!

Вид у Брианы взвинченный. И больной. Очень, очень больной. А глаза знакомо блестят. Ну, конечно! Таблетки! «По одной от боли, по две от спазмов».

— Расскажешь всем что? — спрашивает Грейс.

— У меня есть свидетели! — вопит она. — Грейс, вы же тоже там были, верно?

Она оборачивается к Грейс и смотрит на нее жалобно, умоляюще. В глазах теплится безумная надежда.

— Вы видели! Видели, что она со мной сделала, правда же? Или она и вас тоже подчинила? А может, вы с ней заодно?

— Заодно? В чем?

Бриана вдруг разражается горькими слезами. Ее громкие жалобные всхлипы разносятся по всему театру.

И тут же, как по сигналу, откуда-то слева вылетает Фов. И прижимает хрупкую фигурку Брианы к своему задрапированному в бархат телу.

— Ой-ой, бедняжка моя, — приговаривает она.

Лепечет какую-то бессмыслицу, а смотрит при этом на меня. И взгляд у нее обвиняющий — и

торжествующий. «Теперь ты у меня в руках!»

— Это я виновата. Я предложила ей сегодня зайти. Ох, бедненькая моя, давай-ка отвезем тебя домой, хорошо? Несчастная девочка.

Бриана ковыляет прочь, мрачно косясь на меня из-под темного бархатного крыла Фов. А я смотрю ей вслед, и меня всю трясет от страха. «Что я натворила? Что я натворила? Что я натворила?»

Глава 21

Еду в паб. Заходящее солнце заливает застывшие вдоль шоссе черные силуэты деревьев кроваво-алым светом. В голове у меня пусто. Я даже дороги не вижу. Перед глазами стоит бледное лицо Брианы. Белые руки, цепляющиеся за трон. Сверкающие глаза, дрожащий голос. Конечно, она притворялась, иначе и быть не может. И все же… И все же меня она убедила. И всех остальных тоже. Вот и Грейс на меня таращилась. И студенты таращились, словно… Словно я что-то сделала. Но это же нелепость! От бьющего в лобовое стекло солнца жжет глаза. Я вспоминаю, как схватила Марка за запястье. А он отшатнулся и рухнул на стул для пациентов, плюхнулся прямо на мое унылое пальто и замшелую одежду. И как мои губы вдруг принялись петь, а ноги раскачиваться в воздухе.

«Но дело в том, мисс Фитч, что боль не обязательно должна оставаться на одном месте. Она может переключаться. Переселяться из дома в дом, из тела в тело».

В памяти всплывает, как я лежала на полу, и мое тело выкручивала боль Толстяка. А сам он

улыбался и распевал песню.

«Я всем расскажу», — пригрозила Бриана. И она сделает это. Ткнет в меня своим тоненьким дрожащим пальцем, во все горло выкрикнет мое имя. Никаким кляпом ее шипение не заткнешь. Но что именно ты расскажешь, Бриана? Ведь рассказывать-то нечего. Абсолютно нечего. Доказательств у тебя нет. Собираешься обвинить меня? Но в чем? В том, что я тебя *заколдовала*? Это же смешно! Кто тебе поверит? «Кто?» — спрашиваю я ветровое стекло. Точно не декан. И не Грейс. Грейс ни за что не поверит.

Правда, она так и буровила меня взглядом после того, как Бриана ушла. Глаз не сводила.

«Ну и дичь! — бросила я. — Ты слышала, что она несла?»

Грейс не ответила. И тогда я добавила: «А ведь я тебе говорила. Говорила, что ее нельзя на сцену выпускать. Вот она и доказала, что я была права, так ведь?»

«Миранда, ты в порядке? — спросила тогда Грейс. — Тебя всю трясет».

«Думаешь, она серьезно? — не унималась я. — Будет жаловаться декану?»

И тогда Грейс как-то странно на меня посмотрела. Странно, вот именно! И отозвалась: «А на

что тут жаловаться? Это же и в самом деле дичь какая-то, разве нет?»

Но при этом все не сводила с меня этого своего странного взгляда.

«Ладно, мне пора», — сказала я.

«Что? Куда это ты торопишься?»

«Да так, — бросила я. — Нужно кое-куда заехать».

«Миранда, тебе не кажется, что нам нужно это обсудить? То, что случилось?»

«Конечно, кажется. Мы и обсудим. Только не сегодня, потому что сегодня, боюсь, я занята».

«Миранда, подожди…»

Но я уже выскочила за дверь. А в холле столкнулась с Хьюго. Вид у него был ужасно влюбленный. А еще он внезапно стал так похож на Пола, что у меня перехватило дыхание.

«Рыбка моя золотая…»

«Золотая рыбка? — спросил он. — Кто это — золотая рыбка?»

«Ты, — солгала я. — Это все из-за твоих волос. Их оттенок напоминает чешую золотых рыбок». Хотя на самом деле они куда светлее, скорее цвета пшеницы. Хьюго улыбнулся.

«Миранда, ты куда так спешишь?» Могу поспорить, ему не терпелось затащить меня в

мастерскую и трахнуть.

«Дела, дела», — бросила я и побежала дальше, оставив его стоять в холле.

Небо постепенно темнеет. Над сползающим за горизонт алым солнцем выступает бледный серп луны. Извилистая дорога уходит все дальше в лес, молодая листва пылает в лучах заходящего солнца. Выключи музыку. Или, наоборот, лучше включи. Да, вот так, сделай погромче. Нелепость какая! Нет, правда! Но я должна все выяснить. Мне необходимо спросить ту троицу: «Вы дали мне что-то?» Но что, например? Силу? От одного слова начинаю смеяться. Покрепче вцепляюсь в руль и хохочу. Ладно, тогда я спрошу их: «Это правда? Я правда сделала то, о чем думаю?» А если они ответят утвердительно, что тогда? Как мне поступить?

Паркуюсь возле «Проныры». Напротив входа осталось всего одно место — точно для меня и моего крошечного «Жука». Раньше мне никогда не удавалось встать так близко, хотя в пабе почти всегда бывало малолюдно. Входная дверь похожа на врата в ад. А может, так оно и есть. Прямо над ней раскачивается на железном крюке вырезанная из дерева фигура человека в костюме. Должно быть, это и есть Проныра. Никогда его

не замечала. Это, наверное, потому что раньше я постоянно сутулилась и смотрела в землю. Мне не терпелось побыстрее войти внутрь, хлебнуть вина и хоть на пару мгновений забыть о боли. Сколько же солнца, сколько ясного неба я вот так пропустила?

В пабе, как всегда, темно и пустынно. Играет какая-то незатейливая мелодия. За несколькими столиками привычно обосновались одинокие души. Пялятся в свои стаканы так внимательно, словно они для них — и закат, и рассвет, и целый мир. Завороженные игрой красок плещущихся в стаканах напитков. Хотя ничего особенного там не увидишь, так, разные оттенки янтаря. У стойки троицы нет. Там вообще никого. Кстати, а как так вышло, что мы с Грейс стали ходить именно сюда? Кто первый открыл это место, я или она? Помнится, мы искали бар неподалеку от театра. И кто-то из нас сказал: «О, гляди-ка, кажется, вон там есть какое-то заведение».

«Вид у него довольно сомнительный. Что скажешь, дадим ему шанс?»

Я иду к барной стойке. Иду уже долго. Выходит, она дальше от входа, чем кажется на первый взгляд. Я все шагаю, шагаю и начинаю уже бояться, что мне никогда до нее не добраться. Алая

комната тянется и тянется, и конца ей не видно. Пол то уходит из-под ног, то встает дыбом. С меня течет пот. Платье в маках вымокло и прилипло к телу. Что это, неужели я начала прихрамывать? Прохожу мимо черной доски, на которой мелом выведено:

СЕГОДНЯ В ПРОГРАММЕ: СТРАННАЯ БРАТИЯ!!!

Дурацкая мелодия стихает и начинает играть знакомая песня. Та самая, которую я постоянно напевала в последние дни. Та, чье название все крутится у меня в голове, но вспоминаться не желает. Бармена за стойкой я тоже знаю. Видела как-то в январе, когда мы заходили сюда с Грейс. В тот самый вечер, когда я сильными руками своего голоса выпихнула ее вон. А после познакомилась с троицей. Может, они все-таки здесь? Нет. Тут только бармен. Протирает тряпкой все тот же мутный стакан, который, наверное, до скончания времен останется грязным. На стекле по-прежнему виднеются пятна и потеки. А на бортике след помады. Моей помады.

— Я возьму золотое снадобье, — объявляю я ему.

А он берет и наливает мне напиток прямо в этот грязный стакан. Снадобье светится изнутри, как искусно сделанный элемент театрального

реквизита. Я опрокидываю стакан. Выпиваю все до капли. И золото опять показывает уже знакомый мне фокус.

«Любите фокусы, мисс Фитч?»

«Я люблю фокусы». Ступня мгновенно прекращает орать от боли. Позвоночник приходит в себя. Пожиравший тело огонь утихает, остается тлеть лишь низкое голубоватое пламя. Я улыбаюсь козьей голове, поблескивающей глазами на темно-алой стене.

И, не успев подумать, выпаливаю:

— Где они?

Бармен должен бы спросить: «Кто?»

Но вместо этого он кивает на лестницу в углу. Рядом светится указатель: «ИГРЫ». И стрелка вниз.

С каких это пор в заведении появилась игровая? Да и сам подвальный этаж, если уж на то пошло?

— Там, внизу, еще одно помещение? — спрашиваю я.

Но бармен уже отвернулся. В руках у него теперь новый грязный стакан, который он протирает все той же грязной тряпкой. Затем его сменит следующий. И еще один, и еще. Но очистить их ему так никогда и не удастся. Пятна не ототрутся. И отпечатки губ на ободке тоже. Ничего с ними не

сотворишь. «Что я натворила? Что я натворила? И что теперь будет? Что дальше?»

* * *

Я спускаюсь все ниже, ниже. Сколько же тут этажей? Далеко ли я забралась? Должно быть, да, я ведь потеряла счет лестничным пролетам, несмотря на то, что в моей крови светится золото. Надо бы повернуть назад, но бурлящее в жилах снадобье влечет меня дальше вниз. Заставляет напевать мелодию, которая играла наверху, хотя голос уже срывается. И не снимать руку с перил. Перил, которые, кажется, закручиваются спиралью. Тугой спиралью. Получается, что я все кружу и кружу по каменной лестнице. Можно сказать, верчусь на одном месте. Далеко ли еще до подвала? Должно быть, я уже близко, слишком близко, чтобы возвращаться и спрашивать бармена: «Что это за фокусы?» А это определенно они. Не может быть, чтобы фундамент паба уходил так глубоко под землю. Иначе что же это за паб-то такой, верно ведь? Вдруг откуда-то снизу до меня доносится музыка. Там, впереди, брезжит алый полусвет. Неужели нужно спуститься еще глубже? Ладно, свет и звук — это уже кое-что. А еще я вдруг слышу стук шагов. Слава богу, я не одна.

Со мной в темноте кружит еще один человек. Кажется, я даже различаю его силуэт в льющемся снизу алом свете. Мужчина… Один из троицы? Нет! И все-таки, по-моему, мы знакомы. Высокий. Золотисто-рыжий. Эту спину я знаю, как свои пять пальцев. Пол. Но как он мог здесь очутиться? И все же это определенно он, спускается чуть впереди меня по винтовой лестнице, кружит по спирали, которой нет конца.

— Пол, — кричу я, — что ты здесь делаешь?

Он не оборачивается. И не отвечает. Просто продолжает спускаться. Как будто меня тут нет. Как будто я не иду у него за спиной, можете себе представить? Тогда я, прихрамывая, бросаюсь за ним. «Пол! Пол! Пол, подожди, пожалуйста!» Никакого ответа. Как это на него похоже! Под конец нашего брака так было постоянно. Я больше не могла бежать впереди него, стуча каблучками в форме сердечек. Теперь первым шел он. А я всегда тащилась позади. Боясь отстать, силясь за ним угнаться. Куда бы мы ни направлялись — в магазин, в парк, в ресторан, на еще одно бесполезное псевдоромантическое свидание, — он всякий раз шагал впереди. И никогда не оглядывался. «Пол, подожди!» — жалобно просила я, ужасаясь тому, как жеманно звучал мой голос. Но он не слышал.

Не слышал или не хотел слышать. Он и сейчас не слышит. Хотя я мчусь со всех ног в надежде его нагнать.

«Осторожнее. Вы же не хотите опять упасть? Не хотите рухнуть в бездну, а, мисс Фитч? Снова? Мы-то помним, чем это в прошлый раз кончилось». О да, это стало концом всей моей прежней жизни. Смотрю на Пола, который уходит все дальше. Должно быть, он устал ждать. Устал от моей хромоты, цементной ноги, измученного лица.

— Пол! — кричу я.

А сама думаю: «Только обернись разок, и ты увидишь. Увидишь, как я изменилась. Насколько мне теперь лучше. Просто обернись. Обернись, пожалуйста. Поверни голову и узнаешь». Но он уже так далеко, что почти не различим в темноте. А потом где-то там, внизу, хлопает дверь. И грохот отдается у меня в груди, вибрирует в костях. Я вдруг замечаю ниже надпись «ВЫХОД». Пол! И еще быстрее бросаюсь вперед, все еще веря, что смогу его догнать. А потом спотыкаюсь, срываюсь с лестницы и лечу вниз. Лечу, кажется, целую вечность. И все время больно бьюсь об острые каменные ступени. Спиной, шеей, руками, ногами. Вскрикиваю и падаю, вскрикиваю и падаю. И вот, наконец, с жутким хрустом приземляюсь на

твердую землю и вкатываюсь в открытую дверь.

* * *

Я ничком лежу на обитом ковролином полу. Щека прижата к мягкому ворсу, один глаз приоткрыт. Алый пол. Алые стены. С низкого потолка криво свисает люстра. Я умерла? О нет, я жива. Но кости у меня ноют. И спина болит. Откуда-то доносится нежная мелодия. В углу потрескивает камин, обдавая меня волнами тепла. Где-то рядом кончик кия стучит по бильярдному шару, загоняя его в лузу. С треском вонзаются в мишень дротики дартса. Поскрипывают иглы. Где я? Мне вспоминается светящаяся вывеска «ИГРЫ».

— Пол, — шепчу я. Хотя и знаю, что его тут нет. Это был фокус.

«Любите фокусы, мисс Фитч?»

В комнате смеются. И хлопают в ладоши. Кажется, это три пары рук. А три пары кожаных ботинок притоптывают в такт. Звуки доносятся до меня со всех сторон.

— Ох ты ж, какая неприятность, — негромко произносит кто-то. — Верно ведь?

Голос мужской. Низкий. И певучий. Волосы у меня на затылке встают дыбом. Я оглядываюсь по сторонам, но никак не могу их разглядеть. Перед

глазами мелькают красные стены, пустые столики и бильярдный стол. Но я почему-то знаю, что трое в костюмах где-то близко. Стоят и смотрят на меня. И улыбаются, разглядывая мое скорчившееся на красном полу тело.

— Осторожнее, осторожнее, — ласково произносит другой голос. Глубокий, хриплый и приглушенный, будто обладатель его зажимает себе рот руками. — На лестнице нужно под ноги смотреть, мисс Фитч.

— Мы же не хотим, чтобы вы опять упали, — смеется третий.

— Мы помним, чем это кончилось.

— Стало концом всей вашей прежней жизни.

На глаза наворачиваются слезы. Со всех сторон до меня доносится смех. Ласковый. Понимающий. Знающий обо мне все.

— Ну же, — произносит один из голосов. — Может, подать вам руку?

И вдруг откуда ни возьмись у меня перед носом появляется рука. Обтянутая перчаткой. Ослепительно белой перчаткой. Пальцы шевелятся, как бы подначивая — испытай нас, испытай.

Я берусь за руку, и она легко вздергивает меня вверх, помогая подняться на ноги. Я как раз собираюсь поблагодарить, когда вдруг замечаю

троицу в другом конце комнаты. Толстяк стоит в дальнем углу, привалившись затылком к мишени для дартса и закрыв лицо руками. Его трясет от страха. Причем так сильно, что поневоле подумаешь — притворяется. Он даже попискивает в ожидании броска. Это уж точно слишком. Я начинаю подозревать, что он вовсе не стонет, а хихикает, закрывшись руками. Высокий и статный стоит перед ним, повернувшись ко мне своей обтянутой пиджаком спиной. И видно мне, как обычно, только краешек его прекрасного правильного бледного лица. Судя по тому, как изгибается уголок его губ, он усмехается, глядя на Толстяка. И при этом держит в обеих обтянутых белыми перчатками руках дротики для дартса.

Непримечательный сидит на бильярдном столе. И, уложив кий на бедра, с мягким скрипом полирует его кончик. А сам не сводит с меня своих красных глаз.

— Ах, мисс Фитч! Вернулись, значит? Добро пожаловать! Как там ваша спина?

Двое других оборачиваются ко мне и улыбаются. Мне достаются целых три улыбки. От моих покровителей.

Я вдруг замечаю, что над их головами с потолка свешивается черно-белый телевизор. Показыва-

ют сцену, по которой мечется актриса в белой сорочке. Я. Я в роли Леди М, на фестивале в Мэне, бог знает сколько лет назад. Узнаю этот спектакль. Да и как его не узнать? Это же был мой последний фестиваль. Мой последний выход на сцену, хотя тогда я еще об этом и не подозревала. Раньше я никогда не видела этой записи, не знала даже, что спектакль снимали. Интересно кто? Босиком бегу по сцене. Помнится, она была ужасно холодная. В лицо мне светит горячий белый луч прожектора. Сорочка развевается, делая меня похожей на призрака. Руки выпачканы в крови, которую никто, кроме меня, не видит. Где-то там, у меня за спиной, мужчина в докторском одеянии и медсестра-недотепа обсуждают мой случай, мою судьбу. Но я их, конечно, не замечаю. Слишком занята борьбой с моими собственными демонами. У меня сейчас одна забота — смыть с рук кровь, которую никто не видит. И я понятия не имею, что вот-вот упаду со сцены, что моя привычная жизнь вот-вот закончится. Я наслаждаюсь этим безумием, в ужасе мечусь по сцене, оказываясь все ближе и ближе к краю. И, в конце концов, ступаю босой ногой мимо помоста и эффектно падаю. Даже сейчас от этого зрелища у меня в теле вздрагивают все кости. Мое изло-

манное тело лежит на полу в зрительном зале. И вдруг запись, как по волшебству, отматывается назад, и я снова бегу по сцене в белой сорочке. Завороженно уставившись на свои окровавленные руки. Снова играю ужас. О котором в те времена не имела представления.

Я отворачиваюсь от телевизора и снова поднимаю глаза на Непримечательного. Теперь он стоит возле бильярдного стола с кием в руках. Мне кажется или с последней нашей встречи он как-то вырос? Пиджак он снял, и мне теперь видно, что подтяжки у него красного цвета, а рукава рубашки закатаны. Он смотрит на меня и улыбается. Этот якобы незнакомец, которому откуда-то известно мое имя.

«Кто вы? — хочется мне спросить. — Чего вы от меня хотите? Что вы со мной сделали?»

— Простите, вы не могли бы говорить погромче? Здесь такая ужасная акустика. Ничего не слышу!

— Дышите диафрагмой! — кричит толстяк, не отнимая рук от лица.

— Попробуйте отойти чуть влево, — советует Непримечательный. — Еще, еще. Вот так. Нет, еще немного левее. Вот! Отлично!

Теперь я стою в луче света. Они же остались в

тени. Но я все равно чувствую, что они смотрят на меня. Смотрят и ждут. Им не терпится все услышать. «Давай же! Расскажи нам! Зачем ты пришла?»

— Бриана вернулась, — говорю я.

Они негромко ахают. *Вернулась?*

— Приходила сегодня на репетицию. Она хочет играть Короля, — рассказываю я.

— Как вы сказали? Короля?

Толстяк хихикает, уткнувшись лицом в ладони.

— Я боюсь, что она решила сорвать спектакль. Иначе зачем бы ей так цепляться за эту роль?

Толстяк смеется все громче.

— А еще она больна. Очень больна, — продолжаю я. — Она хромает.

Теперь смеются все трое. Непримечательный, кажется, в полном восторге.

— И обвиняет в этом меня. Так и заявила сегодня в театре.

Троица принимается аплодировать.

— О, это прекрасно, просто превосходно! Мы в восторге. Браво! Как замечательно!

— Бис! Бис! — кричит Толстяк. А Красавчик сует в рот пальцы и оглушительно свистит.

К моим ногам падает роза. Я рассматриваю

ее — острые шипы, свежие алые лепестки — и невольно улыбаюсь. Как давно мне не бросали цветов?

Подняв глаза, вижу, что прожектор над моей головой погас. А троица снова углубилась в свои игры. Красавчик поднимает дротик и целится в Толстяка, который хнычет уже по-настоящему. А Непримечательный склоняется над бильярдным столом, готовясь сделать удар.

— Подождите!

Они оборачиваются ко мне.

— Вы должны объяснить мне, что вы со мной сделали. И что такое делаю я? И что мне теперь делать?

Они улыбаются. Почему они улыбаются?

— Сделали, делаю, делать, — бормочет Толстяк.

— Что сделано, то сделано, — в тон ему произносит Непримечательный.

— Сделано, сделано… — подхватывает Красавчик.

— Но она в самом деле меня обвиняет. И собирается нажаловаться декану. Все очень серьезно.

— О да, звучит очень, очень серьезно.

Да они сейчас расхохочутся. Так и слышу, как в них булькает смех. Толстяк уже хихикает.

— Просто скажите мне, — шепчу я. — Пожалуй-

ста. Это я наслала на нее болезнь?

Непримечательный смотрит на меня затуманенным взором.

— Помилуйте, мисс Фитч, как вы могли так поступить? Вы же такая хорошая.

Толстяк уже гогочет, уткнувшись в ладони.

Я опускаю глаза на зажатую в пальцах розу.

— Это был несчастный случай, — тихо говорю я цветку.

— Конечно! Разумеется!

— Я не понимала, что делаю, — заверяю я. — Правда, не понимала.

— Ясное дело, мисс Фитч, *откуда* вам было знать?

— Может, это просто совпадение? То, что она заболела. — Я смотрю на них с надеждой.

— А кстати, как ваша спина? — вдруг снова спрашивает Непримечательный.

— Вижу, хромота ушла, — замечает Толстяк.

— Интересно куда? — вступает третий.

И вовсе ему не интересно. Он и так это знает. Знает наверняка. Я вспоминаю, как сегодня в театре Бриана брела к выходу, подволакивая мою цементную ногу. По ее бескровному лицу струился пот. А некогда ясные глаза глядели тускло и мертво.

Троица улыбается мне.

— Может, это ваши сеансы лечебной физкультуры, наконец, окупились?

Мне вспоминается сгорбившийся на стуле Марк. Его бледное лицо. И мои губы, сами собой растягивавшиеся в улыбку, когда я смотрела на него с высоты своего роста, стоя на внезапно распрямившихся ногах.

— Он делал мне больно, — выкрикиваю я. — Это была самозащита!

Теперь троица принимает скорбный вид. Толстяк всхлипывает от жалости ко мне. У Непримечательного глаза наполняются слезами.

— Именно так. А Бриане нужно было научиться играть, верно ведь?

— Вы, можно сказать, подарок ей сделали.

— Передали ваш дар!

Я снова опускаю глаза на розу. Оказывается, я так крепко стиснула стебель, что шипы впились в подушечки пальцев. У меня кровь идет, но я ничего не чувствую.

— Глядите-ка, вы снова твердо стоите на ногах. Несете в мир добро. Заставляете людей чувствовать. Ведь для того театр и существует. Все хорошо, что хорошо кончается, верно ведь?

Все трое смотрят на меня. На их освещенных

алыми огнями бескровных лицах играют улыбки. Глаза весело блестят. Мои покровители. Мне вдруг становится страшно. Очень страшно.

— Почему вы мне помогаете? Чего вы от меня хотите?

Они снова возвращаются к своим играм. Красавчик целит дротиком в Толстяка, тот прикрывается руками. Непримечательный заносит кий над бильярдным столом. Шарики брызжут в разные стороны и закатываются в лузы.

— Чего вы хотите? — снова спрашиваю я. — Чего вы хотите от меня? Какова цена?

Вот теперь они оборачиваются. Толстяк и Красавчик замирают. А Непримечательный пожимает плечами.

— Мы просто хотим посмотреть хорошее представление, мисс Фитч. Устройте для нас отличный спектакль.

— Хорошее представление? И это все? — Настал мой черед смеяться. Не может быть. Не может быть, чтобы все было так просто! — Должно быть что-то еще. Вам наверняка нужно что-то еще.

— Чего же нам еще желать, мисс Фитч?

Мою душу? Мою жизнь? Я опускаю глаза на розу. Она завяла у меня в руках. Вся посерела. Алые лепестки высохли и почернели, стебель

скукожился. В ужасе поднимаю голову, готовая обвинить их, готовая закричать…

И вижу ее. Она стоит у подножия лестницы, держась рукой за перила. За спиной — всего один лестничный пролет. За ним открытая дверь, в которую виден красный бар. За стойкой все тот же бармен, что отправил меня сюда. По-прежнему протирает мутный стакан, который никогда не станет чистым.

— Грейс?

Она смотрит на меня, все еще сжимающую в руках увядшую розу. Смотрит так, будто видит впервые в жизни.

— Грейс, давно ты там стоишь?

Но она молча разворачивается и бежит вверх по лестнице обратно в бар.

— Грейс, подожди!

* * *

Пытаясь ее догнать, я выскакиваю из бара. Уже стемнело. Фонари светят еле-еле. Что за нелепая улица! По обеим сторонам застыли витрины, заманивающие покупателей фальшивой магией. Сколько раз мы с Грейс ходили тут вместе? Теперь же она мчит вперед. Хочет убежать от меня как можно дальше. Ногу слегка сводит. О боже

боже боже.

— Грейс! Подожди, пожалуйста! Куда ты?

— А как, по-твоему, куда? К своей машине.

— Разве ты не хочешь поговорить?

— Больше не хочу.

— Грейс, погоди. Ты идешь слишком быстро. Можешь помедленнее?

— Миранда, оставь меня в покое!

Она уже у парковки. Машин тут в такой час почти не осталось. В темноте поблескивает только ее верная RAV-4. Разумеется, серебристая. И полноприводная. А еще очень чистая, несмотря на все рейды в горы и поездки по слякотным дорогам. Сколько раз я сидела в ней, на пассажирском сиденье, а в худшие дни — на заднем, упираясь макушкой в дверь, а ногу пристроив на подушку, оставшуюся от умершей собаки Грейс? Сколько раз она отвозила меня в амбулаторную хирургию, а потом сидела в приемной, листая дурацкие журналы? Сколько раз терпеливо ждала, пока я встану с каталки, пристроившись рядом и листая что-то в телефоне?

«Извини», — всякий раз говорила я, вынырнув из валиумного тумана.

«Не за что извиняться», — отрезала она.

Помню, в первый раз, когда она везла меня из

клиники, нам по дороге попался «Джамба Джус». И мне вдруг так захотелось выпить чего-нибудь холодного. Холодного, сладкого, яркого… Сказать об этом я не решилась. Но Грейс вдруг затормозила прямо перед входом, обернулась и спросила: «Что ты хочешь?» А я заплакала. Не часто мне доводилось рыдать при Грейс. Она совершенно растерялась. А потом положила руку мне на бедро. «Тогда я сама для тебя что-нибудь выберу, хорошо?» И с этими словами стала вылезать из машины.

«Тыквенное наслаждение!» — выкрикнула я в слезах. А она улыбнулась. И улыбалась, пока закрывала дверь и спешила ко входу. Я наблюдала за ней через ветровое стекло. Как легко, как пружинисто она бежала! Я любила ее и в то же время ненавидела, любила и ненавидела.

И вот Грейс снова легко и пружинисто бежит к своей машине. Из кулака свисает цепочка с брелком в виде балетной туфельки. Заднее сиденье, на котором я так часто сиживала, теперь кажется далекой-далекой страной. Сейчас она сядет в машину и умчится прочь. Ни разу не оглянувшись.

Я обгоняю ее. Теперь мне это ничего не стоит. Передать не могу, как просто мне опередить Грейс. Забежать вперед и оказаться у машины

раньше ее? Как нечего делать! За пару шагов от меня она останавливается. Боится? Если и так, с виду этого не скажешь. Да и с чего бы ей меня бояться? Я ведь ее подруга, не так ли?

— Миранда, дай мне сесть в машину, — говорит она.

Даже глаз на меня не поднимает. Просто не может. Она меня теперь порицает. Я для нее — ужас ужасный. Чудовище. Стою тут перед ней в платье с маками. И придерживаю рукой вздымающуюся на ветру юбку, как какая-то Мерилин Монро.

— Грейс. — Я протягиваю к ней руку.

А она отшатывается. Почти инстинктивно.

Тогда я опускаю руку — медленно, спокойно. Ладно. Ладно, веди себя разумно. Оставайся в рациональном мире. И рациональным человеком, вроде самой Грейс, например.

— Слушай, я просто хочу с тобой поговорить. Пожалуйста, Грейс, удели мне минутку.

Но она качает головой:

— Я не хочу с тобой разговаривать, Миранда.

— Но разве не для этого ты сюда пришла? Разве не для того искала меня?

— Верно, но теперь мне расхотелось. Нам больше не о чем говорить.

Даже в темноте видно, что ее лицо не выражает

никаких теплых чувств ко мне. Она смотрит на меня, как на незнакомку. Которую видит впервые в жизни. В глазах каменная стена. Бриана. Неужели она слышала, как мы говорили о Бриане? И я в чем-то призналась?

— Долго ты там стояла? — спрашиваю я.

Она смотрит на увядшую розу, которую я все еще сжимаю в пальцах. Зачем она мне? Почему я не решаюсь ее выбросить?

— Достаточно.

— Грейс, я могу объяснить. Пожалуйста, дай мне объяснить.

— Ладно, Миранда, объясни. Кто эти трое?

— Честно?

Она пристально смотрит на меня.

— Если честно, то я не знаю.

Грейс пытается меня обогнуть и все же добраться до машины. Явно считает, что разговаривать со мной — лишь зря тратить время. Но я не даю ей пройти. Стою, загородив спиной водительскую дверь.

— Грейс, пожалуйста, не уходи вот так. Ты сама не понимаешь, что видела.

— Ты права, Миранда. Я не понимаю. Так объясни мне. Что я такое видела?

Думай, думай. Будь рациональным человеком,

вроде Грейс. Что бы она хотела услышать?

— Слушай, это просто такой спектакль. Которым я занимаюсь на стороне. — Идеально! — Мы как раз репетировали пьесу. Другую пьесу, которую я ставлю с ними.

— Другую пьесу?

— Да! Вот почему я так странно себя вела. Сторонилась тебя. Была в прострации. Вот почему я в последнее время постоянно занята. Все дело в другой постановке. Теперь тебе все ясно, Грейс?

Она смотрит на меня подозрительно. В конце концов, в прошлом я уже врала ей про другие спектакли.

— И что это за пьеса? Как она называется?

— У нее нет названия, — спокойно отвечаю я и машу розой, как будто это наш реквизит для постановки. — Это что-то вроде современной переработки «Макбета».

Услышав, как я невозмутимо произношу это проклятое название, Грейс вздрагивает.

— Там еще и к «Фаусту» есть отсылки, — продолжаю я. — Честно говоря, я уже пожалела, что взялась за эту вещь. Она проблемная. В смысле, есть там кое-какие перегибы. В общем, вот, это актеры, с которыми я работаю. — Тут я качаю головой, давая понять, сколько всего на меня

навалилось. — Я не врала, когда сказала, что не знаю их. Это правда. У них совсем другая актерская школа. Особый метод. Но мы пытаемся сработаться. И вот, репетируем допоздна. Именно это ты и видела. Вот и все.

Я все киваю и киваю. Как по мне, звучит убедительно. Какая я молодец, целый спектакль разыграла!

Грейс молчит. И вдруг я снова вспоминаю о Бриане. Слышала ли она, как мы о ней говорили? В любом случае, не может же она поверить, что я наслала на Бриану болезнь, тронув ее за руку? Грейс для такого слишком рациональна.

— Грейс, не знаю, что ты слышала, но не можешь же ты в самом деле верить, что я в чем-то виновата. — Я натужно смеюсь, чтобы подчеркнуть, как это нелепо и абсурдно. — Что я как-то ей навредила.

— Мне пора домой, — говорит она.

— Грейс, ну пожалуйста, подожди. Ты даже не представляешь, что это такое, когда тебе постоянно больно! Ты ведь сама никогда болями не страдала. Ты и понятия не имеешь, каково это — просыпаться в ужасе. От того, что наступил новый день, когда тебе снова придется лежать на полу. Хромая, брести по жизни. Подволакивать

свою цементную ногу. Мучиться от невозможности зайти в супермаркет.

Тут я начинаю рыдать, но выходит жутко фальшиво. Слова, слетающие с накрашенных губ, звучат плоско и пусто. Я загубила этот монолог ровно так же, как Бриана раньше губила свои непрошибаемым жизнелюбием и довольством. И Грейс это чувствует.

Она пытается проскочить мимо меня к водительской двери, но я приваливаюсь к ней спиной. И продолжаю:

— Слушай, ты устала. Совсем заработалась. И я тоже. Мы обе без сил. Вот нам и мерещится невесть что. Нам сейчас нельзя доверять всему, что мы видим и слышим. Тем более в это время года. — Я делаю широкий жест рукой. — Ведь премьера уже на носу. А спектакль, судя по всему, получится великолепным. Мы отлично потрудились. Слушай, давай-ка это отпразднуем? Я куплю тебе выпить. Я ведь перед тобой в долгу, верно? Посидим, и я поподробней все тебе объясню.

Все это я выпаливаю слишком быстро. Но звучит моя речь вполне разумно. Так почему же у Грейс такое лицо? Почему она меня сторонится?

— Грейс, ты что, меня боишься?

Я смеюсь, чтобы подчеркнуть, как это нелепо,

как глупо. Бояться меня! Свою давнюю подругу. Конечно, в наших с ней отношениях бывали свои взлеты и падения, но что с того? Однако Грейс не смеется. Даже не улыбается.

— Грейс, ты не можешь меня бояться, — продолжаю растягивать губы в улыбке я. — Прошу тебя, пожалуйста, не бойся. Это же я. Миранда. Мы с тобой сто лет знакомы. Ты моя подруга. Мы же подруги, правда?

Говоря это, я надвигаюсь на нее — медленно, неотвратимо. Просто хочу ее успокоить, напомнить, что мы подруги, что это всего лишь я, Миранда. А она все пятится и пятится от меня. Но это же просто смешно! Это безумие! Она сошла с ума. Я снова протягиваю руку, и тут она спотыкается и падает. Падает из-за того, что хотела увернуться.

Теперь Грейс лежит у моих ног. На мокром гравии. Упала, пытаясь сбежать от меня, своей подруги. Бедной Миранды, которая стоит перед ней в темноте в развевающемся платье в маках. Миранды, от которой так ангельски пахнет. Моя сумочка в виде губ улыбается ей, и я сама улыбаюсь тоже.

— Грейс, Грейс, ты в порядке?

Нелепость какая-то. Полный абсурд. Я от чисто-

го сердца предлагаю ей помощь, а она продолжает отворачиваться. А ведь я уже руку протянула. Говорю:

— Грейс, позволь мне помочь тебе. Теперь мой черед. Ведь ты столько раз мне помогала.

Но она продолжает отползать, опираясь руками о землю. Наверняка сейчас в кровь раздерет себе ладони гравием и осколками.

— Грейс, осторожнее, пожалуйста. Не поранься.

Но Грейс очень ловкая. Это даже сейчас заметно, когда она корчится на земле, как подыхающая собака. Совершенно неубиваемая. «Я никогда не простужаюсь», — заявила она мне во время нашей первой встречи. Словно простуду можно просто не заказывать, как нелюбимый коктейль в баре.

Я снова протягиваю руку, чтобы помочь ей подняться на ноги. Сейчас она встанет. И даже не поблагодарит меня. Сразу бросится прочь. Побежит со всех своих натренированных ног. Неся в клювике информацию о том, что только что видела. Хотя ей в это и не верится. Мне и самой в это не верится. Но кто она такая, чтобы не доверять собственным глазам и ушам? Кто такая, чтобы отворачиваться от доказательств? Она просто

обязана их принять как режиссер-постановщик. Утром она первым делом побежит в университет. И что же она там расскажет про меня? Что и кому? Да всем! Декану. Фов. «Моя дорогая, ты была абсолютно права». Они ведь так с Фов друг друга называют — моя дорогая. А потом они обе выступят на стороне Брианы.

Так и представляю, как они согласно кивают, глядя, как меня волокут на костер. И тычут пальцами.

Да-да! Это она!

Я опускаюсь на корточки рядом с Грейс, которая закрывается от меня руками, не желая смотреть мне в глаза. Брелок с балетной туфелькой лежит рядом на асфальте. Он весь в грязи. Но волноваться не о чем, я его подбираю. Голова Грейс низко опущена. Странное дело! Я ее такой никогда не видела. Обычно это я лежу на полу, а она смотрит на меня сверху вниз. И закатывает глаза. Раздраженно. Нетерпеливо. Но и сочувственно, напоминаю я себе. Разве она мне не сочувствовала? Грейс ведь правда хотела мне помочь. Ну так и я хочу того же. Помочь Грейс. Я окидываю ее сочувственным взглядом. И протягиваю руку. Нежно-нежно беру Грейс за запястье. И спрашиваю:

— Ты в порядке? — А потом добавляю: — Пожалуйста, Грейс, доверься мне. Честное слово, мне очень жаль. Очень-очень жаль. Что все так вышло. Позволь мне хотя бы тебе помочь. Это меньшее, что я могу сделать.

Часть третья

Глава 22

Ясный солнечный день. День моего испытания огнем. В окна кабинета декана заглядывает солнце. И освещает меня, удобно устроившуюся в кресле, в котором раньше я сидеть почти не могла. Мои изящно скрещенные в лодыжках ноги слегка покачиваются. Волосы падают на плечи волнами в виде буквы S. Сердце ровно стучит в грудную клетку. Паникую ли я? Ну, может, слегка. Но лицо мое безмятежно. Именно так, безмятежно, я взираю на три пустых кресла, которые вскоре займут Бриана и ее родители. Они станут обвиняюще тыкать в меня пальцами. Я же буду изображать живое воплощение здравого смысла.

Сидящий за своим столом Мохнатый Сосок крутит большими пальцами и улыбается, как идиот.

— Они будут с минуты на минуту.

Он постукивает по циферблату наручных часов волосатым пальцем.

— Да ради бога. — Мои ноги под сиденьем так и ходят ходуном. — Мне вовсе не сложно подождать.

И это правда. Мне абсолютно не сложно. Мое

сердце переполняет невозможная легкость.

— Миранда, мы так вам благодарны, что вы согласились приехать, хотя вас не предупредили о встрече заранее. К тому же в субботу, — говорит декан.

Это он про свой недавний имейл. Я получила его утром, через несколько часов после того, как ушла от Грейс. Декан просил меня приехать в колледж и обсудить некое весьма тревожащее обвинение, поступившее от одной студентки. От мисс Брианы Валентайн? «Боюсь, это обвинение касается вас, мисс Фитч».

Тон письма был твердый и в то же время смущенный. Конечно, декан в курсе, что в это время года дел у меня по горло. Но мисс Валентайн очень настаивает, равно как и ее родители. Да и характер ее обвинения… мягко говоря, чрезвычайно настораживающий. Родители Брианы тоже будут, продолжал декан. Было бы замечательно, если бы и мы с Грейс смогли приехать.

«Конечно! Я в деле!» — ответила я с такой готовностью, будто он приглашал меня на пикник. А после добавила: «*Очень жаль, что у нас возникли проблемы ☹ Но я уверена, мы все уладим ☺*

ХоХо

Миранда».

И вот теперь декан пытается поддерживать со мной дурацкую непринужденную беседу. О погоде. О том, какой сегодня теплый день.

— Даже слишком теплый для весны, не находите?

— А мне нравится.

А матч я смотрела?

— Я их никогда не смотрю.

— Я вынужден принести вам свои извинения, — наконец, понизив голос, произносит он. К его чести, ему очень неловко, что мне приходится в этом участвовать. — Разумеется, обвинение совершенно дикое. Тревожащее, конечно, но дикое, верно ведь?

Сказать по правде, он даже не понимает, в чем его суть. Воздетые в воздух руки. Беспомощный смешок. Но Бриана подняла шум. Закатила истерику. А родители стараются во всем ее поддерживать.

— Такие славные люди, — вставляет Фов.

Я упоминала, что она тоже здесь? Засела в своем бесформенном балахоне в углу, как паучиха. Прихорошилась сегодня — ну прямо Стиви Никс на минималках. Волосы начесала. В подведенных серебряным карандашом глазах стоят слезы — это доброта родителей Брианы ее так растрогала.

Вот почему она вызвалась играть в этом шоу одну из главных ролей. Пообещала выступить как свидетель.

«Свидетель чего?» — спросила я.

«Думаю, лучше мы это обсудим, когда соберутся все заинтересованные стороны», — с пафосом изрекла она.

И при этом так и сияла, наслаждаясь разыгравшейся драмой. На коленях у нее лежит голубой блокнот. Раздувшийся от подробных описаний моих прегрешений. Ей не терпится его открыть. Ткни наугад пальцем в любую страницу — и найдешь кучу неопровержимых доказательств моей вины, тщательно задокументированных ее плотным убористым почерком. На шее Фов вместе с привычно позвякивающими бусами висит серебристая ручка на цепочке. Она отлично ей послужила.

— Кстати, как там постановка? — интересуется декан.

— Все хорошо, — отвечаю я. — Мы в отличной форме.

— Прекрасно! Миранда, я правда очень ценю, что вы нашли время.

— Что вы! Я всегда рада обсудить возникшие проблемы.

Я в самом деле рада. Очень-очень рада. Так широко улыбаюсь, что аж щеки болят. Мне даже помада сегодня не понадобилась, губы сами по себе яркие, сочные и такие розовые, что их цвет утром в зеркале меня прямо заворожил. И волосы поразили — черные, блестящие, как будто светящиеся изнутри. Они даже алым отливают — чего я не видела с самой юности. Морщины исчезли. Кожа стала такая свежая, будто я в буквальном смысле умывалась росой. Выскочила рано утром из дома, окунула руки в мокрую траву и провела по лицу влажными ладонями. На мне по-прежнему платье в маках. Наверное, стоило бы переодеться, но этот рисунок меня бодрит. А еще от меня пахнет сексом. И морем. И звездным небом, под которым я вприпрыжку возвращалась домой. И я все время напеваю себе под нос. Песенку, названия которой так и не вспомнила.

— Какая приятная мелодия, — замечает декан. — Как она называется?

— Не могу вспомнить, — отзываюсь я. — Услышала вчера вечером по радио.

Это правда. Ее в самом деле передавали, когда я отвозила Грейс домой. «Я отвезу тебя домой, хорошо?» — пропела я. После того, как протянула руку и помогла ей подняться. Казалось, она со-

всем ушла в себя. И точно не смогла бы сама сесть за руль. Всю дорогу до дома она просидела на пассажирском сиденье, сгорбившись и прижавшись лицом к стеклу. И ее можно понять! Ведь ночь стояла такая прекрасная. «Грейс, чувствуешь? Пахнет океаном. Ты только посмотри, посмотри, сколько звезд высыпало. Ой, обожаю эту песню! Как раз сегодня слышала ее в пабе. Не помнишь, как она называется, Грейс? Не против, если я сделаю погромче?»

Грейс была не против. Или не подала виду. Всю дорогу по радио крутили один хит за другим. Я подпевала, и руки, сжимавшие руль, приятно гудели.

Внезапно оказалось, что я помню наизусть все тексты. Любую песню могу пропеть от начала и до конца. Может, я всегда их знала? Нужно было просто вспомнить? Время от времени я поглядывала на скорчившуюся на пассажирском сиденье Грейс.

«Ты там в порядке?» Она молчала. Наверное, просто устала. Эта весна… «Так и норовит тебя убить, верно? Но тебе это не грозит. Ты у нас неубиваемая. В отличие от меня. Ты тысячу раз видела, как я умирала, правда же, Грейс?» Она так ничего и не ответила. Должно быть, совсем

измоталась.

«Почти приехали», — объявила я.

Остановившись возле дома Грейс, я помогла ей вылезти из машины. Сказала: «Грейс, позволь мне тебе помочь». На этот раз она не стала отказываться и уворачиваться. Просто тяжело повисла у меня на руках. «Потихоньку, шаг за шагом, — стала приговаривать я терпеливо. — Не торопись, спешить нам некуда». Через опрятную, но унылую гостиную я провела ее в ее странную воздушную спальню. Бережно уложила на каменную кровать. И села в изящное кресло у ее изголовья. Точно, как сама она садилась у моего изголовья, когда приходила навестить меня после уколов. Но в отличие от Грейс я не стала утыкаться в телефон. Не стала листать журнал, проверять эссе студентов или притворяться, что читаю пьесу. Не притоптывала нетерпеливо туфелькой, давая понять, что мне давно пора бежать. Нет, я сидела, опираясь локтями о край кровати и опустив подбородок на руки, и смотрела на Грейс, которая лежала на боку с полуоткрытыми глазами и шумно дышала ртом. Я была вся внимание. Готова была сделать для нее все, что нужно. Даже предвосхищала ее пожелания. Принесла ей воды. Правда, пить она не стала.

«Грейс, ты уверена? Ну ладно, хорошо. Я поставлю стакан сюда, на столик. На всякий случай. Идет?»

Грейс не ответила. Только сверлила меня глазами.

«Ты просто устала, Грейс», — сказала я.

И добавила: «Я и сама устала». Но это была ложь. Я притворно зевнула, чтобы Грейс не чувствовала себя одинокой в своем изнеможении. Но, по правде говоря, мое тело как будто наполнилось воздухом. Спать не хотелось совершенно. Глаза были широко открыты. Во мне, распевая песни, дул весенний ветер. И я сама себе казалась весной. Рассыпанные по плечам волосы блестели. Белоснежные зубы сияли в полутьме. Мне даже почудилось, что я приподнялась над своим креслом. Воспарила в воздух.

«Принести тебе чего-нибудь еще, пока я не ушла? — пропела я, улыбаясь. — Может, чаю? Травяной сбор от боли в горле? Или тот успокоительный, с ромашкой?»

Но Грейс ничего не хотела. Поэтому я просто посидела с ней еще немного. Пристально вглядываясь в темные провалы ее глаз, во все больше расширявшиеся зрачки, окруженные радужкой цвета лисьего меха. Грейс смотрела на меня с

самого дна темной бездны. Бездны, в которой еще недавно томилась я, из которой так часто глядела на нее. Пытаясь объяснить. Надеясь быть услышанной.

Я уточнила, уверена ли она, что ей ничего не нужно.

Уточнила снова, потому что знала, что больным часто бывает что-нибудь нужно, а попросить они не решаются. И со мной так бывало. Подбросив меня домой после процедур или приема у врача, Грейс всегда спрашивала в дверях: «Тебе ничего не нужно?» А сама уже одной ногой была на улице, нетерпеливо поигрывала брелком в виде балетной туфельки. Конечно, я всегда отвечала ей: «Ничего, спасибо». Поэтому сама я, спрашивая ее о том же, не гремела ключами и не топталась на пороге. Нет, я задавала вопрос, склонившись к самому ее лицу. И голос мой был нежен, как рука, гладящая ее по щеке. Я хотела дать ей понять, что она может попросить меня о чем угодно. Я счастлива буду ей помочь. Всю ночь готова просидеть у ее постели.

Но Грейс хотела, чтоб я ушла. Напрямую она этого не говорила. Она вообще ничего не говорила. Просто лежала на боку с открытыми глазами, дышала через рот и смотрела на меня со дна

темной бездны, которую я так хорошо знала — до мельчайшей трещинки, до последнего уголка. И тогда я заглянула в бездну и сказала Грейс: «Тебе просто нужно хорошенько выспаться». Подоткнула ей одеяло, прошла в гостиную и вытащила из террариума бородатую ящерицу Эрнеста. Просто удивительно, какая же унылая у Грейс оказалась гостиная. Тут и там распихано походное снаряжение. К пробковой доске пришпилены рецепты полезных перекусов после тренировки. Пахнет готовой едой, пивом и сигаретным дымом. Я отнесла извивающегося Эрнеста в спальню и положила на кровать рядом с Грейс. Чешуйчатое существо подползло к ней и свернулось на подушке возле ее лица. А потом он демонстративно закрыл глаза, давая понять, что уснул. И Грейс тоже немедленно зажмурилась.

«Спокойной ночи, Грейс». Я тихонько вышла. И отправилась домой. Напевая песенку, которую слышала по радио. Какая же прекрасная стояла ночь. Мои ноги почти не касались земли.

Я отправила Грейс сообщение: *«Надеюсь, все хорошо»*. А потом написала Хьюго: «Приходи». И мы, как безумные, трахались до самого рассвета. Я скакала на нем верхом и смотрела, как встает за окном солнце.

* * *

Наконец, дверь кабинета декана открывается. Входит Бриана. Фов набирает в грудь побольше воздуха. И сам декан тоже. А я — образец мужества — невозмутимо наблюдаю, как Бриана, хромая еще сильнее, чем вчера, ковыляет, цепляясь за свою мать. Отец, засунув руки в карманы, спокойно плетется следом. Я замечаю на руке у Брианы больничный браслет. Грязно-бурые волосы, все такие же сальные и спутанные, занавешивают бескровное лицо. Бриана подволакивает омертвевшую ногу, а я смотрю на нее, и на моем лице не видно ни малейшего признака паники.

Фов, разумеется, бросается на помощь, как будто девушке и без того уже не помогают родители. Несколько раз Бриана останавливается, готовая заплакать. А мать с Фов на два голоса шепчут ей: «Будь сильной! Будь смелой!» Она качает головой, потом кивает. Да, она постарается. Наконец, справившись с собой, она отважно ковыляет к креслу и падает на него. А затем, вся скрюченная, поднимает глаза на меня. Какой же захватывающий спектакль. Я уже готова захлопать в ладоши.

Оборачиваюсь к декану, который пытается незаметно покоситься на часы.

— Простите за опоздание, — начинает отец Брианы. — Утро выдалось не очень, да, малышка?

Бриана не отвечает. Просто смотрит в пространство.

— Мы ездили в отделение «Скорой помощи», — строго добавляет ее мать.

— Ой-ой, — пугается декан. — Надеюсь, все в порядке?

— Нет, — выплевывает Бриана.

А ее отец в то же самое мгновение произносит:

— Да. Обычная паническая атака. Волноваться не о чем.

Оделся он сегодня в костюм из шотландки. Бледно-голубой, еще сильнее подчеркивающий, какая красная у него физиономия. Глянешь — и на ум поневоле приходят поле для гольфа, стейки с кровью, съеденные в темных, как пещеры, залах ресторана, и кувшины холодного лимонада, джина в которых куда больше, чем лимонного сока. Невесело улыбнувшись дочери, он со вздохом убирает телефон во внутренний карман пиджака. На лице у него написано: я сейчас в офисе должен быть, переворачивать с ног на голову мировую экономику, Амазонку поджигать, а не торчать тут с вами. Как жаль, что эту проблему не уладишь кредиткой.

Бриана злобно зыркает на него. И морщится, сдерживая слезы.

— Мы могли бы перенести встречу, — бросает он, разглядывая ее, как инопланетянку.

— Но она хотела прийти сегодня, — возражает мать Брианы, стискивая руки. — Правда, дорогая?

Несмотря на ранний час, она определенно уже успела приложиться к бутылке. На носу у нее дымчатые очки в стиле Джеки Кеннеди. Блестящие крашеные волосы аккуратно заправлены за поблескивающие бриллиантами уши. Капри (разумеется), джемпер с вырезом «лодочкой» (разумеется). Неизменный жемчуг. Чем-то похожа на мою собственную мать-пьянчужку, только денег у нее куда больше, а вкуса — меньше. Моя мама даже на зарплату официантки ухитрялась всегда выглядеть стильно. «Запомни, зайка, мир — это сцена», — учила меня она, крася губы трясущейся рукой. Мне вспоминается, как она в винтажном платье, с пламенеющими крашеными волосами, благоухая алкоголем и «Шанель номер 5», в полубессознательном состоянии шествовала в школу, чтобы увидеть меня на сцене. Чтобы аплодировать своей дочери. Вскакивать с места, оглушительно хлопать и покрикивать

на напуганных родителей: «А вы чего расселись, идиоты?» А потом жаловаться руководителям театральной студии, администрации и всем, кто готов был слушать, что роль у меня слишком маленькая. Почему мне не дают чего-то более значительного? Ведь любому ясно, что я звезда. Уж ей ли не знать, она ведь в гостиничной столовой работает. «Вот уж где настоящий театр!» — говорила она и молотила по парте кулаком.

Шипела: «Просто нелепо. Какие же вы все придурки!»

«Очень благодарны вам за обратную связь, мисс Фитч!»

Бриана кивает, глядя в пол. И я окидываю ее цепким взглядом, как раньше делала она. Сидит, сгорбившись, крошечное тело утонуло в темной бесформенной толстовке. На запястье болтается больничный браслет. На шее — золотой крестик. Как всегда, отлично подобрала реквизит. По обеим сторонам от нее застыли родители. Мать пытается смотреть строго, но взгляд у нее робкий, нерешительный и пьяный. А отец вообще отводит глаза. Ясное дело, она хотела прийти сегодня. Я не паникую. Ни капли. Потому что винить меня в болезни Брианы — чистый абсурд. Разве я когда-нибудь дышала так же тяжело? Разве мои

губы были такими же бескровными?

Хмыкнув, декан объявляет:

— Что ж, давайте начнем, не возражаете? Бриана, ты выдвинула очень серьезное обвинение.

Фов наклоняется к Бриане и пылко хватает ее за руку.

— Вперед, дорогая! — ласково напутствует она.

В горле у меня клокочет смех. Я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

— Бриана, не расскажешь нам, что тебя сюда привело? — просит декан.

Та кивает. И сверлит меня своими глазами цвета увядших листьев. Потом поднимает руку. И рука трясется, можете себе такое представить. Трясется, но при этом указывает тоненьким белым пальчиком на меня.

— Она, — выдыхает Бриана.

— Профессор Фитч, — поправляет декан.

— Она наслала на меня болезнь.

Все молчат.

Отец Брианы по-прежнему смотрит в сторону. Мать глядит на меня, как на исчадье ада. Но я совсем не такая. Меня по-прежнему освещает рвущееся в окно солнце. Согревает мне руки, играет в волосах. Я изящно примостилась в кресле, скрестив ноги в лодыжках. Ничего не говорю.

Просто улыбаюсь. И смотрю на декана, спрашивая взглядом: «Что? И как прикажете на такое отвечать?»

— Каким образом она это сделала, дорогая? — мягко уточняет у Брианы мать.

— Не знаю! — вопит та. — Просто *наслала,* и все. Я это *почувствовала*.

— Ты это почувствовала, — повторяет декан.

— Она меня потрогала! Потрогала, и от этого я стала такой!

Бриана опускает глаза на свое несчастное изломанное тело. По щекам ее бегут слезы.

– *Потрогала*! — взвивается Фов.

У этой аж слюнки потекли. «Ах, как интересно!» Попалась, взглядом объявляет мне она. Но я все так же безмятежно улыбаюсь, глядя на Бриану. Хоть и чувствую, как насторожился декан. Весь подобрался в своем кресле.

– *Как именно* она тебя потрогала? — спрашивает он.

Бриана набирает в грудь побольше воздуха. Вот оно, ее великое разоблачение. Но тут до нее вдруг доходит, что должного эффекта оно не произведет. И она отводит глаза. Начинает дышать еще чаще. Какая досада! Мы все тут сраные идиоты. Но, как бы там ни было, она уже понимает, что

проиграла.

— Взяла за запястье, — безжизненно брякает она.

— Взяла за запястье, — повторяет декан.

Даже Фов не знает куда деваться.

— Но это было ужасно! — выкрикивает Бриана.

А потом совсем замыкается в себе и разражается рыданиями.

Я беспомощно смотрю на декана. Потом перевожу взгляд на отца Брианы — тот скрестил руки на груди и таращится в потолок. Ему стыдно за свою дочь, стыдно, что мне приходится все это выслушивать. Но что прикажете ему делать? Дочка болеет, устроила истерику. Он всю жизнь ей потакал. Не мог же именно сейчас отказать.

— Так, давайте проясним, — говорит декан. — Ты утверждаешь, что профессор Фитч взяла тебя за запястье. И тем самым, каким-то непонятным образом, повредила тебе… ногу? Или спину?

— И ТО, И ДРУГОЕ! — в слезах вопит Бриана.

— А еще заразила тебя чем-то вроде… гриппа?

Бриана, потупившись, кивает.

В кабинете воцаряется молчание. Чувствую, как меняется расстановка сил. Солнце, освещающее меня, — это голос разума. И я купаюсь в его лучах.

Положив ногу на ногу, удобнее устраиваюсь в кресле. Нога тут же начинает раскачиваться взад-вперед. Я откидываюсь на спинку. Приходится крепко сжать губы, чтобы не начать напевать себе под нос.

— А ты можешь хотя бы примерно объяснить, как у нее это получилось? — спрашивает декан.

— Нет, — выплевывает Бриана.

— Нет? — повторяет декан.

— Откуда мне знать? *Я* же не ведьма!

Декан закашливается. Отец Брианы тоже прочищает горло.

— Бриана, — негромко одергивает ее мать.

Хриплый голос ее пропитан алкоголем и «валиумом». И я понимаю, что она тоже не способна пойти дочери наперекор. Они оба ей потакают.

Но Бриана не обращает на нее внимания. Смотрит на меня болезненным и в то же время победным взглядом.

— Я не ведьма! — повторяет она, словно самое интересное еще впереди. — Спросите у ведьмы!

Вот теперь и декану стыдно за нее. Отец и вовсе сидит красный, как помидор. И только мать и Фов косятся на меня так, словно, может быть — ну а вдруг? — мне есть что скрывать.

С улыбкой обернувшись к декану, я вежливо

спрашиваю:

— Мне полагается ответить?

Учтиво, мягко. Я — сама рассудительность в платье с маками. «Серьезно? Вы ждете, что я буду отвечать? Видите теперь, что мне приходится терпеть?»

Задумчиво вперившись взглядом в пустоту, декан интересуется:

— Что конкретно ты имеешь в виду, когда говоришь «ведьма»?

— В каком смысле? — хмурится Бриана. — Ведьма есть ведьма. И она меня заколдовала. Это какая-то черная магия. Сатанизм. Я не знаю… Но она *наслала* на меня болезнь!

— Насколько я понимаю, колдовство — это не обязательно черная магия, так ведь? — спрашивает у собравшихся декан.

— Совершенно верно, а ведовство — ни разу не сатанизм, — подхватывает отец Брианы. — Это, как говорится, две большие разницы.

— Да-да, вот именно, — серьезно вторит ему декан.

— Да вы на ногу мою посмотрите! — визжит Бриана. — Я хромаю! Она взяла меня за запястье, и теперь я хромаю, как раньше хромала *она*.

— Давай все же проясним, — сдвигает брови

декан. — Так ты почувствовала сатанизм?

— ДА ОТКУДА МНЕ, БЛЯДЬ, ЗНАТЬ? Я знаю только, что она точно что-то со мной *сделала*. Потому что я это *почувствовала*. И она тоже это знает, скажешь, нет, СУКА?

— Бриана! — охает ее мать.

Та уже задыхается. И вся трясется от ярости. Хватается белыми ручонками за подлокотники, как будто боится рухнуть с кресла на пол. И выплевывает:

— Ее нужно УВОЛИТЬ!!! Бросить в ТЮРЬМУ! Ее… ее…

Тут силы оставляют ее. Она вся скукоживается и еще крепче вцепляется в кресло. Белые костяшки пальцев глядят в мою сторону, как маленькие печальные мечи.

— Бриана, хватит скандалить, — говорит ее отец.

— Ничего страшного, — спокойно произношу я. Сердце под ребрами бьется все так же медленно и ритмично. Голос ровен, как нетронутая гладь озера. Тело легкое, как перышко. Улыбка — сама безмятежность. — Я привыкла.

— Извинись! — приказывает отец.

Но Бриана не станет извиняться. По-детски упрямо сжимает дрожащие губы. И смотрит в

пол. А я разглядываю сальные свалявшиеся пряди на ее затылке. Сейчас она снова расплачется.

— Правда, все в порядке, — дружелюбно, великодушно заверяю я. Воплощенное понимание и прощение. И сочувствие, да-да! Я по-прежнему невозмутима. Спокойна, как озерная гладь в безветренный день. — Я прощаю Бриану. Она явно очень расстроена. Повышенная тревожность. Сильный стресс. Кто бы не сорвался?

Тревожность. Стресс. Я произнесла волшебные слова. Вот она, разгадка.

Бриана смотрит на меня, словно я — ее оживший ночной кошмар. Густой темный лес. Черное небо. Идущий по ее следу охотник. Тяжелый воздух и трясина под ногами, которые не дают ей от него убежать.

— Стресс! — радостно подхватывает декан. — Ну, конечно. *Стресс* — ужасная штука!

— Да, — немедленно соглашается отец Брианы. — Стресс. А ведь в самом деле, в последнее время у нее было столько стрессов.

— Она очень усердно трудилась, верно же, милая? — вторит ему мать Брианы. — У нее даже бессонница началась.

— ПОТОМУ ЧТО Я ЗАБОЛЕЛА! А раньше со мной все было в порядке! Раньше я никогда не болела!

— Как мы выяснили, она и сейчас не больна, — вдруг вставляет ее отец.

— Джим, — шипит мать.

Бриана оборачивается к нему, ошеломленная таким предательством. Так бы кинулась на него, своего собственного отца, и придушила. Придушила своими маленькими хрупкими ручками прямо у нас на глазах.

— Но это же правда? — бесстрастно продолжает ее отец. — Сколько врачей уже ее смотрело? Шесть?

— Семь, — поправляет мать, поглаживая Бриану по сальным волосам. Но та скидывает ее руку.

— Семь. — Отец оборачивается ко мне: — Ей сделали все анализы. И абсолютно все показатели оказались в норме. Она здорова, как лошадь.

— Такого никто не говорил! — возражает Бриана.

— Нам сказали, что, *возможно*, это какой-то вирус, — продолжает ее отец, обращаясь ко мне и декану. — Но подорвал иммунную систему именно стресс.

— А что тогда с моей ногой? — не сдается Бриана. — И со спиной?

Она умоляюще смотрит на отца, но тот неприступен, как каменная стена. И все так же говорит

исключительно со мной и деканом.

— Врачи утверждают, что спину она повредила из-за того, что долго лежала в постели. А нога заболела от того, что не в порядке спина.

— Так только *один* врач сказал! А он идиот! Он даже не стал меня *слушать*!

— Звучит разумно, разве нет? — убеждает отец, глядя на нас.

— Эффект домино! — радостно подхватывает декан. — Ну конечно! Я однажды лодыжку повредил. А потом у меня плечо заболело. А за плечом — голова. Типичный эффект домино.

Лежащий у меня на коленях мобильник вдруг начинает вибрировать. Опустив глаза, вижу сообщение от Хьюго.

«Боже ну и ночка

Никак из головы не идет

Господи ты просто огонь. отпад.

Заглянешь в мастерскую?»

Под мрачным взглядом Брианы я поскорее прячу телефон.

— Компенсаторика, — продолжает вещать декан. — Слабость порождает слабость. Плюс еще и стресс — вот и весь фокус.

— Да-да, согласен, — кивает отец Брианы. — Именно об этом мы ей и твердим.

— Не говорите обо мне так, как будто меня тут нет! Ненавижу, когда вы так делаете! Я здесь! В одной комнате с вами!

Голос Брианы дрожит. Она уже не злится, она в отчаянии. На бледном, залитом потом лице читаются жалость к себе и страх, неподдельный страх. «Да откройте же свои чертовы глаза, взгляните на меня! Я что, невидимая?»

Как часто я вот так же смотрела на врачей, хирургов, реабилитологов? А они продолжали говорить не со мной, а с сидевшим у меня за спиной Полом. И тот, слушая их, согласно кивал, а затем в растерянности переводил взгляд на меня. «Ты видел, видел? — спрашивала я в машине. — Он опять обращался только к тебе».

«Видел», — отвечал Пол.

«Я что, невидимая? Какого хрена вообще?»

«Миранда, я не знаю, — вздыхал он. — Успокойся, пожалуйста».

Потом мы расстались, я стала ходить по врачам одна, но они все равно не хотели на меня смотреть. Все свои вопросы и рекомендации обращали стулу в углу кабинета или массажному столу, или висевшей на стене диаграмме с человеком без кожи. Словно все эти предметы были куда разумнее, куда понятливее меня.

— Я здесь, — повторяет Бриана. — Перед вами.

— Конечно, ты здесь, — кивает декан.

— И нет у меня никакого стресса. Я больна! А болезнь на меня наслала ОНА.

— Милая, никто не утверждает, что ты притворяешься, — вступает ее мать. — Но помнишь то видео, которое нам показывали? Что боль живет в мозгу?

Бриана смотрит на мать так, словно сейчас ее ударит. Потом глаза ее снова наполняются слезами. И я вспоминаю, как глядел на меня Марк из «Спинального отделения». Мне показалось, что он понял меня, что наконец-то хоть кто-то меня понял. «Миранда, я бы хотел показать вам ролик. Мне кажется, он вам поможет. Думаю, для нас это станет отличным началом». И какой преданной я почувствовала себя позже, когда, ссутулившись над столом в своей квартире, увидела на экране мультфильм про антропоморфный мозг, печально ковыляющий по собственноручно созданному серому миру.

Интересно, где сейчас Марк? Пересматривает ли он этот мультик? И помогает ли он ему?

— Возможности мозга очень велики, помнишь, родная? — продолжает мать Брианы. — Порой мы расстраиваемся так сильно, что просто не даем

себе выздороветь.

— Да-да, вот именно, — хором отзываются декан и отец Брианы.

— Миранде такое должно быть понятно, — с улыбкой вставляет Фов, глядя на меня.

Вот ведь змея! Затаилась в траве и подползает все ближе и ближе.

— Она же страдала точно таким же недугом, как Бриана, да, Миранда? Я даже какое-то время беспокоилась, сможет ли она продолжать работать. Готова была, если что, ее подменить. Конечно, я не большая фанатка Шекспира, куда больше люблю мюзиклы — они ведь намного легче, доступнее и жизнерадостнее. Но ради студентов я на все готова.

Ползи, ползи. Ты ради своей жалкой карьеры — и жизни — на все готова, а не ради студентов.

— Как это благородно с твоей стороны, Фов, — отзываюсь я с улыбкой. Да-да, я все еще улыбаюсь, несмотря ни на что. — Как самоотверженно.

— Но теперь-то вы только посмотрите на Миранду. Она чудесным образом выздоровела. Всего месяц назад. Кстати, как раз после того, как заболела Бриана.

Ну наконец-то. Вот и ее скромный вклад в обвинение. Фов улыбается во весь рот. Балахон ее

победно трепещет. «Все так, все так. Я сложила два и два, Миранда. Несмотря на то что это невероятные два и два. Совершенно немыслимые». Впрочем, не такие уж немыслимые для той, кто, если верить Грейс, жжет шалфей в раковинах моллюсков, носит в лифчике кусочки аметиста, а вместо духов пользуется вудуистским маслом.

Фов готовится открыть свой серебристо-голубой блокнотик. И подкрепить Брианино — по общему признанию, слабое — обвинение доказательствами других моих прегрешений: хронических опозданий, злоупотреблений лекарственными препаратами, тирании, некомпетентности. Я смотрю на раскрытый блокнот. Фов уже заносит руку над страницей, исписанной ее плотным летящим почерком.

— Я считаю, мы уже отняли у профессора Фитч достаточно времени, — перебивает ее декан и переводит взгляд с блокнота на свои наручные часы. — Что конкретно вы хотите сказать, Фов?

Ту перекашивает от ярости. Она захлопывает блокнот. Награждает меня тяжелым взглядом, в котором читается: «Это только пока». А затем в глазах ее вспыхивает невинное любопытство.

— Просто предположила, что Миранда может что-нибудь посоветовать Бриане.

Все оборачиваются ко мне. И вдруг кое-что случается. Это уже происходило пару раз прошлой ночью, когда я шла домой, но я не обратила внимания, подумала, что меня просто накрывает эйфорией. Зато теперь я отчетливо чувствую, как отрываюсь от кресла и на полдюйма взмываю в воздух. Но это же невозможно! Это противоречит законам физики! Как минимум гравитации. Я вцепляюсь в подлокотники. И плюхаюсь обратно на сиденье. Все происшествие занимает не больше доли секунды. Интересно, кто-нибудь успел заметить?

Нет. Все по-прежнему смотрят на меня и ждут советов.

Я откашливаюсь.

— Что ж, я бы сказала, в первую очередь, нужно себя поберечь. Тревожность — штучка с характером. И проявляться может неожиданными способами. Самый опасный из которых — психосоматика. Если симпатическая система дает сбой, отладить ее — непростой фокус.

«Любите фокусы, мисс Фитч?»

— Можно попробовать дышать диафрагмой. Заняться медитацией, дать шанс акупунктуре. Еще я выяснила, что неплохо помогает ароматерапия. Биологическая обратная связь. Ну и, конечно, не

обойтись без лечебной физкультуры. Со мной она просто чудо сотворила. Я с радостью пришлю Бриане несколько видеороликов. И ссылки на кое-какие подкасты…

— Как мило с вашей стороны, — опасливо отзывается мать Брианы.

Та же смотрит на меня с мрачной безнадежностью.

— Не хочет она мне помогать. Она терпеть меня не может!

— Бриана, ты же знаешь, что это неправда, — щебечу я. — Я считаю, что ты чудесная девушка.

Декан и мать Брианы очень тронуты моими теплыми словами. Но сама Бриана трясет головой. «Нет. Нет, нет, нет».

— Она врет! Она даже против, чтобы я в пьесе играла! Сама вчера так сказала!

Я смотрю на нее с жалостью. Ах, несчастная обезумевшая девочка! Мне так искренне ее жаль. Бедняжка пережила ужасный стресс. И совершенно запуталась.

— Бриана, дело ведь не в том, чего хотим *мы*, — нарочно негромко и рассудительно произношу я, чтобы подчеркнуть, как безумно она голосит. — Мы просто беспокоились о твоем здоровье, и, заметь, вовсе не на пустом месте. Хотели дать

тебе возможность полностью оправиться. Не чудовища же мы, в конце концов, верно ведь?

Декан и отец Брианы согласно кивают. В моих словах есть здравый смысл.

— Но, конечно, мы очень рады были бы, если бы ты вернулась, — добавляю я.

— Но…

— Честно говоря, — я обвожу всех взглядом, давая понять, что много думала и приняла непростое, но взвешенное решение. — Лично я считаю, что ей обязательно нужно сыграть. Конечно, теперь уже не главную роль. Это ей сейчас не по силам. К тому же всем известно, что Елена Бриане все равно никогда не нравилась.

Бриана сверлит меня уничтожающим взглядом.

— Но, к счастью, у нас освободилась роль пожилого Короля. И я думаю, что Бриана отлично с ней справится. Да и, в конце концов, что за спектакль у нас получился бы без нее? Не знаю, захочет ли она снова со мной работать, учитывая ее чувства. Но я буду только рада, если она вернется. Даже счастлива!

Ошеломленная Бриана смотрит на меня с подозрением. Но абсолютно бесстрашно. И заявляет:

— Она врет.

Разумеется, вру. Как может быть иначе?

Я грустно улыбаюсь в ответ. Как это печально, что она видит все в таком черном свете, что подозревает меня в каких-то кознях. В то время, как я с улыбкой протягиваю ей руку помощи. Что ж, в ее состоянии это объяснимо.

И все же я вижу, что в глубине души она довольна моим предложением. Тусклые глаза вдруг заблестели. Правда? Я правда буду ей рада?

— Конечно, — добавляю я, — сами понимаете, это довольно рискованно. Учитывая ее состояние здоровья. Я просто хочу убедиться, что вы этот риск осознаете, и колледжу, в случае чего, не придется отвечать. Сцена очень выматывает. — Я перевожу взгляд на отца Брианы и декана, которые понимающе кивают. Надо же, какая я мудрая. — Но если ты готова пойти на риск, — улыбаюсь я Бриане, — то я с радостью дам тебе роль.

— Дорогая, тебе бы этого хотелось? Снова играть в спектакле? — спрашивает Бриану мать.

Кладет руку дочери на плечо, и та впервые за все время ее не стряхивает. Мать обменивается довольным взглядом с мистером Валентайном, губы которого, наконец, растягиваются в улыбке.

— Очень, очень великодушное предложение,

профессор, — одобрительно кивает мне декан.

Бриана оборачивается ко мне. Я жду, что она плюнет мне в лицо. Рявкнет: «Отвали, сука! Я к тебе и близко не подойду!»

Но она только опускает глаза и печально кивает. Потом тихо произносит:

— Да, мне бы хотелось, — и всхлипывает.

— Вот и прекрасно! — декан стучит костяшками пальцев по столу. На пальце, как и у Короля, поблескивает золотое кольцо. Он улыбается, глядя на кружащие в воздухе пылинки. — Значит, все улажено, так?

Бриана с родителями уходят. И я хочу выйти вслед за ними, но декан жестом просит меня подождать.

«Подождать? Но чего? Разве мы не во всем разобрались?»

— Так, Фов, а у вас что? — спрашивает декан.

Он уже не скрывает нетерпения. Открыто смотрит на часы. Даже показательно трясет запястьем. Ради всего святого, суббота на дворе! Он сейчас должен на лодке кататься, рассекать серые морские волны. Но Фов довольно улыбается.

— Есть еще кое-что, что мы, полагаю, должны обсудить, — заявляет она.

Достает из кармана полиэтиленовый паке-

тик. И с серьезным видом демонстрирует его нам. Внутри алеет что-то, похожее на шелковый шарф.

— Что это вы нам такое показываете? — спрашивает декан.

Фов не сводит глаз с меня.

— Может, Миранда нам объяснит?

Я смотрю на алый лоскут, и перед глазами у меня встает троица из бара. Вот такой алый, как роза, платок торчал у Непримечательного из кармана пиджака. Фов что, была вчера вечером в пабе? И видела нас? Мне хочется крикнуть ей: «Что тебе известно?»

— Что объяснить? — спрашиваю я.

Спокойная как никогда.

— Мне показалось, Миранда, что ты их искала?

Их? И тут я понимаю, что там у нее. Красные кружевные трусики. Мои трусики. Значит, она их нашла и спрятала в пакетик как вещдок?

— Это исподнее я нашла на сцене, — объявляет Фов.

Декан, вновь глянув на мои трусы, заливается краской. И поскорее опускает взгляд в стол.

Но Фов не унимается.

— Миранда, ты случайно не знаешь, чьи они?

Она-то уж наверняка знает. Я широко улыба-

юсь Фов.

— Понятия не имею. Наверное, какой-нибудь студентки. Мы же постоянно переодеваемся за кулисами, — объясняю я декану.

И он тут же кивает, продолжая таращиться в столешницу. Готов ухватиться за любое объяснение, только бы все это побыстрее закончилось.

— Ну вот, все понятно. Что ж…

— О нет, Миранда, я не думаю, что они принадлежат студентке, — улыбается Фов. — Разве студентки покупают белье в «Agent Provocateur»? Это очень дорогой магазин. Сомневаюсь, что наши студентки его знают.

Она оборачивается к декану за подтверждением, он же теперь пялится на трусики, как будто мечтает испепелить их взглядом. Или превратить в лодку и уплыть на ней прочь.

— Мне показалось, Миранда, я должна обратить на это твое внимание. Уверена, как сотрудник факультета, ты не хуже меня знаешь, что секс, — тут она делает паузу, чтобы подчеркнуть это ужасное слово — и мое ужасное преступление, — между сотрудниками кафедры или сотрудником кафедры и представителем техперсонала, — еще одна многозначительная пауза, — в стенах колледжа строжайше запрещен. А это, — зажав край паке-

тика между большим и указательным пальцем, она поднимает его повыше, — ясно доказывает, что в театре произошло незаконное соитие двух взрослых людей. В то время как театр также является территорией колледжа. И всем нам известно, что в последние дни вы с Хьюго проводили там очень много времени.

Она сладко улыбается. Пугает меня. Надеется, что я сломаюсь, что я сдамся. Но меня не сломить. Она просто завидует мне и Хьюго. Завидует каждой клеточкой своего тела.

— Фов, на что вы намекаете? — перебивает ее декан. — Хотите сказать, что *видели*… как профессор Фитч и мистер Гриффин… занимались чем-то… неподобающим?

Фов заливается краской. И тут до меня доходит. Черт возьми, она же и правда видела. Проскользнула в театр после своего идиотского урока музыки. Притаилась где-то за кулисами. И пялила свои тускло-голубые глаза на мою преступно выгибающуюся под звездным дождем голую спину. Но она ни за что в этом не признается! Декан уже весь багровый, его бесит и ее ханжество, и сам факт того, что его заставили обсуждать чьи-то трусы. Гребаная Новая Англия! Доказать что-то она сможет, только признавшись, что сидела за

кулисами, как чокнутая вуайеристка, и подглядывала за нами.

— Разве вы не видели, как они общаются друг с другом в холле? — шипит Фов. — Это же просто *неприлично*. Это…

— Я не рыскаю по институту, подглядывая за сотрудниками, — бросает декан. — Или за техперсоналом.

Наконец-то до Фов доходит, кем она себя выставила, размахивая пакетиком с моим нижним бельем.

— У вас все, Фов? Я считаю, что профессор Фитч вытерпела уже достаточно. Хватит с нее на сегодня.

Глава 23

Я стою в институтском туалете, ухватившись за раковину, и разглядываю свое отражение в треснувшем зеркале. Каждая клеточка в моем теле светится. Искрится здоровьем. Сердце, легкое, как воздушный шарик, рвется вверх, заставляя ступни отрываться от земли. Опять я взмываю в воздух. Прикусываю губы, чтобы они не растягивались в улыбку. Так сильно, что ощущаю вкус крови. И от этого живого тепла на языке прихожу в себя. Трое мужчин в зеркале тоже прикусывают губы, чтобы не усмехаться. «Значит, все улажено. Не так ли?» Губы наши кровят. Но это легко поправить, верно? Достаю помаду из сумочки в виде алого смеющегося рта. Снять колпачок удается не сразу. Ну да, у меня дрожат руки. Зато нас ни в чем не уличили. Не уличили же, правда?

Тут дверь со скрипом открывается. Прекрати улыбаться! Возьмись за помаду покрепче и начинай красить губы. Давай же! Вот она, твоя «Ржавая луна» от «Шанель». «Такой благородный цвет. Очень насыщенный, — убеждала меня леди за стойкой магазина. — И очень идет к вашим глазам и волосам».

В зеркале появляется Фов. Останавливается у соседней раковины. И принимается поправлять идиотское облако волос у себя на голове. Потом достает из матерчатой сумки тюбик блеска для губ.

— Ох, ну и встреча, да? — говорит она.

Теперь эта трусиха подлизывается. Делает вид, что нам просто выпало поприсутствовать на одном и том же представлении. И вовсе она не махала у меня перед носом моими же трусами. Теперь, кстати, алого шелкового лоскутка нигде не видать.

— Бедняжка Бриана, — не унимается Фов.

— Ага, — подыгрываю я. — Бедная, бедная Бриана.

— Ой, Миранда, я, кстати, все хотела спросить… А где Грейс?

И у меня в голове мгновенно вспыхивает воспоминание о вчерашнем вечере. Грейс, лежащая на боку в своей пенной постели. Уставившиеся на меня черные провалы глаз. Но я продолжаю красить губы. Намажу их поярче.

— Ох, к сожалению, Грейс не смогла сегодня прийти, — беззаботно отзываюсь я. — Она нездорова.

– *Что*? — Фов оборачивается ко мне, но я на нее

не смотрю. Продолжаю разглядывать в треснутом зеркале свой рот, свое лицо. И невозмутимо пожимаю плечами.

— Да, ужас-то какой, верно? Весна — опасное время.

— Надеюсь, это не та же болезнь, что у Брианы.

Фов прижимает руку к груди, увешанной псевдомагическими кулонами. Голубой глаз на серебряной ладошке. Перышко, скарабей и маленький бронзовый череп. А еще на шее у нее, разумеется, болтается изящная серебряная ручка. Побрякушки негромко позвякивают под пальцами.

— Нет ведь?

Расслышав в ее голосе нотку страха, я набираюсь смелости. Заглядываю Фов прямо в ее блестящие глаза, глядящие на меня так, будто я какой-то… монстр? И улыбаюсь свеженакрашенными губами.

— Кто его знает. Лучше поберечься. Мало ли, вдруг тут у нас бродит какой-то вирус?

— Наверное, нужно бы ее навестить, — задумчиво бормочет Фов. — Раз она слегла.

— Грейс не хочет, чтобы ее беспокоили, — поспешно вставляю я. — Сама просила всем передать. Ей сейчас отдохнуть нужно. А не гостей

принимать.

— Что ж, тем не менее, может быть, я все же нанесу ей визит.

Нанесет ей визит. Мы что, в викторианские времена живем? Или в шестидесятые? Бога ради, Фов!

Она испытующе смотрит на меня.

— Конечно, нанеси, — отвечаю я. — Вперед. Можешь даже супу ей завезти. Хотя я бы на твоем месте поостереглась. Говорю же, вдруг это какой-то вирус… Ах, да, а трусики носи на здоровье. Должна сказать, они производят фурор. Впрочем, ты наверняка в курсе.

Фов, поспешно развернувшись, топает прочь, шаркая своими шлепками. Исполненная нравственного превосходства, распространяющая вокруг себя запахи шалфея и предательства.

Стоит ей выйти за дверь, как я тут же достаю телефон и пишу Грейс:

«Привет! Нам тебя сегодня не хватало. Все хорошо?»

На экране появляется слово «печатает…» Сердце у меня замирает. А потом оно вдруг исчезает. И больше ничего не происходит.

«Тебе что-нибудь нужно???» — снова пишу я.

И жду. Ничего. На этот раз даже «печатает…»

нет.

Ладно. Ладно, тогда я просто ей позвоню. Растянув губы в улыбку, я слушаю длинные гудки. Готовлюсь сказать: «Грейс, ты как? Тебе сегодня получше? Господи, ну и ночка, верно? Просто безумие какое-то. Вечно нам с тобой крышу срывает в это время года».

Ответа нет. «Ящик голосовой почты Грейс Пайнс переполнен». Как же твердо голос Грейс выговаривает ее имя. Никаких тебе глупостей, никаких ужимок. В ее собственных устах оно похоже на глубоко вросший в землю корень.

Не паникуй! Чего ты паникуешь? Разве ты сделала что-то плохое? Вовсе нет. Это она обращалась с тобой, как с преступницей. Смешно просто! Так шарахалась от тебя, что даже на землю шлепнулась. А ты просто протянула ей руку помощи. Отвезла домой. Уложила в постель. Вообще-то ей бы стоило сказать тебе спасибо.

Может, она просто отдыхает? У всех рано или поздно силы кончаются, и Грейс не исключение. Может, ей забота и ласка нужна? Тогда нужно ее поддержать. Показать, что я рядом. Что мне не все равно.

Скачиваю на телефон приложение для доставки продуктов. В корзине уже полно товаров

— остались с прошлого раза, когда я собиралась сделать заказ. Помнится, я тогда лежала на полу после бесполезного сеанса акупунктуры. И в итоге даже не смогла оформить заказ до конца. Теперь же я удаляю из аккаунта свой адрес и вписываю адрес Грейс. А потом закидываю в корзину новые товары. Стараюсь прихватить все, что Грейс любит. Курица-гриль. Картофельное пюре. Рыбные палочки. Хлопья для завтрака. Зеленые яблоки. Она обожает все хрустящее. Еще я складываю в корзину все виды цитрусовых. А потом докидываю кое-какие забавные штучки, которые Грейс сама себе ни за что не купит. Я и сама их себе не покупаю. Батончик темного шоколада с кусочками фруктов и перцем. Сушеные ягоды асаи. Масло грецкого ореха. Немного благовоний. Распылитель для СПА-процедур. Масло шалфея и лаванды. Соляную лампу.

Я оплачиваю срочную доставку. И оставляю курьеру щедрые чаевые.

Потом начинаю гуглить ближайшие цветочные магазины. И звоню в тот, чье название нравится мне больше всего.

— Здравствуйте! Мне бы хотелось послать знакомой цветы… Какой повод? Да никакого. Просто по дружбе. С каких это пор нужен особый повод,

чтобы послать другу букет, верно ведь? Ха-ха-ха… Чего бы мне хотелось? О, просто красивую композицию из весенних цветов. Что-нибудь воодушевляющее. Тонизирующее. Тюльпаны. Фрезии. Всех оттенков, пожалуйста. Красные, белые, в общем, все, какие у вас есть. Ах, да, и гипсофилы. А еще живые растения. Есть у вас такие? Кактусы, например?.. Отлично, значит, пусть будет кактус. И еще папоротник. А шарики с улыбающимися рожицами вы продаете?.. Да-да, те самые, которые «Выздоравливай!». Их тоже, пожалуйста. Сколько? Все, все, что у вас есть… Что написать в карточке? Не нужно карточки. Она и так поймет, от кого это. Ха-ха… Доставите в понедельник?.. Да, пойдет. Спасибо огромное!

Потом я звоню в винный магазин и прошу послать Грейс упаковку пива. Ее любимый сорт. Тот, что отдает мылом. Тот, которым она вечно пыталась напоить меня, вертя перед носом бутылкой. «Миранда, ну давай, блин, попробуй. Кто знает, вдруг оно тебя вылечит? Вдруг поможет?»

Но ведь мне ничего не помогает, так, Грейс?

Не удержавшись, я добавляю к заказу бутылку розового шампанского. Veuve Clicquot. Veuve по-французски значит «вдова». Мы с Грейс каждый год выпивали по такой после последнего в се-

зоне скверного спектакля. «Боже, просто восторг, правда?» — каждый раз спрашивала я, разлив шампанское по бумажным стаканчикам.

«Не пиво, конечно, но сойдет», — всегда соглашалась она.

Видишь, Грейс? Бывали и у нас с тобой хорошие времена.

Трубку я вешаю счастливая. Цветы. Шарики. Выпивка. Продукты. Она поймет, что мне не все равно. Вспомнит, как давно мы дружим. Что вместе мы прошли огонь и воду.

Даю отбой и замечаю, что мне пришло несколько сообщений. Сразу думаю: «Грейс!» Слава богу, слава богу!

Но, приглядевшись, понимаю, что это не она.

Одно сообщение от Хьюго:

«Хочу тебя увидеть. Я сейчас в кампусе, доделываю кое-что. Зайдешь?»

А другое — от Пола:

«Миранда, у тебя все нормально? Ты что-то давно не звонила. Я волнуюсь».

Удивительно, чего это он вдруг объявился? Пол почти никогда сам не звонит и не пишет. Тут я вспоминаю, как обрывала ему телефон в свои темные дни. А ведь это было совсем недавно. До того, как началось «Все хорошо».

Бывшему мужу я пишу: *«Все хорошо ».*
А Хьюго: *«Уже иду».*

Глава 24

Весь день, ночь и следующий день мы с Хьюго трахаемся в его полуподвальной квартирке. Трахаемся, пока не отрубаемся. Вернее, засыпает только Хьюго. А мне сон почти не нужен. Я лежу в его темной задымленной спальне с открытыми глазами. Сегодня они уже не закроются. Сегодня? Может, уже наступило завтра? Наверное, да. По освещению понять невозможно. Окно у него очень маленькое и расположено прямо под потолком. Симпатичный подвальчик. И Хьюго очень здорово его обустроил. «Приукрасил», — как сказала бы моя мать. Все здесь белое и блестящее, совсем не такое, как я себе представляла. В темноте поблескивает полированная мебель. И во всем чувствуется рука женщины, впрочем, это, наверное, рука Хьюго. Тут и там разбросаны плетеные коврики, чтобы не так холодно было ступать по полу. Кругом свечи и растения, которым не требуется много солнца. Книжек и дисков тоже куда больше, чем я могла бы предположить. На стене — плакат с фотографией одетого в черное Джонни Кэша. Сам дом принадлежит вдове, которая живет в квартире

этажом выше. Миссис Ли. Вместо платы за жилье Хьюго снабжает ее травкой, ухаживает за садом и выполняет кое-какие работы по дому. Ее собственный бесплатный мастер на все руки. Хьюго же очень ей за все благодарен.

Сам мне сказал: «Она помогла мне снова встать на ноги. Прямо не знаю, что бы я делал без миссис Ли. Я в большом долгу перед ней».

«Похоже, она прекрасный человек», — отозвалась я, заранее зная, что мы с его квартирной хозяйкой станем врагами.

И была права. Миссис Ли с первого взгляда меня невзлюбила. С той минуты, когда мы, не в силах оторваться друг от друга, вошли во двор ее дома. Все лицо у меня было в помаде, размазавшейся во время наших с Хьюго жарких поцелуев в его грузовичке, на щеках засохли дорожки туши, волосы спутались. Я сразу заметила на крыльце скрюченную фигурку, вверх от которой поднималась струйка сигаретного дыма. Рядом с миссис Ли сидела огромная собака. Вся белая, она как будто светилась в темноте. «Миранда, это Эстер и Тюльпан», — представил нас Хьюго. Я догадалась, что Тюльпан — это собака. Она зарычала на меня. А миссис Ли вообще никак не отреагировала.

«Здравствуйте», — приветливо поздоровалась

я. Может быть, даже слишком приветливо. И собака тут же залаяла.

Тогда хозяйка поднялась и увела ее в дом, демонстративно хлопнув дверью.

«Не обращай внимания, — сказал Хьюго. — Ей в жизни досталось».

«О, все в порядке», — заверила я.

А потом, когда мы трахались, нарочно орала во все горло. Чтобы миссис Ли было слышно.

Теперь собака носится наверху, а я лежу и смотрю, как меняется проникающий в окно свет: из синего становится розовым, потом персиковым, потом алым, а затем снова синим. Глаза по-прежнему никак не желают закрываться. Но это ничего, я замечательно отдохнула. Интересно, удалось ли так же хорошо отдохнуть Грейс в ее пенно-розовой спальне, рядом с посапывающей на подушке ящерицей? Надеюсь, что да.

Смотрю на лежащего рядом со мной Хьюго. Зажмуренные веки трепещут, глазные яблоки движутся во сне, рот приоткрыт. Для этого мира он мертв, зато в том, другом, бодрствует и действует. Пшеничные волосы блестят в рассветных лучах. Или не рассветных, а закатных? На лицо падает густая тень. Как же он похож на Пола в этой розовой дымке. Да и в голубой тоже. И в

той, что ее сменяет. Знаю, это просто фокус. Игра света. Это он гоняет по комнате — и по лицу Хьюго — тени. Он заставляет поверить, что я вернулась в свой старый дом. В свою красную постель. Обнимаю лежащего рядом со мной Пола и, уткнувшись ему в шею, вдыхаю его медовый аромат. Я никогда не падала со сцены. Никогда от него не уходила. Скоро он проснется, и нас ждет долгий ленивый день. Ведь у нас немало их было, верно, Золотая рыбка? Утренний секс, голландские блинчики — фирменное блюдо Пола. Потом мы свернемся на диване в освещенной солнцем гостиной, каждый со своей книжкой. Может быть, позже он поиграет на пианино, а я поработаю в саду, который никогда не запускала. Или порепетирую, потому что у меня снова есть работа: я играю в спектакле. Я Клеопатра или леди Анна, а может, опять Елена. Пол мне поможет, будет читать за Антония, Ричарда или Бертрама.

«Мне только в радость, — скажет он. — Я это обожаю. Как и тебя». Снова секс, на этот раз на диване. Его губы на моей шее, мои руки в его волосах. А после мы поедем на побережье, мы ведь так это любим. Может, прогуляемся по Поющему пляжу. Тому, что в Манчестере-у-моря, помнишь? Он так похож на Шотландские Поющие Пески.

Мы даже называли его нашей личной Шотландией. Пол не станет нестись вперед, а я не буду хромать позади. Мне не придется просить его — подожди, пожалуйста, ради бога, подожди, давай присядем на лавку и отдохнем секунду. И после не придется сидеть на скамейке, из последних сил сдерживая слезы, а он не будет стоять надо мной, тщетно стараясь скрыть нетерпение. Нет, мы пойдем по берегу вместе, как делали множество раз. И он, как раньше, будет держать меня за руку. А потом мы отправимся ужинать в Марблхед, в наш любимый суши-бар. «Умираю с голоду, а ты?» О, да, я тоже.

«Закажем все, что есть в меню, — предложит Пол. — Идет?»

Улыбнется. И сожмет мою руку. Он весь день ее не выпускал.

«Ой, с удовольствием, — отвечу я. — Давай! Отлично, отлично!»

— Что отлично? — спрашивает он.

И черты его вдруг приходят в движение, меняются, образуя совсем другое лицо. Меня больше не омывает золотистый свет иной жизни, я все еще в темном подвале. И рядом со мной лежит проснувшийся Хьюго. Похожий в голубоватой — утренней или вечерней? — дымке только на

самого себя. Но смотрит он на меня встревоженно. Может, даже слегка испуганно. Неужели я все-таки задремала?

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Да-да, все хорошо. А что?

— Просто с тобой во сне случился какой-то припадок.

— Серьезно? — смеюсь я. — А я даже не заметила, что уснула.

— Ты кричала, — продолжает он. — Все время выкрикивала какое-то слово.

— Слово? — В ушах колотится сердце. — Какое слово?

Он медленно качает головой.

— Я так и не понял. Мне даже показалось, что это какой-то иностранный язык. Но ты повторяла его снова и снова.

— Ох. Наверное, это просто мандраж перед премьерой, — отвечаю я. — Мне в это время года всегда снятся очень странные тревожные сны. Всегда-всегда-всегда. Это в том случае, если вообще удается уснуть. — Я улыбаюсь.

Но Хьюго все еще хмурится. И гладит меня рукой по волосам.

— Ты уверена, что все в порядке? Прошлой ночью мы слегка…

— Что?

— Даже не знаю. То есть, конечно, мне понравилось, но…

— Но?

— Да так, ничего. Не бери в голову. Я ужасно проголодался, а ты?

— Умираю с голоду, — отвечаю я.

— Может, я свожу тебя куда-нибудь? — предлагает Хьюго. — Классно же будет по-настоящему вместе поужинать? Устроить свидание? Пока нас окончательно не засосала эта предпремьерная кутерьма. Сможем поговорить. Узнать друг друга поближе.

— Поужинать. Поговорить, — повторяю я. — Конечно, почему бы и нет? Давай поговорим!

— Отлично. Тогда выбирай место, — предлагает он.

— Ладно. Выберу. С большим удовольствием.

* * *

— Далековато мы забрались ради суши, — замечает Хьюго, когда мы, наконец, оказываемся на месте.

— Я подумала, что лучше будет съесть что-нибудь легкое. Поздно уже. А что, ты не любишь суши?

— Люблю, конечно. Просто Марблхед так далеко. Должно быть, ты очень любишь это заведение.

— Ой, нет, я всего пару раз здесь была, — лгу я. — Но мне запомнилось, что было здорово.

Мы с Полом заходим в ресторан. То есть с Хьюго, мы с Хьюго. Он держит меня за руку. От нас до сих пор пахнет его подвальными цветами и курящимися благовониями. А еще сексом, которым мы занимались в клубах ароматного дыма. На крахмальном белом постельном белье с узором из алых лепестков, похожих на крошечные язычки. Я извивалась на нем, комкала в пальцах край простыни и кричала: «О, Пол! Пол! Трахни меня!»

«Что ты сказала?» — спросил Хьюго и включил свет.

«Ничего, ничего».

Теперь он берет меня за руку. Пол никогда так не делал. А может, и делал, в самом начале. Давным-давно. Сколько же лет прошло с тех пор? Боже, я не помню. Живи сегодняшним днем, будь здесь и сейчас, с Хьюго. Ресторанчик такой милый, правда же? И тут ничего не изменилось с прошлого раза. Все те же тяжелые кадки с бамбуком. Те же женщины на картинах в черных

рамках. Та же приметная менеджер в летящем черном одеянии. Нежные губы, легкая россыпь веснушек. Узнает ли она меня? Трудно сказать, я ведь так изменилась. В последний раз она видела меня жалкой хромоногой каргой. Теперь же я вся свечусь от счастья, от долгого секса в темном подвале. Менеджер молча ведет нас к столику. И столики здесь все те же — маленькие, черные, блестящие, как зеркала. И на каждом — все та же ваза с узким горлышком, из которой торчит орхидея, яркая, полная жизни орхидея, так жестоко в прошлый раз издевавшаяся над моим унылым, овеянным смертью обликом. В тот раз он сидел напротив меня с видом приговоренного. Его жизнь была клеткой, а мое скрюченное тело, мои одурманенные таблетками глаза — прутьями решетки. Но сегодня все иначе.

Сегодня он смотрит так, будто никогда мной не насытится. Будто я — вино, которое он хочет выпить до последней капли. Больше я не завидую орхидее, теперь я сама цвету. Пол не смотрел так на меня с самых первых дней нашего знакомства. Но это — новое начало, не забывай. Новый старт с человеком, который только похож на Пола в определенном свете. Да не в одном, откровенно говоря. В свете театральных софитов — им такие

фокусы под силу. В свете лучей, проникающих в подвальное окошко, — но это тоже не считается, оно слишком маленькое. И, будем честны, в приглушенном свете ламп суши-бара, в котором мы сейчас сидим. Но он не Пол, пока он был в душе, я заглянула в его водительские права и еще раз в этом убедилась. Я даже погуглила, что за преступления он совершил. И оказалось, что все немного серьезней, чем я предполагала. Я-то думала, его арестовали за хранение и распространение марихуаны, например. Или кокаина — мало ли, ошибки юности. И, да, дело действительно было связано с наркотиками, но оказалось, что помимо этого Хьюго совершил нападение. С отягчающими. Угрожал кому-то оружием. Ножом, наверное. Я вообразила, как он сжимает его в руке. Потом нашла в интернете фото из его дела. Омытое мрачным тусклым светом юное лицо, темные круги под вовсе не зелеными, а серыми и мутными глазами. Светлые волосы сальными прядями свешиваются на лицо — прямо как у Брианы сейчас.

Это просто неудачное стечение обстоятельств, убеждала я себя. Может, он защищался. А может, тот человек сам напросился, никогда ведь не знаешь. Мне хотелось заверить Хьюго, что я пойму

его, что бы он ни совершил. Я в курсе, что в жизни всякое бывает. И его фото из участка меня вовсе не напугало. Наоборот, он, Хьюго, даже стал мне как-то ближе. Ведь на том снимке он был совсем не похож на Пола.

«Все в порядке?» — спросил он, когда, овеянный клубами пара, вышел из ванной. А я поскорее захлопнула ноутбук. И задержалась взглядом на его зачесанных назад мокрых волосах.

Что мне оставалось делать, кроме как трахнуться с ним снова?

Свешивающийся с потолка светильник освещает Хьюго, как прожектор. И свет этот что-то странное творит с его волосами, глазами и подбородком. Он сейчас правда очень похож на…

— В чем дело? Что-то не так? — спрашивает Хьюго.

— Ничего. А что?

— Просто ты опять странно на меня смотришь.

— Правда?

— Ага. Как будто призрака увидела.

— Да нет, дело в освещении, — объясняю я. — Ты мне в нем кое-кого напоминаешь.

Хьюго сначала хмурится, потом улыбается.

— Надеюсь, кого-то хорошего?

— Да, — говорю я. — Очень, очень хорошего.

Он снова улыбается мне из-за края меню. Ох уж этот его шрам на губе. У Пола такого не было, но во всем остальном они так невероятно похожи. Одежда тоже портит дело. Пол не надел бы футболку с Motorhead или клетчатую фланелевую рубашку. Но во всем остальном… Хьюго тянется ко мне через стол и берет меня за руку. Мне только и пришлось развернуть ее ладонью вверх, и он сразу понял намек.

— Что будешь есть? — спрашивает Пол.

— Угря, как всегда, — отвечаю я. — А ты, конечно, возьмешь ролл «Солнечный».

— Да? — смеется он. — Как ты догадалась? Я вообще-то еще даже в меню не заглядывал.

— Потому что он самый лучший. И я знаю твои вкусы.

— Мне стоит тебе довериться? — вскидывает брови он.

— Еще как стоит.

— Ладно, — соглашается он и говорит подошедшему официанту: — Ролл «Солнечный». И «Саппоро», пожалуйста.

— Здесь очень неплохое холодное сакэ, — замечаю я, сжимая его руку.

— Ладно. Тогда сакэ.

Я заказываю то же, что и всегда.

Официант уходит, и я поднимаю глаза на Хьюго. Идеален. Просто идеален, не считая одежды.

— Ты получил рубашки, которые я тебе послала? — спрашиваю я.

— Рубашки? А, да. Рубашки. Угу, получил.

— Мне просто было так стыдно за то, что твою я испортила, — объясняю я.

— Ой, да ничего страшного. Подумаешь, несколько пуговиц потерялось. Ее еще вполне можно носить, — заверяет он.

— Ну, эти новые на кнопках. Так что можно не волноваться…

— Ага, они классные. Просто немного не в моем стиле, Миранда. Не пойми неправильно, они мне очень нравятся, но сейчас я фанат такой одежды. — Он тычет в свою клетчатую рубашку и футболку под ней. — Самый удобный вариант для моей нынешней работы. А в тех модных рубашках я бы шевельнуться боялся, понимаешь?

— Ну так они и не для работы. А для свиданий. Со мной.

— И все же… Не знаю… Просто это не мое.

— Оу, извини.

— Не извиняйся. Пожалуйста. Это было так заботливо с твоей стороны. В любом случае, большое спасибо.

Приносят еду, и Хьюго меняет тему разговора. Теперь мы обсуждаем спектакль. Он спрашивает, как проходят репетиции, а я отвечаю, что все хорошо. Тогда он начинает рассказывать, как продвигается дело с декорациями, говорит, что с новым бюджетом может воплотить в жизнь все свои задумки — и все это благодаря мне. К прогонам уже все готово — и свет, и звук. Мы в отличной форме.

Потом мы кормим друг друга копченым угрем. Как же вкусно!

— Боже, до чего же приятно снова здесь оказаться, правда? — спрашиваю я.

— Так ведь я тут впервые, ты что, забыла?

— Ах, да, конечно.

Я то и дело кошусь на свое отражение в гладкой, как зеркало, столешнице и улыбаюсь. И вдруг Хьюго спрашивает:

— Слушай, поговаривают, Бриана вчера учудила что-то странное. Это правда?

Кусок угря, который я держала в палочках, шлепается на тарелку. Но я тут же подбираю его. И растерянно смотрю на Хьюго, который теперь только Хьюго, и никто больше.

— Учудила? А что конкретно ты слышал?

Так и вижу, как после моего испытания огнем

Фов заявляется в мастерскую, хватает его за плечо и жарким шепотом рассказывает о случившемся ему в ухо. Разумеется, забыв упомянуть, что сама пыталась его подставить.

— Только то, что Бриана с родителями приходила к декану, и у вас была… встреча?

Я с улыбкой пожимаю плечами.

— Да все прошло нормально. Просто она обвинила меня в том, что я наслала на нее болезнь.

Тут я сую в рот кусок угря и принимаюсь его жевать.

– *Что?*

— Да-да, можешь себе представить? — Я качаю головой и закатываю глаза.

— И что конкретно, по ее словам, ты сделала?

— Ой, там на любой вкус. Колдовство. Черная магия. Сатанизм. — Произнеся последнее слово, я, не удержавшись, принимаюсь оглушительно хохотать.

Но Хьюго не смеется, а смотрит на меня как-то странно.

— Да брось, смешно же, — говорю я.

— По-моему, это совсем не смешно, Миранда. По-моему, это хрень какая-та.

— Ну да, конечно. А еще это очень грустно. Откровенно говоря, мне было ее жаль. Ситуация-то

нелепейшая. Мы в каком веке живем вообще? — качаю головой я.

— Точно. — Он тоже качает головой, но по-прежнему не сводит с меня странного взгляда. — Просто не понимаю, как ей в голову пришло тебя в этом обвинить.

Я пожимаю плечами.

— Видимо, цепляется за соломинку. Отчаянно пытается найти причину своей болезни. Проще ведь обвинить кого-то другого, чем себя.

— Мне так жаль, — тихо говорит он.

— Да все нормально. Побуду злодейкой, ничего страшного. К тому же в итоге мы все уладили. Но сам факт, что декан аж встречу из-за такого созвал!.. Что ее жалобу официально рассмотрели… — Я качаю головой. — Похоже, пуританство в Новой Англии по-прежнему живет и здравствует. Ой, прости, я помню, что ты местный. Из Мэна, да? Не пойми меня неправильно, я сама из этих мест, но…

— Миранда, я не из Мэна.

— Правда?

— Я из Орегона. Из Юджина. Уже несколько раз тебе говорил.

— Ах, да, конечно. Тогда, полагаю, тебя подобные пуританские штучки изумляют еще больше?

Ой, погоди-ка, ты так и не притронулся к своему роллу.

Однако Хьюго лишь смотрит на меня, смотрит очень серьезно.

— Миранда, мне кажется, мы должны поговорить о прошлой ночи.

— О прошлой ночи? Но ведь все было чудесно, разве нет?

Он отхлебывает холодное сакэ. Морщится.

— Да, чудесно. Просто… Тебе не кажется, что это было как-то слишком уж бурно.

— Бурно? В каком смысле?

— Ну, ты постоянно приговаривала «сильнее», — тихо говорит он. — Просила ударить тебя, и все такое.

Вот теперь он ни на кого не похож. Только на смущенного застенчивого мальчишку.

— Это же для остроты ощущений, — улыбаюсь я. — Мне хотелось полнее все прочувствовать. Вот и все.

— А еще ты постоянно закрывала глаза. И отворачивалась от меня. Не хотела на меня смотреть.

Сам он зато глаз с меня не сводит. И, как я теперь понимаю, взгляд у него обиженный.

— Но мне так проще. Проще сконцентрироваться на своих ощущениях.

— А потом ты расплакалась.

— Это от счастья. Мне что, запрещено быть счастливой?

— Нет, вот только… Слушай, мне все время казалось, что ты не со мной. Что ты как будто где-то не здесь. И хочешь кого-то другого. Хочешь, чтобы я был кем-то другим.

— Что? Да брось, глупости, — убеждаю я. — Полнейшая чепуха.

— Может, и чепуха. Но так уж мне показалось.

— Я не нарочно. Кем, по-твоему, мне бы хотелось тебя видеть?

Определенно, он вспоминает, как я назвала его Полом. Но решится ли об этом заговорить? Нет, не решится.

— Слушай, Хьюго, я с первого взгляда на тебя запала. — «В те дни, когда сам ты даже и не подозревал о моем существовании», — добавляю я про себя. — На тебя, и ни на кого больше. Понимаешь? Правда!

— Да, но утром…

— Что утром?

— Я проснулся от криков. Сначала подумал, что это с улицы, что на кого-то напали. Может, на миссис Ли или на кого-то еще. — Очень стараюсь не скорчить сердитую гримасу при упоминании

миссис Ли. — Но оказалось, что это ты. Лежишь рядом со мной и орешь. Спишь, но глаза у тебя при этом широко раскрыты. И ты постоянно что-то выкрикиваешь.

Вид у него испуганный.

А я вспоминаю, что накануне заметила у него на комоде фигурку Девы Марии.

«Не знала, что ты религиозен», — удивилась я тогда.

«А я и не религиозен. Просто стащил ее из тюремной библиотеки. Глупо, конечно, но почему-то она меня успокаивала. Вот я ее и сохранил. Это своего рода талисман».

— Мы это уже обсуждали, я все тебе объяснила. У меня нервы ни к черту перед премьерой, — убеждаю я. — И в это время года мне всегда снятся очень странные тревожные сны. Сам знаешь, как это бывает.

Он кивает. Разумеется, знает.

— Мне сразу тюрьма вспомнилась. Там многих мучили кошмары. И люди вокруг постоянно кричали во сне. Уверена, что ничего не хочешь мне рассказать?

— Со мной все в порядке. Правда-правда.

— Я просто надеюсь, что ты счастлива со мной. Что я — тот, кто тебе нужен. Потому что ты, Ми-

ранда, именно та, кто нужен мне. Именно та.

— Шутишь, что ли? *Конечно*, я с тобой счастлива. Так счастлива, что у меня от постоянной улыбки губы болят. Честное слово! Хоть у студентов моих спроси. Грейс в последнее время вообще видеть меня не может.

Он улыбается. И расслабляется.

— Кстати, как она? Я что-то вчера не видел ее в кампусе. Мы договаривались обсудить кое-какие изменения в декорациях, но она так и не появилась.

— Ой, к несчастью, она приболела. Должно быть, схватила тот же вирус, что и Бриана.

— Да ты что? — качает головой Хьюго. — Боже, эти болезни никого не щадят, верно?

— Точно.

— Господи, надеюсь, хоть я-то ничего не подцепил.

— Ты? Нет, конечно. Тебе это не грозит. Обещаю.

Глава 25

Еду от Хьюго в колледж и по дороге решаю притормозить возле дома Грейс. Разумеется, я не собираюсь ее беспокоить. Не звоню в звонок, не стучу в дверь, ничего такого. Просто сижу в машине на противоположной стороне улицы и смотрю на ее зашторенные окна. Я всего лишь хочу убедиться, что ей доставят букет и шарики «Выздоравливай!». И все остальные мои подарки тоже. Через лобовое стекло вижу приближающегося к ее дому посыльного. В руках у него охапка выбранных мною цветов — тюльпаны, ирисы, фрезии — ну разве весенние цветы не самое прекрасное, что есть на свете? — и кактус, кактус, конечно. Затаив дыхание, смотрю, как он носом нажимает кнопку звонка. Меня слегка потряхивает. Она вот-вот откроет. Наверняка в своем любимом сером шелковом кимоно в цветах сакуры. Это я его ей купила. Подарила, как сейчас хочу подарить цветы и все остальное. Оно — точная копия моего кимоно, которым она так восхищалась, однажды заметив его висящим на двери в спальню. Даже шелковый рукав погладила.

И уныло протянула: «Какая красота!»

Я улыбаюсь, вспоминая, как Грейс выудила мой подарок из вороха розовой папиросной бумаги, в которую я его упаковала. Поднесла к свету. И вспыхнула, разглядев, что за шелковое чудо ей неожиданно досталось.

«Что ты, Миранда, не стоило», — сказала она и тут же его надела. А теперь носит, практически не снимая, верно, Грейс? Постоянно ходит в нем дома.

Уверена, оно и сейчас будет на ней, когда она распахнет дверь. И да, наверное, вид у нее окажется немного бледный, усталый, но в целом совершенно здоровый, как всегда. Это будет прежняя, так хорошо знакомая мне Грейс. Признаю, мне не терпится увидеть ее лицо. Как она сначала нахмурится, может, даже растеряется — «Что все это значит?» А потом сообразит, откуда взялись яркие цветы и улыбчивые шарики, и страшно обрадуется. Улыбнется. И головой покачает. «Ну, Миранда!»

Посыльный снова и снова звонит в звонок.

Что ж, наверное, она сейчас медленно ходит. Мне ли не понимать. Курьер складывает цветы и шарики на крыльцо и принимается барабанить в дверь. Ничего. Стучит снова. И снова ничего. Окна у Грейс темные, занавески плотно задернуты.

Я совершенно не беспокоюсь. С улыбкой смотрю из-за руля на колотящего в дверь посыльного. Наконец, он в последний раз нажимает кнопку звонка, а потом просто оставляет все на крыльце и уходит.

Я провожаю глазами грузовик, в котором он уезжает.

Наверное, она спит. Я и забыла, что Грейс из пушки не разбудишь. Она просто берет и выключается. Сама всегда, щелкнув пальцами, приговаривала: «Как лампочка». Я ей даже завидую. У меня-то сейчас ни минуты покоя, премьера на носу. Но все нормально. Давно пора было поменяться ролями. И Грейс не помешает как следует отдохнуть. Вот проснется, а мои подарки уже ждут ее на крыльце.

Отдыхай, Грейс, а я пока займусь спектаклем. И кстати о нем, не пора ли мне в театр?

* * *

Прогоны идут своим чередом. Меня совсем засосала подготовка к премьере. Я потеряла счет времени. Работаю сутками напролет. Менеджера сцены по-прежнему нет, а значит, мне приходится быть в пяти местах одновременно. И мне это удается. Целыми днями я ношусь, едва касаясь

ногами земли. Я здесь, я там. Здесь — там, там — здесь. То в левом краю сцены, то в правом. То в светорегуляторной будке. То за занавесом, то перед занавесом. Смотрю на своих актеров, скрестив руки на груди, а мои ступни так и норовят оторваться от пола. Занимает это не более секунды, и, к счастью, никто ничего не замечает. Я, словно дирижер, управляю одновременно всеми составляющими спектакля. Разбираюсь со светом, со звуком, забегаю в костюмерную, чтобы, зажав в зубах подушечку для булавок, наскоро прихватить разошедшийся шов на костюме. Ползаю вокруг сцены на четвереньках, находя самые блестящие решения. Вплотную приближаюсь к актерам, заглядываю им в глаза. Кладу руки им на плечи, легко вздрагивающие от моих прикосновений. И негромко шепчу ободряющие слова прямо в их увешанные сережками или поросшие пушком уши. Они слушают, кивают, выполняют то, что велено. Они — отлично настроенные инструменты, а я на них играю.

«Честное слово, ты похожа на дирижера», — сказала бы Грейс, если бы была здесь.

А я и есть дирижер, правда же, Грейс? Дирижер и режиссер в одном.

— Профессор, с кем вы разговариваете?

— Я? Ни с кем. Давайте сначала, пожалуйста.

— Профессор Фитч, — увещевают студенты. — Уже час ночи.

— Профессор, по-моему, уже светает.

— Профессор, у нас первая пара через десять минут.

— Пробежимся по тексту еще раз, никто не против? — не слушаю я.

Короче говоря, Грейс, у нас все хорошо. Все хорошо. Ха-ха.

Ну ладно, Грейс, не все. Не совсем все.

Есть две загвоздки. Ты бы, конечно, сказала, что это ерунда. И, ясное дело, мы с ними справимся. Первая — это вернувшаяся Бриана. Каждый день она молча, эффектно появляется в театре, опираясь на руку одной из своих прихвостней или Тревора. А еще мне кажется, они с Тревором снова вместе. Точно не знаю, сложно сказать наверняка. Бриана постоянно таскает с собой бутылку Элли и неспешно демонстративно пьет из нее. Элли так и не решилась попросить ее вернуть. Просто каждый раз смотрит на Бриану, как будто увидела призрака. Она и правда похожа на призрака, Грейс. Бледная, как смерть. И всегда прерывисто дышит ртом.

— Бриана, тебе что-нибудь принести? — каж-

дый раз приветливо спрашиваю я.

— Нет, — шепчет она.

А потом садится на край сцены с таким видом, будто вот-вот потеряет сознание. Но при этом не перестает глазами прожигать во мне дыру, пока я провожу для других энергичную разминку.

— Давайте-ка сегодня как следует встряхнемся, договорились? Бриана, хочешь к нам присоединиться? Или просто посидишь? Решай сама, — всякий раз заявляю я. — По самочувствию.

Бриана не отвечает, просто корчится в уголке, смотрит на меня сквозь завесу ненависти и боли, дышит приоткрытым ртом, а сальные пряди, которые она больше не дает себе труда вымыть или хотя бы расчесать, свешиваются ей на лицо. Руки безжизненно висят вдоль тела, ладонями вверх.

— Наверное, лучше будет, если ты просто посидишь и посмотришь на нас, — решаю я.

И она смотрит, слишком одурманенная лекарствами, чтобы скрыть горе и гнев при виде наших изгибающихся перед ней тел.

— Потянитесь как следует, вот так, вот так. Волшебное чувство, правда?

Каждую репетицию я жду, что она укажет на меня пальцем и заорет. Но ничего не происходит. Никаких больше разговоров о ведьмах. Никаких

обвиняющих жестов.

Во время второго прогона кто-то спрашивает:

— А где Грейс?

Я пожимаю плечами. И говорю, что, наверное, приболела.

— Ох, нет, неужели у нас тут бродит какой-то вирус, — вздыхает Элли.

А я отвечаю:

— Точно, Элли. Должно быть, вирус.

И жду, что Бриана вмешается в разговор. Обвинит меня. Но она молчит. Тихонько сидит в углу и часто дышит.

Во время репетиций она спокойно разучивает мизансцены. Покладисто кивает в ответ на все указания, которые, на самом-то деле, ей практически не нужны. Я и мечтать не могла, что у нас получится такой великолепный недужный Король. Измученный, отчаявшийся. Явно утративший надежду. Как царственно ковыляет она по сцене, как замечательно сорванно дышит, как прелестно страдальчески кривится ее лицо. Все в ней говорит: «Однажды я была на вершине. А теперь, поглядите-ка. От меня осталась одна шелуха».

Это великолепно! И так правдоподобно. Браво!

В чем же проблема? Да в том, что во втором

акте Король, с помощью Елены, чудесным образом выздоравливает. И до самого конца пьесы Его Величество просто пышет здоровьем. Но как Бриане сыграть сцену, в которой исцелившийся Король в восторге пускается с Еленой в пляс по залам дворца?

Во время третьего прогона я решаю, что нам нужно раз и навсегда прояснить этот вопрос.

— Король Франции, — говорю я Бриане, — тебя только что вылечили, помнишь? Это чудо! Ты выздоровела. Так покажи нам, как тебе теперь хорошо.

Я ободряюще улыбаюсь. Бриана же только сильнее горбится, утонув в своем царском одеянии. Одной рукой, как в трость, вцепившись в скипетр. Другой — как в живой костыль — в плечо Элли.

И смотрит на меня взглядом, в котором читается: «Да как вы смеете! Как смеете произносить в моем присутствии слово «хорошо»?» Но вот лицо ее жалобно морщится, и она произносит:

— Не могу.

— Попробуй, — мягко настаиваю я.

А она вздрагивает, как от удара. Качает головой и, кажется, вот-вот зарыдает от жалости к себе.

— Представь, — убеждаю я, взбираясь на сцену

и направляясь к ее дрожащей фигурке, — что ты наконец-то снова стала собой. — И негромко добавляю: — Кто этот человек, которому теперь так легко двигаться? Который внезапно снова может наклоняться? Стоять, не опираясь ни на трость, ни на костыль? Который вдруг словно воспаряет в воздух? И больше не боится лестниц и стульев?

Она смотрит на меня и съеживается. Все остальные студенты уже спустились со сцены в зал. Все, кроме Элли, которая так и стоит рядом с Брианой, согнувшись под тяжестью ее руки. Я подхожу ближе.

— Всего лишь минуту назад тебе было очень, очень тяжело. Ты долгие годы жила в тяжком безнадежном мире. Руки и ноги были неподъемными. Сердце изнывало от собственной тяжести. Мозг туманили лекарства. Тебе досаждали некомпетентные врачи. И реабилитологи с садистскими замашками. В скольких белых кабинетах ты побывала? Сколько докторов, глядя на тебя, качали головами? Люди обходили тебя стороной. Считали симулянткой. Боялись заразиться. Утверждали, что твое присутствие угнетает. Твои слезы давно им наскучили. Грусть и страхи приелись. Ты всем надоела. Вот она, твоя жизнь. Длинный извилистый серый коридор,

уводящий тебя все ниже и ниже. Ты бы все отдала, чтобы вернуться. Вернуться к себе прежней. И что же? К тебе внезапно приходит незнакомка, в руках которой заключена волшебная сила. Им известна твоя боль. Они знают, что она такое. — Я улыбаюсь. — Что же с вами теперь, Ваше Величество? Вас переполняет небывалая легкость. Хочется плакать, но какие тут слезы, когда с губ не сходит улыбка? Вы бы с радостью поплакали, но ничего не получается. Теперь вы постоянно улыбаетесь. Смеетесь без причины.

Я и сама смеюсь, чтобы показать Бриане, что от нее требуется. Заливаюсь хохотом и никак не могу остановиться.

— Вы свободны, — сквозь смех продолжаю я. — И свобода кружит вам голову. Опьяняет. Улицы города внезапно наполнились волшебными запахами. А глаза ваши могут, не щурясь, смотреть прямо на солнце. Вам так легко, что вы буквально парите над землей. Хочется бегать, хочется танцевать!

Бриана смотрит на меня так, будто я горю прямо у нее перед носом. Вся такая легкая, гибкая и смеющаяся. Как такое возможно? Этого же не может быть!

— Нет, — качает головой она.

— Да.

– *Я не могу.*

— Боюсь, Ваше Величество, в пьесе сказано, что вы можете. «Лафе: Да ведь он может хоть коранту с ней танцевать!»

— Кстати, а что такое коранта? — спрашивает Элли.

— Элли, мы ведь это уже обсуждали. Это такой танец. С беготней и прыжками.

– *С прыжками*? — восклицает Тревор из угла. — А Грейс говорила, он медленный и плавный…

Видишь, Грейс, как они по тебе скучают?

— Что ж, Грейс тут нет, кажется? Мы с ней вполне можем кое-что по-разному интерпретировать, верно ведь? Как по мне, Шекспир подразумевал, что Король танцует энергичный танец. Так его радость будет куда заметнее, чем если он будет плавно скользить. Так что придется тебе немного попрыгать. Вот как я. Это очень весело. Видишь?

Бриана молча смотрит, как я скачу. И другие студенты тоже. Да, должна признать, я как-то забылась. Но ведь это такой важный момент. Такой радостный! Справедливость, наконец, восторжествовала. Какой свежий кругом воздух! Какая невозможная легкость после изматываю-

щей тяжести! На глаза слезы наворачиваются, а с губ рвется смех. О да, Марк был прав, движение — жизнь, оно — царь всего сущего. Вот почему наш Король должен танцевать.

— А сплясав одна, ты должна пройтись в танце с Еленой! — продолжаю я, кивая на Элли.

Беру ее за руку и отвожу в сторону от Брианы, которая, лишившись своего костыля, тут же клонится набок. Мы с Элли танцуем, а Бриана и другие студенты смотрят, не в силах оторвать от нас глаз. Мы кружимся, кружимся, все быстрее и быстрее. Кружимся, взявшись за руки, как в детстве, помнишь эту игру? Хватаешь другого и кружишься с ним на месте. Все быстрее и быстрее. А смех с губ так и рвется. Ох, как это весело, ты просто не поверишь. Нам весь французский двор должен аплодировать. Так пусть же хлопают в ладоши, пусть каждый хлопает! Мы кружимся все быстрее и быстрее…

— Профессор Фитч, — шепчет Элли. — Простите, боюсь, меня сейчас стошнит.

Я отпускаю Элли. Она, пошатываясь, пятится и едва не падает. Но в последнюю минуту ей все же удается поймать равновесие. Аплодисменты стихают. Теперь все студенты смотрят на меня, а я, нисколько не шатаясь, твердо стою посреди

сцены. У меня даже дыхание не сбилось. Я улыбаюсь Ее Величеству Королю, она же смотрит на меня измученным взглядом.

— Видишь, Бриана, — говорю я. — Король должен показать зрителю, как ему теперь хорошо. Вот что нам нужно. Наглядно продемонстрировать, что он выздоровел. Только увидев, как ты пляшешь от облегчения, зритель поймет, как сильно ты страдала.

Я оборачиваюсь к Элли, которая сидит на сцене. Вокруг нее складками раскинулась алая юбка.

— Элли, ты должна научиться приземляться на лапы, как кошка.

— Да, профессор.

— Вам обеим стоит это освоить.

— Профессор, — говорит она, — у вас кровь.

— Да?

Она указывает на мою ногу. И я вдруг замечаю, что и другие студенты таращатся на нее в ужасе. О боже! На голени ссадина. Такая глубокая, откуда только она взялась? Должно быть, я так носилась всю последнюю неделю, что даже не заметила, как поранилась. Я разглядываю похожий на улыбку порез на ноге, из которого сочится яркая алая кровь. И улыбаюсь, а он смеется мне в ответ. Мы с ним радостно скалимся друг дру-

гу. Потому что я ничего не чувствую. Ни зуда, ни жжения, ни боли. Тут я вспоминаю, что на меня смотрят студенты. И поскорее морщусь. А потом, извинившись, ухожу в туалет и пытаюсь смыть кровь. Задрав ногу на раковину, поближе к свету, разглядываю рану в зеркале. Кровь и правда очень яркая, алая. По ноге и рукам бегут тонкие струйки. В голове у меня возникает слово «Ай!» «Ай-ай-ай», верно ведь, так положено вскрикивать? «Ай!» — говорю я, глядя на свою ногу. Но я лгу, Грейс. Мне совершенно не больно. Заметив, как глубок порез, я только улыбаюсь. И алая кровь вызывает у меня одну лишь усмешку. «Ну же, испугайся!» — командую я себе. Но сердце все так же ровно бьется под ребрами, внутри у меня ясное лазурное небо. Я смотрю в зеркало. И вижу женщину в белом платье с красными маками. От крови на руках ее губы, по-прежнему растянутые в безмятежную улыбку, кажутся еще свежее и ярче.

* * *

Я обещаю себе, что зайду к тебе вечером, Грейс. Загляну сразу после репетиции убедиться, что все в порядке. Но вместо этого ноги сами несут меня за кулисы, в маленькую комнатушку, где вскоре

мы с Хьюго трахаемся. Поначалу он противится:

— Миранда, думаю, лучше не стоит. Нет, серьезно. Не здесь.

Но, в конце концов, сдается. Он просто не может мне противостоять. Как бы ни сопротивлялся, все равно тает в моих руках, как воск, даже когда я зову его продолжить на сцене.

— Давай лучше поедем ко мне.

Но я не хочу возвращаться в этот унылый дом, где на меня подозрительно пялились вдова и ее светящаяся в темноте собака.

— Нет, я хочу здесь, — настаиваю я. Здесь, под театральным звездным небом. — Давай останемся здесь, под этим небом, под этим светом.

Так я говорю Хьюго, которого продолжаю называть Золотой рыбкой. Хьюго, который с каждым разом, включая свет и переспрашивая: «Золотая рыбка?», становится все больше и больше похож на Пола. Которому я приказываю укусить меня за плечо, гадая, почувствую ли я боль. Когда же я ее почувствую? Когда зубы прорвут кожу? Нет. Когда они вопьются в кость? Наверное, тоже нет. В любом случае, Хьюго оставляет на мне лишь едва заметные отметины.

— Я же говорил, мне не хочется делать тебе больно, — увещевает меня он.

А я смеюсь. Подумать только, он решил, что может сделать мне больно! Что мне вообще хоть что-то может причинить боль!

Его явно беспокоит рана на моей ноге. Наверное, со стороны она и в самом деле может казаться опасной. Порез стал шире и темнее. Хьюго предлагает обработать чем-нибудь ссадину. И я позволяю ему наложить мне повязку в мастерской. Наблюдаю, как старательно он заматывает бинтом мою лодыжку.

За спиной у него, на верстаке, стоит макет декораций для «Макбета». Только трех пластиковых ведьм больше нет, потому что как-то вечером после репетиции я стащила их и закопала во дворе. Опустилась на колени на влажном газоне. Голыми руками выкопала в земле ямку. Глубокую-глубокую. На самом деле, совсем не обязательно было копать так глубоко. Мне просто нравилось разрывать пальцами землю. И вот теперь от макета осталась только шелуха. Пустая черная коробка. Нарисованное темное небо с серебристыми прожилками. Низко нависшая над землей луна из красной бумаги. Мир «Макбета», из которого он всю пьесу не может выбраться. «Черная пьеса, мисс Фитч». Ничего похожего на радуги и звезды Елены.

— Почему ты его не выбросишь? — спрашиваю я.

Хьюго изумленно смотрит на меня. «Что за вопрос?»

— Потому что его можно будет снова использовать. Нарисовать поверх другие декорации. Я стараюсь по возможности беречь вещи.

Говоря все это, он не улыбается. Потому что бинтует мне ногу. Пытается сберечь меня.

— По-моему, его нужно сжечь, — заявляю я.

— А по-моему, тебе нужно наложить швы, — парирует он.

* * *

Вторая наша загвоздка — это Элли. Не пойми меня неправильно, Грейс. Она прекрасна, прямо блистает на сцене. Играет даже талантливее, чем раньше, вероятно, потому что Тревор ее бросил. Снова переключился на другую — вот уж истинный Бертрам. Каждый день они с Брианой вместе приходят в театр и вместе уходят после репетиции. Он идет медленно, чтобы она за ним поспевала. А она тяжело виснет на его руке, опираясь на нее, как на костыль. Тревор волочит ее на себе, как воспитанный англичанин на деревенских танцах, вынужденный пригласить на тур

вальса дебютантку. На Элли он смотреть не осмеливается, как и Бриана, все еще таскающая на репетиции ее бутылку для воды. Зато я замечаю, как смотрит на них Элли, и всей кожей ощущаю ее боль. Глаза у нее всегда красные. Лицо бледное и изможденное. Какая же она тоненькая в своем алом платье и плаще в тон — костюм, который мы вместе выбрали для сцены, где Елена восстает из мертвых. «Хочу, чтобы зрители мгновенно поняли, как она хороша, — объясняла я художнику по костюмам, руководителю костюмерного цеха. — Хочу, чтобы она сияла, как солнце».

«А Грейс сказала, вид у нее должен быть несчастный».

Тут, Грейс, я снова улыбнулась, вспоминая, сколько раз мы с тобой спорили, не сходились во мнениях по поводу образа Елены. Как же мне в то мгновение тебя не хватало. Правда! Но, разумеется, тебе сейчас нужен отдых.

«Что ж, Грейс тут нет, не так ли? К тому же мы с ней еще раз обсудили этот момент и приняли другое решение». Я подумала, Грейс, что в данном случае лучше будет солгать студентам, чем обрушить на них грязную правду. Уверена, ты бы меня поняла.

К счастью, теперь у нас полное согласие. Вид

у Елены должен быть ослепительный. И внушительный.

Когда Елена — то есть Элли — впервые примерила это платье, у меня дух захватило. А у меня в последнее время никогда его не захватывает. Знаешь, Грейс, если бы ты ее увидела, у тебя бы тоже перехватило дыхание.

«О, Елена, — ахнула я. — Какая ты красивая!»

А Елена глянула на себя в зеркало и расплакалась. Наверное, преображение слишком сильно ее потрясло. Да и как иначе? Она ведь так долго жила в тени. Но потом она все рыдала и рыдала. Как по мне, слишком уж горько. Мне даже захотелось приказать ей успокоиться.

Конечно, все эти эмоции только помогут Элли точнее сыграть свою роль. Какая же чудная из нее получилась Елена! Веришь ли, Грейс, когда она произносит со сцены: «Все хорошо, что хорошо кончается, — наперекор судьбе», меня бросает в дрожь. Я так ей и говорю постоянно: «Элли, меня от тебя в дрожь бросает».

Так в чем же проблема, Грейс? В том, что все это ее выматывает. Она постоянно убегает в туалет, вероятно, чтобы выплакаться. Осекается на полуслове и озирается, как потерянная.

Во время последнего прогона я подсказываю

Элли ее реплику, но она не повторяет за мной. Наоборот, смотрит так, будто я несу абракадабру.

— Элли, тебе снова подсказать?

А она все молча глядит, как будто не понимает, кто я такая.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

Тут она меняется в лице. И негромко спрашивает:

— Миранда, могу я с вами поговорить?

Поверишь ли, я сразу понимаю, о чем пойдет речь. Сколько же раз я оттаскивала их от края за все эти годы? Сколько слез вытерла с их щек? Сколько раз твердила им, задыхающимся: «Дыши, просто дыши, моя дорогая (или дорогой)». Смотрела, как вздымаются их хрупкие грудные клетки. А потом добавляла: «Ну вот. Теперь говори». И они рассказывали. Поверяли мне свои депрессии, приступы тревоги, неудачи, жаловались на травящих их однокурсников, на не способных понять родителей, оплакивали умерших бабушек и собак. Запинались, опускали глаза в пол, затем снова поднимали. Набирали в грудь побольше воздуха. Выстирать. Прополоскать. Повторить. И каждый раз кончалось все это одинаково: «Мисс Фитч, сомневаюсь, что после всего этого я смогу играть. Смогу выйти на сцену».

От их рассказов у меня теснило в груди, сердце стучало, как в барабан, накатывала паника. И позвоночник гнулся, как ветка. А внутри вспыхивала алая паутина. Что ж тут удивительного, Грейс, что я столько лет подволакивала омертвелую ногу?

И вот я смотрю на Элли. Которая, кажется, вот-вот упадет в обморок. Руки опущены по швам, пальцы судорожно сжимаются. Тревога, страдание. Смотрится идеально. Жаль, что она никак не может произнести свою реплику: «Все хорошо, что хорошо кончается, — наперекор судьбе».

— Сейчас твоя реплика, Елена, — подгоняю я. — Говори же!

Но Элли, взметая пыль алым подолом, убегает со сцены.

— Ладно, ребята, — объявляю я. — Перерыв пять минут.

И вылетаю в холл. Элли сидит на полу, привалившись к кирпичной стене. Прижав колени к груди. И закрыв лицо руками. Наверное, рыдает. В другое время я бы присела на корточки и спросила: «Что случилось? Чем я могу тебе помочь?» Но сейчас эти слова никак не идут с языка, хоть мне и хочется их произнести.

Нет, я просто стою и смотрю на нее, с несчаст-

ным видом скорчившуюся на полу.

Заметив, что на нее упала моя тень, она поднимает глаза. И, наконец, выговаривает, всхлипывая:

— Миранда, простите меня.

«Все нормально, Элли. Не переживай», — должна бы сказать я. Но я молчу. Губы мои сомкнуты и растянуты в улыбку. И мое молчание помогает ей взять себя в руки.

Она резко перестает плакать. И качает головой.

— Простите, профессор. Но я не уверена, что смогу это сделать.

— Что сделать? — спрашиваю я.

И с удивлением понимаю, что голос у меня ледяной, нетерпеливый и угрожающий. Элли дергается, как будто я ее ударила. Потом опускает взгляд в колени. И снова скорбно мотает головой.

— Это я виновата. Во всем.

— В чем виновата? Не понимаю.

— Я не должна играть в спектакле.

Я опускаюсь перед ней на корточки. И за подбородок приподнимаю ее лицо. Вид у Элли такой, как будто ее били. Бесцветные глаза распухли. Из носа на растрескавшиеся губы стекают сопли.

— Пожалуйста, Миранда, не заставляйте меня играть Елену. Это слишком!

— Элли, что за ерунда? Разумеется, ты будешь играть Елену. Ты и есть Елена!

— Не знаю, получится ли у меня.

Протянув руку, я провожу пальцем по ее щеке. Она не вздрагивает. Только прикрывает глаза. Вот чего она хотела. Больше всего на свете. Чтобы я ее утешила. Чтобы поняла. По щекам снова бегут слезы. Да уж, полагаю, любить этого идиота невыносимо больно!

— Элли, боль для актера иногда оказывается даром. С ее помощью нам удается глубже прочувствовать нашего персонажа, сыграть точнее. Боль делает нас лучше. Именно благодаря ей ты стала такой замечательной Еленой.

— Просто я ужасно себя чувствую. Из-за того, что отобрала эту роль у Брианы, — шепчет она.

О боже, так дело в этом? Глупость какая, слушать скучно! Но я изображаю сочувствие.

— Элли, ты не отбирала у нее роль. Это абсурд. Она *заболела*. Людям свойственно болеть.

Элли грустно смеется.

— Правда? — качает головой она. — Ну, не знаю.

— О чем ты, Элли?

Взглянув на меня очень серьезно, она шепчет:

— Мисс Фитч, я хотела, чтобы случилось что-то подобное.

— К чему ты клонишь?

Уткнувшись взглядом в колени, она снова качает головой.

— Я просто так отчаянно мечтала заполучить эту роль.

Тут она разражается рыданиями. И я представляю себе, как Элли лежит в своей общажной клетушке — где стены наверняка выкрашены в черный или фиолетовый. Вокруг расставлены алые восковые свечи, из подведенных глаз текут слезы. Она лежит и мечтает, чтобы Бриана заболела.

— Элли, хотеть чего-то — не преступление.

— А что, если хочешь чего-то ужасного?

— Да, иногда мы хотим ужасных вещей. Но как мы можем их не хотеть, если иначе нам не получить то, что мы заслужили по праву? И да, временами нам удается достучаться до небес. Нас слышат, и наши мечты сбываются. Но должны ли мы считать себя в этом виноватыми? Конечно, не должны, с чего бы? С чего бы, когда мы это заслужили, когда, возможно — всего лишь возможно — это торжество справедливости? — улыбаюсь

я. — К тому же все ведь уладилось. Бриана вернулась.

— Но она ужасно выглядит.

— Чудесно она выглядит. И, как актриса, стала куда лучше, чем раньше. Можно сказать, судьба сделала ей подарок. — Я снова пытаюсь подбодрить Элли улыбкой, но вид у нее по-прежнему несчастный.

— Миранда, ей становится хуже.

— Не становится ей хуже! Она просто вжилась в роль.

— Но я…

— Элли, послушай меня: это нелепый разговор. Ты — Елена. И будешь играть Елену. Ты этого хотела, и вот свершилось чудо — ты получила роль. Премьера уже завтра, ты не можешь сейчас отступить, поняла меня? Слишком поздно. Поздно мучиться чувством вины, поздно плакать. Как твой режиссер, как учитель, как друг — а мне, Элли, хочется верить, что я тебе друг, — я не позволю, чтобы чувство вины помешало тебе получить то, что ты заслужила. Не позволю, чтобы оно так тебя мучило. Люди заболевают, выздоравливают, а мы не имеем к этому никакого отношения. Это просто колесо фортуны, Элли. Колесо, которое постоянно крутится. Посмотри на меня.

Она поднимает глаза. И окидывает меня долгим взглядом. Подмечает и то, как я сияю. И переполняющую меня легкость, благодаря которой мои ступни едва не отрываются от земли. И то, что из меня даже сейчас так и брызжет смех. И губы, норовящие растянуться в улыбку, несмотря на то, что я понимаю, как все это серьезно. Я просто ничего не могу с собой поделать. Я слишком счастлива. До последней капельки крови, до последней косточки, каждая клеточка в моем теле поет.

Элли сует руку в карман и достает пакетик, набитый крупной розовой солью вперемешку с колючими веточками. Еще в нем виднеются разноцветные засушенные цветы. Нас тут же окутывает едкий хвойный запах.

— На этой неделе я внесла в рецепт кое-какие изменения, — серьезно сообщает она.

И сует пакетик мне в руки. Какой он тяжелый! Это, наверное, от пахучих эфирных масел и трав, которые она тайно выращивает в каком-то тенистом укромном уголке кампуса. Я послушно кладу его в карман платья и улыбаюсь.

— Спасибо, Элли. Спасибо тебе большое.

* * *

Итак, две загвоздки. Всего две загвоздки, Грейс. А в целом? В целом у нас все отлично. Вот и еще одна замечательная репетиция позади, верно ведь?

Тут я вспоминаю, что Грейс здесь нет. Я снова в театре одна. Студенты уже растворились в предрассветном сумраке, а я стою на сцене. В том уголке, где обычно ждет Грейс с огромной кружкой кофе в одной руке и запретной сигаретой в другой, сейчас пусто, только кружится в воздухе пыль. Я вспоминаю, как оставила ее в спальне, лежащей на боку, с открытым ртом и глядящей на меня черными провалами глаз. А потом напоминаю себе, что на крыльце ее ждут прекрасные цветы и смеющиеся шарики. И улыбаюсь. Она ведь наверняка уже все это забрала? Просто не успела поблагодарить меня. Не успела ответить на сообщение, которое я прислала ей несколько дней назад — эмодзи в виде тюльпана, воздушного шарика, подмигивающий смайл и вопросительный знак. Наверное, бережет энергию, чтобы побыстрее поправиться. А мои подарки ей в этом помогут. Спорить готова, они очень ее порадовали.

Я снова отправляю Грейс смайл и два вопросительных знака. И вовсе не впадаю в панику, не получив ответа. Ничто не хлопает черными крыльями за моей грудной клеткой. Сердце бьется размеренно. Я бы даже сказала, что в груди у меня легко и просторно, как в поле. Вот что, напишу-ка Грейс еще раз. Нет, лучше позвоню. Когда болеешь, куда приятнее слышать знакомый голос, чем вчитываться в буквы, верно ведь? Помнишь, как это было у тебя, когда тебе нездоровилось? Нет, почти не помню. И все же я отчего-то не набираю ее номер, а снова оформляю на ее адрес доставку. На этот раз сваливаю в корзину все самое полезное. Вишню Ренье. Питахайю. Имбирь. Несколько сырых стейков, где много железа. Бузинную воду. Утром позвоню в цветочный магазин и попрошу их снова прислать ей шариков. И еще один кактус, пожалуйста. А в винном опять закажу шампанское.

«*Надеюсь, тебе хорошо отдыхается*, — пишу я в сообщении. — *У меня тут все под контролем* ☒».

У меня все под контролем, Грейс. Правда!

— Миранда, с кем ты разговариваешь?

Поднимаю глаза от телефона. Пол. Стоит в дверях зала. Одет он как-то непривычно. И волосы сильно отросли. А глаза отчего-то глядят на меня

с испугом.

— Ой, Золотая рыбка, ты что тут делаешь? Пришел спектакль посмотреть? Так еще рано. Премьера только завтра.

— Миранда, с тобой все в порядке?

Хьюго. Это всего лишь Хьюго со стаканом кофе в руке. В клетчатой фланелевой рубашке и черной футболке с Black Sabbath. А еще на нем потертая байкерская куртка с заклепками.

— Все хорошо, — говорю я. — Просто день был долгий. Зрение фокусничает.

— Тебе бы домой пойти. Выспаться перед завтрашней премьерой. То есть уже сегодняшней, — поправляется он, покосившись на экран телефона.

— Нет, мне нельзя уходить. К несчастью, Грейс прийти не смогла, так что я должна быть здесь.

— Миранда, тебе нужно поспать.

— Ничего подобного, это Грейс нужно поспать. А мне вообще ничего не нужно. Все хорошо, все идет прекрасно.

— У тебя снова кровь, — замечает он.

— Правда?

Хьюго подходит ближе и опускается на колени. Смотрит на мою ногу, рана на которой и в самом деле снова кровоточит. Нежно проводит

по ссадине пальцем. Так нежно, что я невольно зажмуриваюсь. Столько внимания — и из-за чего? Маленького пореза? Который даже не болит? В этой нежности можно утонуть, задохнуться во всех этих участливых взглядах, ласковых словах и осторожных прикосновениях. Где же все это было раньше? Где была эта нежность, когда я так в ней нуждалась? Когда лежала на полу, мечтая, чтобы кто-то вот так ко мне прикоснулся, чтобы чей-то голос сказал мне хоть что-нибудь ласковое? Нигде. Тогда его лицо было, как плотно закрытая дверь. И в сердце, сжатое, как кулак, никак было не проникнуть. Его руки просто висели вдоль тела, а глаза смотрели на меня, всхлипывавшую, как на некстати разыгравшееся ненастье. Которое нужно просто терпеливо переждать.

— Больно? — спрашивает Хьюго, прикасаясь к моей ноге так осторожно, словно я какое-то хрупкое израненное создание.

— Нет, — качаю головой я. — Ни капельки.

И погружаю пальцы в густые светлые волосы у него на затылке. Как славно они золотятся на свету.

— Подумаешь, капля крови, Пол. Такая фигня, ей-богу, — улыбаюсь я.

И тут же чувствую, как напряглась под моими

пальцами его шея. Хьюго меняется в лице, ни следа нежности в нем не остается. Стряхнув мою руку, он встает и направляется прочь.

— Ты куда? — спрашиваю я.

— Работать, — бросает он через плечо.

— Подожди! Объясни, что случилось?

Он останавливается, оборачивается и качает головой.

— Я просто не понимаю.

— Чего не понимаешь?

— Не понимаю, почему ты ничего не чувствуешь.

— Чего я не чувствую?

Он пристально смотрит на меня. «Ты отлично знаешь, о чем я. Об этом. О том, что происходит между нами». Но вместо этого произносит:

— Боли от пореза.

Он хмуро смотрит на мою ногу. Даже губы надувает. И я, не справившись с собой, разражаюсь хохотом. Но Хьюго не смеется. Смотрит на меня убийственно серьезно. Почти обиженно.

— Боже, да что ты так прицепился к этой ссадине? — спрашиваю я. — Или, может, ты *хочешь*, чтобы мне было больно? В этом дело?

— Нет, *не хочу*, я просто не понимаю, почему тебе не больно.

— Да подумаешь, какой-то дурацкий порез.

— Миранда, это открытая *рана*.

— У всех людей разный порог чувствительности, — пожимаю плечами я. — Все относительно.

И улыбаюсь, чтобы подчеркнуть последнее слово. Но он продолжает мрачно разглядывать скалящуюся с моей голени ссадину.

— Ты что-то принимаешь, в этом дело?

Как все серьезно!

— Что? Нет! Нет-нет-нет, — качаю головой я.

— Значит, у тебя то заболевание, при котором люди не чувствуют боли? Я видел такой сюжет в передаче «60 минут».

— Серьезно?

Он кивает. И глядит на меня с такой искренней надеждой. Отчаянно хочет, чтобы я кивнула — да, все так. Ты угадал. У меня то заболевание, о котором рассказывали в телепрограмме. Вот почему я всегда такая здоровая, счастливая и несгибаемая. Хьюго хочется, чтобы не сходящая с моих губ улыбка оказалась моим проклятием.

— Значит, ты действительно хочешь, чтобы мне было больно? Хочешь, чтобы я мучилась? Тебе не кажется, что это слегка диковато?

— Я не хочу, чтоб ты мучилась. Но если в определенной ситуации полагается испытывать боль,

то да, я хочу, чтобы в такой момент тебе было больно. Потому что ты человек.

Протянув руку, он проводит пальцами по моей щеке. Охренеть, как нежно. И нежность эта твердит: «Давай же, сломайся ради меня. Обещаю, я с радостью соберу тебя по кусочкам».

— Когда ты напал на тех людей, ты тоже хотел, чтобы им было больно, так ведь? — говорю я. — Хотел, чтобы они мучились?

В зале повисает тишина. Хьюго, помрачнев, опускает руку. На его лице всполохом мелькает яростная гримаса, позволяя представить, каким он был раньше. И да, в это краткое мгновение он похож на человека, способного взять в руки нож. И ткнуть им в пульсирующее горло. Так и вижу, как его пальцы сжимают чью-то шею. А глаза вглядываются в постепенно синеющее лицо. Без малейшего раскаяния. Вот какие глаза смотрят на меня сейчас. А потом он отводит взгляд.

Говорит:

— Да, верно. — И мотает головой, словно надеясь вытрясти из нее воспоминания. — Но я тогда был другим человеком. И жизнь у меня была совсем иная. Могу тебя заверить, в итоге я пережил такой ад, который им и не снился.

Хьюго стоит передо мной, покаянно опустив

глаза в пол. А я представляю себе его жизнь в тюрьме. Очищение Шекспиром, дешевенькая Дева Мария, украденная из библиотеки. Несчастный, исполненный раскаяния Хьюго стоит перед ней на коленях в оранжевой робе и шепотом поверяет свои жалкие грешки ее пластмассовому ушку. Вот оно, искупление — кажется ему. Вот оно, прощение. Под пристальным взглядом ее лишенных век глаз он читает у себя в камере Шекспира. И открывает для себя мир настоящих чудовищ. Воплощает этот мир в жизнь, без молотка мастеря свои первые декорации. Учится по «Буре», «Макбету» и «Ричарду III». Создает вселенную, в которой люди снова и снова переступают черту. А сам думает: «Я такого больше не сделаю. Никогда не сделаю». Фигурка Марии стоит на его тумбочке рядом с потрепанным собранием сочинений Шекспира. Смотрит на него, когда он спит, и улыбается своими нарисованными губами. А спит Хьюго сладко. Я сама видела. Когда лежала рядом с широко открытыми глазами. Мне вспоминаются открытые глаза Грейс. Наблюдающие, как я сияю краденым здоровьем.

— По-твоему, выходит, я должна чувствовать себя виноватой? — спрашиваю я.

— Виноватой? — не понимает он.

— За то, что мне хоть раз в жизни хорошо? За то, что я больше не охаю и не хромаю? Не подволакиваю ногу, как Бриана? Не лежу на полу под скептическими взглядами окружающих и не плачу, заливая слезами собственные уши? Мне должно быть стыдно, что теперь мне лучше, так? Я должна реветь из-за жалкой царапины. Зачем? А чтобы тебе не показалось, что я монстр, мне нужно разыграть представление, изобразить муки, чтобы ты убедился, что я человек?

— Миранда, я не то…

— Но ни в коем случае не переборщить. Не переборщить — самое главное. Если мне станет слишком больно, ты не будешь знать, что со мной делать. Растеряешься. Заскучаешь. Начнешь кривиться от моих слез. Не правдоподобно, не жизненно, скверный спектакль! А тебе, как и всем, нужно хорошее представление! Несколько симпатичных слезинок, которые так сладко стирать с девичьих щек. Миленький стон, чтобы убедиться, что я живая. Чтобы не бояться меня, верно ведь? Лишний раз удостовериться, что я — хрупкая, и меня легко будет сломать, если понадобится.

— Миранда, я вовсе не то…

— Что ж, может, попробуем? Давай, проверь,

попробуй сделать мне больно! Поглядим, почувствую ли я что-нибудь. Получится ли у тебя заставить меня почувствовать. Заставить меня плакать. Думаю, тебе бы это понравилось, нет?

В глазах его мелькает узнавание. *О да.* Ему бы понравилось. Конечно, понравилось бы! Но изображает он шок и растерянность. Смотрит так, будто я помешалась.

— Что? Нет! Нет, конечно.

Он снова и снова качает головой, а я подступаю к нему все ближе. Прошу схватить меня за волосы, ударить в живот, не медлить. Придушить меня, если его это заводит. Заводит же? *О да.*

— Нет! Миранда, хватит, прекрати, хорошо? Я ухожу. Я…

Но я уже ухватила его за руки и закинула их себе на шею. Хьюго пытается вырваться, но я держу крепко. Мы оба даже не подозревали, что я такая сильная. Глядя на меня в ужасе, он старается высвободить руки, но ничего не выходит. Я с силой прижимаю их к своей шее. Заставляю его сдавить мне горло.

— Миранда, какого хрена ты делаешь?

— Давай же! — говорю я. — Причини мне боль!

Он в ужасе качает головой. Потрясенный тем, что его руки сомкнулись на моей шее. Тем, что

под подушечками его пальцев бьется мой пульс. Хьюго снова силится вырваться, но я не выпускаю его рук. И тихо спрашиваю:

— Вот что ты сделал? Так все было?

Он снова качает головой. И я сильнее вдавливаю его руки себе в горло.

— Все нормально, я понимаю, ты не нарочно. Мы все не нарочно, всегда. Или все же нарочно? Может, нам этого чертовски хочется, а? Да какая разница? Что сделано, то сделано. Пути назад нет. Слишком поздно, верно ведь? Так давай же. Сам знаешь, что тебе хочется. Я чувствую. Чувствую!

Я отпускаю его руки. Теперь он держит меня за горло сам. Крепко сжимает его горячими ладонями. Большие пальцы застыли ровно над ключицами. Вот-вот надавят. Знаю, его так и подмывает вонзить их мне в плоть и посмотреть, что будет. Останутся ли синяки? Вроде тех, которыми награждал меня Марк? Ах, эти его маленькие отметины. Черные, фиолетовые и желтые акварельные пятнышки, расцветавшие на моих ногах и боках. Рубцы, алевшие на бедре после встречи с Джоном. И шрамы, оставленные хирургом. Три зубца вил, по которым шотландцу так нравилось водить языком. А Пол? Следы его жестокости глазами не увидишь, они у меня внутри. Захочет

ли Хьюго оставить на мне и свои отметины? Вот здесь, на шее, где кожа такая нежная, пронизанная голубыми жилками, а во впадинке бьется пульс? Захочет ли посмотреть, из чего я сделана? Узнать, способен ли он заставить меня кричать и плакать?

— Тебе же хочется. Я знаю. Все вы хотите только одного.

Он отдергивает руки. Так резко, будто я все еще удерживаю их у себя на шее. Он словно бы только что пробудился от кошмарного сна. Давненько ему не являлось ночами ничего такого. Хьюго смотрит на меня. Испуганно. Широко распахнув глаза.

А потом разворачивается и уходит. Ни разу не оглянувшись. Волосы его золотятся в предутреннем сумраке. Золотисто-рыжие, как чешуя золотой рыбки.

— Наверное, это к лучшему, — говорю я ему вслед. — Ты не способен был вынести мою боль. И мои слезы, когда я рыдала по-настоящему, верно? Считал их бездарной актерской игрой, да, Золотая рыбка? Скверным спектаклем. А тебе хотелось посмотреть хорошее представление. Хотелось, чтобы я распевала со сцены и голос у меня был легкий и беззаботный, как и сердце. Такое

легкое, что и не почувствуешь, как оно бьется. Никаких синяков, никаких слез. Только улыбка. «Мы просто хотим посмотреть хорошее представление, мисс Фитч. Устройте для нас отличный спектакль». Всем нужно только одно — хорошее представление. Что ж, я им это устрою. Завтра вечером, верно ведь? Ой, нет, уже сегодня. Сегодня же премьера? Так скоро, тик-так, тик-так. Пожалуй, Грейс, мне и в самом деле пора отдохнуть.

Глава 26

Домой я еду в предутренних сумерках и всю дорогу напеваю. Я теперь сама себе радио. Убеждаю себя, что надо бы притормозить у дома Грейс. Просто узнать, все ли в порядке. Вот именно. Убедиться, что все хорошо. Я так и спрошу у нее: «Все хорошо?»

Но возле дома Грейс я не останавливаюсь. Еду дальше. Не снимаю руки с руля, а ногу с педали газа. Включаю музыку. Громче, еще громче. Песня такая славная, правда? Так и окрыляет. Я парю в воздухе над водительским сиденьем. В буквальном смысле. Наверняка все дело в этой воодушевляющей мелодии. Джуди поет о счастье. Бедняжка Джуди, которая большую часть своей жизни была несчастна. Кого бы ее песня не окрылила? Что там Пол однажды сказал про бетховенскую «Оду к радости»? Что она о счастье, которое испытать можно, только пережив невыносимую боль и великое страдание? Так вот, Джуди — моя «Ода к радости». Из колонок на полную мощность ревет «Дзинь! Звенят струны

моего сердца»[26]. Я делаю музыку еще громче. Не только потому, что мне нравится песня, но и на случай, если снова раздастся звук, который я недавно услышала. Если честно, он меня немного напугал, но я была слишком занята — очень, очень занята, — чтобы разбираться, что это такое. Поначалу я даже не была уверена, что он в самом деле существует. Может, почудилось? Ведь звук был очень слабый. Отдаленный и в то же время близкий. Какой-то фоновый гул. Можно ли назвать его музыкой? Разве что фоновой, фоновой музыкой. Я не поняла даже, изнутри он звучал или снаружи. Но откуда бы ему взяться внутри меня? Нет, конечно же, он снаружи, сказала я себе, а потом, уйдя с головой в дела, совершенно о нем забыла. И все же он шел изнутри. Во мне что-то жужжало… Жужжало? Ну да, чепуха какая-то, а вот ведь. Что-то жужжало у меня в черепе. Правда, у меня и черепа-то больше нет. Голова такая легкая, как будто в ней не осталось ни одной косточки. Однако я и сейчас его слышу. Гудит на заднем плане, словно аккомпанемент, сопровождающий основную музыкальную тему.

---

[26] Notes: 26

Zing! Went the Strings of My Heart — популярная американская песня, написанная в 1934 году. Наиболее известна в исполнении Джуди Гарленд.

И создается впечатление, что у песни есть подвальный этаж, о котором Джудино «Дзинь!» и не подозревает. Темный, недостроенный, заставленный кипящими котлами. «Жуть», — вот какое слово приходит мне на ум. «Жуть, жуть, жуть». Словно кто-то черными камешками выложил его у меня в голове. Но на самом деле мне совершенно не жутко. Ничего подобного. Я выкручиваю громкость на магнитоле до максимума. Пускай Джуди заглушит гул, прокричав о своем счастье на весь мир.

Потом я вспоминаю, как троица постукивала ботинками. И кошусь в зеркало заднего вида, просто на всякий случай. Просто чтобы проверить, не едет ли кто за мной, не преследуют ли меня. С недавних пор я постоянно это делаю. Оглядываюсь и проверяю. Но никогда никого позади не обнаруживаю. И сейчас тоже. Там лишь густая предрассветная мгла. Это хорошо. Потому что вместе с жужжанием, вместе с этим внутренним гулом, меня посетило странное чувство, от которого волоски на затылке встали дыбом. Я словно ощутила чужой взгляд. Почувствовала, что на меня смотрят. За мной наблюдают. Но кто? Каждый раз, когда я оглядываюсь, позади никого нет. И когда разворачиваюсь всем телом, тоже.

Никогда, никого.

«Вы что-то потеряли, профессор Фитч?» — спрашивают студенты, когда я вот так верчусь на репетициях.

«Потерялась? — переспрашиваю я. — Вовсе я не терялась».

«Профессор Фитч, вы что-то ищете?»

«Нет, ничего. Никого».

Беда в том, что это ощущение — ощущение, что за мной наблюдают, следят, преследуют — ничем не заглушишь. Даже врубить Джуди на полную мощность не помогает. Оно всегда со мной. Гнездится где-то в затылке. По шее от него бегут мурашки, а волоски на затылке встают дыбом. Это из-за него я прибавляю скорость. Сильнее давлю на педаль, крепче вцепляюсь в руль.

Глядите-ка, я проехала мимо своего дома. Видимо, я куда-то направляюсь. Куда же? Об этом знают только руки и правая ступня. «Куда я?» — спрашиваю я у них. Но нога все так же давит на газ, а пальцы держатся за руль. С голени скалится ссадина. Я открываю окно, чтобы впустить в машину весеннюю ночь. Ох, как приятно! Как сладко слышать вой холодного ветра!

Оказывается, я ехала к океану. Останавливаюсь у самой воды, на краю обрыва. Ничего удиви-

тельного, что я приехала именно сюда. Грохот волн, смешавшись с песней Джуди, непременно заглушит гул. И здесь меня уж точно никто не найдет. Я не выключаю музыку и дверь машины оставляю открытой. Ноги несут меня прямо в ревущие холодные волны. Платье развевается, у меня перехватывает дыхание. Не от боли. Прости, Золотая рыбка. Прости, Хьюго. Только от удовольствия. Такого острого, что меня пробирает дрожь. Кожу так приятно холодит. Омытая соленой водой рана поет. Не зудит, поет! Перебираю пальцами воду. Как же давно я не плавала! Как давно не была на море. В темной воде вокруг меня пестрят алые маки. И бушующий океан из-за них кажется цветущим полем. Меня окутывает каким-то ароматом. Странно, но грохочущие черные волны и пение Джуди из машины не заглушили гул. Наоборот, теперь он перешел в рев. «Это просто волны, — твержу я себе. — Темные волны». И никто на меня не смотрит. Пускай я и чувствую взгляд затылком, но где бы им быть, этим следящим за мной глазам? Снова и снова верчусь на месте, просто чтобы удостовериться. Никого.

И вдруг вода вокруг начинает бурлить и пузыриться, как шампанское. Я замечаю, что на ней,

словно разноцветные огни, мерцают какие-то яркие пятнышки. В бледном свете луны мне удается разглядеть в шипящей пене сосновые иголки, веточки и высохшие цветы. Из волн поднимается сладкий земляной дух. Такой густой, цветочный и очень знакомый. Кажется, будто кто-то смешал множество эфирных масел. И в океане вдруг вырос лес. Лес в океане? Как такое возможно?

Светит луна. Я разглядываю плавающие вокруг меня иголки и лепестки, и глаза вдруг начинают слипаться. Закрываются, не желая больше глядеть на мерцающие волны и черное небо. В последнее время со мной такое редко случается. По правде сказать, я вообще не сплю. Ночь сменяет день, потом снова наступает ночь. А мои глаза всегда широко открыты. Смотрят то в свет, то во тьму и отказываются закрываться.

Но здесь, в холодных бушующих волнах, среди ярких цветов, они, наконец, смыкаются. Черное небо. Яркие звезды…

И вдруг синева. Такая яркая, что больно смотреть.

Я лежу на прибрежных камнях, словно рухнула на них прямо с небес. Мое распростертое на черной гальке тело покрыто какой-то зеленой жижей. Но мне совсем не больно. Прости, Золо-

тая рыбка. Я не заплачу. Мне давно не было так хорошо. Руки полны песка. В волосах запутались водоросли и цветы. На вымокшем платье в маках соляные разводы. Кажется, я потеряла туфли. А из машины до сих пор поет Джуди. «Дзинь! Звенят струны моего сердца».

В синем-синем небе надо мной кружат чайки и вороны. Одна вдруг опускается и садится неподалеку от меня на черный камень. Одна, не три! Видите? Никто за мной не следит.

Но вот к первой вороне присоединяются еще две. И каждая опускается на свой черный камень.

В песке что-то звонит. Должно быть, это мой мобильный.

«Сегодня же премьера», — вспоминаю я. Глядите-ка, а я уже одета. Абсолютно готова.

Глава 27

Обычно вечер премьеры проходит ужасно. Я, пьяная, лежу на полу в своем кабинете и таращусь в потолок до тех пор, пока он не превращается в сцену, на которой я смогу заново пережить мгновения былой славы. И вот уже я — Пердита из «Зимней сказки», весело напевающая песенки своим цветочкам. Я — Леди М, снедаемая темными страстями и умоляющая ночь сделаться еще темнее. «Оденься дымом ада, глухая ночь, чтоб нож не видел ран»[27]. Я — Елена в длинном алом платье, оплакивающая под звездным небом Шотландии свою любовь к Бертраму. В окно кабинета сладко тянет весной. И от этого запаха бушующей жизни я так остро чувствую себя погребенной заживо, что хочется плакать. А еще в окошко влетают обрывки их разговоров. Что со светом? Отлажен ли звук? «По местам, ребята, по местам», — командует Грейс. Фов пронзительно хохочет. Бриана завывает. И пол вибрирует от их животной неубиваемой энергии. Обычно у меня не хватает ни сил, ни желания спуститься вниз.

---

[27] Notes: 27
У. Шекспир. «Макбет».

Не могу я смотреть, как они носятся. Не желаю видеть, как они искрятся энергией и радостным волнением, ради которых я когда-то жила. Не хочу присутствовать при том, как Бриана торжествует, а Элли тихо умирает. Это меня просто убьет. Каждый раз я думаю: «Пожалуйста, обойдитесь в этом году без меня». Мне и здесь хорошо. Я играю Елену на воображаемой потолочной сцене. С нее я еще не падала. Вся жизнь впереди. Солнце в зените. Бедро на месте, позвоночник гнется во все стороны. Глядите-ка, вот и Пол — стоит у самой сцены с букетом в руках. Он пока еще меня не любит, но и не ненавидит. Нам только предстоит познакомиться. А сейчас он просто безымянный красавчик с охапкой весенних цветов в руках. «Это вам. Мне так понравилось, как вы играли».

Но в этот момент каждый раз заявляется Грейс.

«Миранда, пора», — зовет она.

«Правда?» — спрашиваю я.

Она пришла помочь мне спуститься вниз по лестнице. Но я не хочу туда идти. «Это обязательно?» — спрашиваю я.

«Да».

Потом она ведет меня в театр, и всю дорогу я шепчу: «О боже. Боже, боже, боже».

А дальше? Дальше начинается кошмар длиной

в четыре часа. Я, скособочившись, стою в темном углу и наблюдаю за свершающейся на моих глазах катастрофой. Сердце колотится, руки и ноги немеют. Пытаюсь зажмуриться, но это не помогает. Кто-то уже стучит меня по плечу. Дергает за рукав кофты. Визжит в самое ухо: «Мисс Фитч! Мисс Фитч! Мисс Фитч?!»

Кажется, я сейчас захлебнусь во всех этих вопросах.

«Мисс Фитч, где моя шляпа?»

«Мисс Фитч, когда мой выход?»

«Мисс Фитч, напомните, где мне уходить со сцены?»

«Мисс Фитч, я забыл, какой у меня ориентир?»

«Мисс Фитч, подскажите, что мы делаем в конце. Кланяемся? А как?»

И я никогда не знаю, что ответить. До поднятия занавеса моим студентам предоставляется отличный шанс в который раз убедиться, что я некомпетентна, да к тому же ни черта не соображаю из-за таблеток. Но вот, наконец, спектакль начинается, и я вздыхаю с облегчением. Можно перестать притворяться, будто я что-то делаю. Ретироваться за кулисы и раствориться в темноте призраком, шпионящим за живыми.

* * *

Но сегодня? Сегодня все иначе. Глядите-ка, я тут. Стою прямо за занавесом. Так сказать, в центре циклона. Стою на прямых ногах. Ровно и устойчиво. Я — маячок спокойствия в бушующем шторме. Всем своим видом даю понять: «Все хорошо». И все в самом деле хорошо. В кои-то веки я не умираю. Не маячу призраком. Я даже не бледная. Подумаешь, рана на ноге слегка кровоточит? Ничего страшного. Зато я свежа, как роза. Они все так и ахнули, когда я вошла в театр. Потому что выглядела я великолепно. Мне даже не пришлось принимать душ и переодеваться. Зачем мыться, если я уже искупалась в море? Зачем переодеваться, если платье в маках так мне идет?

«Профессор Фитч, вы в порядке?» — спросили они, увидев меня. А сами глазели на мои мокрые волосы и платье в водорослях и соляных разводах. С такими встревоженными лицами, что я чуть не рассмеялась. Ох, детки!

«У меня все отлично. Все хорошо! Все очень-очень хорошо. Это у вас отчего-то физиономии вытянулись».

«Профессор Фитч, нам переодеваться пора. А гримерка закрыта. Ключи у вас?» — закивали они

на запертую дверь в подсобку.

«Конечно, у меня», — ответила я. Глянула на свои руки, но в них ничего не оказалось, кроме мерцающих песчинок. Тогда я обшарила карманы платья. Снова ничего. Одни водоросли и какая-то травянистая жижа. Да еще ракушки, которые я сегодня весь день собирала на побережье. Такие яркие, они совсем заворожили меня своими переливами.

«Профессор?»

«Наверное, я их потеряла, — сказала я. — Утопила в волнах». И попыталась сделать печальное лицо, но ничего не получилось, на моих губах все так же играла усмешка.

«А где Грейс? — спросил кто-то. — У нее тоже должен быть ключ».

«Грейс? — переспросила я. — Ее нет. Ей пришлось уйти».

«И куда она пошла?»

«Домой. Она пошла домой. Я сама ее отвезла. Помогла подняться в спальню. И подоткнула одеяло. Так, теперь насчет двери, — сказала я. Взяла и пнула ее ногой изо всех сил. Она и распахнулась. — Ну же, детки, чего мы ждем? — скомандовала я. — Вперед!»

Как же они на меня вылупились. Видели бы

вы их лица!

«Вперед, — продолжила я. — Мы должны дать хорошее представление. Им только этого и нужно. Они сами так сказали».

«Кто это — «они», профессор?»

«Те трое, конечно».

«Трое?»

«Они сделали мне подарок. Я совершенно не устала. Это Грейс устала, вот почему я уложила ее спать. Пусть отдохнет. Мне не хотелось ее будить. А я? Я вообще никогда не устаю. Ночью поспала немного в море».

«В море?»

«О, это было чудесно. Вы никогда не спали в море? Волны такие мягкие, как одеяло. Вот удивительно, сами черные, а сны в них снятся зеленые».

«Профессор, у вас кровь».

«Мне вообще сон не нужен. Глаза всегда широко открыты. Так и впитывают свет. Они пришли посмотреть хорошее представление. И мы должны им его показать. Так давайте же поспешим. Вперед-вперед. Тик-так, тик-так».

* * *

И вот я смотрю в зал из-за занавеса. Сегодня аншлаг. Чтобы у нас не осталось свободных мест? Никогда такого не бывало. Даже на жутких мюзиклах Фов. В зале заняты все кресла, кроме трех — прямо по центру первого ряда. К каждому из них прикноплен листок бумаги, на котором зловещими черными буквами выведено: «Зарезервировано». Но троицы пока нет. Нигде не видать ни черных костюмов, ни притоптывающих кожаных ботинок. Ни знающих меня глаз.

«Мы просто хотим посмотреть хорошее представление, мисс Фитч».

А народ все прибывает и прибывает. Представляешь, Грейс, какой у нас ажиотаж? Ах, да, ведь Грейс тут нет. Она отдыхает. Ей необходимо отдохнуть. Даже лучше, что она сегодня не пришла. Народ валит в каждую открытую дверь. Родители. Студенты. А еще… Это кто, окрестные жители? Что-то я никогда их не видела. По крайней мере, они точно не наши, не из колледжа. Толпа собралась такая, что двойные двери театра трещат под напором.

— Профессор Фитч, мне кажется, Питеру нужна помощь, — говорит Деннис и кивает на испуган-

но жмущегося у входа парня в галстуке-бабочке.

И я спешу к дверям, к Питеру, который, словно щитом, прикрывается последней оставшейся программкой.

— Что здесь происходит? — спрашиваю я у него.

И вспоминаю, что два года назад Питер играл дерево в моей концептуальной и весьма необычной постановке «Как вам это понравится». Живым деревьям в моей трактовке пьесы отводилась важная роль. Питер очень старался, но явно перебарщивал. Слишком много двигался. В конце концов, я отвела его в сторонку и тихо сказала: «Знаешь, Питер, я считаю, что народ зря недооценивает должность театрального билетера. Может быть, это как раз твоя ниша. У каждого из нас в театре своя роль». И бедняга Питер мне поверил.

— Профессор Фитч, — говорит он мне сейчас. — Вот тут люди хотят войти, а билетов у них нет.

— Нет билетов?

Я окидываю толпу взглядом. Море тел, облаченных в более или менее приличные одеяния. Море незнакомых лиц. И все смотрят то на меня, то на Питера, то на двери зала. Сердятся, волнуются, переругиваются. У некоторых в руках стаканы с вином. Где они их взяли? Я вдруг замечаю, что

в дверях фойе работает бар. Мужчина в черной рубашке разливает напитки. К нему уже выстроилась длинная очередь. Кто все эти люди, черт их дери? Возглавляет толпу, кажется, вон та женщина в меховом манто. Стоит впереди всех с бокалом шампанского в руке и пялится на меня. Брови ее густо подведены коричневым, а губы накрашены алой помадой. Из-за ее спины на меня таращится забавный, похожий на эльфа человечек в шляпе с пером.

— Мы хотим посмотреть хорошее представление, — говорит он.

— Нам сказали, что здесь сегодня дадут отличный спектакль, — вторит ему женщина.

— Это единственное, что нам нужно, мисс Фитч. Хорошее представление.

Она что, только что назвала меня мисс Фитч?

Питер оглядывается на меня.

— Разумеется, спектакль сегодня будет отличный, — объявляю я всем. — Просто замечательный. Могу я взглянуть на ваши билеты?

— Конечно, у нас есть билеты, — заявляет женщина. — Мы же не животные, как по-вашему?

Она протягивает мне два билета, каких я раньше никогда не видела. Оба красные, как маки на моем платье. И на каждом написано «НА ОДНО

ЛИЦО».

И я вдруг замечаю, что из толпы ко мне тянется множество рук, сжимающих точно такие же билеты. На меня черными волнами накатывает паника. И я, отдаваясь на волю этим волнам, широко улыбаюсь.

— Ладно, Питер, впусти их.

— Профессор, но это же не наши билеты, — возражает он.

— Разумеется, наши, — вру я.

Питер хмурится, ошеломленный таким предательством. Как прекрасно он вжился в роль билетера.

— Простите, профессор, но, по-моему, вы говорите неправду.

Окидываю его взглядом. Ах ты мое бывшее бездарное дерево!

— Слушай, Питер, их надо впустить. У них есть билеты. А людей с билетами разворачивать не положено.

— Но ведь мест нет. Зал уже полон!

— Значит, принеси из реквизитной стулья и расставь их в проходах.

Питер ошалело пялится на меня.

— Профессор, но это же нарушение противопожарной безопасности!

— Питер, в театре часто приходится идти на риск. Кто сказал, что это безопасное место? Никто. Вот он, твой момент славы. Люди пришли посмотреть хорошее представление, и мы не можем их прогнать, понял? Ты не можешь их разочаровать. Питер, я в тебя верю. Очень верю. Справишься?

— Профессор Фитч!

Я оборачиваюсь. Эшли/Мишель в кое-как напяленном платье Дианы-девственницы. Вся раскраснелась, определенно у них там разыгралась какая-то драма.

— Профессор, скорее со мной за кулисы. Бриана…

«Ну конечно, — думаю я. — Кто же еще?»

— Бриана, — повторяю я. — Что там с Брианой?

— Она больна. По-моему, ей стало хуже, — явно ликует Эшли/Мишель. — Боюсь, она не сможет играть.

Мчусь за кулисы. Бриана драматично раскинулась на двух сдвинутых стульях. Такая хрупкая и в то же время царственная в своей сверкающей мантии и фальшивой бороде. Со скипетром в руке. Лицо у нее мертвенно-бледное. Изо рта вырывается прерывистое дыхание. Рядом, на коленях, разумеется, стоит Фов. Столпившиеся вокруг них актеры беспомощно озираются. И Тре-

вор тут, уже одетый в костюм Бертрама, который очень ему идет. Стоит, опустив то сжимающиеся в кулаки, то разжимающиеся руки. Вид у него смущенный, виноватый. Словно Бриана — мотоцикл, на котором он нечаянно въехал в дерево.

— Я вошла, а у нее приступ, — указывая на Бриану, сообщает мне Эшли/Мишель.

— Нет у меня никакого приступа. Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — заявляет Фов и многозначительно смотрит на меня.

А потом меняется в лице. Это она заметила мое мокрое насквозь платье и запутавшиеся в волосах водоросли. Сначала она смотрит на меня в ужасе, а потом вся расплывается от счастья. Думает, мне пришел конец. Но она ошибается, очень ошибается. Никогда еще я не чувствовала себя лучше.

— Миранда, — охает она. — Ты…

— Чудесно. У меня все чудесно.

Я окидываю взглядом белую, как мел, Бриану. Ее хрупкое изломанное тело. Блестящее от пота лицо. И спрашиваю:

— Как мы сегодня себя чувствуем, Бриана?

Воплощенная вежливость и профессионализм. Бриана, все так же лежа на стульях, поднимает

на меня глаза. Лицо ее непроницаемо. Тут слишком темно, не разберешь, что там таится у нее в глазах. И внезапно я чувствую себя Марком. Вспоминаю, как он смотрел на меня, скрючившуюся на полу в процедурной. С нетерпением. С раздражением. Со скукой. Она в самом деле больна? Или это месть? Блестящая игра? Трудно сказать. Она в последнее время здорово продвинулась в актерском мастерстве.

— Нормально, — тихо выдыхает Бриана. — Я готова.

И смотрит на меня. Лицо мертвенно-бледное, на губах играет гаденькая улыбочка.

— Я прекрасно себя чувствую. Все хорошо.

— Ничего не хорошо, — качает головой Фов. — Миранда, пожалуйста, сделай что-нибудь. Она в самом деле больна.

Смотрю на Фов и Эшли/Мишель, стоящих на коленях по обеим сторонам от Брианы. Эшли/Мишель держит ее за руку и гладит по голове. Должно быть, видела на картинах, что так полагается обходиться с мучениками. А Фов застыла в позе Прекрасного Принца. И донимает вопросами. Не хочет ли Бриана пойти домой? *Нет!* Может, к ней медсестру позвать? *Нет*. Тогда пригласить сюда ее родителей? *НЕТ!*

Бриана выдирает у Фов руку. Стряхивает с головы пальцы Эшли/Мишель. И объявляет:

— Я же сказала, со мной все нормально.

А сама смотрит на меня уничтожающим взглядом.

Мое сердце трепещет от страха. И вдруг я чувствую, что взмываю над землей — буквально на дюйм-два. А раскинувшаяся на стульях и прерывисто дышащая Бриана прекрасно это видит. Но ничего не говорит. Спокойно, невозмутимо смотрит, как ее преподавательница парит над землей. Все остальные слишком заняты ею и ничего не замечают.

— Я буду играть, — произносит она.

— Миранда, — квохчет Фов, — ты же не можешь выпустить ее на сцену в таком виде. Кто ее дублирует?

— Деннис, — сообщает Эшли/Мишель. И кивает на жмущегося в углу парня, одетого в костюм Первого Вельможи.

Деннис спадает с лица и трясет головой.

— Боже, профессор, не заставляйте меня, пожалуйста.

— Придется Деннису ее подменить, — заявляет Фов.

— Нет! — хрипит Бриана.

— Профессор, так мне играть Короля? — умоляющим взглядом смотрит на меня Деннис.

— Играть буду я, — тихо, но твердо произносит Бриана.

— Видите, она сама хочет, — говорит Деннис.

— Но она не может! — орет Фов.

— Играю я, — повторяет Бриана и неотрывно смотрит на меня. Это явная угроза.

— Профессор Фитч! — За занавес просовывается круглая физиономия Питера. — В зале яблоку негде упасть. Я уже и пожарные выходы стульями заставил. Но теперь они кончились, а народ все валит! Что мне делать? Можно хоть сейчас больше их не пускать?

— Нет, Питер! Найди выход.

Но мальчишка продолжает все так же молча маячить у занавеса. Знаю, о чем он думает. «Выход? Как найти выход, если выхода нет?»

Я снова оборачиваюсь к Бриане. Совсем больная, но такая упорная. «Что ты припасла для меня? Хочешь погубить мой спектакль? Отомстить? Всем показать, что я с тобой сделала?» И как она это устроит? Я мысленно перебираю варианты. Вот Бриана в своей фальшивой бороде разрушает четвертую сцену во время монолога. Указывает на меня дрожащим пальцем. И об-

виняет в колдовстве. Или нарочно все портит. Путает реплики. Картинно теряет сознание в лучах софитов. Нарочно падает со сцены и с улыбкой наблюдает, как зрители, ахнув, бросаются к ее ногам. Вспышки камер слепят глаза, но она этому только рада.

— Но как ты сыграешь сцену, где Елене удается чудом исцелить Короля? Тебе придется танцевать, не забыла?

На прогонах она двигалась еле-еле. Чаще всего просто сидела и смотрела, как я снова и снова показываю ей танец, кружусь и скачу вместе с Элли.

— Я буду играть, — качает головой Бриана. — Буду, буду. И черта с два вы мне помешаете! — Глаза ее наполняются слезами.

Черные волны паники все выше. Сердце бешено колотится в груди.

— Профессор Фитч, — шепчет Деннис. — Так мне выходить?

— Миранда, до занавеса пять минут, — ухмыляется Фов.

Я выглядываю в щелку. Питер наворачивает круги в море стульев. Все пожарные выходы забиты. Повсюду кто-нибудь сидит. И только три кресла в первом ряду все еще не заняты. По одну

сторону от них расположились декан с супругой. По другую — родители Брианы. Сжимая в руках стаканы с вином, которое разливали в фойе, они смотрят в щель занавеса прямо на меня. У меня начинает сосать под ложечкой.

— Хорошее представление! Мы пришли посмотреть хорошее представление! — гудит толпа.

Питер, заметив меня, одними губами шепчет:

— Профессор Фитч, помогите!

Я плотно задергиваю занавес.

— Какого черта там творится? — охает Фов. — В жизни такого не видела.

— Ну как же, «Все хорошо, что хорошо кончается» — это хит.

Фов смотрит на меня как-то странно, подозрительно.

— А где Грейс? Я ей раз сто звонила, а она так и не сняла трубку. Вчера я даже съездила к ней и в дверь постучала. И ничего.

— Отдыхает. Она отдыхает.

– *Отдыхает* в вечер премьеры?

— Я сказала ей, что возьму все на себя.

Фов сверлит меня глазами. А я сверлю ее в ответ.

— Вот что, как только спектакль закончится, я съезжу к ней и сама удостоверюсь, — заявляет

она. — Думаю, и тебе стоит поехать. А если она нам не откроет, полагаю, нужно позвонить в полицию.

— Совершенно верно, — отзываюсь я, ни одной гребаной секунды не помедлив.

Фов не сводит с меня глаз. Все ждет, когда я сломаюсь, покаюсь, сознаюсь во всем. Но в чем мне каяться? Ей ничего не известно. И все же я не сомневаюсь, что она мечтает о том, чтобы я сдалась и отступила под этим ее голодным взглядом. Тут что-то нечисто, она нутром это чует. Пока только не поняла, что же именно я натворила. Но ей плевать, что бы это ни было, она будет счастлива. Потому что это будет означать, что мне пришел конец. А для нее все только начинается.

— Совершенно верно, так и поступим, — заверяю я Фов. — Пойдем к ней вместе, рука об руку.

Я с улыбкой протягиваю ей руку. Но тут меня кто-то окликает:

— Миранда! — Чья-то горячая ладонь хватает меня за плечо, отволакивает от Фов и тянет за кулисы. — Миранда, прошу вас! Мне нужно вам кое-что сказать.

Это Элли, уже одетая для первого акта. На ней точно такое же платье, как было на мне много лет назад. Темные волосы зачесаны назад. В ру-

ках она комкает бумажную салфетку — немного банально. Ах, она уже плачет? Прекрасно! Елена. Моя Елена. Я смотрюсь в нее, как в зеркало.

— Елена, — выдыхаю я, — ты просто идеальна.

А она снова разражается слезами.

— Елена, — увещеваю я, — пожалуйста, сбереги слезы для первого акта. Поплачешь вволю на сцене, хорошо?

— Миранда, я просто хочу, чтоб вы знали, я не думала, что все зайдет так далеко. Клянусь, я не хотела.

— Что зайдет далеко?

Она опускает глаза в пол и шепчет:

— Болезнь Брианы.

Ох, господи, что, опять?

— Элли, ты помнишь, что я вчера тебе говорила? Насчет колеса фортуны? Хотеть, чтобы кто-то заболел, не означает…

— Но я не просто хотела, Миранда, — выпаливает она.

— Что?

— Я не просто хотела, — повторяет она, — я кое-что сделала. — И снова опускает глаза.

О боже!

— Элли…

— Знаю, Миранда, вы не верите, что я на та-

кое способна. Ну как же, добренькая бедняжка Элли. — Она все качает и качает головой, как будто на нее слишком многое навалилось. — Но я способна. Еще как!

— И что ты ей сделала? — спрашиваю я.

Элли снова ударяется в слезы. Никак не смирится с тем, что владеет темной силой. Так и вижу, как она лежит у себя в общаге и призывает Гарпий. А потом накладывает заклятие в свете свечей.

— Элли, пойми, это абсурд, слышишь меня? Магии не существует. Это все просто совпадение.

— Но вас-то я вылечила, верно? — вскидывает глаза она.

— Вылечила меня?

— Ну как же? Смеси для ванн?

Она с такой надеждой на меня смотрит. Нужно просто взять и сказать ей, что я и не думала прикасаться к ее паршивым смесям. Что я напрочь про них забыла. А еще рассказать про Бриану, Марка и Грейс. И про троицу из паба. Про то, как они сделали мне подарок. Но Элли смотрит на меня так серьезно. С такой обворожительной убежденностью. Она отлично знает, какое низкое место занимает в общественной иерархии, но уверенность в своих жутких способностях при-

дает ей в собственных глазах некоторый вес. Ну так давай же, сложи два и два. Ее место и ее силу. Пускай она, подобно Елене, поверит, что все в ее руках. Она ведь Елена, истинная Елена. Выглянув из-за занавеса, я замечаю, что три кресла в первом ряду все еще пусты. И, не моргнув глазом, лгу:

— Конечно, вылечила.

— А прошлой ночью вы приняли ванну с новой смесью, — внезапно улыбается она. — Я чувствую ее запах.

Протянув руку, она вынимает что-то из моих волос. Белый лепесток. Элли с улыбкой его разглядывает.

А я вспоминаю, как в море вокруг меня вдруг замельтешили лепестки и веточки, а от волн поднялся хвойный мускусный аромат. И травяную жижу в кармане платья. Точно, я ведь сунула туда пакетик, который мне дала Элли. Наверное, он раскрылся в воде.

— Да. Да, конечно, я добавила ее в воду, — хоть на этот раз не лгу я.

— Мисс Фитч, сегодня я все исправлю, — заявляет Элли, уже видя перед собой новую цель. — Вот что я хотела вам сказать.

— Что? И как же ты все исправишь, Элли?

«Разве это не очевидно?» — взглядом спраши-

вает она.

— Так же, как испортила. На сцене.

— На сцене? Но что…

— Миранда, минута до занавеса, — кричит кто-то.

— Элли, послушай…

И вдруг все заглушает музыка.

— О боже, уже включили.

— Включили? — удивляется Элли. — Что включили? — Она растерянно оглядывается по сторонам. — Я ничего не слышу.

Да как же так? Неужели она не слышит этот струнный перебор? Эти мечтательные скрипки? Скрипки? Хм, разве эту музыку я выбрала в качестве увертюры?

— Элли, да как же ты не слышишь? У нас что, сегодня еще один спектакль идет, в малом зале? Это все происки Фов? Она у меня за спиной поставила мюзикл?

— Миранда, вы в порядке? Боже, надеюсь, дело не в смеси. Может, не стоило добавлять столько…

— Не знаю, чего не стоило тебе, а мне уж точно стоит пойти и выключить эту музыку. Иначе вы на сцене друг друга не услышите, верно ведь? Как вообще можно играть в таком грохоте?

— Я правда ничего не слышу…

Но я уже разворачиваюсь и бегу прочь, навстречу мелодии.

Глава 28

Несусь по темному коридору от основной сцены к малому залу. Ног под собой не чувствую, вот какая я теперь легкая и быстрая. Где-то там Эшли/Мишель уже произносит свою первую реплику. Интересно, она хоть сама себя слышит? Музыка так ревет… Все громче и громче. Но мелодия приятная, и то хорошо. «Что же это за мотив?» — гадаю я. Звучит знакомо. Я точно его где-то слышала. Что это за пьеса?

Войдя в малый зал, я вижу, что над сценой горит один-единственный софит. Все остальное тонет во тьме. Музыка грохочет. Итак, тут идет другой спектакль! Невероятно! И именно в вечер премьеры. Похоже на заговор. Почему никто мне об этом не сказал? Грейс, ты знала? Ах, да, ее же тут нет. Я мчу к единственному лучу света, навстречу все громче звучащей мелодии. Ноги, едва касаясь пола, сами ведут меня на сцену. Там, в самом центре, наклеена метка — крест из красной изоленты. На ней я и останавливаюсь. И музыка тут же стихает. Прожектор жарко светит в лицо. Слепит глаза. Зрителей я не вижу. Но чувствую — они там, во тьме, смотрят на меня. Господи,

что, представление уже началось?

— Простите, — говорю я, — мне очень, очень жаль.

Звучат негромкие аплодисменты. И тут же стихают, все ждут продолжения. Нужно уйти со сцены, но я почему-то не могу сдвинуться с места. Я тут одна. Как так вышло? А где, собственно, спектакль? Где остальные актеры? На сцене никого, только я. И все смотрят на меня. Ждут, что я скажу. Как будто именно на меня и пришли смотреть. А теперь восхищенно замерли в своих креслах.

Оглядевшись по сторонам, я понимаю, что стою среди декораций. На сцене представлена чья-то гостиная. Что же это за пьеса? «Стеклянный зверинец»? «Долгий день уходит в ночь»? Мебель какая-то слишком современная. И знакомая. Откуда я ее знаю? Разглядываю стоящие вдоль стен книжные шкафы, торшер в виде дракона, телевизор в углу. На экране без звука идет какой-то детектив. И сердце начинает биться быстрее. Мне определенно знакомы эти шкафы, этот торшер и телевизор. И плакаты в рамках. Афиша балета «Ромео и Джульетта», который мы вместе смотрели в Нью-Йорке, когда я нашла в себе силы на поездку и подарила ей билеты. И

«Саломеи», на которую она, должно быть, ходила одна. Окно, занавешенное пенно-розовой шторой. Диван в цветочек, на котором я однажды рыдала, а она беспомощно смотрела на меня из шезлонга. И этот наполовину собранный пазл с Пьяцца Венеция на журнальном столике я тоже прекрасно знаю. В последний раз, когда я была здесь, она собирала часть с небом. И дальше так и не продвинулась.

— Я знаю эту гостиную, — вдруг вслух выпаливаю я.

В зрительном зале смеются.

— Это дом Грейс. Я у Грейс.

Сердце колотится, как бешеное. Зрители аплодируют. Почему они аплодируют?

— Что я делаю в гостиной Грейс? Что это за пьеса?

Тут мне в нос ударяет запах. Плотный, нездоровый. И очень сладкий. Гнилостно-сладкий.

— Чем это пахнет?

В зале снова смеются. Над сценой вспыхивает больше огней. И я вижу лежащую на полу женщину. Вокруг желтеют поникшие воздушные шарики с перекошенными улыбками. Стоят увядшие букеты в вазах с мутной водой. «О, просто красивую композицию из весенних цветов.

Что-нибудь воодушевляющее. Тонизирующее». Повсюду валяются надорванные пакеты с продуктами, над упаковками мяса и сгнившей питахайей кружат мухи. Бутылка шампанского разбита на мелкие кусочки. А посреди всех этих гор мусора лежит женщина с широко открытыми глазами.

— Грейс!

Я бросаюсь к ней. Падаю на колени среди рваных пакетов и осколков.

И меня захлестывает облегчение. Грейс, Грейс, слава богу. Лежит на сцене, вся такая умиротворенная. Отдыхает, как я ей и советовала. Она ведь где угодно может отрубиться, я это точно знаю. Еще всегда ей завидовала. Глядите-ка, как сладко она спит, даже здесь. На сцене, под всеми этими светящими в лицо прожекторами. Под гром аплодисментов. С широко открытыми глазами.

— Грейс, как я рада, что ты здесь, — говорю я. — Я так волновалась.

По залу прокатывается легкий смешок. Сердце испуганно стучит в груди.

— Я правда волновалась, — сообщаю я зрителям. — Постоянно ей названивала, верно, Грейс? Ну или собиралась позвонить. Не позвонила только потому, что боялась побеспокоить.

В зале снова смеются. Я оглядываюсь, но из-за огней не могу рассмотреть ни одного лица. Тогда я снова оборачиваюсь к Грейс. Она лежит, не шелохнувшись. Смотрит прямо перед собой. И вроде как улыбается.

— Грейс? — трясу я ее за плечи.

Ничего. Все та же улыбка. Все те же открытые глаза.

— Грейс, скажи что-нибудь, прошу тебя. Ты спишь? Пожалуйста, проснись. Это что, шутка такая?

Публика хохочет. Я трогаю лоб Грейс. Холодный. Это все не по-настоящему, твержу я себе. Не может быть по-настоящему. Какое бледное у нее лицо. И глаза смотрят, не моргая.

— Кто-нибудь, помогите мне! — кричу я. — Пожалуйста!

И вглядываюсь во тьму. Но никто из зрителей не трогается с места.

— Эй, вы меня слышите? Я сказала, помогите, пожалуйста!

Никакого движения. Кто-то откашливается. Я чувствую, как они смотрят на меня из темноты.

— Что вы делаете? Чего вы там расселись?

«Беги, — говорю я себе. — Скорее, приведи помощь». Но тоже не могу пошевелиться. Мои

колени как будто примерзли к полу рядом с телом Грейс. Словно свет софита пригвоздил меня к этому месту, к точке, тоже помеченной крестиком из красной изоленты.

Сердце стучит, как безумное, колотится в ребра, как барабанящий в дверь кулак.

— Пожалуйста, — причитаю я. — Пожалуйста, помогите. Мне кажется, она…

Нет. Я трясу головой. Не мертва. Она даже не умирает. Просто неважно себя чувствует, ничего страшного. Но ей плохо. «Скорая»! Нужно вызвать «Скорую». Лезу в карман достать мобильный, но нахожу там только водоросли. Все аплодируют, а я рассматриваю размазанную по пальцам размокшую зелень.

— Перестаньте хлопать! Кто-нибудь, позовите врача!

Зрители лишь качают головами в темноте. Прикрывают кулаками ухмылки. Ногу пронзает боль. Проносится по ней яркой вспышкой. И на мгновение мне кажется, что в заднем ряду я вижу их. Всех троих. Поудобнее устроившись в креслах, они наслаждаются представлением.

— Боже, — шепчу я, — что вы с ней сделали?

Тишина. Знаю, они сейчас грустно улыбаются мне, там, за светом софитов. Я вспоминаю, как

мы с Грейс разговаривали на темной парковке перед «Пронырой». Как она отползала от меня спиной вперед. А я медленно надвигалась на нее. И протягивала руку.

— Я просто помогла ей подняться, — мотаю головой я. — Просто помогла, вот и все. Я бы никогда не причинила Грейс боль. Никогда.

Беру ее за руку. Такую же холодную, как и лоб. И у меня перехватывает дыхание. Глаза наполняются слезами. Такие горячие, они текут по щекам, шипя под огнями софитов.

— Я думала она выдержит! Думала, она крепче! Черт возьми, она ведь из Плимута! Правда же, Грейс? Скажи им, что ты из Плимута!

Схватив Грейс за плечо — тоже очень холодное, — я встряхиваю ее.

— Грейс, ну давай же, пожалуйста. Первопоселенцы-пуритане. Отцы-пилигримы, помнишь? Сильные. Стойкие. Неубиваемые, да? Пожалуйста, вспомни, что и ты должна быть неубиваемой!

В зале смеются все громче. «Что-то не похоже». Я трясу Грейс снова и снова, но она все так же недвижимо лежит на полу.

— Грейс, послушай, пожалуйста. Я все отменяю, ладно? Отменяю! Я бы все отменила, если бы знала как. И ни за что бы так не поступила, если

бы могла предположить, чем все кончится. — В глазах стоят слезы, и образ Грейс расплывается, мешаясь с доносящимся из-за огней прожекторов смехом. Оглянувшись на невидимых зрителей, я качаю головой. — Я не позволю тебе умереть, не позволю.

Пробую встать, и на этот раз свет не пригвождает меня к полу. Теперь он просто свет. Спрыгнув в зал, я бегу по проходу к дверям. Зрители ахают. Следят за мной глазами. И улыбаются. Я всей кожей ощущаю все эти их выпученные глаза и оскаленные зубы. А потом вижу тех, всех троих. Они заняли весь последний ряд. Три крупные, развалившиеся на креслах фигуры. Ноги они закинули на спинки передних сидений. А сами переводят взгляды с лежащей на сцене Грейс на меня и улыбаются. Мое сердце колотится все сильнее. Боже, не смотри на них, просто беги, беги, беги, беги, приведи помощь, спаси Грейс. Не своди глаз с таблички «ВЫХОД». Не своди…

Вдруг софиты гаснут. И я оказываюсь в полной темноте.

Господи.

Что же это?

* * *

Снова музыка. Теперь она повсюду. Окружает меня, как и тьма. Мелодично звенят струны.

И вот свет зажигается вновь. Теперь он не яркий. И красноватый. Льется с оставшейся у меня за спиной сцены.

Обернувшись, я вижу, что декорации сменились. Гостиная Грейс исчезла. Как и сама Грейс.

Теперь на сцене, под тусклым красным софитом, виднеется группа мужчин. Все они в синих больничных одеяниях. Белых лабораторных халатах. И форменных футболках-поло. Стоят, сгрудившись вокруг длинного массажного стола.

— Что это? — спрашиваю я.

Но они не обращают на меня внимания. Слишком заняты тем, что лежит там, перед ними.

А чуть поодаль от них стоит, скрестив руки на груди, еще один человек и наблюдает за происходящим. Модная стрижка, умное лицо, черты которого в алом свете кажутся четче. В распахнутом вороте футболки поблескивает кулон «инь-ян». Он медленно кивает. Словно все происходящее — этапы долгого путешествия. Марк.

«Марк, что вы здесь делаете?»

Обернувшись, он окидывает меня взглядом. Вот

она я, покачиваясь, стою в проходе зрительного зала, такого темного, что мне не видно даже окружающих меня кресел. «Что ты натворила, что ты натворила, что ты натворила?» Марк поднимает руку. На его запястье — точно в том месте, где я схватила его в процедурной, — белеет повязка. Сквозь марлю проступили пятна крови.

Зрители в ужасе охают.

Я качаю головой. Просто нелепо. Это ложь. Я не разбивала ему руку, я к ней просто прикоснулась. Никакой крови у него не было.

— Это ложь, — сообщаю я невидимым зрителям и троице, к которой теперь стою спиной. — Это он делал мне больно. Он! Постоянно, снова и снова. — И продолжаю, указывая в его сторону пальцем. — Он все время причинял мне боль, я вынуждена была защищаться!

Но они не слушают меня. Продолжают разглядывать запястье Марка, охать и покачивать головами.

Марк смотрит на меня, стоящую посреди зрительного зала. Потом отворачивается и снова переводит взгляд на столпившихся возле медицинского стола мужчин. Над сценой загорается все больше огней. Алый свет стал ярче. И теперь видно, что все эти люди трудятся над чем-то, что

лежит на массажном столе. Что же это такое? Вернее, кто? Не что, а кто?

И вот, наконец, я вижу ее. Замечаю в просветах между склонившимися над ней фигурами дергающиеся небритые ноги. Босые ступни, торчащие между обтянутыми хаки мужскими бедрами. Она извивается, и ее пристегивают к столу ремнями. А я чувствую, как эти тугие путы не дают ей пошевелиться. Чувствую, как скачет под ребрами ее сердце. Чувствую, как саднит от сорванного дыхания ее глотка.

— Кто это? — хочу выкрикнуть я, но голос не слушается.

Потому что я знаю, кто это. Всей кожей ощущаю каждое их прикосновение. Мышцы у меня ноют. Ноги и руки все сильнее немеют. Ступню выкручивает судорога. Внутри все ярче пульсирует алым паутина.

— Прекратите!

Никто мне не отвечает. Ни склонившиеся в алом мареве над столом мужчины. Ни восхищенно наблюдающие за ними зрители.

Марк тоже просто стоит и смотрит. Как эти люди, все ниже наклоняясь над столом, ломают и рвут на куски женское тело. Смотрит и улыбается — с сочувствием, но все же улыбается. Как будто

эта женщина, кем бы она ни была, сама напросилась. От нее одни проблемы. Что прикажете делать? Придется ее заткнуть. Иначе она никогда не перестанет жаловаться, твердить, что ей больно. Что ж, дадим ей реальный повод поныть, договорились?

— Нет, — трясу я головой. — Пожалуйста, не надо.

Но меня не слышат. Мужчины разговаривают только друг с другом. Один из них — доктор Ренье? доктор Харпер? — уже приготовил иглу. Такую огромную, какой я в жизни не видела. С кончика ее в потолок выстреливают капельки жидкости.

— Нет! Что вы с ней делаете? Перестаньте! Кто-нибудь, остановите его!

Но никто его не останавливает. Он втыкает иглу в тело женщины, и я бросаюсь к сцене.

— Никогда, — тем временем приговаривает доктор. — Я бы никогда. Никогда…

— И я бы ни за что, — встревает другой, — если бы только знал…

— Я бы все отменил, — поддакивает третий. — Все бы отменил, если бы только знал как.

— И я, и я.

— Я бы никогда так не поступил.

— Никогда, ни за что.

И вдруг оно возвращается. Впервые за долгое время. То знакомое яркое пламя. Языки его несутся вниз по моим бедрам. И нервы орут от боли. Я вскрикиваю — и в тот же миг вскрикивает и пристегнутая к столу женщина на сцене.

Зрители аплодируют. Доктор Ренье скромно кланяется.

Внезапно я падаю. Прямо в проходе. И вижу перед собой притоптывающие по полу черные кожаные ботинки. Не могу заставить себя поднять голову, взглянуть их хозяину в лицо и определить, кто из троицы передо мной. Они ведь только что сидели в заднем ряду, у меня за спиной, разве нет? А теперь сместились сюда, вперед. Аплодируют. И смеются.

«Мы просто хотим посмотреть хорошее представление, мисс Фитч».

Нет.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Зал охает. Кое-как распрямляюсь и начинаю ковылять к сцене, ко все плотнее сжимающемуся вокруг женщины, вокруг меня, кольцу мужчин.

— Я бы никогда, — напевают они. — Никогда, ни за что.

Они же сейчас убьют ее. Нужно спешить, оста-

новить их, но я еле ползу. Сильно хромаю. Скорее бы добраться до сцены, где двое мужчин вот-вот разрежут мою ногу на куски. В бедро снова втыкаются вилы. Три отметины. Кости орут от боли, заставляя меня разевать рот.

— Как бы я хотел все отменить, — поют мужчины. — Отменил бы все, если бы знал как.

— И я, и я.

Из легких вышибает воздух. Нога каменеет. Я снова падаю на пол. И на этот раз встать уже не могу. Если бы только мне удалось добраться до сцены. Если бы удалось спасти ее от них. Опираясь на руки, я ползу вперед. Ползу к алым огням, к кружку мужчин, которые, распевая, мучают несчастную женщину. Хочется что-то сказать, выкрикнуть, но горло сдавило. В висках пульсирует кровь.

В зале яростно аплодируют.

— Помогите, — шепчу я.

Но никто не бросается ко мне. Все только хлопают. Женщина на столе обмякла. Потеряла надежду. Сдалась. Ее нога свешивается с края. Омертвелая. И я это чувствую. Мужчины хлопают друг друга по плечу и тоже аплодируют. Отлично потрудились.

А зрители смотрят на меня, ползущую по полу,

и смеются. Притоптывают ногами. Черными остроносыми кожаными ботинками. От их топота, от хлопков у меня все тело трясется. И тут софиты снова гаснут.

* * *

Я смотрю в темноту. Как здесь теперь черно, как тихо. И боль ушла. Ничего не осталось. Стоит кромешная тьма. Нет, не кромешная. Откуда-то все же исходит мягкое мерцание. Бледно-голубое, как свет разгорающегося утра или гаснущего дня. «Как красиво», — думаю я. Но мне страшно. Чего я боюсь? Сцена подо мной мягкая, как трава. Цепляюсь пальцами за какие-то крошечные клинки. Повсюду пахнет цветами. И запах этот сладкий, как сама весна. Гиацинты. Сирень. Так лучше. Намного лучше. Цветы. Мягкая сцена. Голубоватый свет. Где я? Все еще здесь. Чувствую, как дышат в темноте зрители. И смотрят на меня. Страх все острее. Что дальше? Беги! Надо бы снова попытаться удрать. Выбраться отсюда. Позвать кого-нибудь. Привести помощь. Найти Грейс. Но могу ли я бегать? Не сломали ли меня те мужчины? Пытаюсь осторожно поджать пальцы ног. Потом легонько двигаю ступнями. Поднимаюсь на ноги — и это оказывается так легко, что я едва

не рыдаю от радости и облегчения. Со мной все в порядке! Слава богу, слава богу, слава богу! Только никто не хлопает. Странно… В зале повисла мертвая тишина. Зрители ждут.

«Беги! Беги прочь из театра и никогда не возвращайся».

Но что-то удерживает меня здесь — то ли сладкий запах цветов, то ли мягкий голубой свет. Ничто не мешает мне удрать, но я не делаю этого. Стою на месте, на мягкой, окутанной мглой сцене, и вдыхаю запах цветов. Я могла бы дышать им вечно.

А потом я вдруг слышу детский плач. И отзвуки колыбельной. Что? Откуда это? Вспыхивает голубой прожектор, и я вижу в центре сцены детскую кроватку. Стоит там, одна-одинешенька. Скорее туда! Нужно убедиться, что все в порядке. Нельзя же бросить ее тут, среди этих животных. Я спешу к ней, к стоящей посреди сцены колыбельке. Заглядываю внутрь и вижу плачущего младенца. Малышка сучит в воздухе крошечными ножками и ручками.

— Это же настоящий ребенок, — говорю я.

В зале раздаются негромкие аплодисменты.

— Чья она? — спрашиваю я у зрителей. — Откуда здесь взялся ребенок?

Все смеются. А малышка плачет все громче.

Я беру ее на руки. И она тут же замолкает. Разглядываю ее, а она смотрит на меня. Пухлые щечки. Ясные глазки. Смутно знакомые черты лица. А мои руки, удерживающие ее маленькое теплое тельце, откуда-то сами знают, что нужно делать. Может быть, я уже держала ее на руках? Но когда? Наверное, во сне. Разглядываю крошечное личико девочки, а она смотрит на меня с любопытством. «Кто ты? Кто тебя бросил здесь одну? Твоя мама сейчас в зрительном зале? Почему мои руки тебя так хорошо знают?»

Над нами вспыхивают все новые и новые софиты. Теперь я в другой гостиной. Совершенно обычной, если не считать, что пол в ней порос травой. Диван с бело-голубым цветочным узором. Два красных кресла. Пианино. Книжные шкафы. Заваленный детскими книжками журнальный столик. И повсюду цветы. Растут в траве на полу, красуются в вазах на столах. Здесь живет семья. Счастливая семья.

Хочу спросить, где я. Но нутром чую, что знаю это место. Знаю так же хорошо, как дом Грейс. Даже лучше. Откуда я его знаю? По спине бегут мурашки.

Малышка, которую я все еще держу на руках,

снова начинает хныкать. И сучить невероятно маленькими ножками в носочках. Я прижимаю ее к груди. И меня захлестывает каким-то странным чувством. По телу прокатывается волна тепла. А девочка сразу успокаивается.

В зале негромко хлопают.

— О, ты взяла ее, отлично, — говорит кто-то.

Я оборачиваюсь. Пол. Не Хьюго. Пол. Настоящий Пол. Золотисто-рыжие, как чешуя золотой рыбки, волосы блестят в свете софитов. Поднявшись на сцену, он направляется ко мне. И улыбается. В руках у него свежий букет цветов. И смотрит он на меня так, словно я все еще принадлежу ему, словно никогда его не обижала, не уходила прочь из этого дома. Словно я не потерялась в густой тьме, не разминулась с этой жизнью. Я все еще живу здесь. В доме, который после всех этих лет больше не узнаю. В нашем доме. За ним простирается сад, где я выращиваю розы, сирень и ирисы, мой личный готический садик с кизиловыми и вишневыми деревьями. По вечерам мы сидим в их прохладной тени. Сидим и любуемся, как растет и цветет все, что мы сами взрастили.

— Золотая рыбка, — говорю я.

Этот человек не может быть Полом. Но это он. От него пахнет свежим хлебом. И домом.

— Прости, принцесса, — улыбается Пол. — Я был в саду. Обычно она не заливается так отчаянно, правда, Элли?

Элли. Я разглядываю плачущую и сучащую ножками малышку. Руки у меня дрожат. Ладони взмокли от пота.

Пол улыбается нам. Глаза его светятся любовью. Он строит девочке забавную рожицу, и она хохочет. Смеется и Пол. И я тоже смеюсь, хотя по щекам у меня катятся слезы. Боже. Боже, что происходит?

Пол гладит меня по спине. Сон, сладкий сон. Это не может быть явью. Но его рука такая теплая, знакомая и настоящая. Тени рассеиваются, уходит тяжесть, которую я до сих пор даже не замечала. Душа поет. Сердце снова полно любовью. Ноги, словно цветы, утопают в мягкой земле.

— Наверное, вспомнила, что у мамы сегодня важная премьера? — говорит Пол, глядя на плачущую у меня в руках малышку. Ее глаза похожи сразу на мои и на его. И форма губ тоже.

«У мамы сегодня премьера. У мамы».

Зрители охают.

Пол улыбается. И в груди у меня ширится какое-то незнакомое чувство. Сцена под ногами делается все мягче и мягче. Голубой свет софита

жжет лицо. Малышка с каждой минутой кажется тяжелее. Все громче плачет, все сильнее крутится, и я боюсь, что вот-вот выроню ее из дрожащих рук. В последний момент Пол успевает выхватить ее у меня. И она тут же замолкает.

— Не волнуйся, Элли, — приговаривает он. — Твоя мама — прирожденная актриса. Сегодня она будет блистать на сцене. Всех затмит. Как и всегда.

Он улыбается мне так тепло, что я сразу же понимаю — никакого мрака из нашей былой жизни в этой версии не было. Он сюда не пробрался, никогда не стучал в эту дверь.

— И роль она знает как свои пять пальцев, верно? — продолжает Пол. — Мы с ней и познакомились в театре. В Эдинбурге, она играла Елену, а я увидел ее на сцене. Подумать только, ведь я в тот вечер даже на спектакль идти не хотел. Что это, как не судьба? Она тогда всех очаровала. И меня покорила. С того дня я и околдован.

Он смотрит на меня и улыбается. Но вдруг хмурит брови.

— Подожди-ка, а как же твое платье? Нужно одеть тебя, Принцесса. Все-таки у тебя сегодня важная премьера.

Он отдает мне Элли. И она тычется носиком

мне в плечо. Пол снимает с подлокотника кресла алую скатерть, набрасывает ее на меня, как плащ, а уголки завязывает на плече, так что получается тога. Я в детстве так делала, мастерила себе костюм из маминой скатерти. Разве я ему об этом рассказывала?

Чуть отстранившись, он любуется моим одеянием. Его руки по-прежнему лежат у меня на плечах. Такие теплые. А глаза — добрые.

Зрители сидят, затаив дыхание.

— Чего-то не хватает, — наконец, заключает Пол. И выдергивает розу из стоящей на журнальном столике корзинки с цветами. — Принцесса, в твоем готическом садике уже все розы распустились. Только посмотри.

Пол кивает на бутафорское окно, залитое фальшивым голубым светом. За ним виден грубо намалеванный на куске фанеры сад. Спутанные зеленые завитки, испещренные красными, фиолетовыми и синими пятнами.

— Видишь? — спрашивает он.

— Вижу.

— Красиво, правда?

— Правда.

Пол втыкает розу мне в волосы.

— Идеально. Ты будешь восхитительной Еле-

ной.

Он улыбается. А потом целует мне руку. Его губы касаются моей кожи. А я-то боялась, что никогда больше этого не почувствую.

Вдруг в глубине сцены загорается еще один софит. И я вижу за спиной у Пола Грейс. Она стоит босиком в дальнем углу гостиной среди растущих на полу цветов.

— Грейс! — вскрикиваю я. — Боже, Грейс, это ты? Ты жива! Ты очнулась!

Но она не отвечает. Просто стоит в траве и смотрит на меня. На ней голубой медицинский халат. Лицо бледное, измученное. Руки бессильно опущены. Стоит и смотрит на меня темными ввалившимися глазами.

Элли начинает ерзать у меня в руках. Взглянув на Пола, я вижу, что он все так же безмятежно улыбается, как будто ничего не видел и не слышал. Грейс он не замечает. Ведет себя так, будто нас здесь только трое. Я, он и Элли — среди цветов.

— Все в порядке, принцесса?

Пол подходит ближе. Кладет мне руку на щеку. И чем нежнее он гладит меня по лицу, тем чаще начинает дышать Грейс. Краем глаза я вижу, как вздымается и опадает ее грудная клетка. Как

будто чем ближе я к Полу и Элли, тем хуже ей становится.

Закрываю глаза. «Нет. Нет, этого не может быть». А открыв, снова вижу улыбающегося Пола и лежащую у меня на руках Элли. Но Грейс тоже никуда не исчезла. По-прежнему стоит в углу и смотрит на меня. Дрожит всем телом и прерывисто дышит.

— О, только посмотри на себя, — говорит Пол, — ты нервничаешь, принцесса. Тебя трясет. Может, порепетируем еще разок? На дорожку?

Зрители радостно хлопают и понукают нас воплями.

— Пробежимся еще раз по последней сцене? Той, где Елена воскресает из мертвых? А Бертрам влюбляется в нее? Знаю, как ты ее любишь, — говорит Пол. — И мне она нравится.

Смотрю на Грейс. Она еще сильнее побледнела, а когда Пол целует мне руку, у нее перехватывает дыхание. Снова чувствую на коже его губы. И Элли прижимается щечкой к моему плечу. Обнимает меня своей крошечной ручкой.

— Я правда ее люблю, — отвечаю я, отвернувшись от Грейс.

В зале бурно аплодируют.

— Я почитаю за Бертрама и за Короля, — с улыб-

кой говорит Пол. — Итак, я только что узнал, что ты не умерла, верно?

— Не умерла, — киваю я.

— Ты все это время была жива. И даже носишь под сердцем моего ребенка. А на пальце у тебя мое кольцо. И тут я в тебя влюбляюсь. Как мне и следовало поступить с самого начала. Это поворотный момент. Вселенная переворачивается с ног на голову. Все меняется. Теперь мы свободны. И можем начать сначала.

Грейс за спиной у Пола дышит все чаще и чаще.

— Спорить готов, именно за это место ты больше всего переживаешь, верно ведь?

Он нежно, ободряюще мне улыбается. В этом мире я всегда поступаю правильно. Элли засыпает у меня на руках. Ее невероятно мягкие медовые волосы щекочут мне щеку и шею.

— Да, — киваю я.

И зрители понятливо гудят.

— Тогда, может, начну я? Итак, реплика Короля. — Пол откашливается. — «Что за чародей мои глаза обманывает ложью? Иль вижу то, что есть?» — произносит он хриплым старческим голосом. И смотрит на меня глазами Короля. Очарованные зрители смеются. И Пол расклани-

вается перед ними.

Глянув на Грейс, я вижу, что она уже заваливается вперед. И дышит с присвистом.

— Грейс! — кричу я.

Элли снова начинает ворочаться у меня в руках. А Пол улыбается. Он ничего не слышит, ничего не замечает, видит только меня и сцену, которую мы разыгрываем — Елену и Короля/Бертрама. Взяв меня за руку, он сжимает мне пальцы. И шепчет:

— Твоя реплика, принцесса.

— «Н-нет, государь, — произношу я. — Вы видите…» — и осекаюсь, заметив, что Грейс хватается за грудь.

— «Вы видите лишь тень его жены», — шепотом подсказывает Пол и ласково поворачивает мое лицо к себе.

— «Вы видите лишь тень его жены, — повторяю я и зажмуриваюсь, отдаваясь теплу его рук. — Лишь имя, не предмет».

Снова открыв глаза, я приказываю себе не смотреть в угол. Глядеть только на Пола. Пола, который не сводит с меня глаз. Во взгляде его столько любви… Он уже не Король, теперь он Бертрам. Черты лица смягчились, и я вижу перед собой молодого придворного. Который наконец-то, пройдя сквозь все перипетии этой истории,

стал мудрее. Теперь он готов любить и лелеять ту, от которой раньше отворачивался. Меня. Отвергнутую жену, восставшую из мертвых. У меня на пальце его кольцо. А в руках его ребенок. Тяжеленькая, теплая и нежная малышка.

— «То и другое! Прости меня!» — вскрикивает он.

А потом гладит меня по лицу и целует. Мы падаем на колени в мягкую траву. Нас окутывает густой цветочный аромат. И омывает голубой свет. Пол все так же держит в ладонях мое лицо. А я прижимаю к себе Элли. И не свожу с него глаз. Вообще не смотрю на Грейс. Которая теперь цепляется руками за горло. И глядит на меня испуганными, печальными, умоляющими глазами. В душе я знаю, что, если обниму Пола, прижму Элли к себе еще крепче, доиграю сцену до конца, Грейс умрет.

— «Вы мой теперь, когда…» — снова шепотом подсказывает мне Пол. Моя реплика. Реплика Елены.

Элли ерзает у меня в руках. Глянув вниз, я вижу, что она проснулась и смотрит на меня своими большими ясными синими глазами. Его глаза и мои глаза. Его рот и мой рот. Малышка тянет ко мне свои крошечные ручки. А потом вдруг запус-

кает их мне в волосы и больно тянет за прядь. И внезапно я замечаю, что в руке она держит маленький засохший лиловый цветок. И с улыбкой протягивает его мне. Подарок. Подарок из моих собственных волос. Я беру его, и она смотрит на меня, очень довольная. Смотрит на свою мать. Которая всегда поступает правильно.

— «Вы — мой теперь, когда вдвойне вы взяты!» — снова подсказывает Пол. — Давай же, принцесса!

Я оглядываюсь на Грейс. Она уже упала на колени. Вся скорчилась. И, задыхаясь, пытается подползти к нам.

— Не могу. Мне нужно идти, — объявляю я Полу.

И когда высвобождаюсь из его рук, что-то надрывается у меня в груди. Там теперь зияет открытая рана.

— Грейс! — вскрикиваю я. — Грейс!

Но броситься к ней с Элли на руках не могу. И тогда я кладу ее на расстеленное на травяном полу одеяльце. Лишиться ее тепла, выпустить из объятий, оставить в траве — все равно что броситься в бездну. Дыра в груди ширится.

— Я сейчас вернусь, — говорю я малышке.

А она улыбается и смотрит на меня так довер-

чиво, так нежно. С трудом оторвавшись от нее, я встаю на ноги и оборачиваюсь к Грейс:

— Грейс!

Но в углу уже никого нет. Там клубится тьма. Грейс исчезла. А посреди гостиной в голубом луче стоит Пол. Элли пропала. Нет больше ни одеяльца, ни колыбельки. Трава под ногами посерела. Цветы увяли и засохли. А Пол стоит среди развалин и смотрит на меня.

— Что случилось, Пол? Где Элли? — спрашиваю я.

Но он не отвечает. Просто стоит в серой траве. Запавшие глаза пусты. А лицо скрывает густая тень.

— Пол, где Элли?

— Ты права, — говорит он. — Тебе надо идти.

— О чем ты? Что происходит?

— Тебя ждут, Миранда. Разве ты не слышишь?

И да, я слышу. Слышу, как в отдалении ревут бурные аплодисменты. Пожалуй, слишком бурные для малой сцены. И слишком далекие. Это где-то там, в большом зале.

— Тебе пора туда, — говорит Пол.

Мне вдруг становится страшно. Я бросаюсь к Полу. Беру его за руки. Но они теперь вялые. Слабые. Готовые меня отпустить. Вжавшись лицом

ему в шею, я вдыхаю его медово-хлебный запах. Запускаю пальцы в блестящие в свете софитов волосы. Золотисто-рыжие, как чешуя золотой рыбки.

— Я не хочу уходить, — говорю я ему. — Хочу остаться здесь, с тобой и Элли. Почему я не могу остаться с вами? Где Элли, Пол? Где Элли?

— Тебе пора, Миранда. Это твое представление.

Опускаю глаза на руки Пола, которые все еще сжимаю. Но они больше не сжимают мои в ответ. Это я цепляюсь за него, цепляюсь из последних сил.

— Давай снова порепетируем, — умоляю я. — Пожалуйста, Пол, я готова. Я помню свои слова: «Вы — мой теперь, когда вдвойне вы взяты!»

И жду, что он произнесет ответную реплику Бертрама, ту, что навсегда запечатлелась в моей душе, ту, где он признается мне в любви. «Когда она даст объясненье чуду, ее любить я вечно, вечно буду».

Пол грустно улыбается. Лицо его расплывается у меня перед глазами.

— «Оказывается, что все «вчера» нам сзади освещали путь к могиле»[28], — произносит он.

---

[28] Notes: 28
У. Шекспир. «Макбет».

— Что?

Он не отвечает, лишь смотрит с нежностью.

— «Конец, конец, огарок догорел! Жизнь — только тень, она — актер на сцене. Сыграл свой час, побегал, пошумел — и был таков».

Пол улыбается. И на мгновение мне кажется, что я вижу его череп, просвечивающий сквозь кожу. Трясу головой, и видение исчезает. А Пол все так же стоит в серой траве и глядит на меня потухшими глазами.

В груди у меня ширится дыра. Черная, как кромешная тьма.

— Не та реплика, — объясняю я Полу. — Это из «Макбета». Его последний монолог. Перед тем, как его убьют.

Он целует меня в лоб. Сухие горячие губы прикасаются к моей коже.

— Пол, ты меня слышал? Ты спутал реплики.

Но он лишь смотрит на меня. Отлично зная, что это не те слова. И софит над его головой постепенно гаснет.

— Пол, что происходит?

Я крепче вцепляюсь ему в руку, но она выскальзывает из пальцев. Огни над сценой меркнут. И вдруг мне на грудь наваливается тяжесть. Такая, что невозможно вздохнуть. Образ Пола тускнеет,

рассеивается прямо у меня на глазах.

— Миранда, нельзя заставлять зрителей ждать. — Его руки выскальзывают из моих пальцев, как бы отчаянно я за них не цеплялась. А самого его уже поглощает тьма. — Разве ты их не слышишь?

— Слышу. Но мне плевать. Пожалуйста, Золотая рыбка, не бросай меня!

Софиты гаснут. Что-то рвется в груди. Это сердце. Мое сердце разорвалось на части. Боль такая острая, такая резкая, что я, задыхаясь, падаю на колени. И кричу:

— Пол! Пол?

Но он исчез. Пропали и зрители. Я осталась одна во тьме. Одна на малой сцене. А там, в главном зале, все орут и хлопают. И ждут меня.

Глава 29

От слез в глазах темнота плывет. Я иду на звук аплодисментов, иду по темному коридору к сцене за алым занавесом. Рев становится все громче и громче. И моя грусть от него немного развеивается. Боже мой, зрители в нетерпении. Надеюсь, я их не разочарую. Как, кстати, начинается пьеса? Ах, да, я плачу. Плачу от того, что тайная влюбленность в Бертрама разбивает мне сердце. Все думают, что я горюю по умершему отцу, но на самом деле все из-за Бертрама. Как хорошо, что я уже в слезах. «Использую это, — думаю я, приближаясь к алому занавесу. — Боль — это дар».

Зрители хлопают так неистово, что я не могу сдержать улыбку. Какая там у меня первая реплика? «Я выказываю горе, это правда, но у меня и есть горе». Точно! Только бы не забыть, только бы не забыть.

Раздергиваю занавес. И вижу, что все уже стоят на сцене рядком, взявшись за руки. Они что, начали без меня? Я опоздала? «Опоздала на собственное возвращение, Миранда». Как непрофессионально! Но не могли же они начать без Елены. У меня вдруг начинает кружиться голова,

кажется, я сейчас упаду. Опустив глаза, вижу кровь на полу. Ах, это рана на лодыжке. Все еще кровоточит.

— Мисс Фитч! — окликает меня кто-то. Это юноша в костюме вельможи. — У нас получилось!

— Мисс Фитч? Меня зовут Елена, милорд, — подмигиваю ему я. — Где графиня Руссильонская?

— Что? — растерянно хлопает глазами он.

— Я опоздала? — шепотом спрашиваю я. — Не хочу пропустить свой выход.

— Ваш выход? Мисс Фитч, так ведь мы уже…

— Вау, как громко они аплодируют, слышишь? Боже, какой ажиотаж!

— Мисс Фитч, подождите. Что вы?..

Я выхожу на авансцену с улыбкой, хоть по щекам все еще бегут слезы. Смеюсь и плачу. Это ведь проблемная пьеса, помните? Не трагедия, не комедия. То и другое. Все сразу.

На сцене меня мгновенно ослепляют сияющие ярче солнца огни. Как жарко они светят, пробирают до самых костей. Все по-прежнему стоят рядком. И разом кланяются. Как это? Мы что, уже вышли на поклоны? Как такое возможно?

— Мисс Фитч, поздравляем! — кричат они мне. — У нас получилось!

— Меня зовут Елена, — шепчу я.

— Мисс Фитч, вы в порядке? — спрашивают они. — Мисс Фитч, куда вы? Мисс Фитч…

Сцена под ногами такая мягкая. Как самый мягкий в мире ковер, как нежнейшая земля. А еще она слегка кренится набок. И кружится, медленно кружится. Как странно. Может, это какой-то новомодный эффект? В конце концов, в этой пьесе вселенная переворачивается с ног на голову. И все же жаль, что никто меня не предупредил. Из-за этих трепыханий мне непросто добраться до авансцены, до своего места, где почему-то уже стоят, взявшись за руки, юноша и девушка. Вот они кланяются. Как горячо аплодируют мне зрители. Свистят, улюлюкают, топают ногами. Стоит мне только ступить на авансцену, как весь зал вскакивает на ноги.

— Спасибо, — говорю я зрителям. — Большое спасибо.

Юноша и девушка обернулись, когда я появилась. И теперь машут, приглашая меня к ним присоединиться. Разве так начинается эта пьеса? Где мне встать? Откуда я буду рассказывать о своем разбитом сердце? Наверное, режиссер говорил, но я почему-то не помню. Как неловко, придется спросить у кого-нибудь из актеров. Ничего, я шепотом. Вот, например, у тех юно-

ши и девушки, которые мне машут. На парне костюм придворного. Это, наверное, Бертрам, мой партнер. Он должен знать, где мне встать. А эта девушка рядом с ним… Кого она играет? На ней, как и на мне, красное платье. В руках букет полевых цветов. Она что, Елена? Не может быть, ведь Елена — я. Должно быть, она моя дублерша. Я опоздала, слишком долго болтала с тем вельможей за кулисами, вот ее и попросили начать. Что ж, теперь я здесь. Я иду к девушке в костюме Елены, которая кланяется и держит в руках цветы, мои цветы. Нужно им объяснить: «Это я Елена. Я!»

Она с улыбкой смотрит на меня:

— Профессор Фитч.

— Елена, — поправляю я.

Придется побороться с ней за место на сцене. Но я готова. Руки уже сжались в кулаки. Однако девушка просто протягивает мне букет:

— Это вам.

Щеки у нее пылают, глаза блестят. А сцена у меня под ногами по-прежнему вертится, как Земля. Похоже, и сам театр тоже вращается.

— Где мне начинать? — шепчу я другой Елене. — Я что, пропустила свой выход?

Она непонимающе хмурится.

— Профессор, спектакль окончен. — Потом окидывает взглядом мою алую тогу. — С вами все в порядке?

Произнесу-ка я свою первую реплику, пока не поздно, пока она не отобрала у меня роль. Как там? Ах, да. Улыбнувшись, я обвожу зал взглядом и говорю:

— «С тех пор я ужасами сыт по горло»[29].

Зрители замолкают. Аплодисменты стихают. Подождите, да разве это первая реплика? Нет же! Оборачиваюсь к Елене, которая теперь смотрит на меня с испугом. О нет, я начала не с того. Черт! Попробую сначала.

— «Я смерти не боюсь, пока не сдан Бирнамской роще замок Дунсинан», — выкрикиваю я.

Зал замирает.

— Профессор Фитч, — шипит другая Елена, дергая меня за руку.

Лицо ее вдруг начинает кружиться, точно как сцена и стены, и хлопающие в ладоши силуэты в темноте. Все кружится и заваливается набок. Не удивительно, что Елена в панике. Она хватает меня за руку и упрашивает:

— Поклонитесь вместе со мной, профессор.

---

[29] Notes: 29
У. Шекспир. «Макбет».

Я кланяюсь, и зрители снова ревут. И хлопают еще громче. А я краем глаза замечаю кого-то. К нам идет девушка, переодетая стариком. В руке у нее скипетр, на лице бутафорская борода. Каскад блестящих каштановых волос венчает корона из горного хрусталя. Ага, это Король. Он ко мне, наверняка сейчас попросит исцелить его, ведь он очень болен.

— Миранда, — шепчет мне Елена. — Пойдемте.

— Нет, подожди, — не соглашаюсь я. — Это же Король. Мне нужно его вылечить. Он страдает.

Но на вид Король кажется абсолютно здоровым. Лицо ее сияет. На щеках играет здоровый румянец. Да она же вся светится! Идет ко мне и зовет:

— Мисс Фитч! Мисс Фитч!

Надо же, похоже, ей вовсе не мешает то, что сцена кружится и кренится. А ведь она с каждой секундой вращается все быстрее.

Я смотрю на спешащего ко мне Короля. Он бежит, не сводя с меня своих зеленых, как листва, глаз. Стойте, да ведь это не Король. Это мой враг! Тянет ко мне руки, чтобы убить меня. Отомстить за все, что я сделала. Прямо на сцене, под рев зрительного зала.

— Мисс Фитч, — кричит она, со всех ног бросаясь ко мне.

Я отшатываюсь, пячусь назад, чтобы она меня не достала. Пячусь, пячусь и вдруг падаю. Лечу вниз со сцены. Как же далеко до пола. Как долго я падаю. Несколько минут или даже часов с криком несусь сквозь пронизанный ярким светом воздух. И, наконец, с жутким хрустом приземляюсь на пол. Кажется, весь скелет в теле вздрагивает. А кости взрываются и рассыпаются звездочками.

Черное небо, яркие звезды. Теперь они гаснут, гаснут, одна за другой.

Глава 30

Свет. Приглушенный свет падает мне на лицо. Это смерть? Какой он, этот свет, божественный или дьявольский? Нет, он земной. Театральный. Я жива. И сижу в маленькой, ярко освещенной комнате. Вдоль бетонных стен расставлены туалетные столики, мерцают подсветкой зеркала. А еще здесь полно детей. Детей в дурацких псевдоелизаветинских костюмах. Все они сгрудились вокруг меня. На взмокших от пота лицах расплывается скверный грим, в глазах тревога и страх.

— Она очнулась, она очнулась, — сообщают они друг другу.

И расступаются.

На лбу у меня лежит влажная холодная тряпка. А еще кто-то нежно держит меня за руку. Пол.

— Пол, — шепчу я. — Слава богу, ты здесь. Где Элли?

— Я тут, Миранда, — произносит чей-то голос рядом.

Голос юный и нежный, как и рука, сжимающая мои пальцы. И я вдруг понимаю, что и голос, и рука принадлежат одному и тому же человеку.

Поворачиваю голову. Это Элли. Не малышка

Элли. Не моя Элли. Взрослая Элли в алом платье Елены. Она испуганно смотрит на меня и спрашивает:

— Кто такой Пол?

И лицо Пола тут же поглощает тьма. Холодная тьма, подбирающаяся к моему сознанию.

— Элли, — шепчу я. — Что случилось?

— А вы не помните, Миранда? Вы упали со сцены.

— Правда?

— Да. И выглядело это довольно страшно. Я испугалась. Мы все испугались. На минуту даже подумали, что мы вас потеряли. К счастью, среди зрителей оказались врачи.

— Врачи?

— Да, целых трое. И сидели они в первом ряду, ровно в том месте, где вы упали, представляете? Они вас осмотрели и сказали, что все в порядке. Ничего не сломано. — Она улыбается. — Вот повезло, правда?

Холодная тьма вцепляется в меня.

— Да. Повезло.

— Миранда, что-то не так? Вы побледнели. Все в порядке? Вам не больно?

Я вспоминаю, как хрустнули мои кости, когда я рухнула на пол зрительного зала. Как вздрогнул

в теле скелет. Ощупываю себя руками. Ничего. Только небольшая тяжесть в груди. А еще ноги и руки глухо гудят, чего раньше не наблюдалось.

— Больно, — бормочу я. — Или нет. Не знаю.

— Вы, наверное, все еще в шоке. Учитывая, что вам пришлось пережить.

Перед глазами мелькают вспышки. Пол, стоящий в серой траве. Теплая и нежная малышка в моих руках, малышка, которой никогда не существовало. И Грейс. О господи, Грейс.

— Врачи сказали, что вам какое-то время будет очень больно, особенно когда пройдет первый шок. Сказали, что этого следует ожидать.

— Они так сказали?

Я вдруг понимаю, что больше не пою. Не звенит от легкости кровь, не мерцают клетки плоти. Голос теперь тяжелый и какой-то надломленный.

— Мне жаль, Миранда. Но, наверное, все могло быть куда хуже. Даже врачи удивились, что вы ничего не повредили. Почти разозлились, что им нечего лечить. — Она улыбается. — Вот как хорошо, что вы приняли мою ванну. Может, как раз она вас и спасла.

Я оглядываюсь на зеркало над туалетным столиком. В волосах торчит вилка. Тело обернуто алой скатертью, которую Пол завязал у меня на

плече, как тогу. К коже пристали водоросли, веточки и крошечные белые и лиловые лепестки. Вспоминаю, как малышка Элли вытащила из моих волос цветок. И вручила его мне как подарок.

Перевожу взгляд на Элли, которая по-прежнему держит меня за руку и смотрит с надеждой. И вдруг замечаю, что теперь мне и правда немного больно. Болят кости, болит плоть, болит сердце. Все болит.

— Но вам нужно себя беречь, — быстро добавляет Элли. — Вы, наверное, очень ослабели от той раны. Было сильное кровотечение. Они наложили вам новую перевязку. Представляете, у одного из врачей оказался с собой саквояж с инструментами. Я раньше такое только в кино видела. Вообще-то он был похож на бутафорский. Я так ему и сказала, мол, ваш саквояж как будто бутафорский. А он рассмеялся и ответил — отличная мысль. А еще добавил, что обожает театр.

Смотрю на свою лодыжку, на которой и правда теперь красуется свежая повязка. Наконец-то кровь больше не идет. На бинте, как мишень, чернеет нарисованная кем-то хмурая рожица. И я понимаю, что именно в этом месте пульсирует тупая боль. Словно под повязкой наливается черный кровоподтек.

— Элли, а еще врачи что-нибудь говорили? Про спектакль, например?

— Нет, ничего, — вспыхивает Элли.

— Не может быть, они точно что-то сказали. А, Элли?

Она качает головой.

— Миранда, да какая разница? Они же просто врачи. Что они понимают в театре? К тому же искусство — вещь субъективная.

— Элли, прошу тебя. Пожалуйста, ответь, что они сказали.

Боль расползается по руке, по пальцам, цепляющимся за ее ладонь.

— Они сказали… — Элли отводит глаза. — Они просили передать, что спектакль их не впечатлил.

— А что *конкретно* они сказали?

— Сказали, что они… разочарованы, — признается она, все так же не глядя на меня. — Что не испытали катарсиса. Что так и не увидели… — Она снова качает головой.

Я вспоминаю, как рыдала на малой сцене возле тела Грейс. Вспоминаю собравшихся кружком и истязающих меня мужчин. Как я, будто змея, ползла между рядов к сцене, на которой стоял медицинский стол. Связь, которую ощутила, дер-

жа в руках Элли. А потом я отвернулась от нее. И бросилась спасать Грейс. Которая тут же исчезла. Осталась только серая трава в углу. Сердце в груди разорвалось на куски, и дыхание выбило из легких.

— Так и не увидели хорошего представления, — заканчиваю я.

Элли молчит.

В груди снова саднит открытая рана. На меня волнами накатывает печаль. Значит, это только вопрос времени. Все вернется — цементная нога, алая паутина, толстяк со стулом. «Когда пройдет первый шок. Этого следует ожидать». И никакими смесями для ванн, никакими лепестками меня не спасти.

— Простите, Миранда. Я не хотела вам говорить, хоть они и просили передать. Сказали, что вам важно будет это услышать. А я подумала: «Зачем? Зачем ей об этом знать?» Честно говоря, они показались мне какими-то странными типами. А еще они почему-то сказали, что хотели бы, чтобы им возместили затраты. И что они еще выйдут на связь.

— Выйдут на связь, — повторяю я, закрывая глаза. Холодная мгла наполняет меня. — Конечно.

— Если вас это хоть сколько-нибудь утешит, —

продолжает Элли, — по-моему, спектакль получился замечательный. Все со мной согласны. И… — Помолчав, она набирает в грудь побольше воздуха. — Я хочу сказать вам огромное спасибо. За то, что дали мне шанс, что доверили Елену. У меня слов не хватает передать, как я вам благодарна… за все.

Она сжимает мои пальцы. Как больно! Но я не вырываюсь. Пусть болит. Пусть все болит. К собственному удивлению, я даже улыбаюсь ей.

— Не за что, Элли. Ты это заслужила.

— А еще, — шепчет она. — Я все исправила.

— Что исправила?

— А вы не видели? Миранда, я все исправила, как и обещала перед началом спектакля. У меня получилось. Как и со смесями, которыми я вылечила вас.

— В каком смысле «получилось»?

В эту минуту кто-то деликатно стучит в дверь.

— Элли? — окликает мелодичный голосок.

И я знаю, чей он. Конечно, знаю. Раньше он звучал так пронзительно, что у меня каменела нога и вспыхивали нервы. Легкий, игривый, он постоянно подрывал мой авторитет и высмеивал страдания. Буквально пару часов назад от него оставалось лишь жалкое подобие, и вот он

снова звучит в полную силу. Только теперь в нем появилась глубина. Незнакомое мне богатство оттенков. Обернувшись, я вижу ее в дверях. Бледность ушла, обрамленные пышными блестящими волосами щеки нежно алеют. Костюм Короля она сняла, теперь она — просто Бриана. Но иная Бриана. Не визгливая девчонка в кофточке с расклешенными рукавами. Не выхолощенная оболочка себя прежней в голубом больничном халате, подволакивающая омертвелую ногу — мою омертвелую ногу, сжимающая Эллину бутылку для воды и шипящая: «Ведьма!» Эта стоящая в дверях девушка — сияющая, дышащая ровно и спокойно, глядящая на Элли тепло и приветливо — совсем другой человек.

— Элли, — говорит Бриана, — вот ты где.

И идет к ней, будто Элли — ее маяк, путеводная звезда, лучшая подруга. Не хромает, но и не порхает с той беспечной легкостью, от которой в прежние времена у меня щипало глаза. Нет, в ней появилась какая-то новая тяжелая грация. Словно теперь она понимает, какой это дар — ходить, просто ходить без боли. «Это дар, — говорит ее походка. — И отныне я буду двигаться осторожно, каждым своим движением выражая горячую благодарность».

Подойдя к Элли, она целует ее в бледную щеку. И кладет руку ей на плечо.

— Элли, — произносит она своим новым звучным голосом. — Я тебя повсюду искала.

Элли же смотрит на нее так, словно все эти перемены нисколько ее не удивляют. И нет ничего странного в том, что Бриана, девушка, которая целых три года и замечать ее не желала, теперь ищет ее повсюду.

— Я просто решила посидеть тут с Мирандой, — объясняет она.

Бриана наконец-то оборачивается ко мне. Ее зеленые глаза снова ярко сияют, но на листву теперь легла тень. Потому что эти глаза видели темную бездну, видели смерть. Они смотрят на меня пристально, подмечая и тогу из скатерти, и вилку в волосах.

— Вот это было падение, мисс Фитч, — говорит Бриана.

— Да, — отвечаю я.

— Я была уверена, что вы погибли. Но теперь вижу, что вы живы, и… я рада, — поколебавшись, добавляет она.

— Спасибо, — отвечаю я. И окидываю ее взглядом. — Отлично выглядишь.

— Да. — Она улыбается, и лицо ее снова, как

цветок к солнцу, обращается к Элли.

Бриана обнимает ее за бледные плечи, к которым тут же приливает кровь.

— Может быть, именно сцена и была мне нужна, — сообщает она Элли.

А та прикусывает губы, чтобы не ухмыльнуться, и смотрит на меня, словно бы спрашивая: «Видите, Миранда? Я же говорила вам, что все исправлю. Исправлю так же, как испортила».

— Наверное, театр исцеляет.

— Да-да, вы ведь сами так всегда говорили, правда, Миранда? — обращается ко мне Элли. — Что театр исцеляет?

— Да, — соглашаюсь я. Хотя никогда такого не говорила.

Бриана тянет Элли за руку.

— Мы собрались сходить куда-нибудь отпраздновать. Ты с нами?

— О, я лучше побуду с Мирандой. По крайней мере, пока Грейс не вернется. Но потом я вас догоню, хорошо?

Бриана снова целует Элли, неловко прощается со мной и уходит. Но я не слышу ни звука из того, что она говорит, потому что все заглушает только одно слово — *Грейс*. Оно отдается во мне эхом. *Грейс, Грейс, Грейс*.

— Грейс, — шепчу я. Поднимаю глаза на смеющуюся Элли, собираюсь с духом и, сделав глубокий вдох, объявляю: — Элли, Грейс мертва.

— Что? Нет, Миранда, Грейс здесь. После спектакля она всем нам сказала свои замечания. Очень полезные. Она…

— Элли, ты слышишь меня? Я убила ее. Убила Грейс. Пыталась все отменить, откатить назад, но не вышло, было слишком поздно.

От этого признания какая-то плотина внутри меня прорывается, и слезы, хлынув из глаз, текут по щекам. Элли же смотрит на меня в ужасе, но при этом с жалостью.

— Ох, Миранда, вы, похоже, и правда сильно ударились, когда упали.

— О, глядите-ка, кто это у нас воскрес из мертвых? — восклицает стоящая в дверях Грейс.

Да, она стоит в проеме в своем охотничьем жилете. Улыбается, как будто я вовсе не бросала ее умирать. Держит в руках бутылку шампанского, которую я посылала ей домой, и два пластиковых стаканчика. И, ласково взглянув на меня, добавляет:

— Похоже, этому кому-то не помешает выпить.

Глава 31

Я твержу себе, что это сон. Это мне только снится, что мы с Грейс сидим рядом. На самом деле я все еще в малом зале, я из него даже не выходила. А может, я умерла. Или в коме. Моему сознанию осталось жить считаные минуты, и мозг решил показать мне успокоительный фокус. Ведь нет никаких сомнений, что Грейс мертва или смертельно больна, иначе она позвонила бы в полицию. Не можем мы сидеть за одним столом — и где! В «Проныре»! Среди алых стен и звериных морд, приветственно таращащихся на нас черными блестящими глазами. Это Грейс захотела прийти сюда.

«Может, заглянем в наше старое логово?» — предложила она, когда мы вышли из театра и лениво побрели к парковке, как будто ничего плохого между нами ни на парковке, ни где-либо еще никогда не случалось. Я все пыталась взять ее, Грейс, за уже не холодную руку — недоверчиво, благодарно. А она, хоть и косилась на меня с удивлением, но не отшатывалась. Предлагала мне свою руку и сжимала мою в ответ.

«Так что, в паб? — продолжила она. — Смерть

как хочется чего-нибудь сытного. Их рыба с картошкой — прямо то, что доктор прописал».

Спустился туман. Я все думала: «Не ходи туда, никогда больше туда не возвращайся». Но потом взглянула на это чудо — на Грейс, которая держала меня за руку в темноте, невероятно живая и веселая, и предлагала отпраздновать премьеру в нашем старом логове, и согласилась: «Да, конечно, как скажешь, Грейс».

К тому моменту, как мы добрались до «Проныры», туман так сгустился, что уже не видно было деревянного человечка, раскачивавшегося на крюке над входом.

«Говорили, ночь будет ясная, — со смехом сказала Грейс, берясь за ручку двери. — А вроде что-то надвигается. Не чувствуешь?»

«Чувствую. Надвигается», — ответила я. Да, я чувствовала их разлитый во влажном воздухе гнев. И занесенный над моей головой меч. Чуяла свою погибель в сгущающейся мгле, сквозь которую мы ехали сюда. И видела в боковом зеркале машины три силуэта, трусивших за мной, словно стая волков. Но, как ни странно, весь ужас остался в гримерной. Припарковав автомобиль и направившись к Грейс, я даже улыбнулась туману. Я шла ровно, не хромала. Пока не хромала. Ловила

ноющими руками разлитую в воздухе морось. И шептала сгущавшимся в небесах черным тучам: «Давайте же! Забирайте меня».

«Это ты кому, Миранда?» — спросила Грейс, улыбаясь мне сквозь туман.

«Никому».

Я вошла в паб вслед за ней.

Казалось, вот-вот что-то лопнет, швы вокруг сцены разойдутся и явят нам черную звездную мертвенную пустоту или зал, где притаились во тьме зрители.

Но ничего не происходило. Мы просто сидели и улыбались друг другу, а между нами трепетал оранжевый огонек свечи. Мы улыбались друг другу в ее красноватом свете, а мир за окном все сильнее заволакивался туманом. Начинал накрапывать дождь. Грейс поставила для меня песню в музыкальном автомате. «Я и моя тень»[30], Джуди Гарленд. И сказала, что в последнее время постоянно мурлычет ее себе под нос. Честно сказать, всю весну. Ну и странная она в этом году, весна, добавила она. А я с ней согласилась. Очень странная. Вообще безумное время года, покивали мы друг другу. Каждый раз какая-то кутерьма.

---

[30] Notes: 30

Me and My Shadow — популярная американская песня, написанная в 1927 году.

— А уж сегодня и говорить нечего, — добавляет Грейс. — Сплошные накладки.

— Сплошные.

Она рассказывает, что опоздала к началу спектакля. Сначала вообще не хотела идти, неважно себя чувствовала, но потом ей стало лучше. Как будто гора какая-то с плеч свалилась, добавляет она, глядя в занавешенное туманом стекло. В общем, когда она приехала, спектакль уже начался, и она нигде не могла меня найти. Там просто ужас что творилось, полный аншлаг, ты видела?

— Да.

В итоге она пристроилась где-то в уголке. Все представление стояла на ногах. А в конце я вдруг появилась на сцене. Она видела, как я упала. Когда тело ударилось об пол, звук раздался такой, будто у меня все кости треснули. Даже в заднем ряду было слышно. Странно даже, как громко, будто не по-настоящему, будто какой-то театральный эффект. Она уж было подумала, что я умерла, и это душа с таким звуком покидает тело. Конечно, в существование душ Грейс не верит, но как еще назвать тот жуткий вопль, что вырвался у меня, казалось, не изо рта, а из всего тела? А грудная клетка при этом так провалилась, как будто меня разом покинули воздух, плоть и

кровь. Да уж, вот это было падение! Вот это шоу! Ай да я, переиграла актеров, перетянула одеяло на себя. Она улыбается. И ничего не говорит о том, что я явилась на сцену, завернутая в скатерть, и стала цитировать «Макбета». Может, списала эти странности на усталость. Мне ведь одной пришлось готовить премьеру.

— А потом еще эти доктора, — продолжает она.

— Ты их видела? — спрашиваю я.

Пульс ускоряется. Интересно, она их узнала? Она ведь видела их той жуткой ночью в подвальном зале.

— Приятные люди, — кивает Грейс, — но слишком уж напористые. И на вид слегка странные. Один был явно слишком толстым и болезненным для врача. Второй высокий, худой и довольно красивый. А третий мне чем-то напомнил продавца-прощелыгу. Кстати, он-то и болтал больше всех.

Ей в их заключение как-то не верится. С другой стороны, кто она такая, чтобы оспаривать мнение даже не одного, а целых трех специалистов?

— Верно.

— Судя по твоему виду, — продолжает она, — с тобой все в порядке, так ведь? Я имею в виду, насколько это возможно, учитывая обстоятельства.

В окне мелькает вспышка молнии.

— Учитывая обстоятельства, — тихо повторяю я.

И снова напрягаюсь. Напрягаюсь, ожидая, что боль вот-вот лесным пожаром охватит мое тело. На ногу водрузят стул. Сверху на него взгромоздится толстяк. Плоть сменит твердый цемент. Позвоночник сожмет еще более тугой, чем раньше, кулак. Сердце разобьется. Горло сдавит. А глаза ослепят слезы, которым отныне не будет конца. Но ничего не происходит. Только слегка пульсирует рана под повязкой. В теле, руках, ногах и груди ощущается небольшая тяжесть. А на сердце временами морской волной накатывает какое-то смутное ощущение — не то радость, не то печаль. И взвивается оно всякий раз, как я поднимаю глаза на сидящую напротив меня — совершенно живую! — Грейс. Она чокается со мной. И улыбается.

— Миранда, ты чего опять на меня таращишься?

Я извиняюсь. И говорю, что не хотела ее смущать. Просто я рада, что она…

— Что? — спрашивает она. — Выздоровела? Миранда, ну ты что, конечно, я выздоровела. Я же из отцов-пилигримов, не забыла?

Кажется, она совсем на меня не сердится. Но, может, она просто еще не отошла от шока? Я все жду, что она позвонит в полицию. Или ударит меня.

Но Грейс лишь смеется в алом свете.

— Миранда, я в порядке. Все хорошо.

И накрывает мою руку своей.

— Кстати, спасибо за кактусы и питахайю. Ты с этой доставкой немного хватила лишку. Но я все равно очень благодарна.

— Я так волновалась за тебя. Хотела зайти. Но…

— Но ты же заходила, разве нет? Сидела возле моей постели?

И я вспоминаю, как маячила рядом с ней во тьме и смотрела в провалы ее глаз. Она ведь не про тот первый вечер… Может, ей в жару что-то померещилось?

— Могла бы и чаще тебя навещать, — не соглашаюсь я.

— Миранда, ведь тебе нужно было готовить спектакль, — возражает Грейс. — Мне ли не знать, как оно бывает. Да и к тому же со мной было бы не очень-то весело. Я уже сто лет не болела. Должно же было когда-то и меня зацепить. В расплату за такое отличное здоровье.

Она прикуривает от свечи, и я смотрю на вишневую искорку, вспыхивающую в оранжевом пламени.

— Грейс, — говорю я, — насчет того случая здесь, в подвальном этаже…

— О, забудь. Мне стыдно, что я повела себя… Даже не знаю, как сформулировать. Так подозрительно?

Я возражаю, что у нее были причины меня подозревать.

— Грейс, я поступала ужасно. Хотелось бы мне сказать, что я этого не хотела. Но я не знаю… Может быть, и хотела. Одно могу сказать точно: мне очень жаль, что так вышло.

Грейс качает головой. И говорит, что это ей нужно просить у меня прощения. Пока она валялась больная, у нее было время подумать. И она многое поняла. Обо мне. О том, через что мне пришлось пройти. С моим бедром. И спиной.

— Что?

— С бедром и спиной. У тебя же то и другое болело, верно? Миранда, что случилось?

— Ничего. Продолжай.

— Я поняла, что не всегда вела себя наилучшим… Не знаю. Я могла бы быть добрее. Терпеливее. — Она опускает глаза на свой стакан.

А я вспоминаю, как нетерпеливо и холодно повела себя с Элли, когда она рыдала в вечер накануне премьеры. Как равнодушно смотрела на ковыляющую через зал и подволакивающую окаменелую ногу Бриану. Как скоро постановила, что она притворяется.

— Грейс, все нормально, правда, — говорю я.

— Не нормально. Прости меня, Миранда. Мне правда жаль.

И я знаю, что она не кривит душой. Знаю, потому что Грейс не может заставить себя взглянуть мне в глаза.

— В любом случае, я очень рада, что теперь тебе лучше.

Над нашими головами грохочет гром. За окном шипит дождь. По моему затылку ползут мурашки. Я смотрю на руку Грейс, накрывшую мою, и хочу рассказать ей все. Всю правду о троице, которая в любую минуту может появиться и потребовать возместить ей затраты. Всю правду о том, куда подевалась моя боль, в кого она несколько недель назад вселилась. И что там, в малом зале, я до последней минуты не хотела ее спасать. Не желала расставаться с малышкой, с гладящим меня по лицу Полом, с легким, как воздух, телом, забывшим про цемент, паутину и

кулаки. Как мучительно мне было от всего этого отказываться. А теперь я каждую секунду жду, что недуг вернется. Что все встанет на круги своя. «Как только пройдет первый шок. Этого следует ожидать».

— Я получше? — переспрашиваю я. — Не знаю… Не уверена…

— Конечно, лучше, Миранда, — настаивает Грейс. — Не стану скрывать, одно время ты меня пугала. Но теперь ты… Даже не знаю. Больше похожа на себя. На Миранду, которую я давно знаю и люблю. — Она улыбается. — И я счастлива за тебя. Надеюсь, ты простишь меня за то, что осложняла тебе жизнь.

Какая у Грейс теплая рука. Невероятно, она просит у меня прощения.

— Только если ты простишь меня, — отвечаю я.

Она сжимает мне пальцы, и я вспоминаю Элли в алом платье, которая вот так же держала меня за руку. И мне было больно. Но я не отнимала у нее руки. Не отнимаю ее и сейчас у Грейс.

— Кстати, как спектакль? — спрашиваю я.

— Ты что, не видела? — изумляется Грейс.

Мне вспоминается, как я стояла на коленях возле ее тела на малой сцене.

— Кое-что пропустила.

— О, это было прекрасно, Миранда. Бриана выступила великолепно. В роли умирающего Короля, я имею в виду. Мне, правда, показалось, она чуток переборщила. Такую немощь изобразила. Даже как-то неправдоподобно. Я уж боялась, она там на сцене и умрет. И вдруг — такое чудесное преображение. — Грейс качает головой. — Я и не знала, что ты покажешь зрителям саму сцену исцеления.

— Разве они прямо на сцене это сделали?

Вижу перед глазами заплаканное лицо Элли, шепчущей: «Сегодня я все исправлю, мисс Фитч».

— Я думала, ты знаешь, — говорит Грейс.

— Да-да, конечно. Знаю.

— Это было невероятно. Люди плакали. Я и сама плакала, можешь поверить? В жизни не видела такого поразительного преображения.

Я вспоминаю, как Бриана вошла в гримерку, здоровая и цветущая, опьяненная свершившимся чудом. Сколько робкой радости было в ее лице. Как благодарно она положила руку на плечо Элли. Сказала: «Театр исцеляет», — и улыбнулась ей, а та улыбнулась мне. «Видите, Миранда?»

— Что меня удивило, так это поцелуй, — продолжает Грейс. — Вот это ты, конечно, отважная.

— Элли и Тревор всегда в конце целовались, — возражаю я. — Это ведь вполне естественно, чтобы Бертрам поцеловал Елену.

— Нет. Я про Элли и Бриану. Они поцеловались, а потом принялись носиться по сцене, как безумные. В каком-то странном танце с прыжками и подскоками. Бриана совсем с ума сошла. Во все горло орала от радости. Должна сказать, мне даже показалось, что это уж чересчур.

Я представляю, как Бриана с Элли с хохотом выплясывают на сцене. Ведь Бриану внезапно отпустила жуткая боль. Я-то помню, каково это. Словно кто-то вдруг выключил неумолчно гудящий в твоей голове рев. И воцарилась благословенная тишина. Чудесная легкость после нестерпимой тяжести.

Тут дверь паба распахивается, и я подпрыгиваю на стуле. Оглядываюсь, ожидая увидеть, как порог переступают три тени в костюмах. Но там никого. Просто сквозняк. За окном стоит непроглядная, как бесстрастное лицо, ветреная ночь.

— Миранда, ты в порядке?

— Да-да. Прости. Что ты говорила?

— Что из Брианы вышла отличная актриса.

— Да, — повторяю я, — отличная актриса.

— Может, в итоге этот ужасный вирус и принес

ей пользу. Открыл в ней какие-то глубины.

— Может быть.

Но я вовсе не уверена, что это благо, вот что хочется мне сказать. Мы ведь не знаем, что там, на дне этих глубин. И приносят ли они кому-то пользу. Я отворачиваюсь к окну, за которым стоит кромешная мгла.

— А может, все-таки стоило поставить «Макбета».

— Не знаю, Миранда. Вообще-то, по-моему, «Все хорошо» стало нашей большой удачей. Зрители слопали, да еще добавки просили. Не говоря уж о Хьюго.

Резко отвернувшись от окна, я смотрю на ухмыляющуюся Грейс:

— Хьюго?

Сердце подскакивает в груди, даже несмотря на то, что в лицо мне бросается кровь, когда я вспоминаю о нашей последней встрече.

И Грейс рассказывает, что, когда она вошла в зал, он стоял в заднем ряду, не в силах отвести взгляд от сцены. Спектакль совершенно его заворожил. Он даже плакал в конце, во время той сцены, где Бертрам воссоединяется с Еленой. Ну той, с которой я столько мучила Тревора и Элли, той, где Бертрам каким-то чудом внезапно

осознает свою чудесную любовь к Елене, и они целуются. В этот самый момент Хьюго обернулся к Грейс, и в глазах у него стояли слезы. Слезы, можешь поверить? «А где Миранда?» — спросил он. Видела бы ты его лицо, продолжает Грейс. Беднягу словно околдовали.

— Я ответила, понятия не имею, и он отправился тебя искать.

— Правда?

Тело вдруг на мгновение становится легким, как перышко. Как в те времена, когда при виде Хьюго у меня расцветало сердце. Еще до того, как его пшеничные волосы превратились в золотисто-рыжие. До того, как его лицо стало до жути напоминать лицо Пола.

— Он, кстати, писал мне, что пытался до тебя дозвониться. Тебе бы дать ему знать, что все в порядке, — говорит Грейс. — Что ты у нас чудо ходячее.

Над нами снова гремит гром, на этот раз — как предупреждение. Грохочет, как лист жести на ветру. Рана на голени начинает пульсировать, легкость утекает во тьму. Я вспоминаю, что утопила телефон в море.

— Я, кажется, забыла мобильный в театре, — объясняю я Грейс.

— Напишу ему, что мы в «Проныре», но ты скоро поедешь домой.

Я не успеваю ее остановить, сказать, что все равно обречена. Она уже достает телефон и печатает Хьюго сообщение. Оно уходит, и мобильный тут же вибрирует у Грейс в руках. Глянув на экран, она улыбается и передает его мне.

Хьюго прислал селфи. Сидит в темноте у меня на крыльце. Рядом стоит бутылка шампанского и лежит букет лилий-звездоглядок. Вид у него усталый и взволнованный. Он очень красив и ничуть не похож на Пола.

«Передайте, что я буду ждать ее здесь сколько потребуется».

Мои губы против воли растягиваются в улыбку. А внутри вспыхивает желание — только к нему, и ни к кому больше. Как в те времена, когда он был еще только собой, весь состоял из дерева и света, и в улыбке его не таился никакой фокус.

— Наверное, вы с ним разминулись за кулисами, — говорит Грейс. — Кстати, где тебя носило? Во время спектакля?

— Мне показалось, что я услышала шум, — объясняю я. — Из малого зала.

— И что это было?

«Мой оживший ночной кошмар. Три демона

пытались заполучить мою душу. И эта буря за окном — это они ревут, требуя отмщения».

— Да просто какие-то люди дурачились в темноте, — с улыбкой отвечаю я. — Ничего серьезного.

* * *

Распрощавшись с Грейс, я подхожу к барной стойке. Пропущу пока стаканчик. Почему бы и нет? Мне все равно придется их ждать. Сбежать не получится, верно ведь? От них не удерешь. «Время пришло», — они сами сказали. Я чувствую, что они уже близко. Чувствую по тому, как потрескивает воздух. И сбивается музыка. И хлопает на ветру входная дверь. Грейс советовала мне уйти вместе с ней, встретиться с Хьюго и попросить отвезти меня в больницу. Даже предложила съездить вместе со мной. Сказала, лучше все-таки провериться. В конце концов, я ведь так грандиозно рухнула. Хоть те врачи и сказали, что я ничего не сломала, но мало ли. Нет, правда, откуда им знать? «Ну, наверное, оттуда, что они врачи», — возразила я. А потом заверила ее, что чувствую себя нормально. И что ей незачем волноваться. Пускай лучше поедет домой и отдохнет. Первое время после болезни опасно перенапрягаться. Такие гадости имеют обыкновение

возвращаться. И требовать возместить затраты. Потом я обняла ее. В последний раз вдохнула ее запах. И сказала: «Прощай, Грейс». Отпустить ее было трудно. И я долго не разжимала рук.

«А как же гроза? — спросила она. — Лучше тебе поторопиться, пока не разразилась настоящая буря».

«Да-да», — ответила я. А сама вернулась на свое место, уткнулась взглядом в стол и стала слушать завывания ветра. Она немного поколебалась, но потом все же ушла. А я подняла глаза и через силу улыбнулась. *Скоро*.

* * *

У стойки почти никого. Только чуть поодаль сидит еще одна женщина. Из колонок до сих пор звучат песни, которые поставила Грейс. Что это за мелодия? Похоже, снова играет «Я и моя тень». А может, она и не заканчивалась. Наверное, это какая-то длинная версия. Я и не знала, что она существует. Дождь теперь ревет прямо над головой. Воет ветер. Я подсаживаюсь к стойке, которую как раз освещает сверкнувшая за окном молния. Вернулся бармен. Я его здесь уже видела. Мужчина средних лет со строгими глазами и редеющими волосами. Он работал в тот вечер, когда

я впервые встретила троицу, а еще в тот, когда я узнала о существовании подвального этажа. И стала спускаться по лестнице все ниже и ниже.

Сегодня он вытирает стойку все той же грязной тряпкой. За его спиной тускло поблескивают на полках янтарного цвета бутылки. Я как раз хочу сделать заказ, но тут он отворачивается к женщине, которую от меня отделяет несколько барных стульев.

Она примерно моего возраста. В длинных черных волосах белеют седые пряди. На губах поблекшая алая помада. Бледное лицо избороздили горестные морщины. Стоит мне взглянуть на нее, как в пояснице начинает знакомо покалывать. Я ее знаю? Нет, конечно, впервые вижу. И все же в ней есть что-то знакомое. В этом ее мрачном взгляде, в изгибе алых губ. Я улыбаюсь ей. Но она меня не замечает. Смотрит прямо перед собой, в пустоту. Взгляд у нее печальный, рассеянный и остекленевший. Она явно нездорова. Потому и глаза стеклянные — от лекарств. Мне ли не знать.

Бармен улыбается ей. И она постепенно приходит в себя. Слабо улыбается в ответ, превозмогая боль. И негромко отвечает, что ей налить. Расслышать, что именно, за пением Джуди, ревом дождя

и визгом ветра мне не удается. Рокот бури и музыка слились в одну песнь. Бармен кладет перед женщиной салфетку с надписью «Проныра». А потом достает из-под стойки бутылку и наливает ей напиток. Церемонно поставив стакан на салфетку, он кланяется женщине, словно королю. И я вижу, что там, в стакане, плещется светящаяся изнутри золотистая жидкость. Золотое снадобье! Женщина благодарит бармена кивком головы, и он снова кланяется.

Я наблюдаю, как она берет стакан и подносит его к губам. На запястье у нее повязка, точно такая же, как у меня на ноге. Пригубив напиток, она зажмуривается. И я словно чувствую, как по ее жилам разливается золото. А внутри распахивается ясное лазурное небо.

Женщина блаженно улыбается.

Кто-то откашливается. Оглянувшись, вижу, что возле меня в ожидании застыл бармен. Мне он не кланяется. Не разводит никаких церемоний. Только барабанит пальцами по стойке. И нетерпеливо вскидывает брови. «Ну? Пить-то что будешь?»

Кошусь на женщину, которая горбится над стаканом, обхватив его ладонями. Золото светится меж ее пальцев. И улыбается она все шире.

— Золотое снадобье, — внезапно произносит мой собственный голос.

Ну а что, почему бы и нет? Может, оно мне поможет. Оттянет неизбежное.

Бармен с минуту меряет меня взглядом. А потом отвечает:

— Мы убрали его из меню. Это была ограниченная партия. Разовое предложение.

— Что? Но ей же вы только что…

— Ограниченная партия, — перебивает он. — Разовое предложение.

Я гневно смотрю на него. А он, нисколько не смущаясь, пялится на меня в ответ.

— Тогда скотч, — сдаюсь я.

Он быстро наливает виски в приземистый стакан и запускает его по стойке в мою сторону. Приходится ловить его обеими руками, чтобы не соскользнул на пол.

Я разглядываю пятнистый стакан, в котором плещется тускло-янтарная жидкость. Бармен налил виски до самой кромки. Что ж, зато щедро. Наверное, думает, что я праздную. Что же я праздную?

Ветер за окном воет все громче. Кажется, будто это кричит человек. Да не один, а целых трое.

Гром грохочет так, что весь паб содрогается. Я

оборачиваюсь на дверь. Ничего. Пока. Вдруг из моих волос выпадает маленький лиловый цветок и шлепается в стакан. Элли, да сколько же цветов в твоей смеси для ванны?

«Может быть, она вас спасла, Миранда».

Я разглядываю цветок, который плавает в виски, словно муха. Хочу выудить его, но что-то меня останавливает. Эти крошечные лепестки… Я вспоминаю, как малышка Элли вручила мне такой же в подарок. И, оставив цветок в стакане, делаю большой глоток. По телу пробегает смутная теплая волна. Все чувства притупляются. Становятся более тусклыми, сглаженными. Как будто кто-то медленно приглушает свет. А стрелка на циферблате все крутится, крутится. Ну вот. Так-то лучше, правда?

Кошусь на сидящую поодаль женщину. Взгляд у нее теперь затуманенный, трепещущие веки то смыкаются, то раскрываются. Она совсем ушла в себя. Потерялась под распахнувшимся внутри голубым небом. Бредет по освещенной солнцем, сулящей счастье воображаемой дороге. И каждый глоток заводит ее все дальше и дальше. А ведь это темная тропка, теперь я это точно знаю. Какой бы солнечной она тебе ни казалась. Какие бы прекрасные цветы ни росли по обеим ее сто-

ронам. Яркие, гипнотизирующие… Женщина не замечает разыгравшейся бури. Не чувствует, что пол дрожит у нас под ногами. На стойке подпрыгивают стаканы. Дребезжат янтарные бутылки на полках. А висящая под потолком безголовая статуя отчаянно бьется в веревочной паутине. Как бы мне хотелось уйти отсюда. Поехать домой, к Хьюго, который, словно в сладком сне, ждет меня на крыльце. Оказаться по ту сторону. *«Но никакой той стороны нет, мисс Фитч»*.

В музыкальном автомате вдруг что-то щелкает. Включается новая песня. Снова Джуди. Но на этот раз не «Я и моя тень». Теперь она поет о другом. О том, что нужно раздобыть себе счастье. Ведь солнце светит так ярко. И судный день уже не за горами.

Буря молотит кулаками по стенам и дверям. «Тук-тук-тук». Завывает и бьется, завывает и бьется. Я изо всех сил вцепляюсь в барную стойку. И смотрю на бармена, но ему, кажется, и дела нет. Он все так же протирает тряпкой стакан, будто все остальные стаканы и бутылки уже не валятся со звоном на пол. Будто столы и стулья не раскидало по трясущемуся, как в лихорадке, бару. А может, он такое уже видел. Вот почему так и будет до конца времен стоять среди осколков

и оттирать пятно, которое никогда не ототрется. Сидящая поодаль женщина улыбается своему отражению в треснувшем зеркале у него за спиной. Она все еще идет по освещенной солнцем дороге под ясным лазурным небом.

Ближайшее к нам окно разлетается вдребезги. Нужно найти укрытие, но я отчего-то не могу пошевелиться. Застыв на месте, смотрю, как в бар вползает ревущий ветер, словно туман запустил сюда свое щупальце. Он взметает мне волосы. Кулаком колотит по обнаженной спине. Глянув в разбитое зеркало, я вижу, как он сгущается вокруг меня, закручивается воронкой, будто дым. Вот оно, вот оно. Все мое тело заполнила теперь холодная мгла. Вползла в глаза, в уши, в рот, который, должно быть, кричит, только я ничего не слышу. Кроме трех голосов в своей голове. Низких, глубоких, огнем потрескивающих сквозь счастливый рев Джуди и завывания бури. «Колесо, мисс Фитч, колесо. Оно всегда крутится. И, сделав круг, возвращается к началу». Вижу в зеркале, как дым обвивается вокруг моей шеи. А цветы в волосах вдруг вспыхивают, как угольки. Цветочное пламя венчает мою голову. Закрываю глаза. Я ничто. Пустынный вопль. Каждая моя клетка обернулась ревущей тьмой.

И вдруг.

Ветер стихает.

Гром умолкает.

Дождь унимается.

И музыкальный автомат перещелкивается на новую песню. Джуди больше не призывает раздобыть себе счастье. Снова печально поет о тенях. И в воздухе знакомо звенят струны. Все кончилось. Буря ушла, ушла из паба, ушла от меня. И холодную тьму унесла с собой. А я все еще здесь. Открываю глаза, в которых теперь стоят слезы. И вижу себя в разбитом зеркале, сидящую в разоренном баре. Голову мою не венчает цветочное пламя, а горло не обволакивает дым. В растрепанных волосах пестреют крошечные цветы. Руки сжимают чудом уцелевший стакан со скотчем. А на заплаканном лице сияет улыбка. Не та, беззаботная, искрящаяся улыбка молодой женщины со старой театральной программки, другая. Мои глаза не сияют, как звезды, нет больше никакого ослепительного неведения. Теперь мое лицо тоже светится, но иначе. Оно словно говорит: я многое перенесла, но выжила. Я знаю, что такое радость, и знаю, что такое боль. Знаю то и другое.

Сидящая поодаль женщина теперь смотрит на

меня. И улыбается, словно ничего не заметила, словно взглянула на меня впервые.

И в пояснице у меня что-то вспыхивает. Искорка знакомого огня. Я улыбаюсь женщине в ответ.

Она салютует мне стаканом с золотым снадобьем.

А я поднимаю свой, в котором плещется скотч и плавает засохший цветок. Но погодите-ка, он больше не засохший. Наоборот, кажется, он только что распустился. Виски из-за него теперь светится розовым и мерцает зеленоватыми искорками. Я вспоминаю, как стояла в морских волнах. А в черной воде пестрели цветные пятнышки. Что это было? Волшебство? Магия, которая меня спасла? Или просто фокус? Игра света?

Благодарности

Спасибо моим родителям Джеймсу Аваду и Нине Милошевич, моим дорогим друзьям и читателям Рексу Бейкеру, Александре Димоу, Лоре Симз, Крису Бушеру, Эмили Каллитон, Терезе Кармоди, Урсуле Вильереаль-Мура и МакКормику Темплмену за поддержку. Особая благодарность Джесс Рили, без дружбы, веры и таланта которой я бы просто пропала.

Спасибо моему великолепному редактору Мориси Риччи за то, что благодаря своей интуиции и оригинальным идеям помогла сделать эту книгу лучше. А также моему канадскому редактору и издателю, единственной и неповторимой Николь Уинстенли из Penguin Canada. Очень вам благодарна за обратную связь, преданность и поддержку. Спасибо Крису Уайту из Scribner UK за то, что подарил «Все хорошо» дом мечты по ту сторону пруда.

Спасибо всей невероятной команде Simon & Schuster и Penguin Canada: Энн Тейт Пирс, Элизабет Бриден, Заку Кноллу, Британи Адамс, Хане Парк, Стиву Майерсу и Мередит Пэл.

Спасибо моим коллегам, студентам и друзьям по Сиракузскому университету. Благодарю Джорджа Сандерса, Мэри Карр, Дану Спиотту, Джона Ди и невероятную Димфну Каллаган за то, что прочли эту книгу первыми и сразу же оказали мне свою поддержку. Спасибо Джеффу Паркеру и моим бывшим студентам с факультета изящных искусств Амхерстского университета Массачусетса за то, что во время работы над книгой я могла заниматься еще и любимым делом. И за еженедельные поездки в Бостон, во время которых мне удавалось помечтать.

Спасибо Джули Славински из Warwick's (и вообще всему Warwick's) за то, что снабжала меня великими книгами, пока я трудилась над этим романом в Ла Хойе. И Анджеле Стерлинг за то, что предоставила мне для работы уютный дом.

Спасибо великолепным новаторским постановкам Шекспира, из которых я черпала вдохновение: панчдранковской «Не надо больше спать» в Нью-Йорке, экранизации «Макбета» 2010 года Руперта Голда, великолепному аудиоспектаклю «Макбет» Алана Камингса и замечательному спектаклю «Королевской Шекспировской компании» «Все хорошо, что хорошо кончается» в постановке Джона Дава.

Моя искренняя благодарность пабам, которые помогли мне создать демонического «Проныру»: «Проныре» и «Бару Беннетов» в Эдинбурге, Шотландия, «Рокафелласу» в Салеме, штат Массачусетс, и «Ирландскому уюту» в Денвере, штат Колорадо.

Спасибо всем из Clegg Agency — Саймону Тупу, Дэвиду Кэмбу и Марион Даверт — и Бруку Эрлиху из Anonymous Content за тяжелый труд и преданность моей книге.

Как всегда, бесконечная благодарность моему мудрейшему агенту Биллу Клеггу за то, что он самый лучший в мире читатель и группа поддержки, о которой можно было только мечтать.

Последним, но не по значению, хочу поблагодарить Кена Калхауна, которому эта книга посвящена и без которого она никогда не появилась бы на свет.